



Москва

---

Издательский дом «Звонница»  
2002

*Крестьянам России —  
кормильцам и защитникам нашей Родины  
посвящается*

---

**Николай Тепцов**

---

**В ДНИ ВЕЛИКОГО  
ПЕРЕЛОМА**

---

*История коллективизации,  
раскулачивания  
и крестьянской ссылки  
в России (СССР)  
по письмам  
и воспоминаниям  
1929—1933 годы*

Москва

---

Издательский дом «Звонница»  
2002

УДК 947.084.62  
ББК 63.3(2)615  
Т 34

Научный редактор  
*Валерий Миронов*

Художественное оформление  
*Елена Ененко*

Тепцов Н.В.

**Т 34** В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях: 1929—1933 гг. — М.: Издательский дом «Звонница», 2002. — 416 с., ил.

ISBN 5-88093-068-8

Книга является документально-публицистическим произведением, в котором впервые история «великого перелома» крестьянской России (СССР) в 1930-е годы излагается устами непосредственных участников и очевидцев тех событий, а также их потомков. Центральное место в книге занимают письма, заявления, жалобы крестьян и их детей, сельских учителей, красноармейцев, служащих, пострадавших от необоснованных репрессий. Значительный интерес представляют воспоминания и размышления наших современников о судьбах и путях развития сельского хозяйства, об отношениях собственности на землю, о духовно-нравственном возрождении российского крестьянства.

Издание рассчитано на массового читателя.

УДК 947.084.62  
ББК 63.3(2)615

© Тепцов Н.В., 2002  
© Художественное оформление.  
Издательский дом «Звонница»,  
2002

ISBN 5-88093-068-8

## СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Россия изначально была страной земледельческой, и с давних времен неразрывная связь российского человека с землей и природой обрела особый смысл, стала уникальным явлением в мировой цивилизации. Крестьянский труд не только давал необходимую для существования людей сельскохозяйственную продукцию. Не в меньшей, а может быть решающей степени он служил основой всего уклада жизни, философии и культуры сельских жителей. Ни в одной стране мира не было такого разнообразия народного творчества, культурно-обрядовых традиций и ритуалов, связанных с земледельческим трудом, как у проживавших на бескрайних российских просторах народов — будь то русские, украинцы, белорусы, мордвины, татары, осетины и т.д. В них нашли отражение взгляды на природу и попытки воздействовать на нее, повседневные думы и заботы крестьянина о хлебе насущном, об урожае, от которого зависело благополучие всей его семьи.

Но не хлебом единым жив человек — гласит старинная мудрость. Многогранная крестьянская жизнь (свадьбы, проводы на войну, возведение жилища, сенокос, жатва, религиозные праздники) непременно сопровождалась глубокими по нравственности и житейскому смыслу обрядами, песнями, хороводами, потешными играми. И все это — окружающая природа, земледельческий труд, вековые традиции, самобытная культура и нравственно-психологический уклад, философское осмысление бытия (свойственное, пожалуй, только нашему крестьянину) — слилось в единое целое, называемое сельским миром.

Как это происходило, покажем на небольшом, но характерном примере из жизни наших предков. Так, весенний цикл обрядов у земледельцев начинался уже в святочные вечера, когда еще бушевали метели и трещали морозы. Но особенно торжественно встречали весну, которая несла свет, тепло, пробуждение всей природы, надежду на добрый урожай. Крестьяне считали, что приход весны можно ускорить, выполнив определенные обрядовые действия. Выпекали из теста фигурки птиц (обычно жаворонков). Девушки и дети взбирались на крыши домов, сараев, на поленницы, на деревья и с высоты закликали весну. В песнях-веснянках просили «закрыть зиму холодную», «отпереть лето теплое».

В Егорьев день (23 апреля — день святого Егория храброго, Егория вешнего; олицетворение начала весны) впервые после зимы выгоняли скот на пастбища, похлестывая животных ветками вербы, которая по народным поверьям обладает магической животворящей силой. Этот праздник был преимущественно мужским. Мужчины обходили поля, закликая Егория уберечь скот от падежа и болезней, от зверья и сглаза. Вот как пели крестьяне Костромской губернии:

Мы вокруг поля ходили  
Егория окликали,  
Макария величали.  
Егорий, ты наш храбрый!  
Макарий преподобный!  
Ты спаси нашу скотину  
В поле и за полем  
В лесу и за лесом,  
Под светлым месяцем,  
Под красным солнышком,  
От зверя хищного,  
Медведя лютого.

А день 26 апреля был праздником Степана-ранопашца — начало самой ранней вспашки полей под посев яровых хлебов. Закончив пахоту и сев, крестьяне продолжали трудиться не покладая рук до созревания полевых и огородных культур. И, наконец, наступал самый долгожданный и радостный день — уборка урожая. Трем этапам жатвы соответствовали три вида песен: зажиночные — в начале

уборки урожая; собственно жнивные — во время полевых работ; дожиночные — пелись по окончании жатвы. В конце уборки хлеба в поле оставляли немного колосьев («бороду») и завивали несжатый пучок, или, пригнув его к земле, закапывали вместе с хлебом и солью. И вот апофеоз крестьянского труда: последний сноп украшали и несли в дом, начинались праздничные торжества.

Этот экскурс в далекое прошлое дает наглядное представление о том, насколько глубоки и прочны связи человека с землей и окружающей его природой, на какую небывалую духовную и нравственную высоту восходят люди земледельческого труда и в чем заключается жизненная сила и неистребимость крестьянства...

Постепенно Россия вставала на промышленные рельсы. Часть крестьян покидала родные места и оседала в городах. Многие из них становились мастерами, рабочими, художниками, врачами, торговцами, военными и т.д. Но их крестьянская суть мало в чем менялась. Может быть, в этом и заключается источник загадочности «русской души», определяющий могущество нашей державы? Ведь сколько было трагедий: нашествие полчищ Батыея, Смутное время, гражданская война, раскулачивание, репрессии, фашистская агрессия... Но каждый раз страна вставала из пепла, изгонялись захватчики и предатели, возводились новые города и села, расцветали культура, наука, образование.

И это происходило благодаря тому, что люди от земли, из провинции всегда проявляли энергию, природный ум и жизненную смекалку, необычайное трудолюбие и бескорыстное самопожертвование во имя интересов необъятной России. Михайло Ломоносов, Георгий Жуков, Юрий Гагарин и миллионы других именитых и безвестных выходцев из крестьян принесли нашей Родине мировую славу, творили ее могущество.

Вот почему в наше неопределенное, зыбкое и драматическое, а скорее всего — трагическое время так важно по-новому осмыслить, осознать, призадуматься о сути событий «великого перелома», когда впервые чуждыми нашему народу силами была предпринята попытка «раскрестьянить» великую крестьянскую страну. Судите сами. В 1928 году, накануне «великого перелома», население Советского Союза на 80 процентов состояло из крестьян. Около 20 процентов — рабочие, служащие, торговцы,

духовенство и т.п. Да и они практически все имели крестьянские корни. Имушие люди и аристократы в большинстве своем эмигрировали за границу или погибли в гражданскую войну. По существу, ликвидация крестьянства, если бы она удалась, означала бы уничтожение России как срединного великого государства, которое на протяжении многих столетий являлось непреодолимой преградой для притязаний и устремлений со всех сторон, особенно с Запада.

Не получилось! Большинство организаторов и исполнителей «великого перелома» погибли в ими же созданных застенках. А «колхозный строй» вобрал в себя лучшие традиции и черты общинности и коллективизма российского крестьянства. Никто не может опровергнуть того факта, что без самоотверженного труда колхозников не было бы Победы в Великой Отечественной войне, ядерной бомбы, покорения космоса, лучших в мире образования и науки. Колхозный способ организации производства и жизненного уклада нашего крестьянства в 1970-е и начале 1980-х годов стоял на пороге крупных прогрессивных перемен. И он резко пошел бы в гору, если бы не искусственное и целенаправленное насаждение чуждой нам западной «фермеризации» вслед за массовой деколлективизацией (заметим по этому поводу, что речь идет не только о сломе колхозов как формы хозяйствования. Гораздо страшнее другое: делается попытка вытравить у наших крестьян чувство общинности, привычки к коллективному труду и совместному отдыху, внедрить взамен эгоистичный индивидуализм.)

Но вернемся к «великому перелому». В ходе «массовой коллективизации и раскулачивания» были основательно потрясены демографические, социальные и духовные устои нашего народа. Это коснулось практически каждой советской семьи. Последствия «великого перелома», как отзвуки далекой грозы, ощущаются до сих пор. Что тогда случилось и как этого не повторить в будущем? Об этом, казалось бы, говорят многочисленные научные книги, художественные произведения, статьи ученых и специалистов, рассуждения теле- и радиокомментаторов.

Однако сейчас история пишется не только за стенами академических учреждений, архивных хранилищ и библиотек, в телестудиях, на журнальных и газетных страницах. Простые люди становятся летописцами, исследо-



вателями, аналитиками. И это чрезвычайно отрадно. Ведь народная память сохранила такую информацию, которая в ряде случаев не могла отложиться в документах. Скажем, о великом голоде 1932 — 1933 годов под страхом строжайшего наказания запрещалось упоминать не только в печати, но и на различных совещаниях, собраниях, съездах, а сельсоветские книги записей актов гражданского состояния, в которых фиксировали умерших от голода, уничтожались органами «охранки» в лице ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление). Немало людей пострадало из-за того, что вели «тихие» разговоры на запретную тему.

Но слишком глубоки и прочны связи исторической памяти с жизнью нескольких поколений людей, чтобы предать забвению «неудобные» события. Кто-то сам был очевидцем и участником коллективизации и раскулачивания, а кто-то запомнил рассказы отцов и дедов. Конечно, все это прошло не только через умы, но и через сердца, оплавилось в горниле чувств. Но от этого подлинная научная ценность таких свидетельств вовсе не снижается. Наоборот, они составляют как бы «атомы», частички исторического полотна, утраченные или сознательно спрятанные в спецхранах и иных тайных хранилищах архивов и библиотек. «Живые голоса», запечатленные в письмах, жалобах, воспоминаниях и тому подобных документах, наполняют животворящим «соком» бесстрастные факты и цифры, сухие строки официальных бумаг.

Вот почему, задумывая книгу, автор взял за основу эти «живые голоса». Простые люди говорят о НЭПе, коллективизации и раскулачивании, о голоде 1932 — 1933 годов, концентрационных лагерях (спецпоселках) для ссыльных крестьян и других малоизвестных или совсем неизвестных событиях и фактах.

В книге приводятся письма или выдержки из них крестьян, учителей и других людей, ввергнутых в водоворот событий «революции сверху» и пытавшихся донести правду до «верхов», найти там заступников и справедливых судей. Как правило, в этих письмах выражались неподдельные мысли и настроения, содержались объективные, реалистические оценки происходившим в стране событиям. При всей непохожести характеров крестьянских корреспондентов, широчайшем диапазоне их мнений и суждений, оценок и точек зрения, различных географических

районов и национальных особенностей, в их письмах сфокусированы типичные события и процессы. Информационно-статистические отделы соответствующих органов, в том числе ОГПУ, составляли из писем аналитические обзоры для последующего доклада в вышестоящие инстанции, благодаря чему они дошли до наших дней.

В книге обстоятельно использованы воспоминания и размышления наших современников. Они как бы связывают «живым мостом» разделенные десятками лет людские судьбы.

Все это в совокупности призвано дать по возможности цельное представление о «великом переломе», изложить историю «революции сверху» на основе информации самих пострадавших крестьян и их потомков.

В книге использованы материалы из личного архива автора, Государственного архива Российской Федерации (фонды ЦИК СССР и ВЦИК), Российского государственного архива экономики (фонд Наркомзема СССР) и архива Отдела истории КПСС бывшего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

\* \* \*

Автор выражает искреннюю благодарность известным историкам В.В.Журавлеву и В.А. Козлову, которые оказали ценную помощь при создании этой книги. Кропотливую работу над подготовкой книги провела моя дочь Россия Тепцова.

Издание увидело свет благодаря поддержке Международной общественной организации «Вымпел» и Государственного унитарного предприятия г. Москвы «Московское качество».

---

## РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

---

### КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ — КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

*«Андрей достал из папки лист. — Собрание бедноты постановило тебя, гражданин Фрол Дамасков, выселить из дома, конфисковать твое имущество и скот. Так что ты кончай, полуднуй и выгружайся из дому. Зараз мы произведем опись имущества.*

*— Это почему же такое? — Кинув ложку, Фрол встал.*

*— Уничтожаем тебя как кулацкий класс, — пояснил ему Демка Ушаков».*

Михаил Шолохов. «Поднятая целина»

*«...Что с попом, что с кулаком —  
Вся беседа:  
В брюхо толстое штыком  
Мироеда!»*

Демьян Бедный. «Проводы»

7 ноября 1929 года на страницах газеты «Правда» И.В. Сталин объявил «о коренном переломе» в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого *индивидуального* хозяйства к крупному и передовому *коллективному* земледелию...». Тем самым был окончательно определен курс на слом новой экономической политики и создание колхозной модели аграрного строя.

Тотальное наступление на крестьянство началось с того, что состоявшийся 10 — 17 ноября 1929 года Пленум ЦК ВКП(б)\* обосновал линию на переход к политике «ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллек-

---

\* Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

коллективизации». Для этих целей 5 декабря того же года была образована комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством наркома земледелия Я.А. Яковлева (наст. фам. Эпштейн). Ей было поручено подготовить проект постановления о темпах коллективизации в различных районах СССР. В состав этой комиссии вошли секретари партийных организаций: Северо-Кавказского края — А.А. Андреев, Средне-Волжского края — М.М. Хатаевич, Нижне-Волжского края — Б.П. Шеболдаев, Казахстана — Ф.И. Голощекин, Центрально-Черноземной области — И.М. Варейкис, Московской области — К.Я. Бауман, от ЦК КП(б) Украины — генеральный секретарь С.В. Кошиор. В комиссию были также включены ответственные работники информационного отдела и отдела по работе в деревне ЦК ВКП(б), СНК РСФСР, Госплана СССР, Народного комиссариата земледелия, Колхозцентра, Народного комиссариата торговли, Хлебоцентра и профсоюзам. Для выработки конкретных предложений о проведении сплошной коллективизации комиссия организовала восемь подкомиссий, в том числе и по вопросу о кулачестве. Эта подкомиссия при подготовке своих предложений исходила из необходимости реализации установки на «ликвидацию кулачества как класса».

Уже 14—15 декабря комиссия рассмотрела рекомендации, выработанные подкомиссиями, а 18 декабря обсудила и утвердила подготовленный проект постановления и 22 декабря внесла его в Политбюро ЦК ВКП(б). В проекте постановления говорилось, что с переходом к сплошной коллективизации такая мера борьбы с верхними слоями крестьянства (кулаками), как недопущение их в колхозы и исключение из колхозов, недостаточна, и что якобы сама жизнь поставила вопрос о ликвидации кулачества, об экспроприации всех его средств производства, то есть о раскулачивании.

В качестве практических мер по отношению к «кулаку» комиссия вынесла ряд рекомендаций. Во-первых, проводить в районах сплошной коллективизации на основе постановлений сельских сходов и местных съездов Советов экспроприацию всех средств производства раскулачиваемых крестьянских хозяйств и их передачу в неделимый фонд колхозов. Во-вторых, высылать и выселять по постановлению сельских сходов и сельсоветов тех крестьян, которые будут оказывать активное сопротивление уста-

новлению новых порядков. В-третьих, включать в состав колхозов, как рабочую силу и без предоставления на ближайшие годы избирательного права, тех раскулаченных крестьян, которые согласны подчиниться и добросовестно исполнять все обязанности членов колхоза.

25 декабря проект постановления был вынесен на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б). В связи с замечаниями И.В. Сталина обсуждение было отложено и проект был возвращен в комиссию для переработки. В частности, Сталин сократил сроки коллективизации в ведущих зерновых районах, исключил из проекта положение, устанавливающее степень обобществления крестьянского скота и инвентаря, и т.д. Как потом показали события, эти поправки дали основание для развертывания бесконтрольного и неограниченного произвола в ходе сплошной коллективизации. Спустя два дня, выступая на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов с речью «К вопросам аграрной политики в СССР», вождь публично объявил о новом повороте «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса».

3 января 1930 года переработанный проект был вновь внесен комиссией в Политбюро ЦК ВКП(б). На следующий день Сталин вместе с Яковлевым отредактировали его, и он сразу же был разослан членам Политбюро. 5 января Политбюро утвердило проект постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», и он был опубликован в печати. Тем самым сигнал к проведению сплошной коллективизации и раскулачивания был дан. На местах началось полным ходом осуществление этой политики, и волна бесконтрольного насилия захлестнула многие районы страны.

Лишь 15 января 1930 года для разработки конкретных форм и методов раскулачивания Политбюро образовало комиссию во главе с секретарем ЦК ВКП(б) В.М. Молотовым. Комиссия незамедлительно приступила к выработке проекта соответствующего постановления. К 26 января проект был подготовлен и передан в Политбюро. 30 января ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое в тот же день было доведено до местных партийных организаций. В нем предписывалось в

указанных районах отменить аренду земли, запретить применение наемного труда, конфисковать у «кулаков» средства производства, скот, хозяйственные постройки и т.д. Против крестьянских хозяйств, отнесенных к «кулацким», предусматривалось применять следующие меры:

а) контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и антисоветских мятежей арестовывались, заключались в исправительно-трудовые лагеря. По отношению к ним могла применяться высшая мера наказания;

б) крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации, подлежали выселению из районов сплошной коллективизации в северные и отдаленные районы страны;

в) остальная часть кулаков расселялась в пределах района на новых, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов, землях.

Было дано также указание, что количество ликвидируемых по каждой категории крестьянских хозяйств «должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств» и не должно превышать в среднем 3 — 5 процентов всех крестьянских хозяйств. По примерным подсчетам комиссии, крестьянских хозяйств первой категории в зерновых районах имелось 60 тысяч, а второй категории — 150 тысяч. Одним росчерком пера была определена квота на 210 тысяч «государственных преступников».

Под эту разнарядку, спущенную сверху, стали подгоняться живые люди, неважно, виноваты они или нет, лишь бы сошлась бухгалтерия. Из-за опасения, что волнения крестьян в связи с раскулачиванием могут перекинуться на армию и промышленные центры, было запрещено раскулачивать семьи красноармейцев и командного состава РККА, а также крестьян, члены семей которых длительное время работали на фабриках и заводах.

В законодательном порядке переход к политике «ликвидации кулачества как класса» был оформлен постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». В развитие этого постановления 3 февраля СНК СССР принял протокольное постановление, обязывавшее СНК РСФСР совместно с ОГПУ в двухнедельный срок разработать и

представить на утверждение проект постановления о расселении высылаемых в отдаленные местности РСФСР крестьянских семей и об использовании их на работе. Одновременно Наркомзему СССР и Колхозцентру было поручено в трехдневный срок разработать директивы, вытекавшие из постановления СНК и ЦИК СССР от 1 февраля, и инструкцию о ликвидации кулачества, передав ее текст на места по телеграфу.

Эта инструкция была разработана и от имени ЦИК и СНК СССР 4 февраля разослана на места. Инструкцией предусматривалось, что «конфискация имущества у кулаков производится особо уполномоченными районных исполнительных комитетов с обязательным участием сельских советов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов». Указывалось также, что «при конфискации у кулаков имущества им должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые простейшие средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов». 20 февраля ЦК ВКП(б) принял также постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах».

Однако все эти документы пришли на места, когда раскулачивание уже приняло такие размеры и формы, что направить этот процесс в рамки, ограниченные постановлениями, оказалось практически невозможным. Процент раскулаченных крестьянских хозяйств значительно превысил норму, установленную документами. Помимо районов сплошной коллективизации, раскулачивание охватило все области, края и республики. В январе и особенно в феврале раскулачиванию подверглись не только верхние (зажиточные) крестьянские хозяйства, но также хозяйства середняков и даже бедняков. В ряде районов Нижегородского края число раскулаченных достигло 37 процентов всех крестьянских хозяйств, в Центрально-Черноземной области — 15 процентов. В Хоперском округе Нижне-Волжского края раскулачили 10 процентов крестьянских хозяйств. Кулацкими на 100 процентов объявлялись некоторые села и деревни.

Для проведения операций по раскулачиванию в краях, округах, районах и селах создавались специальные комиссии, которые были обязаны устанавливать катего-

рии «кулацких» хозяйств, составлять списки крестьян, подлежащих раскулачиванию, проводить учет и передачу имущества и средств производства раскулаченных колхозам и финансовым органам.

Однако на практике раскулачивание было проведено в несудебном порядке, в полном противоречии с действующей Конституцией. В районах создавались «тройки» (в составе первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника местного органа ОГПУ), которые подменяли функции судебных органов. На местах, непосредственно в селах, деревнях, хуторах и т.д., раскулачивание, как правило, проводили уполномоченные, возглавлявшие актив бедноты. Крестьяне подвергались репрессиям не на основе законодательных актов, судебных решений, а по списку, составленному уполномоченным или спущенному из района.

В стране создалась взрывоопасная политическая ситуация. Повсюду вспыхивали массовые волнения, переходившие нередко в вооруженные выступления. С целью разрядки напряженности 2 марта в газете «Правда» была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», а 14 марта ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». В нем говорилось: «Поступившие в феврале месяце в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение».

Раскулачивание временно было приостановлено. Однако с февраля — марта 1931 года началась новая волна раскулачивания. Для руководства и контроля за осуществлением мероприятий по ликвидации «кулачества как класса» 11 марта ЦК ВКП(б) образовал специальную комиссию во главе с заместителем председателя СНК СССР А.А. Андреевым. Комиссия рассматривала вопросы, связанные с определением численности выселяемых крестьян-



янских семей, удовлетворением заявок хозяйственных организаций на рабочую силу и т. д.

С весны 1932 до осени 1933 года прошла еще одна волна раскулачивания. В этот период раскулачивание проводилось в основном под руководством политотделов совхозов и МТС. На январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) была дана установка: «Вся массово-политическая, организационно-партийная и воспитательная работа политических отделов МТС и совхозов должна быть направлена к тому, чтобы окончательно парализовать влияние классового врага в колхозе и совхозе и добиться преодоления мелкобуржуазных пережитков и собственнических тенденций вчерашнего единоличника-собственника, сегодняшнего колхозника».

2 июля 1934 года на совещании по коллективизации Сталин конкретизировал задачи и методы ликвидации оставшихся вне колхозной системы индивидуальных крестьянских хозяйств. Он призвал руководящих партийных и колхозных работников «начинать наступать на единоличника». Основным методом «разьединоличивания» вождь назвал экономический и административный нажим. Для этого он предложил использовать повышенные налоговые ставки, запрещение аренды и т. п. «Их надо, — инструктировал Сталин, — в порядке экономических и финансовых мероприятий воспитать, перевоспитать и дать понять, они это поймут, что им выгоднее в колхозе, чем в индивидуалах находиться; выгоднее индивидуальное хозяйство бросить и пойти в колхоз».

В последующие годы наступление на единоличника было тесно увязано с ликвидацией «остатков кулачества». При этом следует отметить, что репрессии против крестьян не исчезли с завершением сплошной коллективизации. Они продолжались в 1937 году в ходе выявления «кулацких банд», в 1939 — в процессе ликвидации хуторов, а затем после войны на территории прибалтийских республик и западных областей Украины и Белоруссии.

Раскулачивание проводилось в неразрывной связке с ускоренным созданием коллективных хозяйств (колхозов). Выполняя решения ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б), комиссия А.Я. Яковлева уделила основное внимание темпам коллективизации. Выработанный ею проект постановления предлагал решить задачу коллективизации «огромного большинства крестьянских хозяйств» на

протяжении первой пятилетки: в основных зерновых районах за 2 — 3 года, в потребляющей полосе — за 3 — 4 года. Завершение коллективизации в экономически отсталых национальных республиках отодвигалось на вторую пятилетку. Комиссия рекомендовала считать основной формой колхозного строительства сельскохозяйственную артель, в которой «коллективизированы основные средства производства (земля, инвентарь, рабочий, а также товарный продуктивный скот), при одновременном сохранении в данных условиях частной собственности крестьянина на мелкий инвентарь, мелкий скот, молочные коровы и т.д., где они обслуживают потребительские нужды крестьянской семьи». Намечались конкретные принципы и порядок образования неделимых фондов и оборотных средств в колхозах и т.п.

Зерновые районы были разграничены на две зоны по срокам завершения коллективизации. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были в основном завершить коллективизацию «осенью 1930 года или во всяком случае весной 1931 года», а остальные зерновые районы — «осенью 1931 года или во всяком случае весной 1932 года».

Однако под сильнейшим нажимом сверху не только в передовых зерновых районах, но и в Черноземном центре, в Московской области и даже в республиках Востока выносились решения завершить коллективизацию в течение весенней посевной кампании 1930 года.

В январе — феврале создание колхозов достигло наибольшего размаха. Процент коллективизации рос стремительными темпами. К началу января 1930 года в колхозах числилось уже свыше 20 процентов крестьянских хозяйств, а в марте — 50.

Крестьяне упорно сопротивлялись насильственной коллективизации. Однако генеральная установка на сплошную коллективизацию оставалась незыблемой. XVI съезд ВКП(б), состоявшийся в июне — июле 1930 года, констатировал, что «истекшие со времени XV съезда партии 2 1/2 года были периодом величайшего перелома в развитии сельского хозяйства СССР». Съезд подчеркнул далее: «Кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление победоносному продвижению коллективизации. Ликвидация кулачества как класса потребует длительной упорной борьбы с кулаком, систематической работы над

прореализацией коллективизации и должна развертываться в полном соответствии с осуществлением сплошной коллективизации и как ее неразрывная часть».

С осени 1930 года началась новая волна создания колхозов. Только за последние три месяца этого года в колхозы было объединено более миллиона крестьянских хозяйств. К середине 1932 года намеченные планы сплошной коллективизации практически были завершены. Число колхозов перевалило за две сотни тысяч, охватив более 60 процентов крестьянских хозяйств. К середине 1934 года было коллективизировано уже 71,4 процента крестьянских хозяйств. В 1940 году удельный вес единоличных хозяйств в посевных площадях сократился до 1 процента, в колхозах было объединено 96,9 процента крестьянских дворов. Итак, установка Сталина — «нажать всю на развитие крупных хозяйств в деревне типа колхозов и совхозов, стараясь превратить их в хлебные фабрики для страны...» была реализована.

Можно с полным основанием утверждать, что под лозунгом сплошной коллективизации проводилась как раз антиколхозная политика. Были упразднены возникшие сначала Колхозцентр СССР и колхозсоюзы на местах. Как в центре, так и на местах все управление колхозами перешло к государственным органам. В этих целях был образован объединенный Народный комиссариат земледелия Союза ССР. На него, в частности, возлагалось общее, а в ряде случаев и «оперативное руководство посевными и уборочными кампаниями». Аппарат и функции Наркомзема в течение 30-х годов не раз усложнялись и расширялись. Свернул свою деятельность Всесоюзный совет колхозов, отменялись конференции колхозников.

«Железные» методы администрирования, принуждения и командования пришли на смену экономическим. Производственные планы колхозов заменили разверсткой государственных заданий, диктуемых из Центра. Организация производства в колхозах «от» и «до» была строго регламентирована и централизована. Особое внимание уделялось формированию структуры контрольных органов. Функции районного земельного отдела сводились к составлению и доведению до колхозов многочисленных директив. Созданному аппарату районных уполномоченных Наркомата заготовок поручили устанавливать урожайность и планы заготовок сельхозпродукции. Финансовую дея-

тельность колхозов контролировали соответствующие органы райисполкома и Госбанка. МТС осуществляла контроль за взаиморасчетами натурального и финансового характера. Кроме того, контроль над деятельностью колхозов вели райпланы, отделы народнохозяйственного учета, учреждения госстраха и санинспекции. По каждому виду продукции были созданы управляющие и контролируемые организации: заготзерно, заготскот, заготяйцо, заготплодоовощ, заготпенькоконопля и т.д. И над всем этим сложным и громоздким сооружением командно-административной системы стоял аппарат партийных органов, а также судебные-репрессивные учреждения.

XVII съезд ВКП(б) утвердил новую структуру партийного аппарата. Вместо функциональных отделов были созданы производственно-отраслевые: промышленный, сельскохозяйственный, транспортный и другие, в которых сосредоточивалась вся деятельность по данной отрасли. Перед ними колхоз должен был строго в установленное время отчитаться. Отчеты были самые разнообразные: квартальные, декадные, пятидневные. Посылали их в сельсовет, МТС, район, область. Отчитывались о подготовке к весенней посевной кампании, о взмете зяби и прополке, темпах сеноуборки и силосования, о ходе случной кампании и т.д.

Отнюдь не экономические, а командно-принудительные отношения складывались и вокруг производимого колхозниками продукта. Собственно, в основном ради этого и создавалась колхозная система. В начале 1933 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили «отменить существующую договорную (контракционную) систему заготовок зерновых культур и установить для колхозов и единоличных хозяйств имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным ценам». Обязательные поставки распространялись на мясо, молоко, шерсть, картофель, другую продукцию. Не выполнившие задания колхозы подвергались денежному штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательств, и сверх того к этим колхозам предъявлялось требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке.

Только после выполнения годовых обязательств по поставке зерна государству, сдачи зерна в порядке натуроплаты работы МТС и возврата ссуд колхозам разреша-

лось приступать к засыпке семенных и фуражных фондов. Создание других фондов, например, для оказания помощи инвалидам, семьям красноармейцев, на содержание детских яслей, запрещалось. И лишь после всего этого остатки продукции разрешалось распределять между колхозниками по трудодням. Понятно, что при таких раскладах на трудодни, как обычно, мало чего, а зачастую и вовсе ничего не оставалось.

Превращение колхозов в специфический механизм для присвоения государством результатов труда крестьян шло и по другим направлениям. Принимались меры к тому, чтобы лишить колхозы средств производства, оставив их лишь своеобразными источниками живого труда, рабсилы. Например, были огосударствлены действовавшие, а также строившиеся машинно-тракторные станции (МТС). А ведь первоначально они создавались как акционерные предприятия на паях государства, колхозов и сбыто-снабженческой кооперации, с привлечением средств сельского населения. Из колхозов были изъяты имевшиеся у них тракторы и все сложные сельхозмашины. Фактически колхозы были лишены возможности покупать машины, создавать собственную материально-техническую базу. Так от колхозов отчуждались средства производства и произведенный в них продукт. Они превращались в безграничный источник ресурсов, которым владел и распоряжался только верхний эшелон партийно-государственной власти.

## О ЧЕМ ПИСАЛИ ЛЮДИ ТОГО ВРЕМЕНИ

### *«Это был год великого погрома»*

Пишут, что 1929 год с подачи Сталина вошел в нашу летопись как год великого перелома. На мой взгляд, это был год великого погрома. Вернее, не год, а годы — с 1929 по 1933 включительно.

Наше село в то время было крупное — 600 дворов. В 1929 году к осени приезжают к нам представители Советской власти из района (это Н. Ломовский район Пензенской обл.) по проведению коллективизации — Дронов, Куприн и Батраков. Дронов — председатель из рабочих или служащих, в сельском хозяйстве ничего не смыслил. Куприн — районный представитель из Н.Ломова, в райкоме

кем-то был. В то время мужики говорили, что в районном центре все мужское население с портфелями ходит. Батраков, тот из сельских нищих, каким-то образом угодил в районные уполномоченные.

Вот эти «три богатыря» начали строить наше «коллективное счастье». Куприн занял пост председателя сельского Совета. Дронов, тот по партийной линии. Батраков стал головой будущего колхоза «Красная звезда». Начали с того, что сколотили сельский коллектив из тех мужиков, у которых как говорят «кругом шестнадцать» — зимой самогонку пьют и в карты играют, а летом свои земельные участки отдают в аренду на сезон тем мужикам, которые вели умно свое хозяйство, а сами эти бродяги ходили все лето маркитанничали (т.е. на одном базаре покупали скот, резали на мясо и везли в город, где мясо дороже, а сбой шел на пропитанье семье), занимались конокрадством, воровством. Комсомольцы сколачивались тоже по такому же принципу.

Кадры созданы, надо действовать. Чтобы создать для будущего колхоза материальную базу, надо что-то иметь. Составили список более или менее хорошо содержащих свое хозяйство крестьян. У кого были мельницы-ветрянки, у кого крупорушка, у кого изба кирпичная, у кого большой скотный двор. И началось раскулачивание. Вызвали из района милицию с пистолетами и с ружьями. Ночью вместе с активистами милиция залетает в избу, хозяина забирают до утра в амбар, семью на улицу в чем мать родила. Забирали все, что находили, оставляли только стены. А семьи тогда были большие, у каждого по 6 — 10 детей. Можете представить, какой вой среди ночи поднимался по селу.

Некоторые хозяева пытались сопротивляться, так их избивали до полусмерти, а некоторые со временем умирали. Многие мужики начали прятаться. Началась охота за людьми. Обыскивали чердаки, бани, стога протыкали железными прутьями. Каждый день и ночь то там, то тут — выстрелы. Милиция прежде, чем лезть проверять чердак, делала несколько выстрелов, потом лезли. Видимо, самим неохота было умирать. Я спрашивал у бабушки: «Бабушка, это война?» — «Нет, сынок, это антихристы какой-то колхоз делают». Бабушка была очень божественная и умная, все, что творилось в селе, знала и дома нам рассказывала. Мужиков, которых удавалось арестовать,

отправляли под конвоем в Н. Ломов, там сколачивали команды и отправляли, куда никто не знал. Многие тайно бросали свои дома и с семьями исчезали куда глаза глядят. Мой дедушка держал племенного жеребца-тяжеловоза, водили к нему кобыл покрывать за пуд овса. Когда не было уже кого раскулачивать, активисты начали выискивать способ выпивать и мясом закусывать. Приходит к деду один из сельсовета с запиской: «Сегодня, если не представишь ведро (роскоши не оказалось, естественно, незамедлительно забрали все имущество, самогон и барашка), будешь раскулачен!» Через четыре года он умер где-то в Иссык-Куле, добывал слюду в горах.

На 1930 год в селе оказалось около 150 брошенных изб. Вот на этой базе началась запись в колхоз. Пока завершились коллективизацию, до конца года еще семей 100 исчезло из села, побросав хозяйство. Моя мать записалась в колхоз почти первой, потому что нас было трое детей, а отец в 29 году уехал по вербовке в Курган, откуда посылал нам сухари.

В первый год колхозников заставляли сеять каждого на своих землях, а осенью весь урожай свозить побригадно в одно место. Бригад было семь, бригадиров ставили из этих бродяг, которые назывались активистами. Потому что умные деловые мужики или разъехались или были высланы. Весь урожай, который удалось собрать, куда попало растранижирили или сдали в заготовку, а на следующий год сеять оказалось нечем. Ездили за тридевять земель за семенами — это уже государство давало ссуду. Половина полей осталась незасеянной, заросла лебедой, на «палочки»\* хлеба никто не получил. Надежда была на огороды, люди запасались лебедой, даже на базаре продавали. На одном из собраний Дронов сказал, что, мол, государство, сколько могло, помогло семенами, больше брать негде, а нам еще надо посеять гектаров 50 хотя бы пшеница (проса. — Авт.). А один шутник предложил: может, сразу молочную кашу сеять — ни заботы, ни дров не надо. Дронову потом растолковали, что пшено делают из проса. Так пришел 1933 год. Зиму провели кое-как, на лебеде и на картошке, ели и лузгу от проса. Весной окончательно пришел голод, люди ходили опухшие, кожа лопалась, из этих ран текла вместо крови зеленая жидкость. Из нашего

---

\* Трудодни.

села в том году ушло из жизни 800 человек, Хоронить людей было некому. По наряду копали большую яму на кладбище и на лошадях возили мертвецов в эту яму. Собаки потом таскали по селу то руки, то ноги, то голову, а то и ребенка маленького, из этой ямы.

В тот же год, когда пошла массовая гибель людей, наши горе-руководители внезапно исчезли. Все трое как в воду канули. После люди про них сочинили стишок: «Дронов, Куприн, Батраков сделали собрание, полсела людей сгубили, на этом «до свидания». Из 600 дворов после коллективизации и 1933 года осталось в селе 200 дворов, где остались жить люди. И вот наш колхоз «Красная звезда» до конца своего существования так и не стал на ноги, пока при Брежневе его не передали со всеми потрохами в соседний совхоз «Восток».

1989 г.            И.Д.Тувышев  
с. Солнечное, Крымская область

***«Каждого крестьянина заставляют  
записываться в колхоз силком»***

Вот сейчас происходит сплошная коллективизация и все как-то насильно! Вот у нас арестовал с/совет одного крестьянина за то, что он сказал женщине, записавшейся в колхоз: «Относила ключ и за поясом теперь не будешь носить». Сельсовет его арестовал и направил в ОГПУ, но этот крестьянин, его фамилия Кошич, записался сразу же в колхоз и его там же разом освободили из под ареста. Разве это не нажим? Почему же человека не отправить, если он заслужил. И вот когда проводился первый пленум сельсовета по коллективизации, по окончании пленума стали писать в коллектив, то к двери поставили даже сельского исполнителя, чтобы не уходил народ. Вот у нас говорят организаторы, что не записавшиеся в колхоз земли получают в 2 раза меньше и получают только пеньки, кочки, болота, гальки. И когда разделят эту землю единоличникам, то будто бы колхоз опять же ее отберет. Земли единоличникам дадут столько, чтобы они лишь с голоду не пропали. Это куда же, товарищи, лезет, нечто единоличник-крестьянин на своей родине окажется проклят? Разве он был не человек! Другие организаторы говорят,



что земля будет подчиняться колхозу. Вот сейчас озимые колхозы хотят отобрать. А ведь крестьянин своими же силами сеял эти озимые и он же стал нехозяин. И отсюда видно, что каждого крестьянина заставляют записываться в колхоз силком.

1929 г. Каменский М.И.  
Уральская обл., Пермский окр.  
Калининский р-н, дер. Чуваки

**«Насилием строить то, чего народ не желает...»**

Прочитал книжку № 6 крестьянам о решении 15-го съезда Всесоюзной Коммунистической партии Б.А. Подгорного, где вывод о том, как мы будем развивать сельское хозяйство в ближайшие 5 лет. Тут говорится т. Сталиным и т. Молотовым, чтобы в переходе мелкого хозяйства к крупному никакого принуждения в отношении среднего крестьянства не было. Это заявил т. Молотов, целиком правильно и для настоящего момента. «Тот, кто будет в отношении среднего крестьянства применять принуждение для его перехода к крупному хозяйству, тот враг рабочих и крестьян, тот разрушитель союза рабочих и крестьян».

Как же так, что нас теперь насильно и с разными угрозами и даже с ненавистью влекут в коллектив: хочешь, не хочешь, — иди, и не показывают нам хорошего коллективного образцового хозяйства, чем мы могли бы сами заинтересоваться и полететь, как пчелы на хороший цвет.

Народ не верит красивым словам на бумаге, а покажи на деле. Мы веками вели индивидуальное сельское хозяйство, а теперь так скоро перейти на коллективное боимся, боимся разориться. Кроме того, у нас еще дикие характеры, мы при коллективном хозяйстве не помиримся, мы загрызем друг друга и все одно ничего хорошего не получится. Всякое принуждение и насилие над народом мы считаем подрыв советской власти и контрреволюция.

Великий благодетель Роберт Оуэн для бедных и рабочих Англии добровольно строил социализм и коммуны, новую гармонию и то ничего не мог сделать. Коммуна, новая гармония развалилась. А насилием строить то, чего народ не желает — ничего хорошего не получится. Все те красивые писатели, что пишут красивые статьи в

газеты о коллективизации, сами себя обманывают и тех, кто им верит.

1929 г. Клягин Ф.А.  
УССР, Зиновьевский окр.,  
Новгородский р-н,  
Больше-Чечелевский с/с

### *«Беднота... такими действиями недовольна»*

В селе Сошниково сельсовет за отказ войти в колхоз вторично подвел под индивидуальное обложение (несмотря на возвращение материалов риком\*) маломощную беднячку, жену бывшего красноармейца Анигинову.

В селе Б. Угренево, по заявлению гр. Тюменцовой Прасковьи, являющейся матерью красноармейца, сельсовет всячески притесняет; поздно ночью стучат в окна и кричат: «Иди в коммуну» и т.д.

В селе Карпове, Куяганского р-на, у гр. Большакова непосредственно коммуной изъято имущество с той целью, чтобы он вступил в колхоз.

Сростинский с/с\*\* изъял все имущество: скот, хлеб в количестве 100 пуд. и сел.-хоз. инвентарь у семьи красноармейца Попова и передал все это в коммуну, между тем как семья в коммуну не вошла (ведется расследование).

В селе Алтайском местная коммуна административным путем отобрала старообрядческую церковь. Кроме того, производит выдачу кулакам продуктового хлеба, а беднякам отказывает (расследование ведется).

В селе Паутове сельсовет изъял у гр. Подляковой единственную корову, между тем как она в коммуну не записалась (сельсовету предложено возратить).

В селе Тоурак, Куяганского р-на при раскулачивании милиционер Ярмин взял у кулака и присвоил себе доху и чайник, член с/с Башлыков взял у кулака две подушки, заведующий школой снял с ученика пимы за то, что его отец-бедняк, отказался вступить в коммуну (Ярмин приговорен к полутора годам лишения свободы, Башлыков —

---

\* РИК — районный исполнительный комитет.

\*\* Сельский совет.

на десять месяцев принудительных работ, а завшколой к общественному порицанию).

В селе Излап 1-й, Солтонского р-на местная партиячейка и с/с довыявление и выявление кулаков проводили, как правило, без участия бедноты. Беднота заявила, что «нас местные работники к этой работе не привлекали и не спрашивали». В результате имеется ряд извращений классовой линии. Работу проводили таким порядком: сперва раскулачат, потом лишают голоса. Например, лишили голоса и раскулачили австрийца (иностранного подданного) за то, что он женат на бывшей кулачке и что ходит чисто и живет в хорошей обстановке. Несмотря на то, что райком своевременно этот факт предлагал исправить, однако этого не сделано и лишь при втором нажиме ошибка была исправлена. Или приведем такой случай. В этом же селе был лишен избирательного голоса гр. Черепанов за то, что у него имеется весьма красивый домик. Этот крестьянин, говорят, годы жил впроголодь и все строил и улучшал вид своего дома, никаких эксплуататорских признаков не имел.

Уполномоченный ОК\* выслушал заявление бедноты, вопрос о раскулачивании двух вышеуказанных лиц поставил на обсуждение бедняцких собраний, где они были тщательно проверены и беднотой из кулацкой группы отведены. Беднота осталась довольна этим решением. Секретарь местной партиячейки занимался мародерством, присвоил себе охотничье ружье. Хвастунов (секретарь партиячейки) систематически пьянствовал и потворствовал местным кулакам. В Излапской ячейке при наличии разложившегося секретаря и отдельных членов ячейки в ячейке был полнейший зажим самокритики. Когда актив бедноты пробовал выступить с критикой, коммунисты пришивали ему ярлык «кулацкого подпевалы», чем загоняли критику в подполье.

О всех этих действиях уполномоченный ОК т. Печенин узнал от бедноты на бедняцком собрании; в ячейке был выявлен правый уклон на практике, как факт; в коммуну был принят Стариков, типичный кулак, испокон веков державший батраков, злостный расхититель имущества и скота. В эту же коммуну был принят поп Коллегов вместе с домочадцами его.

---

\* Окружной комитет ВКП(б).

При обсуждении вопроса на бюро райкома 2 члена бюро и зав. райЗО\* пустили слезу о Хвастунове, о котором стоял вопрос об исключении из партии. Решение бюро райкома в основном свелось — излапскую ячейку распустить, Хвастунова из партии исключить и некоторым даны строгие выговоры.

В селе Алтайском в оргбюро председателем является Макарьев Наум, бывший подпрапорщик и георгиевский кавалер царской армии. До фунта выгребает хлеб, ночью угоняет людей за сеном, приказывает подавать себе лошадей и т.д. Колхозники держимордой недовольны и ведут разговоры между собой такого порядка: «Не хватает у нашего Макарьева только денщика, а все остальное он имеет».

Секретарь партячейки с. Б. Угренево Проскурина во время проведения общего собрания, если кто-либо из крестьян начинает говорить, не взявши слова у председателя собрания, приказывает предсельсовета записать его фамилию, а потом мы с ним поговорим, а пока собрание проходит, Проскурина записывает человек 10 — 15, а позднее читает фамилии и говорит, что «вы хотите сорвать собрание, я вам покажу, как разводить контрреволюцию»!

Беднота, конечно, такими действиями недовольна и на собрания ходить не стала, а когда один из уполномоченных округа сделал замечание Проскуриной и обещал об этом поставить в известность райком, Проскурина ему ответила: «Ты демократии не разводи» и с этим ушла. В селе Воеводском уполномоченный Бабилов на вопрос во время общего собрания: «Куда государство деваает хлеб, который берет у крестьян», отвечает: «Отправили несколько миллионов за границу» и больше никаких разъяснений не дал и того, кто остается недоволен его разъяснением, он называет бузотером.

В селе Н. Мемровка, Бийского р-на уполномоченный т. Шилов на собрании заявил так: «Кто не хочет идти в колхоз, тот против советской власти».

В селе Саивново, Бийского р-на, председатель с/с Запольский, кандидат ВКП(б) и секретарь кандидатской группы Максимов недооценивают работы с беднотой. На предложение уполномоченного райкома о созыве собра-

---

\* Районный земельный отдел.

ний и организации групп бедноты при колхозе говорят: «Совещание с беднотой — это только время проводить, надо идти в массы». В результате работа по коллективизации, по сбору семенных фондов проходит из рук вон плохо. В селе Еремино, Яминского р-на, у гр. Кудрявцева сельсовет сломал окно в помещении, взял два с половиной пуда мяса, 18 пуд. пшеницы и 3 пуд. проса. Участники обыска — член коммуны Хабаров и учитель Кикин.

1930 г. Маточкин И.М.  
Сибкрай, г. Бийск  
ОК ВКП(б)

***«Для крестьянина ставят такие условия, живя в которых ты все-таки вынужден пойти в коммуну»***

Пару слов в отношении коллективизации. В центре, вероятно думают, что крестьянство добровольно организуется в колхозы и коммуны, а на самом деле получается совсем обратное. Для крестьянина ставят такие условия, живя в которых ты все-таки вынужден пойти в коммуну. Если не пойдешь, то найдут маломальскую причину и выведут тебя из дому. Крестьянство и едет куда-то на произвол судьбы, каждый боится того, что его разорят. Если крестьянин во время проведения кампании выступит и скажет, что это нужно бы проводить не так, то на него смотрят, как на противника власти, в результате его лишают избирательных прав, подводят под индивидуальное обложение с.х. налогом и хлебом; многие крестьяне с десятины сдали хлеба по 100 — 120 пудов и сами остались без хлеба, потому что сдали все, что намолотили и еще приходилось покупать. Я здесь не говорю про те кулацкие хозяйства, которые чужды советской власти, но надо обратить серьезное внимание на середняков и бедноту. Мое социальное положение — середняк, двое братьев участвовали в гражданской войне на стороне красных, отец был уведен белыми, т.е. арестован и не возвратился домой, а я сам служил в Красной армии 2 года, отпускник 28 г.

1929 г. Цветухин К.Н.  
Литчинский р-н, с. Фоминское

**«Если вы будете ходить в церковь, вам не будут давать нигде ни соли, ни керосина...»**

Вы пишете, что крестьяне добровольно отказываются от церкви и идут в колхоз. Нет, это неправда, это под наседательством и угрозами. Говорят, если вы будете ходить в церковь, вам не будут давать нигде ни соли, ни керосина и никакого продукта и все ставят угрозы, повышают голоса и налагают в двойном размере продналог. Поэтому, хоть и нежелательно отречься от православной религии, но ввиду необходимости приходится отказываться не по своему желанию, а под угрозами и насилием. Не хочется умирать голодной смертью. Они задевают кольцо в губы как медведю и правят крестьянами, как в былое время крепостной зависимости, чтобы земледелец был под властью и не имел фунта хлеба и кружку воды. Ничто иное это — пришло гонение на крестьян.

1929 г. (Анонимное письмо)  
г. Тула

**«Все крестьяне один перед другим уменьшают свое хозяйство»**

Сейчас все крестьяне один перед другим уменьшают свое хозяйство, не говоря уже о кулаках. У кого было 2 лошади или 2 коровы, то делят пополам: одну продает. Спрашиваешь — почему ты продаешь? Отвечает: сегодня мой сосед индивидуалист, а завтра меня проведут и таким образом сельское хозяйство быстро уничтожается, а вместе с тем может падать промышленность. В коллектив крестьяне добровольно не пойдут, а насильно вовлечь — толку мало.

У нас в Закавказье крестьяне против коллективизации, хотя у нас и есть в соседних селах несколько коллективов, но крестьяне нагладелись на их работу: единоличники давно работу закончили, а они все возьмется. И много пропало под дождем, как говорится: в большом полку нет толку. Вы своим наступлением на крестьянина и вовлечением его в колхоз только обостряете борьбу. Куда бы ни поехал, ни пошел — всюду слышишь недовольство. У нас в горах Закавказья образовалось немало бандитов из-за вашего наступления.

Поддерживаете бедноту 12 лет и она до сего дня свое хозяйство не подняла. Они привыкли: им хорошо, налогу не берут. Они говорят, для чего нам расширять хозяйство, чтобы платить налог, нам и так хорошо живется. Вы только разводите лодырей и лентяев. Сейчас крестьяне соберутся группами и только и говорят об уничтожении хозяйства.

Для чего нам работать нынче, завтра уничтожат наше хозяйство.

1929 г.                    Семенов В.  
Армения, г. Эривань,  
Ново-Баязетский окр., с. Красное

***«Принцип добровольности в колхозном движении  
не соблюдался»***

Ламенский район по части перегибов и искривлений партийной линии имеет довольно солидный опыт. Прежде всего, принцип добровольности в колхозном движении не соблюдался. Вопреки директивам партии и окружающих организаций было проведено принудительное обобществление не только жилых построек, но и продовольствия, дров, членских кооперативных книжек и пр. Массовая работа по укреплению колхозного движения и тщательная подготовка к переводу его к более сложным формам заменялись бюрократическим подходом без всякого учета условий и обстановки. Так, районные организации задались целью к 18 марта организовать районную коммуну.

Со стороны уполномоченных районных организаций установлены факты безобразно преступного обращения с населением, в виде арестов, издевательств, побоев. Уполномоченный Русин завязывал крестьянам глаза, связывал руки, заставлял выпить ведро воды и пр. Райисполком и райком партии встали на путь голого администрирования и не только не вели борьбы с перегибами, а наоборот, возвели эти перегибы и извращения в систему. Райисполкомом, например, была дана директива при обобществлении семматериала\* производить обыски, которые поскольку они были декретированы, на-

---

\* Семенной материал, то есть зерно для посева.

шли широкое применение. В одном из сельсоветов района уполномоченный, выполняя эту директиву, организовал несколько бригад и в 2 часа ночи оцепил деревню с трех сторон. В результате найдено семенного материала 20 пудов.

В д. Вобчихах у всех хозяйств не только были произведены обыски, но и весь хлеб перевешен на ручных пудовых весах. В д. Медвежке при поисках хлеба и семенного материала искали не только в амбарах или еще где-либо, но даже и в сундуках и в горшках, чугунах и т.д., причем эти обыски производились ежедневно. Отсутствие массовой работы, подмена ее административным нажимом сказались на обобществлении семенного материала, план которого 15/III — выполнен только на 58 проц., в то время как недородные районы, вроде Сорокинского, план засыпки семян выполнили полностью.

Бюро Ишимского окружкома, обсудив вопрос обо всех этих безобразиях, постановил секретаря райкома партии, председателя рика и пред. райколхозсоюза\* с работы снять, передав дело в контр. комиссию для привлечения их к партийной ответственности.

Кроме этого, предложено окрпрокурору расследовать все факты о перегибах, организовав совместно с окрсудом показательные процессы с выездами на места, привлекая виновных к строжайшей ответственности.

Некоторые уполномоченные вместо развертывания общественно-массовой работы с беднотой и широкими массами колхозников, прибегали к методам администрирования, запугивания и пр. Наиболее яркими извращениями партийной линии являются: в Кармацком сельсовете уполномоченный рика Черепанов совместно с сельсоветом обобществил весь семенной и продовольственный хлеб, не говоря уже о крупном, мелком скоте и птице не только у колхозников, но и у крестьян, не состоящих членами колхоза. Когда же последние пришли просить хлеба, им ответили: «Вы не колхозники, и хлеба вам нет». «Но ведь вы забрали у нас весь хлеб», — пытаются возразить крестьяне. Но Черепанов неумолим: «Что же, что хлеб забрали? Вступайте в колхоз, будете получать продовольствие наравне со всеми».

---

\* Объединение колхозов на уровне района. Существовали также окружные, областные и республиканские объединения.

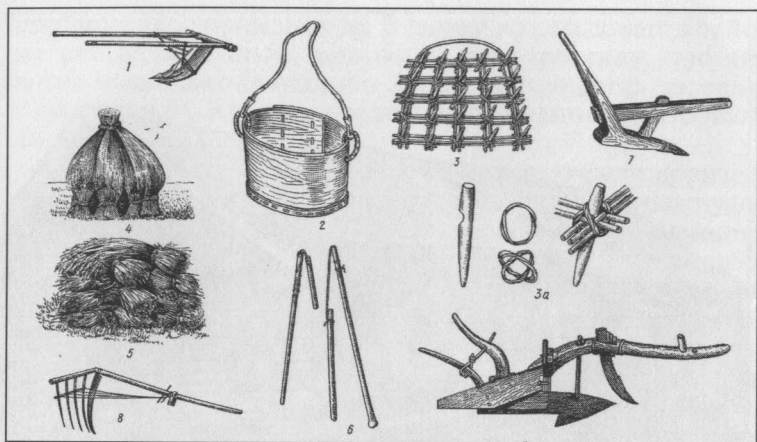




Старая изба бывшей батрачки Бутениной в деревне Лопотово Солнечногорского района.



Так сеяли в 1923 году.



Сельскохозяйственные орудия и способы укладки  
снопов в лесной зоне:

1 — соха с палицей; 2 — лубяная сеялка; 3, 3а — деревянная плетеная борона и способ ее крепления; 4 — укладка снопов на поле («бабка», «суслон»); 5 — укладка снопов на поле («кресты», «крестцы»); 6 — цепы; 7 — полозовое рало; 8 — коса с грабелями для косьбы снопов; 9 — степной тяжелый плуг для распашки залежи и целины.

Единоличники  
подают заявления  
о вступлении в колхоз.  
Белорусская ССР.  
1929 г.



Набор  
добровольцев на  
сельскохозяйственный  
фронт.





Красный обоз колхоза УССР.



Первые тракторы Харьковского тракторного завода, полученные  
Раменской МТС Московской обл., 1935 г.



Комсомолка М. Баграш заводит патефон, полученный за хорошее проведение весеннего сева, 1934 г.



Тракторист ударник И. Г. Воеводин получает натурованс. Нижняя Волга, 1933 г.

Колхозники с покупками после сдачи излишков хлеба кооперации. Сталинградская обл., 1934 г.





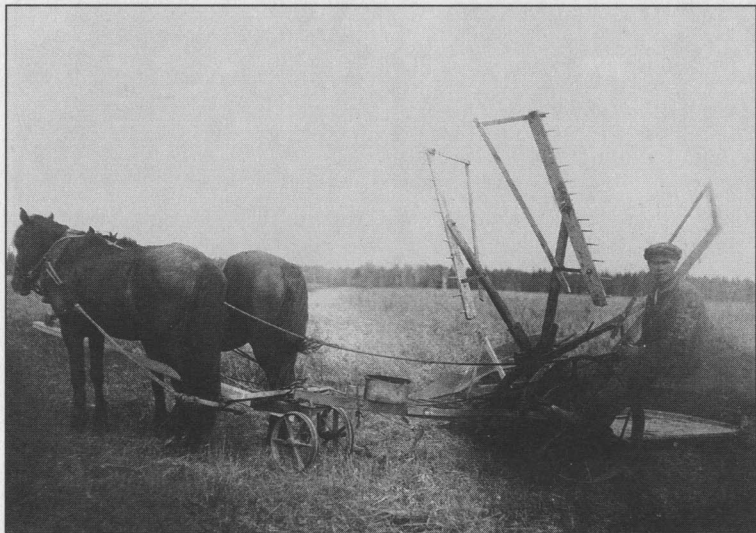
На колхозном поле.



Дневная дойка.



Колхозники укладывают сено в стог.



На колхозном поле за уборкой овса.



Типичная сельская семья.



Борьба с кулаками.

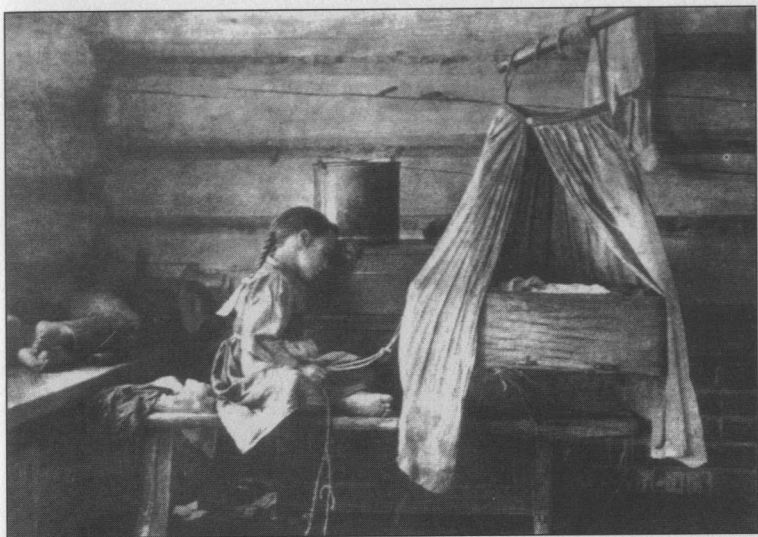


«Мы записываемся в колхоз».



Агитация за колхоз.





Домовница. Работа Лобовикова.



Агитпропаганда в поле.



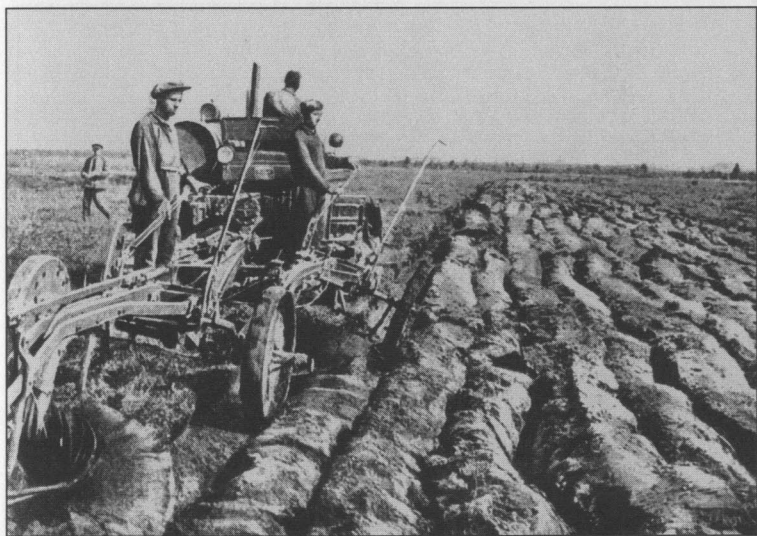
Выселение кулака из Мальчевицы Одесской обл., 1930 г.



«А ты, Акимыч, разве еще не в колхозе?» 1930 г.



Первый трактор на колхозных полях.



Подъем целины в колхозе «Красный маяк» Бежецкого района.



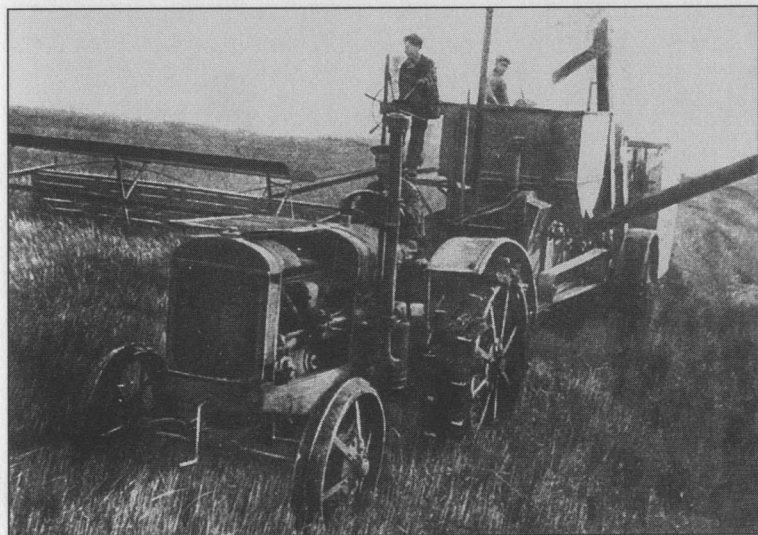
Молотьба в колхозе «Возрождение» Кимрского района.



Уборка ржи в колхозе им. Сталина Епифанского района.



Культурно и зажиточно теперь живут колхозники.



Комбайн на уборке ржи в колхозе им.Димитрова Новодеревенского района.



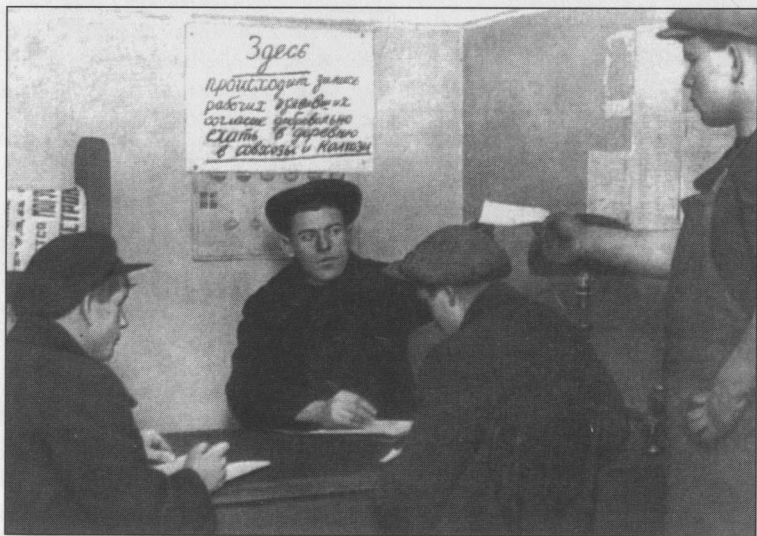
Подвозка дров для школы колхоза «Новый быт»  
в Шацком районе.



Колхозники колхоза «Новый быт» убеждают крестьянина-  
единоличника вступить в колхоз. Московская обл., 1931 г.



Собрание крестьян села Парфентьева с участием шефов — рабочих Коломенского завода. 1930 г.



Рабочие завода «Борец» подают заявления о поездке на работу в колхоз. 1936 г.



Русские крестьяне.



ДА ЗДРАВСТВУЕТ БОЕВОЙ  
ШТАБ БОРЬБЫ И ПОБЕД—  
ЛЕНИНСКИЙ ЦК ВО ГЛАВЕ  
с тов. СТАЛИНЫМ!



Колхозницы колхоза  
«Новый быт» Шацкого  
района идут на работу.



В Михайловском и Малышенском сельсоветах уполномоченные Сорокин и Земских организовали отряд верховых, вооруженных пиками, и произвели повальный обыск. Уполномоченный Токарев дошел до прямого издевательства над крестьянами, граничащего с контрреволюцией. Бюро райкома всех виновных в подобных головоутипствах привлекает к ответственности. Одновременно послано письмо всем ячейкам и уполномоченным о недопустимости каких-либо перегибов.

1930 г. Тихонов  
Уралобласть, г. Ишим,  
ОК ВКП(б)

### *«Все вышли из колхоза»*

Добрый день, дедушка Калинин. Пишу тебе письмо о нашем колхозе. Сперва силой загоняли в колхоз и Соловками страшали, груды золота обещали, а потом, когда выпустил статью т. Сталин о головокружении, все вышли из колхоза. Осталось только 10 хозяйств, из них 4 бедняцких и 6 середняцких.

Нам, колхозникам нет проходу. Папу с мамой ругают за то, что записались в колхоз, а меня с братом бьют ребята, не колхозники. В колхоз не идут несознательные крестьяне и несколько бедняков из-за сахару и табаку. Нет ничего, чай пить не с чем.

Крестьяне обещают варфоломеевскую ночь и говорят, что когда будете пахать, «то будем бить — кос хватит».

Кто первый записался в колхоз — вышли и даже некоторые комсомольцы вышли. У меня сестра комсомолка, она вызывала комсомольцев на соревнование на вступление в колхоз и ее ругают, а она не выходит из колхоза.

Дедушка Калинин, обратите на это внимание, примите какие-нибудь меры. До свидания.

1930 г. Елена Вышугина, 12 лет  
Ив.-Возн. обл., Рыбинский окр.,  
дер. Заручье,  
колхоз «Трудовик»

## *«Агенты ГПУ... хватают крестьян»*

Агенты ГПУ, — соревнуясь между собой по количеству арестов, являются в дома середняка ночью без предъявления ордера, хватают крестьян в легких пиджачках с краюхой за пазухой и везут за 200 верст, причем десятки верст приходится ехать на лошади и в легкой одежде замерзать. Дают в сутки 100 грамм хлеба и одну ложку каши. Обрезают прямо на голодную смерть. Сидя в ИТД\*, мы наблюдаем, что тут сидят 30 — 40 проц. середняков и бедняков, есть старики 60 до 90 лет и все за агитацию по 58 ст. УК.

Проверьте на факте все приговоры ГПУ Балашова за январь, февраль и март, допросите вновь осужденных и узнаете всю истину.

1930 г. (Анонимное письмо)

## *«Под страхом угроз»*

В Проскуровском округе головоотяпы так перегнули палку, что селянин в отчаянии от поголовного грабежа всего своего имущества, как живого и мертвого инвентаря, домашней утвари и разного барахла — все уничтожает. Селяне вешались (село Шеницы), напивались до бесчувствия, поджигали свои дома и гибли в огне. И нет ничего удивительного, что ночью целыми вереницами они двинулись к кордону и там на коленях умоляли их спасти от неслыханного в мире террора.

По Волковинецкому району пред. Р.К. — т. Рага своими поступками особо дискредитировал власть в весеннюю 1929 г. кампанию. Набирал в мешки земли и камней, привязывал к спинам крестьян и заставлял их носить этот груз по селу в сопровождении музыки и издевки. Теперь при ликвидации кулачества и коллективизации он крестьян, под страхом угроз конфискации имущества, арестов и высылки старух, стариков 90 летних и вдов — загонял в коллектив.

1930 г. 25 тысячник металлист А. Зувев\*\*

\* Исправительно-трудовой дом, где заключенные использовались на различных работах внутри тюрьмы и в городе.

\*\* Для проведения сплошной коллективизации в деревню было мобилизовано 25 тысяч рабочих и коммунистов из города. Их в то время называли 25-ти тысячниками.

## ***«Уполномоченные... забыли решение ЦК ВКП(б) и статью тов. Сталина»***

Уполномоченные от Райпарткома и Райисполкома с представителями сельской власти, не сумели создать твердый костяк и организовать партячейку в колхозе, забыли решение ЦК ВКП(б) и статью тов. Сталина о задачах строительства колхозов и пошли в погоню за 100 проц. вовлечением крестьянства в с.х. артели. Мало того, задумали создавать прямо коммуны.

Уполномоченный с местной властью заходит в хату крестьянина и спрашивает, ты почему не идешь в колхоз, а крестьянин и говорит, ведь это не обязательно, я пока подумаю. А ему и говорят, это не принудительно, но обязательно, а когда крестьянин отказывается, то они забирают у него все имущество и инвентарь (такой случай был в селе Шарких, Рокит. района, за что уполномоченный тов. Чипецкий получил от выездной сессии Окр. суда 2 года со строгой изоляцией).

Имеющийся на селе кулак проявил свою инициативу собирая на улице всевозможные группы бедняков и подкулачников, агитировали за свержение соввласти и падение колхозов. В с. Пастишка, когда явилась милиция успокоить бушевавшую толпу, где руководили кулаки, то группа кулаков, окруживши милиционера, пыталась его обезоружить крича: «Гады, бандиты, кровопийцы, сдавай сбою, а то усих постреляю». Один из кулаков ударил его лопатой и схватил за шапку, тогда последний произвел выстрел и убил кулака Ковтуна, после чего сагитированные кулачеством женщины взяли убитого и стали возить по селу крича: «Бандиты, убийцы все равно в колхоз не пойдём, советской власти осталось жить три дня».

1930 г.            Е.И. Иванов, кандидат ВКП(б)  
Белоцерковский район

## ***«Начали устраивать оружием...»***

Мною получено письмо от бывшего красноармейца, слушателя колхозных курсов (которые я проводил), приехавшего по демобилизации из армии в деревню — в Там-

бовский округ. Говоря о коллективизации у них, он пишет: «Собрали собрание. Без всякого разъяснения стали говорить, что обязательно сейчас подписывайтесь в колхоз все до одного. Но крестьянин ничего не знает и думает — а куда буду писаться? Так и не стали подписываться. Начали уstraивать оружием, но все-таки подписываться никто не стал, потому что никто не знает куда. Тогда председатель сельсовета, тут же был (председатель райисполкома или секретарь райкома — непонятно Ф.З.) и еще один партиец, который пропил два казенных имения, начал грозить: «Кто не пойдет в колхоз, того поставим к реке и пулеметом перестреляем» и затем стали голосовать за колхоз; но говорили не так — «кто против колхоза», а кто «против советской власти». Конечно, против советской власти никто не пойдет. Так и постановили единогласно, а в протоколе никто своей рукой не подписывается и этот протокол послали на утверждение в окрколхозсоюз, этот протокол заверять не стал потому, что нет подписей крестьян, тогда они послали двух уполномоченных, как будто от общества, но это общество не посылало и этот протокол не показывают и стали собирать семена. Семена никто не дает, тогда они стали ломать замки и выгребать весь семенной хлеб и также собирать скотину».

Красноармеец пишет: «Прошу, дайте мне правильные сведения: можно ли насиловать крестьян в колхоз без разъяснения; под оружием — сделать колхоз — будет верным или нет...»

Таковы факты, приведенные товарищем. Я думаю, что они вполне отвечают действительности, т.к. этого товарища я знал, как активного колхозника, которому можно доверять.

1930 г.

Студент ТСХА — Зеленин

### ***«Батрацко-бедняцкие группы... не созданы»***

Батрацко-бедняцкие группы в колхозах не созданы. В Оршанском округе до сих пор не выполнены указания партии о создании батрацко-бедняцких групп.

Бешеная борьба кулачества против коллективизации требует особенного внимания к делу организации

батрачества и бедноты. Однако, в большинстве районов группы бедноты еще не организованы. Есть сведения только о том, что батрацко-бедняцкие группы организованы в двух районах: в Бogueвском и Дрибинском. В Круглянском районе, где проводится сплошная коллективизация, группы батрацко-бедняцкие в колхозах еще не организованы. Вообще работа с беднотой в этом районе слаба. Некоторые районные работники даже считают организацию батрацко-бедняцких групп лишней работой.

Партийные ячейки в большинстве спят. Они увлеклись созданием количества колхозов, чтобы не отстать от других и нередко проводят коллективизацию административным порядком.

Не лучше обстоит дело с организацией бедноты и с созданием батрацко-бедняцких групп в колхозах Оршанского района. Здесь также беднота и батрачество не организованы и благодаря этому нет должного отпора кулакам, выступающим против коллективизации. В этом районе до сих пор еще некоторые партийцы тащат кулака в колхоз.

В Мошковском сельсовете в состав нового колхоза также вошли кулаки-подкулачники\*. Они даже вошли в правление, стали руководить колхозом. Беднота против этого протестует и не идет в колхоз, но кулаки продолжают орудовать, а местная партийная ячейка этого не видит, бедноту не организует и отпора кулаку не дает.

Не многим лучше обстоят дела и в других районах округа. Мало того, что беднота не организуется, что не создаются батрацко-бедняцкие группы, но среди бедноты не ведется и разъяснительная работа. Кулаку не дается надлежащий отпор. Такое положение требует решительного усиления работы по организации бедноты и батрачества, беспощадного удара по правым уклонистам, срывающим коллективизацию.

1930 г. Зорский А.  
г. Орша, Ленинская, 9

---

\* Подкулачники — крестьяне, которые по имущественным и иным признакам не попадали в категорию «кулаков», но по убеждениям были на стороне зажиточных мужиков.

***«Раскулачивали только за то, что жили они  
в кирпичном домике в два окошка»***

Анатолия Козлова, моего сверстника, давно нет в живых, он угас в неполные тридцать лет, так и не познав радости детства, не видя собственной молодости. Ему было пять лет, когда он уже не мог бегать у своего дворика, кушать яблоки из родительского сада, а затем учиться в школе и работать на земле. Все это было отнято в годы сталинской коллективизации и массового раскулачивания.

Я помню, как раскулачивали тетю Нюшу, Толину мать. Раскулачивали только за то, что жили они в кирпичном домике в два окошка и крытом соломой, да на огороде был садик — 12 яблонь. Во время погрома Толя страшно испугался, его парализовало.

Семью выгнали из дома, и тетя Нюша с больным Толиком и махоньким Егоркой, пока было еще тепло, жили в шалаше, но к зиме, за ненадобностью, им вернули дом, но сад сразу конфисковали и туда поставили сторожа с собакой. Мы, соседские ребята, часто навещали беспомощного сверстника. Он слезно завидовал нам, когда пошли учиться в первый класс. Потом ему сделали тачку, и подросший братик Егорка подвозил его к окошкам нашей небольшой школы.

Деревня наша Скобелевка считалась глубинкой, до района 20 километров, колхозники туда ездили редко, да и не на чем было. Но слухи о презренных врагах народа и подлых вредителях доходили и к нам. Однажды в школу пришло строгое указание заклеить в учебнике по истории портрет Блюхера В.К., героя гражданской войны, маршала Советского Союза. В классе повесили плакат о неусыпной бдительности чекистов наркома Ежова. Огромные колючие рукавицы у них на руках, в которых, словно в тисках, зажаты невероятные человечки с перекошенными глазами. На душе становилось жутко и мрачно. Однако нам, школьникам, казалось, что таких страшных человечков в нашей округе, отличающейся покорностью и тишиной, не могло быть, тем более их нет в нашей деревне. Но вот однажды, мы услышали, что в районном центре Староюрьево внезапно арестовали председателя РИКа Гриднева К.И. Жена его лежала в роддоме, умерла сразу, как только узнала о страшной беде. В маленьком соседнем поселочке Маринка в разное время схватили

несколько мужиков — Никишина Иосифа, Жилина Николая, Текунева Ивана и еще кого-то. Нагрянули чекисты и в нашу деревню. Прямо за обедом взяли дядю Захара Ивановича, за что — никто не знает. Говорят, за лошадок, дескать, в колхозе совсем уморили скотину, одни ребра остались, пахать и сеять не на чем. Сын его, Ваня, тремя годами старше меня, все ждал, что вот-вот вернется его папка, да так и не дождался. Вплоть до войны. Мать и сестренка проводили его на фронт. Сын «врага народа» — Молодцов И.З. в звании офицера, храбро сражался с фашистами до победного конца.

По окончании курсов инструкторов-бухгалтеров, которые были организованы в Сухотинском интернате под Тамбовом для инвалидов Великой Отечественной войны, в августе 1947 года меня направили работать бухгалтером колхоза в соседнее село Спасское. Здесь я встретился с замечательным человеком, потомственным хлеборобом Анисиним М.Т. Он и поныне, теперь уже на опустевшей улочке, на окраине села, живет со своей доброй супругой Еленой Семеновной. Всю трудовую жизнь он отдал сельскому хозяйству, если не считать немногих лет вынужденного отходничества, да войну, которую прошел от Москвы до Будапешта.

Удостоенный боевых наград, в 1946 году фронтовик вернулся в родное село.

С раннего детства Михаил унаследовал от родителей доброту и ласку к животным, поэтому сразу же попросился на колхозную конеферму. Может еще долго бы ухаживал за лошадками Михаил Тимофеевич, но колхозники решительно захотели избрать скромного, умного и честного труженика своим бригадиром. На этом посту он проработал более двадцати лет.

Я коснулся имени этого уважаемого на селе человека не случайно: Михаил Тимофеевич один из тех, кому довелось вплотную соприкоснуться с трагическими событиями в деревне в конце двадцатых и начале тридцатых годов, жертвой которых стала многодетная семья его родителей — отца Тимофея Никитовича и матери Юлии Семеновны.

В тот страшный 1930 год, кроме старших, Константина и Михаила, у Анисиных было еще два сына — Петр и Николай, семи и одиннадцати лет, и четыре дочери. Младшей девочке Серафиме тогда шел третий годик, Анне

исполнилось четыре, Насте — 13 лет. Таня была достаточно взрослой и уже училась в Новиковском (15 верст от Спасского) педагогическом училище. Ей так хотелось стать учительницей.

Сколько было полевой земли у родителей, Михаил Тимофеевич теперь не помнит: в 1929 году он уехал на приработки в Москву к старшему брату Константину, уже работавшему там по плотницкому делу. Но знает хорошо: ни больше, ни меньше того, что полагалось крестьянам по подушному наделу\*. В хозяйстве имелась одна старая лошадка да рыженький стригунок\*\*. Ободренные новой экономической политикой, крестьяне расправили плечи, стали успешно развивать и улучшать сельское хозяйство.

Сеяли тогда в наших краях в основном рожь, пшеницу, просо и, конечно, овес. К найму рабочей силы Анисины никогда не прибегали, все делали сами. После обмолота хлебов положенные пуды продналога исправно отвозили на элеватор. Впрок оставалось зерна для личного потребления, на семена под будущий урожай и на фураж. В дело шли мякина, зерноотходы и солома яровая на корм скоту, озимая — на кровлю дворовых построек.

На восемь душ (Константин и Михаил отсутствовали) Анисины имели одну корову, 12 взрослых овец и десятка два кур. Глава хозяйства — Тимофей Никитович — мужик был, как говорится, трезвых правил — не пил, не курил, слыл отменным трудолюбием и смекалкой, стремился, чтобы хозяйство было не хуже других. Старики и дети жили в небольшом деревянном доме, но отличался он уютом и чистотой. Дом наполовину был покрыт железом, наполовину — соломой. В урожайный год Тимофей Никитович думал перекрыть железом остальную часть крыши.

Думал, но не пришлось. О злой участи своих родителей и малолетних сестренек и братишек Михаил узнал в Москве. Это было в лихое время для крестьянина — в тридцатом году. Семью Анисиных объявили кулацкой и подлежащей высылке.

Операцию по раскулачиванию и ссылке беззащитных людей в далекий Казахстан блестяще провел прибывший

---

\* То есть, землей наделялся каждый член семьи, независимо от пола. До революции землей наделялись только мужчины.

\*\* Годовалый жеребенок, которому обычно подстригают гриву.



в с. Спасское секретарь Староюрьевского РК ВКП(б) Фетисов Илья Данилович (Михаил Тимофеевич хорошо помнит этого человека: Фетисов приходился им зятем по неродной дочери Тимофея Никитовича). Во имя удержания власти и шкурной боязни быть уличенным в срыве коллективизации, Фетисов всеми фибрами стремился показать вышестоящему руководству свою преданность. Так возникла деградация личности: рождалась ненависть человека к человеку, отчуждение к близкому, родному.

Все село слышало истошные крики и плач несчастных детишек, которых в сопровождении пьяных активистов везли на повозке от родного очага в неведомый край, навстречу мукам и смерти.

В тот же год из моей бедной деревни Скобелевки ссылали семьи двух братьев, беззаветных тружеников — Павла Ивановича и Федора Ивановича Гальцевых. Вслед за ними увезли из с. Спасское семью скромного земледельца Егорова И.Д., его жену и восемь малолетних детей, стариков-родителей, но уже в другой край — в знаменитые Соловки.

Жил в селе Спасское ничем не приметный человек, Бычков Ф.К. За мягкий и добрый характер Филиппа Кирилловича в селе звали «дед Пушок». Как и многие крестьяне села в двадцатых годах, дед Пушок получил свой земельный надел, обзавелся доброй лошадкой, приобрел нехитрый инвентарь. По-крестьянски радуясь возрождающемуся хозяйству, Филипп Кириллович с недоверием смотрел на тотальное создание неведомых колхозов и, не будучи уверенным в их преимуществе перед новой экономической политикой, решил подождать, посмотреть, как там пойдут дела, по-людски ли. И жестоко поплатился.

Много раз его облагали опустошавшими налогами, а когда, наконец, взять было нечего, активисты грозились извести последнюю корову. Страшно напуганный последствиями, которые ожидают семью, ночью дед Пушок отвел буренку за 60 верст в Ряжск (есть такой небольшой городок в Рязанской области) и там продал ее. Теперь хоть на вырученные деньги можно как-то дотянуть до теплых дней. Разнюхав о дерзком поступке деда Пушка, разъяренные погромщики утром следующего дня сломали его избу, сожгли надворные постройки. А на дворе стояла поздняя осень. Четверо малых ребятишек, среди них старший брат Ваня, сгрудились вокруг больной матери и с плачем смотрели на тлеющие головешки.

Такую жуткую картину увидела Анисья Григорьевна, двоюродная сестра Филиппа Кирилловича, увела малышей и их больную мать, тетю Арину, в свою избушку — шесть аршин на пять, благо были полати\* и большая русская печь. У нее самой, рано овдовевшей, к тому лихому времени было трое детей, мальчишка Ваня и две девочки. Работая в Спасском колхозе, в 1948 году я женился на младшей дочери Анисьи Григорьевны и обрел здесь постоянное жительство. Горе объединяет людей. Так и ютились в тесной избушке три зимы и три лета две горемычные семьи. От сердечных приступов и недоедания в первую же зиму умерла жена Филиппа Кирилловича, тетя Арина, а через месяц похоронили рядышком мальчишка Семена.

Но одна беда не приходит, за ней жди новую. В начале весны 1931 года ворвались в хату погромщики и стали железными крючками в подполе и во дворе шарить зерно или муку, но к счастью, ничего не нашли. Муки оставалось так мало, что Анисья Григорьевна легко спрятала ее где-то в чулане. Тогда они обротали\*\* единственную лошадку и куда-то угнали ее. Матери в то время дома не было, она ушла в поле собирать остатки прошлогодней сгнившей картошки.

К лету кончились скудные запасы продуктов, и Филипп Кириллович, попрощавшись со всеми домашними, уехал в Москву на заработки. Вскоре из Москвы стали приходить посылочки с сухарями, высушенными дедушкой из черного хлеба и перловой крупой. Жить стало легче.

Мужик есть мужик. Истосковавшаяся в большом городе по земле крестьянская душа Филиппа Кирилловича снова потянулась в деревню. На месте груды пепла и золы смазали они из глины избушку и, поблагодарив Анисью Григорьевну за приют и заботу о детях, перебрались в свое новое жилище.

Это было то время, когда в селе Спасское и в округе уже года два обживались колхозы. На скотных дворах, продуваемых насквозь ветрами, от бескормицы и плевого ухода

---

\* Нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной.

\*\* Обротать лошадь — надеть на нее оброть, накинуть недоузлок или узлу.

обычно к масленице пачками падали животные. Особенно рабочие лошади, подвешенные на веревках. Пухли от голода колхозники. Дед Пушок занялся старым ремеслом: искусно плел лапти. Готовые изделия в обмен на хлеб относил на районный базар, за 25 верст. В один из таких походов дед не вернулся. Ослабленный от голода, умер на дороге. В котомке у него лежала буханка черного хлеба и непроданная пара лаптей. Вот и все, что мог оставить своим детям дед Пушок.

Потом его безобидное прозвище, как бы в наследство, перешло к его старшему сыну — Ивану Филипповичу. За ратные подвиги в Великой Отечественной войне Родина отметила славного защитника высокими наградами. Вернувшись израненным, инвалидом 2-й группы в родное село, с первого дня и до последнего времени Иван Филиппович работал в животноводстве. Он удостоен медали «Ветеран труда». Вместе со своей супругой Марией Яковлевной вырастили и воспитали 11 прекрасных сыновей и дочерей. Представьте, сколько внуков теперь у них. Много. Но доброты и ласки хватает на всех.

А теперь коротко о самой жизни в колхозной деревне, и как выражались на самом деле всенародная любовь и глубокая признательность к дорогому вождю.

Когда завершилась сплошная коллективизации и в колхозах вспыхнула «зажиточная» жизнь, по деревням и селам хлынули толпы голодных и нищих просить Христа ради милостыню у таких же бедных и обездоленных людей. Под окнами саманных избушек останавливались бродячие музыканты и осипшими голосами под гармошку, обычно дуэтом — женщина и мужчина, пели вывертывающие душу песни:

*Развяжите вы мне крылья,  
Дайте вволю полетать,  
Я заброшенную долю  
Полечу ее искать...*

Пели и частушки. Среди них запомнилась такая:

*Не боюсь я мороза,  
Не боюсь я холода,  
А боюсь я колхоза —  
Там уморят с голода.*

До сих пор здешние люди вспоминают троицко-ивановскую женщину, тетю Дусю, которая, доведенная до отчаяния, сказала однажды: «Ты, рябая вражина, небось досыта лопаешь пышки с молоком, а мы тут пожрали всю дохлую конину и лебеду». Был у нас в Скобелевке инвалид детства, зарабатывавший на хлеб ремонтом гармоней, дядя Ваня, в деревне его почему-то звали Отчаянным. Не от хорошей жизни и отнюдь не от прилива глубочайшей любви к вождю, бывало, приговаривал он: «Дорогой товарищ Сталин, плакать всех ты нас заставил».

Такова была воистину «всенародная любовь» к родному отцу, творцу счастливой жизни. Но эта любовь выражалась исподволь. Сталинисты утверждают, что коллективизация обеспечила победу в Великой Отечественной войне, ссылаясь на то, что колхозы беспрепятственно давали хлеб фронту, тогда как собственник-крестьянин не дал бы ничего. Это необоснованный поклеп на патриотические чувства многомиллионного крестьянства. В тяжелые годы войны тамбовские труженики на свои последние сбережения снарядили целую эскадрилью самолетов, собрали средства на танковую колонну. А сколько теплых вещей было связано и отправлено на передовую бойцам. Из скудных запасов муки, что граммами получали на трудодни, пекли хлеб, сушили сухари и посылали на фронт. Было бы больше, отдали бы все. Так было всегда и всюду в русской деревне!

1989 г.            Л.И. Журавлев  
Тамбовская обл., Старо-Юрьевский район,  
с. Спасское

### ***«Раскулачивание сопровождается действиями явно преступного характера...»***

В Gladковском сельсовете колхозное строительство проводится под страхом полнейшего разорения не запи-сывающихся в колхозы.

Представитель местной власти — предрайисполкома говорит: «Если не войдете в колхоз добровольно, то мы вас загоним силой, и тогда не пойдете — то будущей осенью и летом все равно выпотрошим, как курят».

Никакой разъяснительной работы по коллективизации не проводится и крестьянство, конечно, не пред-

ставляет, что их ожидает в колхозах. На вопрос, чем же мы будем кормиться до нового урожая и чем кормить и одевать семью — бывают такие ответы: «Это дело ваше, колхоз об этом заботиться не будет».

При такой «разъяснительной» работе крестьяне боятся колхоза, как огня, заявляя: «Лучше в своей хате сдохну».

Согласие крестьян на вхождение в колхоз еще не получено, а уже даны распоряжения Мценским риком — собрать и снести в кучу весь инвентарь. В деревне Березуевке еще осенью были отчуждены молотилки, веялки и другие машины, поставлены на берегу реки и только в конце января убраны в сарай, а до этого времени стояли всю осень под дождем и снегом. Крестьяне, видя такое «ретивое» отношение, однако, боялись говорить что либо, т.к. их стращали отправить в Соловки.

Не меньше «достижения» при раскулачивании. Раскулачиваются хозяйства, имеющие одну лошадь, одну корову, 5 шт. овец и одну свинью, тогда как ни наемного труда, ни кабальных сделок у них не было, налог платили они по 15 — 16 руб. Раскулачивание сопровождается действиями явно преступного характера (являются ночью, при составлении описи пропадают деньги, облигации займов; отобранный и описанный у крестьян скот сами же руководители раскулачиванием тайком продают и режут).

От налетов с целью раскулачивания не считаются неприкосновенными и освобожденными от налога.

1930 г. А.Миронов

Командир Московской военно-инженерной школы

### ***«Коллективизаторы организовали десятки штабов...»***

В Радиевском районе в селении Сырово коллективизаторы организовали десятки штабов, разбросанных по селу. Уклонившихся от коллективизации вызывали в штабы, гнали из одного штаба в другой, заставляли ночью идти за путевками в села, расположенные в 15-ти верстах, с требованием вернуться к рассвету обратно. Не выполнивших требование штрафовали. По предложению секретаря райпарткома Куценко селяне были обязаны содержать штабы, снабжая птицами, яйцами, маслом. В случае отказа штабисты силой забирали продукты. В одном случае заста-

вили бедняка тащить с окраины глину для посыпки двора штаба и всякими издевательствами пытались добиться согласия для включения в колхоз. Кулачество, воспользовавшись этим, развернуло агитацию. В результате из ТСОЗ\*, имевшего 900 хозяйств в один день выступило 600.

ТСОЗ накануне распада. Бюро окружкома постановило секретаря райпарткома Куценко снять, райпарткому объявлен выговор с срочным переизбранием всего райпарткома. Виновные передаются суду. Сельсовет распускается. О деятельности райисполкома начинается расследование.

1930 г.

Корреспондент газеты «Социалистическое земледелие»  
г. Первомайск

### ***«Данное раскулачивание... считаем неправильным»***

В феврале м-це 1930 года в нашем сельсовете производилась ликвидация кулацких хозяйств, в результате чего ликвидировано 17 домохозяев. Данное раскулачивание мы, члены сельсовета, а также и члены местного крестьянского комитета взаимопомощи со своей стороны *считаем неправильным и вот по каким причинам:*

Согласно указанию колхозной газеты, напечатанной от 25/II—30 г. за № 8(12), где прямо говорится, что раскулачивание производится таким образом: актив намечает хозяйства, подлежащие раскулачиванию и вносит свое постановление и передает свое постановление на утверждение пленума сельсовета, который в свою очередь, прорабатывая данный вопрос, выносит на обсуждение батрацко-бедняцкого собрания. По обсуждении батрацко-бедняцким собранием выносятся список лиц, подлежащих к раскулачиванию, на утверждение бедняцко-средняцкой массы, после чего уже приступает сельсовет к раскулачиванию хозяйств, утвержденных собранием.

А что происходило в действительности при раскулачивании хозяйств при П/Каменском сельсовете?

В действительности дело обстояло таким образом: уполномоченный РИКа совместно с местным активом, без всяких бы то ни было собраний бедняцко-средняцкой массы

---

\* Товарищество по совместной обработке земли.

или заседаний членов сельсовета, приступил к раскулачиванию хозяйств, члены же сельсовета слышали от посторонних граждан, что раскулачивание уже производится и намеченные активом хозяйства выгоняются из домов. Когда один из членов с/с после уже раскулачивания 2-х или 3-х домов зашел в сельсовет узнать, почему неизвестно членам сельсовета о раскулачивании, то его выпроводили из помещения. Поэтому при раскулачивании наделалось столько ошибок, искривлений линии партии, что необходимо было бы пересмотреть списки раскулаченных вновь, ибо актив раскулачивал пристрастно: кто на кого был сердит, тот и подпадал под раскулачивание и в результате в число раскулаченных 17 домохозяев вошли середняки, которые как до революции, а также и после революции имели и обрабатывали по десятку десятин хоз.-меры, а некоторые даже и этого не имели. Наряду с этим подпадали под раскулачивание семьи красноармейцев, которые были общественными работниками. Все эти раскулаченные хозяйства со времени их возникновения никакими побочными доходами, как-то от торговли или скупки и перекупки скота и т.д. не занимались, а исключительно занимались только сельским хозяйством.

Все эти хозяйства подали заявления в Каширинский РИК о восстановлении их в правах граждан и возврате имущества еще в середине февраля месяца, но РИК почему-то до сих пор не позаботился разобрать данные заявления и сейчас материалы лежат не разобранные, а ведь подходит уже весенний сев и эти 17 хозяйств в сельском хозяйстве составили бы целую трудовую армию для увеличения посевной площади, а в настоящее время им не дано никакого имущества и они не в силах посеять хотя бы по 1 десятине на хозяйство для пропитания семейства. Что неправильно раскулачены эти хозяйства, то об этом указывают постановление колхозного собрания (протокол от III—30 г. за № 2) и постановление общего собрания от 30/III—30 г. за № 53, а также и постановление женского собрания от 7/IV—с.г. за № 2.

В постановлении ЦК ВКП(б) говорится — немедленно проверить списки раскулаченных хозяйств в боевом порядке, а на месте РИК понимает это постановление наоборот и вот уже 2 месяца держит без результатов все жалобы и постановления указанных собраний, не приступает к исправлению указанных перегибов.

А потому на основании изложенного, мы, члены сельсовета и ККОВ\*, обращаемся во ВЦИК с просьбой предложить кому это следует немедленно приступить к исправлению перегибов и установлению вышеуказанных директив, т.к. в свою очередь мы признаем на основании постановления того же ЦК ВКП(б), что данные 17 домохоз. раскулачиванию не подлежат и раскулачивание производилось без порядка. Имелись случаи хищения кулацкого имущества.

Подписи членов сельсовета и комитета ККОВ П/Каменки — член с/с П. Жервяков, Борков, Савин И., Шестов, Хрипкова Ф., Трубников Д., Трифонова, Трубников Николай, Ананьев и др.

1930 г.

### ***«Режут скот, продают имущество...»***

Батрак Благов (нарезчик пил), проходил по Казанской, Пермской и Костромской и Вятской губерниям, всюду прислушивался к разговорам крестьян, все мужики враждебно относятся к сплошной коллективизации, пропивают последнюю копейку, режут скот, продают имущество, все гонят к концу. Говорят, что недолго жить на воле, власть всех заберет в свои лапы. Я думаю, надо всех крестьян разделять.

1930 г.            Благов  
Казань

### ***«Пытались насилем построить социализм в деревне»***

Уважаемый тов. Калинин. Меня заинтересовало несколько вопросов из статьи Центрального Комитета ВКП(б) под заглавием «О борьбе с покровлениями партии в колхозном движении»\*\*, помещенной в «Крестьянской газете» № 22.

В статье много говорится о нарушении принципа добровольности в колхозном строительстве, и действитель-

---

\* Крестьянский комитет общественной взаимопомощи.

\*\* Так в тексте подлинника письма.



но, местная власть и в особенности выезжающие рабочие бригады, *пытались насильем построить социализм в деревне*. Административными мерами, запугиванием, экономическим нажимом, они насаждали колхозы. И какой же результат? Очень печальный. Колхозы, наскоро испеченные, таким образом, сейчас же начинали разваливаться и разваливаются по сие время.

У крестьян, наблюдавших насилие со стороны организаторов колхозов, создалось мнение, что советская власть хочет насильем построить социализм. От всего этого у крестьянства получились самые антисоветские настроения. Зачастую в деревне услышишь такие выражения: «Советская власть проповедует свободу для трудящихся масс, а на самом деле насильем проводит все свои мероприятия, и за всякие выступления против этих мероприятий, сажает трудящиеся массы за решетки; всюду засели одни коммунисты и правят как им нравится. В странах же гнета, где властвует капитал, все политические партии пользуются избирательными правами, даже имеют свою печать и никаких наказаний за выступления не получают». Вот такие выражения вроде этих, а иногда и гораздо худшие, можно услышать из уст нашего бедняка.

Статья ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» нисколько мнение крестьян не изменила. Крестьяне это поняли, как оправдание ЦК ВКП(б) перед массами, *что как будто ни ЦК, ни наша центральная власть, ничего не знали о том, как строится социализм в деревне*. И после неудавшейся попытки добиться желаемых успехов в таком порядке, «умывает руки перед массами», слагает всю вину на организаторов колхозов на местах. И на самом деле создается вопрос: *как это ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР с начала и до конца проводимой кампании по коллективизации с.х., не видело таких недопустимо грубых нарушений. Почему они это заметили лишь тогда*, когда кампания в данный год почти закончилась. И если допустить такое предположение, что в самом деле наша компартия, наша советская власть, были настолько слепы, что до этого времени не замечали того, как классовые враги, примазавшиеся к партии, искривляли партлинию, то получается такой вывод, что у нас на местах свергнут советскую власть, а в центре будут думать: «А у нас еще советская власть существует».

Теперь сама печать и факты доказывают, что совершенно нельзя верить советской печати. Несколько месяцев тому назад, наши газеты писали, что у нас стихийно растет бурный темп коллективизации, что коллективизация опережает самые смелые предположения, что планы, намеченные в центре, исходя вниз, все расширяются и когда доходит до села, то крестьянами проводится в жизнь сплошная коллективизация. А на самом деле, разве коллективизация росла стихийно? Конечно, нет. Возможно, были отдельные случаи, которые вздуты и пушены в печать.

Во многих же случаях при коллективизации применялись различные принудительные меры, о чем теперь сознается сама печать. Так же вопрос борьбы с религиозными предрассудками еще раз подтверждает, что наша центральная власть, или не видела искривлений в деревне до сего времени, или умышленно допускала таковое и еще раз доказывает, что советской печати не всегда можно верить.

Теперь возьму факты из жизни:

1) В Запольском с/с Суражского р-на, Витебского округа раскулачивание кулака Юревича, которого по существу нельзя назвать кулаком, происходило совершенно грабительным способом. Прибыли коллективщики того же сельсовета и забрали все, что таковым понравилось. А так как таковым понравилось все, то и забрали все, начиная от скота и семян и кончая старыми лаптями без всякого составления акта изъятия. Осталось лишь, что одето и обуто. Какое впечатление оставило это на крестьянские массы. К этому следует прибавить, что большая часть членов этого колхоза в 1921 — 1922 гг. состояли в белобандитских шайках и грабили мирное население. Будет ли кто привлечен за это к ответственности? Вряд ли. *Центральные власти не знают об этом, а местные власти не принимают никаких мер к этому, а лишь способствуют.*

2) В Пудотском с/с того же района и округа все кулаки ликвидированы, в то время как коллективизировано населения всего процентов 4 — 5. Есть ли такое положение о ликвидации кулачества. Вероятно, в одном Суражском р-не.

Как будут засеиваться земли бывших кулацких участков, не знаю, но могу подметить, что население возмущено такими поступками местной власти и от этой земли отказываются. Кто проводит здесь работу, население не знает. Есть ли предписания сверху или же это активность местной власти.

3) По соседству с нашим с/с находится или, вернее говоря, к нему прилегает Чеснорский с/с Усвяцкого р-на, Великолуцкого округа. Здесь в дер. Мельни, при проведении собрания по коллективизации представителем Боровиковым, гражданка Коробухина Наталия была приведена в обморок недопустимо дерзким поступлением Боровикова. Таковой выскочил из-за стола и с кулаками подскочил к гр-ке Коробухиной, угрожая нанести ей удар за то, что она высказалась не по его мнению. Гр-ка упала в обморок. В протокол собрания по настоянию схода (собрания) это было занесено, но секретарь был принужден все занести под диктовку тов. Боровикова. Этим факт был искажен до неузнаваемости. Этим все и успокоилось.

4) В том же с/с Дроздовской группе отказано выдавать из кооперации пром. товары и хлеб за то, что таковая не вступила в колхоз и не провела контрактацию\* посевов.

И можно привести много, много примеров насилия по искажению партлинии, в особенности в нашем Витебском округе по Суражскому р-ну. Теперь, когда мы в нашей печати находим, что компартия начала вести решительную борьбу с искривлениями партлинии, *мы все же не видим примеров привлечения к ответственности виновных.*

Почему бы не привлечь к ответственности грабителей колхозников и других виновных в этом, или таких Боровиков. Желательно было бы ваше пояснение по этим вопросам в «Крестьянской газете».

1930 г.                      Ф. Янкевич  
Витебский окр., Суражский р-н,  
Пудотский с/с,  
дер. Янки

### *«Обычный разговор с крестьянами...»*

Никаких разъяснений не делали, кроме угроз. Говорили нам на сходе: «лошадей нам не нужно, будут трак-

---

\* В годы НЭПа добровольное предварительное соглашение между крестьянином и кооперативным или государственным предприятием о производстве и оплате продукции. После 1928 года контрактация стала одной из форм принудительного изъятия у единоличников и колхозников результатов их труда.

торы». Семена собрали вместе. Обычный разговор с крестьянами, это показ на дуло револьвера и на тюрьму.

Как только узнали, что насиловать крестьян никто не имеет права, *то свыше 700 дворов вышло из колхоза.*

1930 г. Алборов  
Северо-Осет. Авт. обл.,  
п. Ардон, Темирболот.

### **«Просим передать тов. Сталину»**

Настоящее наше письмо просим передать тов. Сталину. Мы просим его прекратить враждебность между народом, не принуждать административно в колхозы. Получается, что за свой труд заработали кнут. Такая программа в корне неправильна. Надо дать всем сильный труд и тогда видно будет, как года через три изменится положение в России, а если будет продолжаться по-прежнему, то лучше голову на плаху. Гибель будет верная, безвозвратная, не останется ни кола, ни двора и все, как в огне, сгорит. Попросите центральную власть, пусть она не доверяет чужим речам, а лучше верит своим очам. В колхозе огромный развал и убыток, а что будет тогда, когда урожай получится плохой, будет полнейший крах. Мы люди все видим, как было тогда и что делается в настоящее время, а потому и просим вас от имени батраков Бережковского колхоза приезжайте кто-нибудь из порядочных людей и расспросите по колхозам каково положение дел. Сейчас уже мясо стоит 1 рубль фунт, которое мы все время ели за 25 — 30 коп., а что же будет дальше. Если колхозы еще просуществуют 2 — 3 года, мы вполне уверены, что останемся голодные и холодные. В прежних артелях и торговых товариществах, которые существовали до войны, люди собирались деловые и знали друг друга, но и тогда дело редко выходило как нужно.

Будьте добры, пришлите человека в полном возрасте и хозяйственника, который бы мог разобрать всякое дело.

1930 г.  
Нижне-Волжский край, Николаевский р-н,  
Колхоз «Буденновец»  
(Анонимное письмо)



Первым долгом шлю вам горячий рабоче-крестьянский привет, а затем сообщаю вам о творившихся безобразиях в нашей деревне. Я сюда приехал только сегодня 28 марта с.г. и решил написать вам, что происходит у нас в с. Токмаке, Заинской волости, Челнинского кантона\* Татарской АССР.

У нас нынче осенью было намечено провести район сплошной коллективизации и изжитие кулака, как класса. Наши местные власти взялись за это дело с таким жаром, *что крестьянину стало невтерпез.* Крестьяне как бедняки, так и середняки *стали бросать* свои хозяйства и уезжать кто куда попало, так как жить дома никто не находил нужным, потому что крестьянин хоть и бедняк, но как мелкий собственник привык к единоличному хозяйству, привык считать имеющуюся у него лошадь или корову своей. Но наши сельсоветчики, как мне кажется, не допоняли и не разобрали, что такое сплошная коллективизация и как она должна проводиться. Начали собирать собрания, уговаривать граждан крестьян записаться в колхоз, правда, после чего записалось несколько человек, передовых и более активных крестьян, так приблизительно человек 15, в том числе и я. Наши сельсоветчики этим не удовлетворились, разделившись по районам начали обходить граждан подворно и тех, кто не записался в колхоз начали запугивать, что, мол, если только не запишешься, *то тебя лишим земли и голоса*, если крестьянин середняк, а если бедняк, то, мол, выселим на плохую землю, а скот который имеется тоже отберем. Граждане, конечно, *боясь того и другого, нехотя, кое-как стали записываться.* И месяца через два наше село было коллективизировано на 100 процентов за исключением лишенцев.

Затем наши просители принялись за раскулачивание. У нас в селе имелся всего на всего один кулак, бывший торговец Киселев Павел Егорович, которого надо будто так или иначе изжить, как класс. Но сельсовет на этом не успокоился, так как делать было больше нечего, стали придумывать кого бы еще раскулачить, и нашли. Киселева Кузьму Ксенофоновича по имущественному состоянию надо сказать все-таки крепкий середняк, но не кулак и не эксплуататор, имел две лошади, корову и штук 5 овец и кирпичный дом, который он наживал не

---

\* Административно-территориальная единица типа уезда.

спавши ночей и не покладая рук работал, благодаря чего лишился зрения. Макарова Василия — середняк, имеет одну лошадь, корову и несколько овец, тоже трудовик. Киселева Сергея Ивановича за то, что тот в 1905 г., будучи матросом в старой армии участвовал в восстании против быв. тогда эксплуататоров царской власти, был поражен в правах царским правительством навсегда. Прибыв из армии, Киселев года два занимался бакалейной торговлей, приблизительно рублей на сто. Затем Милочкина Афанасия — маломощного середняка за то, что Милочкин как верующий и религиозный и когда-то служил жандармом месяца два. Этого раскулачили, посадили в тюрьму, якобы, Милочкин своей молитвой мешает ходу коллективизации.

Кончив с вышеуказанными гражданами, сельсовету опять стало скучно сидеть без дела. Стали придумывать еще кого бы найти и опять нашли Логинова Андрея — Логинова Павла, Логинову Авдотью, Макарова Андриана, Малькова Николая, Степанова Матвея, Малькова Леонтия, Бушурова Ивана, Логинова Александра, и наконец, Киселеву Екатерину и ряд других граждан, а всего в количестве 20 домов. Все без исключения маломощные середняки и бедняки. Прошлые этих граждан — Логинов А. — середняк, Л.П. — тоже, Макаров А. — тоже, Мальков Н. держал раньше земскую ямщину\*. Мальков Л. его сын, Степанов М. лет 15 тому назад имел обдирку, т.е. конную крупорушку. Бушуров Иван, раньше его отец был бедняк, Логинов Алекс. сын середняка и т.д. Все эти раскулаченные или престарелые старики, как Мальков Н. или имеют по целой дюжине детей и даже больше, как Логинов П. девять штук и Макаров А. — семь.

Дорогой товарищ Михаил Иванович, прошу вас, будьте добры, ответьте мне на это письмо: правильно ли поступает наш сельсовет, не искривляет ли линию партии и правительства и кто тут виноват?

1930 г.

Письмо от рабочего Энергостроя со станции  
Губачи, Пермской ж.д.  
Волкова Трифона Сергеевича

---

\* Ямщина — заниматься промыслом ямщика, возить почту.

## «Уважаемый т. Сталин!»

Уважаемый т. Сталин! В «Крестьянской газете» 17 — 18 была напечатана ваша статья «Головокружение от успехов», в которой вы указывали на некоторые ненормальности и перегибы в организации колхозов. К сожалению, эти перегибы, пожалуй, наблюдаются и в нашей местности. В районе нашего Турмодеевского с/с Ермашинского р-на Рязанского округа, в настоящее время организована коммуна. Устав принят, подписан и наверное, где-то уже утвержден. Одним словом, организация наша считается законно оформленной. Но спрашивается, как и каким путем организована эта коммуна и насколько она крепка. Организовалась она не по добровольному желанию членов, а вернее по желанию и настойчивости организаторов и находится сейчас, пожалуй, в шатком положении.

Организатором коммуны был некто т. Усанов, член ячейки и член Бедишевской коммуны, который на собрании в своем докладе сказал, что по плану рика у нас намечена коммуна, а план это есть святыня и его во что бы то ни стало нужно выполнить. Никакие доводы и возражения об организации т-ва или артели к обсуждению почти не принимались, а вот вам коммуна и больше ничего. Сейчас же было приступлено к записи в члены коммуны, записалось 6 — 7 человек. Затем был сделан подворный обход. Бригада была составлена из местного актива под руководством т. Усанова и другого члена Бедишевской же коммуны т. Колбасова. При обходе, кроме мер убеждения, подчас применялись и меры некоторого запугивания, как например, лишение получения товаров из кооперации, выполнение непосильного семфонда, а если запишешься, то ты, мол, как бедняк — освобождаешься, а после заставили выполнять и бедняка, были случаи, пожалуй, писали и против согласия, записали и ладно. От записавшихся бралась подписка, что он вступает в члены Бедишевской коммуны (существует около 2 лет сейчас около 35 членов), куда и передает все свое имущество, что явилось также некоторым обманом, так как на собрании говорилось об организации самостоятельной коммуны.

Записавшихся оказалось все-таки немного. Началось применение мер раскулачивания, после чего запись пошла успешнее. В конце концов так или иначе, но все-таки большая часть населения оказалась в коммуне. После чего



как будто наступает некоторое спокойствие, созывается собрание, зачитывается устав коммуны, есть случаи возражения, мы, мол, хотим артель, но получается ответ: «Нельзя!» Устав принимается голосованием: «Кто против?» (Молчание). «Против нет?» (Молчание). «Значит — принимаем». Намеченные учредители и уполномоченные также принимаются и выходит, что дело сделано, коммуна организована. Но получилось другое — опять волна, народ хлынул с заявлениями о выписке из коммуны. Заявления принимались, а потом к этим гражданам шли бригадиры и предлагали заявления брать обратно, если же не берешь, то сейчас же отбираем у тебя скот, некоторые отказывались и у них скот отбирался, хотя и без согласия на то хозяина, подчас доходило и до толчков, а на плач не обращалось внимания. Были такие активисты из бригады, которые говорили: умру, а скот возьму. Скот брали и у бедняков. Возражение против этого принималось за срыв кампании и приходилось молчать.

Собранием обсуждался вопрос об объединении скота, большинство высказывалось за оставление до весны, за неимением подходящих помещений, но опять хотя и молчанием, но было постановлено к объединению приступить, по возможности, немедленно. Были подысканы простые крестьянские дворы, на которых и поставили по 5 — 7 — 10 лошадей. Некоторые граждане приводили лошадей сами, у которых брали, а были и такие случаи, что останавливали на дороге, хозяина ссаживали, а лошадь заводили на объединенный двор.

Коммуна наша организована в районе 2 сельсоветов, прошло уже порядочно времени, но работы никакой не проводится. Новое правление еще не переизбрано, а старое, т.е. Бедишевское тоже, по-видимому, охватить всего не может и дело стоит, стоят лошади, люди сидят. Район наш, пожалуй, не богатый, овса для лошадей мало, а завоза нет, есть опасения, что на весну лошадей кормить будет нечем. Но так или иначе народ уж как будто примирился и ждал только что будет. Теперь же после вашей, т. Сталин, статьи опять заволновался народ и волнение это грозит чуть ли не срывом. Главным образом недовольство высказывается на неправильный, обманный и принудительный подход.

Тов. Сталин, если найдете возможным, то прошу вас дать ответ: «Можем ли мы теперь из коммуны, на что как

мне известно, согласны все, даже и выходцы из коммуны и еще не записавшиеся, которая пока числится только еще на бумаге — сделать артель. Правильны ли действия организаторов в отношении навязывания того или иного вида колхоза и законный ли был отбор скота в неделимый фонд коммуны у подавших заявления о выходе из коммуны, в которой они, кроме записи, участия никакого не принимали».

1930 г. Д.Ф.  
Рязанский окр.

### **«Будем выходить из колхоза...»**

Индивидуал говорит колхознику, какая тебе польза быть в колхозе. На рынок ты не можешь повезти своего продукта, потому что ты не хозяин ему. Кооперативы тебя не снабжают промтоварами, по спекулянтским ценам ты купить не сможешь, т.е. платить за сапоги 100 руб., за рубашку 15 руб., за плохой пиджак 50 руб. и т.д. И вот я живу своим хозяйством, т.е. индивидуал, везу на базар пшеничную муку, продаю 16 — 18 руб. пуд, ячневую 7 — 8 руб. пуд, овес 5 — 6 руб. пуд, яички 2 р. 50 коп. за десяток, масло слив. 6 — 7 руб. фунт, подсолнечное масло литр — 10 руб., курица 8 руб. шт., арбузы, помидоры и всякую дрянь, и за каждый базар везу 200 — 300 — 400 — 500 руб. и мне, говорит индивидуал — не страшно платить за сапоги по 100 руб. — так и за прочие вещи, а колхозник тогда думает: а правда ведь, что ему живется лучше. И тогда задают колхозники рабочему ряд вопросов на эту тему: если, мол, нас не будут снабжать кооперативы всем необходимым, потому что мы, колхозники, свой хлебофураж и остальные все продукты сдаем государственным организациям по твердым ценам, а в кооперации нет ничего из промтоваров, а на вольном рынке купить не можем, то мы, наверное будем выходить из колхоза, из артелей и из коммун. И такое настроение и у других колхозников — верных партийцев. Пока другого оружия для этой борьбы нет, кроме обещаний в дальнейшем и агитации за лучшие блага в будущем. Хлеба в поле еще много неубрано. Колхозники уборку делают очень неохотно и нежелательно. Рабочие и служащие других учреждений в дни от-

дыха идут к ним на помощь по уборке хлеба, подгоняют колхозников, и они даже недовольны на эту помощь. Хлеба в степи много погибло.

1931 г.            Селькор Пунев

***«Дали б нам свободу... засыпали государство зерном»***

Крестьяне все, как один, говорят: дали б нам свободу, мы засеяли б всю землю и засыпали государство зерном. Что это за политика хулиганская: заходят в квартиру человек 7 ночью крестьянину и забирают все под предлогом: ты кулак. Это партийные разбойники. У нас растут самоубийства каждый день, проституция цветет. И вы думаете после такого издевательства вам не «отблагодарят» крестьяне?

1930 г.            Крестьянин Старобельского района  
Ковалев

***«Я не против колхозов, но только пусть строятся без помощи ГПУ...»***

Когда-то был переворот земной коры и остались жить более сильные, приспособившиеся люди. Так и теперь в СССР останутся только самые стойкие, крепкие. Говорят, надо переживать, надо быть сознательным, но переживать нет уже сил. В СССР все стало историческим, все стало рекордным и люди должны быть рекордными; исторические лапти — стоят 5 руб., исторический хлеб — 18 руб. пуд, молоко — 2 р. 50 к. четверть\*, яйцо — 30 коп. — 35 коп. до 40 коп. штука. Пара сапог валеных — 100 и 125 руб. Керосина первого сорта — пол-литра на неделю и обязательно в очереди — этот спутник новой жизни. Даже письмо написать не на чем. Жизнь стала невиданной на земной коре. За границей всего много, но там нет работы, а у нас кроме работы ничего нет. Я по найму работаю 30 лет, но никогда, нигде за свою свободу так еще не боялся, как теперь. Скажи спички плохи и в ГПУ ташат, —

---

\* Большая стеклянная бутылка.

говорят кулацкая агитация. Читать был любитель, но теперь бросил выписывать газету. В руки редко беру писателей, раскулачили газеты, стали они все как одна и все одно и одно: выполнили и перевыполнили план, все идут успешно, а в общем осталось одно терпенье.

Когда это и где было, чтобы крестьянин не интересовался землей, а вот сейчас бросают всё и бегут кто куда. В программу не входит, чтобы крестьянин имел 2 — 3 коровы, даже крыльца у дома выкрасить нельзя. Будь бедняком, все идите в колхоз, а в колхозе осталось нескошенной травы 12 дес., клевера, вика и т.д. Нет, товарищи, жизнь так не построить. Всякое правительство умнее своего народа, написал, исполняй, не рассуждай, а у нас арестовывается людей пока что больше, чем при всех царях и временах. Люди поделены на 20 сортов. Вот я и стал чуждый элемент — враг народа. Нет я не был им и не буду, будущее покажет, кто прав.

У нас говори только за, а против нельзя. Я не против колхозов, но только пусть строятся без помощи ГПУ, тогда не будет заносить снегом покос.

Чтобы понять все кругом происходившее, надо быть большевиком. В газете пишут, что положение нашего рабочего улучшается со дня на день, вот и думаешь, да что, живу ли я? Питание товарищей рабочих — хлеб и вода и не досыта и чай без сахару, и в квартире волков морозить. Позабыли даже какая есть селедка.

Наконец, стало понятно, что все не для нас. Нам, чем скорее помереть, тем лучше. Ото всех достижений сидим с лучиной и на воде, и без мыла и табаку. Все стало мелочью, человек тоже.

Я, товарищи, не враг никому, а только пишу с голоду. Хотя сказано, что не единым хлебом человек живет. Но пишу потому, что наболело, изголодался. Я не виноват, что голод не могу переносить и смерть стала не страшна, все равно не сегодня, завтра. Баню истопить нечем стало, поездка ходят 5 — 6 верст в час, а послушаешь, все везде обещают перевыполнить, выносят везде встречные\*, потом прорыв, нетрудно догадаться кто этого хочет. Все делается завами да предами, а кто против — выгоняют его. Ну

---

\* Речь идет о встречном плане. Так называли планы, которые принимали рабочие коллективы по собственной инициативе. Как правило, они превышали задания вышестоящей инстанции.

поэтому и молча принимается и молча не выполняется. Всех тащат учиться, а топить нечем и обуть нечего. Я вот хотя и немного учен, но не рад и этому, меньше знать, крепче спать. У нас надо знать и думать только согласно законам, т.е. быть автоматом. Одно горе от знаний. У нас книги и газеты издает одна компартия. Она только знает, что человеку нужно ее. Если бы Карлу Марксу дать 20 — 30 ф. муки на месяц и в столовой 30 коп. обед и более ничего, наверное другое бы запел. За это писание меня наверное в 12 ч. ночи потащат в ГПУ, но я и так помираю. Прощайте.

1930 г.            Н. Коренин  
г. Нерехта, 1-я Сапожная,  
артель им. Ленина

### ***«Мы это насилем не считаем...»***

Уважаемый ЦИК, мы, крестьяне с. Мягкова, Александровского района, и округа — Кошелев Д.А. и Кириллов М.М., обращаемся к Вам за разъяснением. В настоящее время идет колхозное строительство. Наше Мягково и все ближайшие деревни вступили в колхоз. Это был результат усиленной разъяснительной работы. Но, когда крестьяне уже вступили в колхоз, появилась статья Сталина, где говорилось, что «силой в колхозы гнать нельзя». После этого колхозы стали разваливаться. *Крестьяне говорят, что «нас гнали в колхоз насильно», но мы это насилем не считаем, потому что по 5 раз в каждую деревню выезжали представители с разъяснением о колхозе.* Когда приезжали зем. работники, составляли проекты землеустройства и колхозам нарезали ближние земли, а кулацко-зажиточную часть сажали на неосвоенную землю — то будто бы этого крестьяне побоялись и пошли в колхоз. Но это не насиле, а только соблюдение классовой линии.

Первыми начали выходить из колхозов и стали агитировать за выход, *рабочие, проживающие на фабриках и на заводах*, у которых в деревне имеется сельское хозяйство. Они создали путем своих заработков крепкое хозяйство и живут лучше крестьян, которые не имеют побочных заработков. Ясно, что таким крестьянам-рабочим колхозное строительство не в пользу, потому что они и так живут хорошо, а в нашей местности таковых много.

Теперь нужно сказать, как жить тем крестьянам-активистам, которые остались в колхозе? Жить очень трудно. Над ними устраивают разные насмешки, говорят, что колхозники грабители, что они забрали в колхоз все раскулаченное имущество и что скоро все это имущество отдадут кулакам обратно и их скоро введут в свои дома, а бедняков выселят. Все это утверждают не колхозники. Нас это очень возмущает, нам кажется, что в настоящее время ослабла советская дисциплина. Если после статьи т. Сталина посмотреть с чем остались наши низовые советы и как им работать, то увидим, что работать таким стало невозможно и проводить то или иное мероприятие очень трудно. Что не скажет советская власть крестьяне одно говорят, что «т. Сталин писал никаких насилий быть не может и мы не хотим». *К примеру, сейчас контрактация посевов, молока и т.п. проходит очень слабо. Везде и всюду спекулируют статьёй Сталина*, а наши низовые советы в настоящее время не знают, что делать, как проводить то или иное мероприятие Советской власти. Колхозы все распадаются. Крестьяне, вышедшие из колхоза ведут борьбу против колхозного строительства.

Мы хотим дать ЦИК свое предложение — *предоставить колхозам* все преимущества. Предоставлять колхозам работы, если имеется свободная рабочая сила, принять меры к рабочим, каковые связаны с крестьянством, чтобы таковые вступали в колхозы.

Мы надеемся, что ЦИК прочтет наше письмо.

Мы думаем, что это письмо не первое и не последнее, мы думаем, что все крестьяне-активисты пишут такие письма и изо всех таких писем наш ЦИК выработает свой твердый закон, где скажет «все в колхозы и окончательная победа над кулаком».

1931 г. С товарищеским приветом  
кр-не села Мягкова Александровского р-на и округа  
Кошелев Дмитрий Андреевич и Кириллов Матвей  
Михайлович

**«Посевы все позаросли...»**

Уважаемый т. Калинин! Я Вам хотел описать все то, что творится в нашей станице. Я член ВЛКСМ с 1923 года

и всегда приходится агитировать за построение колхозного строительства нашей страны, но я вижу, что в нашей станице проводятся эти мероприятия неверно. Во-первых, насильно загоняют в колхоз крестьян. Насилие заключается в том, что невошедшим в колхоз крестьянам объявляют бойкот: в кооперации ничего не дают. Есть много крестьян бедняков и середняков, которые не вошли в колхоз, и им в кооперации даже керосину не дают; говорят идите в колхоз и тогда все получите, а если не идете в колхоз, то мы вас все равно заставим идти в колхоз, а иначе все будете в Соловках, как вредный элемент. Бывали случаи, что если какой-либо крестьянин станет просить объяснить ему, что из себя представляет колхоз, то его за это зачастую подвергали арестам и судебным процессам, а то бывало, вызывает к себе уполномоченный ОГПУ тов. Шмиль и дает тому или иному крестьянину угрозы арестами. Крестьянину приходится идти в колхоз, не зная задач коллективного хозяйства.

И вот результаты. Сейчас посеянные посевы все позаросли, все, можно сказать, пропало, т.к. ни один крестьянин не идет полоть и теперь приходится останавливать заводы лесопильные и прекращать вывозку леса. Что делается сейчас я сам не понимаю. Все учреждения закрыли, кооперацию тоже, лесные заводы стоят и наполовину приостановили нефтяные промысла. Всех рабочих и служащих погнали полоть. Кроме того, взяли с концлагеря выселенных кулаков и их тоже погнали всех полоть. Получилась неразбериха: эти же кулаки над нами смеются и говорят: «Все равно без нас не обошлись колхозы, но мы им наработаем», и во время полки тяпками рубили все подряд и траву и кукурузу, так что после полки на ниве ничего не осталось.

Уполномоченный ОГПУ тов. Шмиль остался за секретаря р.к. ВКП(б), дал по всему району письменное распоряжение прекратить всякие лесовывозки на пять дней и мобилизовать все население для полки. Если нужно, то всех погнать винтовкой. Я как комсомолец считаю такой поступок со стороны наших руководителей никуда не годится и прошу дать на это письмо объяснение: верно ли это или нет?

1930 г. С.К.

Майкопский окр., Апшеронский р-н,  
станция Апшеронская

### **«Везде подрыв советской власти...»**

Крестьяне не хотят идти в артель потому, что выслали людей на Соловки. Народ заявляет: что ссылайте нас всех, а сами стройте коллектив. Мы воевали за землю, отвоевали ее у помещиков, а теперь вы на место помещиков, если и забрали землю, нам не даете и сами ей дела не дадите. Поприсылали рабочих к нам для проведения коллективизации, они по ночам запрягают лошадей и ездят к бабам, режут стельных коров, в общем везде подрыв советской власти, бюрократизм. Взяли в руки власть и мучают людей, чтобы народ восстал и это будет в скором времени.

1930 г. Каменев  
Москва

### **«Отвечает колхозник единоличнику»**

Когда мужика оставили без хлеба и без скотины, то уже остальные говорят — надо идти в колхоз, а то и нас ограбят. И вот под этим страхом начинают новые колхозы организовывать. Единоличник начинает говорить с колхозником, опрашивает про всю его жизнь колхозника, как живется в колхозе, а колхозник ему говорит, что я живу не в колхозе, а в батраках у помещика, и входить всем в колхозы не советую, потому что мы сами хотим выходить. Вот что отвечает колхозник единоличнику. А отчего же это там зависит. По-моему, от того, что мы не на основе добровольности создаем колхозы.

1931 г. Загодин  
Уральская область, Курьинский район,  
Ирбито-Вершинский сельсовет

### **«Дайте им свободную конкуренцию...»**

Не тяните на аркане крестьян в колхозы, а оставьте их на местах не тронутыми, дайте им свободную конкуренцию, обложите их подесятинно-натуральным налогом, но отнимите у них наемный труд, спекуляцию и побочный заработок. Такими рамками вы безболезненно убьете



кулака как класса в течение 2 — 3 лет. Настоящее колхозное движение за 3 месяца по БССР дало убытков свыше 3 млн. Настоящее колхозное движение только на руку нашим вековым врагам.

Товарищи, если вы откажетесь от этого плана, то мы откажемся от вас.

1930 г. (Анонимное письмо)

### **«Принудительным порядком, запугиванием...»**

В Гороховецком районе коллективизирование крестьянских хозяйств проходило принудительным порядком, запугиванием, лишением крестьян и получением товаров из кооперации, отбором скота и недачей земли. Успехи коллективизации деревень Великовского с/с на I. III превзошли все ожидания. Крестьянское хозяйство 16 деревень почти на все 100 проц. было коллективизировано. Контрактация молока особенно прошла «успешно». Крестьянские коровы поголовно все «законтрактованы»: 20 — 30 пуд. с коровы молока даешь и ваших нет! Разговоров было мало. Не считались с семьями и количеством молочного скота в хозяйстве. Руководители этим делом подводили всех под одну рубрику. Пред. Великовского с/с Балдин, а вместе с ним ж.д. яч. ст. Гороховец почивали на лаврах...

Деревни Великовского с/с пошли выписываться из колхозов. Чем объясняется эта быстрая перемена декорации, почему крестьяне побегли из колхозов. Вот, что рассказывают крестьяне из деревень Картаганова, Семеновки, Светильного и Лучинки: «Нас в колхоз заставляли записываться принудительным порядком. Кто не пойдет в колхоз, тот будет лишен получения товаров из кооперации. Запугивали, что могут отобрать скот и не дать земли. Пред. с/с комсомолец Ю. Балдин краток в речах: «Кто не пойдет в колхоз, тот против советской власти». Комсомольская организация при ст. Гороховец, говорит, что у него вошла в привычку фраза: «Молчать, а то арестую». Весь район дрожит от его угроз. Пойдешь в с/с за справкой и там один ответ: «Мне некогда, выкатывайся и точка!» Он чувствует себя диктатором в районе.

Что запугивает крестьян, записавшихся в колхоз. Приближается время к весеннему севу, а в колхозах нет пла-

нов, нет организаторов работ, которые бы занимались этим делом. Крестьяне не знают, как они будут работать и кто будет работать. Мужская рабочая сила почти вся находится в городе при фабриках и заводах. Председатель с/с и агроном г. Гороховца не сумели организовать основную массу крестьянства и закрепить рабочую силу за колхозом. Надо было закрепить основную часть крестьянства за колхозом, а лишнюю рабочую силу, перешедшую в пролетариат, совершенно отколоть от деревни, тем самым выявить реальных работников колхоза и возможности дохода от имеющейся земельной площади.

Они мыслили заведомо включить всех рабочих в колхоз с установкой 50% заработка рабочего, хотя бы его семья жила в городе. Для покрытия дефицита колхоза деревенские работники предполагали путем отчисления 50% заработка всех рабочих, находящихся в отъезде, исправлять прорывы, которые будут иметь место в колхозах. По деревням создано мелкое делячество, крестьяне были восстановлены одни против других. В деревнях началось брожение, стали искать кулаков, а они превратились в бедняков или середняков, крепко прилегли к колхозу, их и не заметишь. В кулаки попадают середняки, а порой и беднота лишь только потому, что, в каком-либо хозяйстве имеется 2 — 3 сына на заработках. Про кулаков каждый толкует по своему, а этим самым разваливает начало организации колхозов. Колхоз можно построить в любой деревне данного района бездефицитно, если правильно учесть культуру посева. Ряд деревень можно перевести на скотоводничество и молочное хозяйство, т.к. большая часть деревень находится с заливными лугами. Нужно немедленно принять меры, наверстать упущенное время в подготовке к весеннему севу. Остались недели до весеннего сева. Колхозы к этому севу, к коллективной обработке не подготовлены. Это видно потому что из деревень группами приходят выписываться из колхозов и говорят, что никакого планирования у них в деревнях не сделано. Ни в одной деревне правление колхозов к работе не приступило.

Надо немедленно приступить к поправке наделанных ошибок. Председателя райсовета снять с работы. Колхозное движение, проведенное по деревням, нужно немедленно принять меры закрепить. Окр. Владимирской парторганизации нужно проверить руководство Гороховецкого РК по коллективизации и также провести кое-какую перегруппировку. Нужно немедленно выявить подлинное

лицо бедняков, середняков деревни, создать основное ядро крестьян в любом колхозе и через ударную разъяснительную работу добиваться прямого подхода к добровольному втягиванию в трудовые артели крестьян. С данным вопросом медлить нельзя, чем скорее он будет разрешен, тем скорее достигнем успехом в деле коллективизации.

1930 г. Шалимов Ф.Д. член ВКП(б)  
Нижегородский край,  
г. Балахна, Нигрэс

### ***«Актив бьет тревогу...»***

Статью тов. Сталина о том, что не насильно должны идти в колхоз, а по желанию своему читают и говорят, да, идти в колхоз, говорили, мы должны обязательно, а выходит, по желанию. И каждый день стали поступать заявления о выбытии из коммуны. Весь ломается посевной план. Если таким темпом будет это идти, то к хорошему не приведет. Крутом в колхозах актив бьет тревогу, что делать.

1930 г. Коровниченко Л.  
Веловолостное п.о., коммуна «Заря»

### ***«Кто не пойдет а колхоз, того к стенке поставим»***

В Ново-Шмидтовке партиец Алексик заявил, что кто не пойдет в колхоз, того к стенке поставим. В Ново-Одесском районе в момент раскулачивания чуть не все середняки хлынули в колхозы потому, что им заявляли партийцы: «Не пойдешь в СОЗ — будешь раскулачен». В дер. Малиновке неправильно раскулачено из 82 хозяйств — 37, в Новой Одессе из 84 — 39 и т.д. Характерно, что среди раскулаченных в Ново-Одесском районе 45 проц. середняков. Когда местная газета сигнализировала об этом, райпартком вместо того, чтобы исправить свое головотяпство на заседании бюро постановил: «Заметка льет воду на кулачество, это возмутительный поклеп на руководящие организации района».

1930 г. Кинаш С.  
г. Николаев

## **«Усиленная кампания по сплошной коллективизации»**

Приблизительно с начала декабря 1929 г. по всей территории Сочинского района началась усиленная кампания по сплошной коллективизации. Все признанное хоть сколько-нибудь годным для этой работы, было брошено в деревни для проведения собраний и других работ. Собрания созывались несколько раз в неделю и выступавшие с разъяснением о преимуществах коллективного труда и жизни не скупались на обещания, не останавливаясь перед раскулачиванием и ссылкой на Соловки и Дальний Север отказавшихся вступить в колхоз. Если кто пытался критически отнестись к коллективизации, в местных условиях, немедленно передавался в распоряжение ГПУ. Уже признанные кулацкими хозяйства облагались налогом часто в два раза превышающем стоимость имущества и в уплату их, с ведома районных властей, имущество отбиралось нередко до последней тряпки, прикрывавшей грудных детей, а также и всех продуктов питания. Почти все кулаки были арестованы и преданы суду, а семьи их некоторые назависимо от возраста куда-то сосланы.

Снабжение продуктами питания кулацким семьям кооперацией было строго отказано, несмотря на то, что помимо кооперации достать что-либо не было никакой возможности. С каждым днем товары потребительской кооперации уменьшались, а частный рынок прекратил всякое существование.

Крестьянам свои излишки разрешалось сдавать только в кооперацию, более крупные торговцы предусмотрительно бежали, а мелкие были арестованы и преданы суду. Это не минуло и некоторых кустарей-ремесленников и извозчиков.

Всякая продажа скота, убой одной свиньи для личного питания и в деревне и в городе считалось разбазариванием народного имущества и виновные предавались суду. Тюрьмы наполнились до того, что спать арестантам, хотя бы сидя, можно было только посменно. Достаточно было одной заметки в газете или одного заявления кого-либо, чтобы нередко ни в чем неповинный был окулачен или обвинен в каком-либо другом преступлении, брошен в тюрьму и предан суду.

И наряду с этим, явно контрреволюционные личности спокойно оставались в управлении колхозов. Окулаченный или обвиненный в другом преступлении, если он

еще не был брошен в тюрьму, напрасно пытался оправдаться, его никто не слушал, всяк сторонился, как заразного больного, а некоторые председатели сельских советов выгоняли из своих канцелярий. Спешно работали народные и окружные суды. Напрасно обвиняемый пытался сказать что-либо в свое оправдание, выслушать его народный суд не находил времени и внимательно выслушав обвинителей, удалялся на совещание.

Едва ли кто из живущих наблюдал когда-нибудь столь чудовищно подавленное и угнетенное состояние человечества. Никто не был уверен в том, что завтра или сегодня же, он не будет окулачен, что имущество его, хотя бы самое бедняцкое, не будет взято в уплату налогов, что семья его, хотя бы самая малолетняя, не будет выброшена не только из хаты, но из двора и что он не будет предан суду и брошен в тюрьму или сослан неведомо куда.

Угрюмо подчиняясь дикой стихии, крестьянская масса спешила в колхозы целыми селениями и к концу января 1930 г. сплошная коллективизация была выполнена почти на сто процентов. Только некоторые греческие селения, опираясь на уже имеющиеся визы на выезд в Грецию, настойчиво уклонялись от коллективизации.

Кто руководил этой стихией? Сказать трудно. Но усиленно работали: Дацук, Проценко, Догинович, Эскиджан, Абезяев, Лактионов, Фильчугин, Ерпак.

К концу марта, после статьи Сталина «Головокружение от успехов», созданные столь усиленной работой колхозы совершенно распались.

Весна. Но растерянное крестьянство толкается из стороны в сторону с опущенными руками. Призрак голода безжалостно рисуется создавшейся действительностью. *Ходят усиленные слухи о падении советской власти в ближайшие дни.* Лица, близкие контрреволюции проговариваются, что решено засаживать в тюрьмы возможно больше партийцев и честных советских людей, дабы легче произвести переворот. Недовольство среди крестьян, среди рабочих и даже партийцев растет. Милиция и суд перестали быть народными. Необходимы срочные меры, одна из которых должна быть — разгрузка тюрем и ссылок.

Это письмо не авантюра, это освещение сущей действительности и недоверие к нему будет тяжкой ошибкой.

1930 г.

(Анонимное письмо)

## «Мы считались середняками»

Наша семья жила в Киевской обл., сейчас она Черкасская, Черкасский р-н, с. Кумейки. У отца было 2 гектара земли, пара лошадей, корова, свиноматку держали, десяток овец, куры, утки. Семья наша состояла из девяти человек (семеро нас детей). Мы считались середняками. Обрабатывали свою землю сами, и отец еще ездил лошадьми на заработки, ночей недосыпал, трудился, чтобы мы все не голодали и хоть как-нибудь были одеты. А когда началась коллективизация, наша семья в числе первых вступила в колхоз, тогда они назывались СОЗы. В этот СОЗ сдали все свое хозяйство. Отец работал в СОЗе бригадиром, старший брат ездовым, трое нас детей ходили в школу, а остальные были еще малые.

Так как в колхозе своих ферм не было, скот, который крестьяне сдавали в колхоз, размещали по дворам. У нас во дворе тоже стояли чужие коровы, а наша на другом краю села. Кормов для скота не было, кормили его одной ржаной соломой да и той не хватало, и вот начался его падеж.

Каждой хозяйке стало жаль своей коровы, началась паника и начали разбирать своих коров по дворам. Мама послала и нас с братом за нашей коровой. Не так просто это можно было сделать, уже были созданы комсомольские штабы для охраны общих дворов. Нам удалось огородами увести нашу корову, но увидели комсомольцы, была погоня. Привели домой, закрыли на замок в сарай, а ночью пришли комсомольцы, выломали дверь в сарай и все-таки увели нашу корову назад, где вскоре она и пала.

А в 1932 г. сильно начали облагать налогами. Только отдали один, за ним следует другой, и т.д. А когда не было уже чего давать, на каждой улице были созданы штабы, которые ходили по домам и забирали все подряд, даже фасоль из горшков высыпали.

В 1933 г. уже началась голодовка. Люди вымирали целыми семьями. Ездили по селу повозки и подбирали даже тех, кто еще был жив, но не вставал, скидывали в ямы, как дрова.

Налогов нечем было платить и начался грабег. Однажды мы пришли из школы, сидим обедаем, а тут во двор заезжает целая бригада двумя повозками. Вскочили в дом и без никакого объяснения начали грабить, забрали

все, даже стиранное мерзлое белье висело во дворе и то забрали. Даже фотографии со стен срывали и топтали. Мама наша потеряла сознание, а мы дети очень перепугались и кричали. Отец был на работе в колхозе и ничего не знал, а брату кто-то сказал и он прибежал домой, видит мама лежит без сознания и даже ведра не осталось, чтобы из колодца вытянуть воды.

Все остались в чем стояли. Мама нас, детей, посылала к председателю сельсовета просить, чтобы дал хоть нижнее белье, но нас не слушали, выталкивали «носаками» на улицу, и мы со слезами шли домой. А через неделю все награбленное продали с молотка.

Все это было не только с нашей семьей, а со многими. Нас объявляли куркулями. Брат сразу уехал на Донбасс, отец еще немного поработал в колхозе и тоже уехал на Полтавщину в совхоз, а мы с мамой остались дома. Каким-то чудом у нас в подвале осталась посадковая картофель. Мы очистками посадили огород, а потом начал расти всякий бурьян, цвет акации, листья липы и всем этим мы питались, выпекая всякие лепешки.

А потом перед жатвой нас пришли и выгнали из нашего дома. Мы все уже были пухлые от голода. Мама не хотела уходить из хаты, так ее связали и положили на повозку, а нас детей погнали впереди повозки. Загнали в одну сельскую хату 18 семей, таких же «куркулей» как и мы. Грозилась поймать отца и отправить нас в Сибирь. Потом осталось нас в этой хате 2 семьи, остальных ночью куда-то вывезли.

Наша семья просто чудом выжила. Мы, дети, украдкой ходили на свой огород, то колоски ржаные срезали, то картошку рыли. Однажды ночью приехал отец, забрал нас всех и поехали мы искать счастья. Ездили товарняком, потому что денег на билет не было.

Отца на работу нигде не брали, потому что не было документов, а потом в одном совхозе отца все-таки приняли на работу. Это была Киевская обл. Кагарлицкий р-н, с. Ставы. Там нас добрые люди приняли на квартиру, а мы и на людей были не похожи, одни скелеты. Мы с сестрой тоже пошли на работу, а мне тогда шел только 13-й год. Нас там кормили три раза, так ужин и хлеб мы носили домой маме и младшим детям. Еще в 1934 году перерывали картофельные поля, собирали мерзлую картошку, варили ее или делали картофельные оладьи.

А в 1935 г., осенью, нам из села родственники сообщили, что нам отдадут наш дом и мы сразу же с радостью уехали домой. Приехали, кушать нечего и мы ходили зарабатывать, копали людям картошку и нам платили. А добрые соседи приносили что кто мог. А отец наш бедный взял длинную пилу и опять ушел на заработки. Объездил не только Украину, но и на Кавказе был, чтобы нас хоть немного одеть и прокормить, а мы, дети постарше, в колхозе работали. Работали за палочку и ничего не получали. Об учебе и речи не было.

Вот такие мы были «куркули».

А те, кто нас «раскуркуливал» в войну поступили в полицию и расстреливали пленных, которых вели через наше село, партизан и парашютистов.

1989 г.            А.Ф. Павлюченко  
Черкасская область, с. Кумейки,  
Черкасский район

### ***«Почему... гражданина причисляем к кулакам?»***

Раньше под словом «кулак» подразумевался гражданин, эксплуатирующий чужой труд, теперь же мы называем кулаком простого смертного человека, имеющего 8 — 9 душ семьи: он, жена и 6 малолетних голопупых ребят-шек, к труду недоросших. Во время хлебазаготовки на него мы наложили по количеству земли 60 — 70 пудов хлеба разных культур, он вывез и продал государству 30 или 40 пудов, остальные ему вывезти не под силу, потому что семья его будет обречена на верную голодовку. А почему этого гражданина причисляем к кулакам? Вот почему: имеет хорошие, крепкие постройки, такую же хату с крыльцом. Мне кажется, что такого гражданина нельзя называть кулаком, а он примерный, трудолюбивый, заботливый, умеющий жить крестьянин-хлебороб, середняк. За невывоз остального хлеба этого середняка штрафуют в пятикратном размере. За штраф продают амбар и еще кое-что из его хозяйства. Этот гражданин, мало того, что страдает имущественно, но и морально, получив звание «кулака» и злостного неплательщика хлеба.

Я в короткой форме описал вам, товарищи, тип такого кулака в нашей деревне. Теперь надо поговорить на-



счет его соседа — бедняка, который больше чем надо лежит на боку, ничего не имеет, а если имеет, то мало чего. Конечно, он имеет хату — завалушку, чтобы лежать на боку да поплевывать в потолок. Этот лентяй бедняк (а их в нашем селе немало), лежа на боку, надеется на поблажку со стороны власти. За все время революции налогов не платит, в самообложении\* не участвует, страхплатежей не платит, — это уж показательный пассивный член государства. Есть, конечно, у нас бедняки, которые стараются что-то иметь, но им в силу природных явлений, к тому же стихийных несчастий, не удастся ничего иметь, — это наш брат деревни, мы с ним вместе идем в ногу.

От такого же бедняка, которого я назвал выше, надо отказаться и вот почему. Пролежав на боку, не ухаживая за своей единственной коровой, которая, конечно, от недоедания и вообще без присмотра сдыхает, — он отправляется к страховому агенту и получает страховое вознаграждение 40 руб. Спрашивается, за что же он получает? Ведь он ни одной копейкой не участвует в общей кассе государственной! Не является ли такой гражданин расхитителем народных средств? Нельзя ли от него как-то избавиться? Ну, это — одна его сторона. Другая сторона: бедняк получает так называемую долгосрочную ссуду по сел.-хоз. кооперации на покупку лошади или коровы, корма для них, инвентаря и пр. Есть такие случаи, что такому надежному плательщику дали эту ссуду по 85 — 100 руб. Подходит срок уплаты, но у него нет ни копейки. Лошадь купил и потом продержав некоторое время, продал, деньги израсходовал на другие нужды, а нужд у него было много. Кредитное учреждение требует с него деньги по ссуде, но он платить и думать забыл, будучи в надежде, что он получит и тут снисхождение — ведь он за корову 1 р. 20 к. страховки не платил, а получил 30 руб., — что ж и ссуду мне простят, как бедняку, а если, мол, коснется дело до судебного вмешательства и милицейского нажима, то пусть они решают, а у меня брать нечего. Так мыслит этот бедняк и боюсь — не вторит ли ему власть. Таких ссуд у нас раздали много, а брать их — нет возможности.

---

\* Добровольный налог, вводимый коллективно. Село принимало определенный размер налога и распределяло его между отдельными хозяевами. Собранные средства обычно использовались для постройки школ, ремонта мостов и других местных нужд.

Мое мнение, как крестьянина колхозника такое: вместо того, чтобы шупать кулака (у нас их нет), нужно шупать нерадивого бедняка и как следует его наказывать вплоть до применения администрацией репрессивных мер, а где надо — судебного взыскания. Кулак уже побит нами за 12 лет, ему возврата нет, а если он будет, то с еще большей силой его бить должна власть.

Есть ли у нас крепкие хозяйства? Да, есть но они выросли у примерного, трудолюбивого крестьянина, который не хочет обдирать народ, а своим мозолем, своим потом, своим стремлением работает, вкладывает лепту в общий государственный закром. Такого трудовика надо приветствовать, у нас же его мы крестим в кулака. А почему же не назвать бедного лентяя не бедняком, а кулаком: не одной руки кулак, а кулачищем обеих рук, потому что он берет и правой, и левой. Начинание наше по организации колхозов будет поощрять таких людей, что не хотят работать и они будут тянуть назад передовиков крестьян. А поэтому нам необходимо срочно изыскать такие меры воздействия, чтобы все, как один, вкладывали свой труд в это великое дело коллективизации. А какие будут намечены меры по чистке колхоза, нам — колхозникам необходимо знать. По части колхозного строительства у нас, граждан, есть много вопросов.

1929 г. Морозов З.М.

Львовский окр., Корневский р-н, с. Шептуховка

### *«Несколько слов о коллективах»*

Все крестьяне нашей местности, заинтересованные в вопросе, какая у нас власть, рабоче-крестьянская, или какая другая, почему у нас производится так бессознательно хлебозаготовка. Дерут хлеб со всех подряд, не считаются с тем, что есть у крестьянина излишки или нет, а забирали бы два пуда на м-ц, со всеми домашними расходами, тогда будет охота за что трудиться. Жизнь, можно сказать, крестьянам плохая до невозможности. Берут у крестьянина все без исключения хлеба и картошку. Да как слышно будут брать и мясо, и масло, и яйца, и ветчину. Но интересно бы знать, куда то все пойдет? Как же тут не помянуть прежней жизни, когда рынки все цвели, было

тебе все, что угодно. А теперь все померло, хотя вы пишете, что на фабриках и заводах вырабатывают больше прежнего, но у нас почему-то ничего: ни крупы, ни рыбы, ни муки, ни масла, никакого желанья нет, словом, нет ничего, ни чаю, ни сахару; паи довели уже до 25 руб., а все равно нет ничего.

В добавление еще я хочу сказать несколько слов о коллективах. Раньше мы только слышали о них, а теперь мы с ними очень знакомы. Мы теперь насмотрелись на ихние жизненные порядки: один коллектив у нас в селе, другой во второй деревне Баранкове. Это — коммуна, ну, что ж там делается, да на них насмеешься и наплачешься. Порядки там таковы: споры и брань нередко доходят до драки. Почему, да потому, что они хотят трудиться, работать, а другие прямо говорят, что на черта все сдалось, вот какой факт. Я знаю, что вы на это скажете, что там есть кулаки, которые все дело портят. Нет, а дело портят те лентяи, которые не хотят работать. Теперь мы не знаем, какие есть другие коллективы, или коммуны. А наша коммуна никуда не годится. А поэтому видно, что улучшения жизни быть не может. А о поднятии урожая и думать не приходится, таким путем поднять урожай нельзя. Да ведь каждому ясно видно, что нынче меня разорили, а завтра соседу то же будет, а кто ж тогда будет улучшать свое хозяйство, да ясно, что никто. К нам приехал хлебозаготовитель, и начал вынуждать у нас хлеб, то мы ему сказали, что «слушай, уважаемый, вы сегодня у нас возьмете, а завтра нечего будет взять, потому что у нас не будет охоты приготовить».

1930 г.                      Середняк П.Н.  
Калужский окр., Дабужа

### ***«Народ стонет»***

Глубокоуважаемый наш хозяин Советской России тов. Калинин. Мы граждане хлебоборобы, батраки, бедняки и середняки ст. Пашковской Краснодарского района, Кубанского округа, хотим вам рассказать, как у нас в станице проводится коллективизация и обращаемся к Вам за скорейшим оказанием нам помощи, так как теперь пропущенный день дорог как для крестьян, так и в целом для государства.

Весной и летом 1929 г. у нас проводилось глубокое землеустройство и было объявлено всем жителям, получившим землю, о добровольном вступлении в колхозы. Охотников нашлось порядочно, так как говорилось, что в коллективах будет производиться только коллективная обработка зерновых культур. Производит в отдельности каждый для себя, а также все хозяйства, имеющие одногектарные сады, могут обрабатывать сами, как работали и раньше и коллективизироваться эти сады не будут.

Единоличным хозяйствам были установлены межи, по сколько каждому нужно было засеять пшеницы. И осенью мы дружно взялись за работу и посев произвели на 100%.

В январе месяце 1930 г. по участковым кубиковым\* собраниям станицы начали объявлять, что кто не в колхозе, тот не должен единолично обрабатывать землю. 7/10 населения не хотело соглашаться работать в колхозах, говоря, что мы годик или 2 посмотрим, как будут работать те коллективы, которые уже охотно создались, если будет в них работа хороша, мы все пойдем тогда. Но тут не так-то получилось. По кубикам равномерно начали проводить собрания и на каждый кубик прикреплялась масса учащих из кооперативного техникума, которые голосовали за коллективы. Хлеборобы же в большинстве были против, но с ними не считались, а говорили, что «не желающие должны подчиниться *желающим, а иначе вам место в Соловках*».

Так была проведена коллективизация, хотя на некоторых кубиках совсем не состоялись собрания из-за нежелания быть в коллективе.

Потом обложили всех семфондом, в независимости от того, желает он быть в колхозе, или не желает. *Из-за семфонда начали раскулачивать некоторых середняков за то, что у них нечем было засыпать*. Семфонд собрали полностью. После этого приступили к обобществлению. Обобществляли кур, гусей, индюшек, уток, кроликов, свиней, не говоря про рогатый скот и лошадей. Пчелы тоже обобществлялись, хотя было 1 — 2 улья у каждого. Все сады, какого бы они размера не были, подворные постройки, весь мелкий сельскохозяйственный инвентарь обобществляли. В феврале, еще по снегу, начали у хозяев забирать всех пчел

---

\* От слова кубить, то есть делить, разбивать на кубы, кубики. Поскольку станицы были поселениями с большим количеством усадеб, то их делили на особые административные единицы — кубики.

и свозить в одно место — это, когда хороший хозяин по правилу в это время боялся стукнуть по улью, чтобы и не беспокоить, так как они в это время в полумертвом состоянии. Массу семей благодаря такой спешной перевозке совсем загубили и мед от них разграбили.

Дальше начали забирать весь сельскохозяйственный инвентарь в одно место, вплоть до мелких корзин, которые у любителей садоводов служили для ягод. Начали забирать и свозить кроликов и кур, потом приказали свозить лошадей штук по 20 в такие конюшни, где у хозяина помещалось на более 6-ти. Лошади дрались и душились от тесноты. Также заставили свозить корм в одни дворы. У садовников парниковые рамы забрали и свезли в одно место, несмотря на то, что у некоторых уже была посажена рассада, которая после этого погибла. Все парники начали делать в одном месте.

Начали выгонять на работу население с плугами и лошадьми, а также на всевозможные работы пеших батраков и бедняков.

Проработав целый месяц, беднота и батраки, не получая ни хлеба, ни зарплаты, 18-го марта сего года на колхозной площади в числе около 8000 чел. собрались на митинг, *на котором требовали хлеба и добровольного вступления в колхоз.* Но что получилось? В ответ со стороны созданного ударного полка толпу митингующих душили лошадьми, побоями плетей и наконец винтовочными выстрелами. Есть жертвы. Митинг продолжался 2 дня состоящий в большинстве из женщин, которые были разогнаны 2-мя автомобилями, вооруженными пулеметами и кавалерией. Видя такой ответ со стороны власти, народ трепещет, *боится каждый за свою жизнь, идет невольно на работу. Народ стонет.* То он для личного употребления мог сажать или в степи, или в саду картофель и лук, теперь ему нигде не разрешают индивидуально для себя садить. Картофель и лук в корзинах растет, а женщины плачут, видя гибель от предстоящего голода, так как все предназначенные в колхозе огороды законтрактрованы, а что же должен есть труженик свободной России. Уважаемый наш хозяин России т. Калинин, пришли своего представителя из центра, пусть соберет общий митинг и узнает, как на местах угнетается народ и исправит беспорядки во время, пока еще не поздно, так как здесь, видимо, руководители далеки от советской власти.

Коллектив угнетенных, обиженных.

Да здравствует Власть Советов и его лучшее будущее. Только побольше женщин, они всю подноготную расскажут, потому что мужики уже настолько запуганы, что боятся говорить и на собрания ходить, т.к. кто пожелает высказаться, его берут. Так и говорят, что ты не своим языком говоришь, а кулацким.

1930 г. (Анонимное письмо)

**«Добросовестный и скромный наш народ  
подчинился Советской власти...»**

Решил описать события организации первой коммуны в нашей северной деревне Романово Севкрая, ныне Кировской области.

Я, Меньшенин Андрей Яковлевич — участник первого слета деткоров, делегат от Северного края, в 1930 году был в Москве.

Мы, активисты — дети, по-своему принимали участие и были свидетелями начала коллективизации в деревне. Вот как это было. Дежурный по деревне — десятский, постукивая палочкой под окном, созывал на сход в свою избу. Он громко кричал, что приехал человек из города. На сход собирались у нас главы семей — мужики, приходили иногда и женщины, у которых не было мужчин.

Нам на собрании быть запрещали, но мы, смелые мальчишки, пробирались обычно к открытым дверям избы, набитой мужиками. Сквозь табачный дым едва было видно за столом одетого по городскому человека, который долго и убедительно уговаривал крестьян вступить в коммуну. Какая это коммуна — не знали мужики, а представитель власти рассказывал все блага новой жизни, на которую зовет Советская власть. Собирали не один сход, неделю, почти каждый вечер. Не записывались мужики в коммуну, но сопротивление наконец было подавлено, после того, как рядом с уполномоченным сидел человек в форме военного, называемый у нас «гепеушник». В его присутствии на сходе было заявлено: «Кто не записывается в коммуну, тот против Советской власти!» А таким обещали место на Соловецких островах.

Добросовестный и скромный наш народ подчинился Советской власти и все мужики вступили в коммуну. Не-

сколько грамотных и более смелых мужиков назначили в правление коммуны. Незамедлительно приступили к созданию «сказочной» жизни. Поскольку это было зимой — декабрь-январь 1930 года, скота крестьян не сгоняли до весны, не было больших дворов.

Далее обобществили все, что было у каждой семьи в наличии, в запасе: мясо, масло, толокно, муку и др. продукты, не разрешалось оставлять дома ничего хлебного.

Для питания в деревне в большом доме создали столовую, куда все ходили на завтрак, обед, а ужина, кажется, не было. Нам, мальчишкам, эта жизнь в коммуне запомнилась, как очень интересная. Перед обедом нам давали в руки звонки и мы, бегая под окном, звонили на обед. Хорошо было в столовой, несмотря на великий пост, жарили мясо, выпекали колобы, питались как в первый пасхальный день. Специалисты по забою — мужики ходили по домам, прирезали весеннего отела телят и др. скот. Мяса, масла — всего было много.

Но несмотря на такую праздничную еду, в столовой, помнится, было невесело. Бабы, перешагнув порог, виновато крестились и садились за один стол, мужики за другой. Кузнец Аркаша Митрохин зычным голосом кричал: «Кто солоно ест — сюда!»

Со слезами на глазах садились старушки, т.к. хлеба домой не давали.

Особенно тяжело было бабушкам с малыми детьми дома. Они просили испечь блинов или колобков, а дома не полагалось иметь куска хлеба.

Эта жалкая обида и толкнула некоторых смелых мужчин заявить, что такая жизнь нетерпима и что не для этого мы воевали за советскую власть.

Помню, мой дядя Дмитрий, смотря каждый вечер на плачущую бабушку, решил заявить, что он выходит из коммуны. Все мы плакали, думали, что дядю сошлют на Соловки. Однако это было в марте 1930 года. Тогда вышла статья Сталина «Головокружение от успехов», указывавшая на недопустимость принудительной коллективизации. Коммуна в один день распалась. Нас из хутора Кудрино вывозили на Романово, и мы немедленно уехали в свою деревню. Это было накануне Пасхи.

Никогда мы не видели таких радостных родителей и соседей, как после выхода из коммуны. Всюду было веселье: сооружали качели, веселилась молодежь и даже старушки собирались с радостью на эти торжества.

Однако снова в 1930 — 31 годах началось тревожное время для деревни. Объявлена борьба с кулаками, которых надо было изжить как класс.

В нашей деревне жили небогато и помещиков у нас не было. Однако тот самый кузнец Аркаша был объявлен подкулачником. У него было много детей и он с помощью сельчан построил пятистенный дом. У нас такая помощь или так называемая «помочь» оказывалась всем в трудном деле. По случаю этой помощи хозяин варил пиво и собирал к себе в новый дом всех соседей. Вот в тот вечер я ночевал у дяди Александра на Романове и мы с Яшкой решили сходить на праздник, хотя уходя, тетя Аня запретила нам заходить на вечеринку.

Когда мы подходили к дому Аркадия, на улице стояли лошади с санками и ходили люди, один был в военной форме. Как только мы вошли в дом, за нами вошел в избу военный. Он предъявил Аркадию бумагу и начал в доме обыск. Никого не выпускали на волю. Перетрясли все имущество, а хозяина заставили переложить все сено в сарае, что-то разыскивая там. По просьбе тети Ани нас отпустили, а ночью пришла тетя заплаканная. Утром дом кузнеца Аркадия был пуст, только голодная скотина голосила во дворе. Всех увезли ночью. Напуганные деревенские мужики почти все сразу вступили летом в ТОЗ. Один сосед, Васька Мтенок остался единоличником. Ему отвели землю за дальними поскотинами в лесной вырубке, где он раскорчевал себе участок и сеял хлеб. Жил он так один, называли его смельчаком. Его не выслали из деревни. Жилось ему трудно: медведи вытапывали весь посев овса, основного хлеба, крупы и толокна. Рожь на тех лесных почвах не родилась. Помнится, и этот единственный крестьянин-единоличник вскоре оставил дом и уехал в Сибирь. Этот период жизни запомнился мне навсегда.

1989 г. А. Я. Меньшенин

Кировская область, К.Чепецкий район, ст. Просница

### *«Было полное головоотяпство»*

В связи с ликвидацией кулака как класса, у нас местные партийные и советские работники допустили ряд ошибок: 1) не было разъяснения бедноте и серед-



някам о целях проводимой кампании; 2) неправильно проводились собрания бедняцкие и общие; 3) неправильное составление и оформление материалов на обвинение.

Вот эти три основные ошибки выразились в следующей форме: собралось собрание бедноты, поверхностно информировали, что надо изгнать из среды чуждых элементов, но затянуть время с разъяснением не нашли нужным. Что значит кулак, подлинное лицо такового определить сама беднота не имела возможности; второе — соберется собрание группы бедноты, а за ним общее, зачитают кандидатов к раскулачиванию, кто-нибудь выступит, что, мол, он не подходит, так его заклинают: «Не заставляй, а то и самого с ними пошлем», в результате все кандидаты проходят.

Третье — здесь было полное головопатыство. Например, в материал вписывают, что только кто скажет — кулак, сократил посевную площадь, распродал скот и т.д.

Но когда помотришь, где следует, хотя бы в карточках объектов обложения с.х. налогом, то там подобного показанному ничего нет, а даже наоборот (конечно, не у всех) увеличение.

Можно взять хотя бы Ивакина Михаила Ивановича. До революции был бедняк, много работал по найму у местных кулаков, в 1918 г. был белый партизан, но активного участия в восстании не принимал, после он служил в Красной Армии, работал председателем сельсовета. Хозяйство середняцкое, права голоса не лишен, индивидуально обложен не был.

Вот из приведенного примера видно, кулак он или нет? Мое личное мнение, что нет.

Таких примеров не один, а много, когда я уже говорил, что середняка совершенно забыли, он остался за воротами новой стройки и смотрит как не его собственное дело, а чье-то чужое, когда в нашей деревне учредители избраны на бедняцком собрании, а общего не было, середняк не знает даже какой устав и правила внутреннего распорядка в новой артели. Это не беда, можно ошибку исправить сейчас же, но ведь *враг не дремлет*, он пускает разные нелепые слухи, которые сильно подрывают еще молодое наше социалистическое хозяйство. Прошу дать крепкую установку на места о проведении сплошной коллективизации и о раскулачивании

Мы в заблуждении — кто у нас теперь кулак — только лишенец\* и индивидуально обложенный или еще кто и как бить с теми колхозниками, которые теперь потеряли веру в коллективизацию?

Я считаю, что тут есть ошибка и центральных органов партии и правительства, как уездных (кантонные) и губернские.

Вопрос сплошной коллективизации и раскулачивания в газете освещался информационно, а не деловито. В скором времени изжить эти ошибки, не повторять больше.

С колхозным приветом, красноармеец-отпускник Андрюков Ефим Михайлович.

1930 г.

Башреспублика, Месягутовский кантон,  
Елошинская вол., п/отд. Елеси, дер. И. Бабино

### *«Мы, крестьяне, видим гибель»*

Говорят, что советская власть не хочет пропасть крестьянам. Но это только на словах, а на деле мы, крестьяне, видим гибель. Землю насильно отбирают, самообложения и разных налогов без отказа. По моему, вам смеяться над нами нельзя, а если вы имеете, конечно, власть, то надо сделать в Москве виселицу и по несколько человек в день вешать. Тогда земля останется вся под вашим владеньем. Разве крестьянин не дает власт хлеба, денег — все дает по возможности. Но сейчас крестьянин раздет и корма нет. Как тут жить, а власть с нами не считается. Нехорошо, товарищи!

1931 г. (Анонимное письмо)  
Луховицы, Московская область

### *«Единоличникам райпо не велело отпускать»*

Ткнулись в кооператив мужички, спрашивают: «Мне бы табачку осьмушку»\*\*.

---

\* Лишенный избирательных прав. Форма социально-политического наказания в 1920 — 30-е годы. Лишенец не получал государственных пособий, не мог поступить в ВУЗ и т.п.

\*\* Восьмушка — восьмая доля, часть единицы измерения.

«Яйца у тебя есть?» — спрашивает продавец.

«Какие яйца?» — спрашивает ошеломленный мужичок.

«Известно, куриные и махорку мы даем только на яйца. Принеси десяток, дадим тебе осьмушки две».

«Вот бы мне ниток катушку...»

«Яйца неси, — твердил неумолимый продавец, — картошку вези...»

«Фу, пропасть, да я сам меру купил. Ну свешай селедочек фунтик, или другой какой рыбешки килишко».

«Даем только на яйца да на контрактацию колхозникам тоже даем, а единоличникам райпо не велело отпускать».

1930 г.            Н.Г. Фомин

Ряжский район

### ***«Боевая работа по раскулачиванию...»***

Опыт ликвидации кулачества в Чапаевском районе сплошной коллективизации, один из первых в Союзе.

Следует отметить, что батрачество и беднота не была в этот момент крепко организована и кулак чувствовал себя, как рыба в воде — явно была ошибка. Руководящие колхозные работники сжились с кулаком или принялись к нему и он перестал издавать кулацкий запах. Нужно сказать, что часть кулачества приняла защитную колхозную окраску и старалась лично не «разводить бузы», используя для этой цели своих подкулачников.

Беднота и батрачество в этот момент не были как следует организованы и только впоследствии начали активно вытряхивать из своей среды кулаков.

В результате плохой организации бедняцко-батрацкого ядра, слабой работы ячеек и сельсоветов и бешеной агитации кулачества, чувствовавшего себя свободным от финансовых тягот, начался отсев из колхоза середняков. Из колхозов выходили сотни хозяйств (село Суховязовка, Пригородный куст, колхоз «Искра революции» и другие). Появилась тяга к раскрупнению колхозов. Положение сошло к чрезвычайному тяжелое.

Ликвидация кулачества как класса при организованном и активном участии батрацко-бедняцких групп была единственным правильным выходом из положения.

В результате организационной и разъяснительной работы лозунг ликвидации кулачества как класса сплотил

бедноту, вызвал чрезвычайно большую и даже неожиданную для местных работников активность бедняцко-батрацких масс района.

*Боевая работа по раскулачиванию началась в 20 числах января. На собраниях батрацко-бедняцких групп поставлены вопросы о кулаке, намечены списки кулаков и приступлено к ликвидации кулацкого имущества. В работе по учете и изъятию кулацкого имущества принимали участие бедняки и батраки.* Необходимо отметить почти полное отсутствие колебаний среди бедняков колхозников. Ярость бедняков кое-где пришлось сдерживать (село Андросовка). Были случаи, когда беднота требовала выселить и ликвидировать большое количество кулаков и зажиточных.

Кое-где в незначительном количестве прихвачен середняк (село Каменный брод, Суховязовка, Криволучье-Ивановка и Покровка). Сейчас по указанию районных организаций эта ошибка исправляется. Элементы дележа по дворам кулацкого имущества наблюдались чрезвычайно редко. Таким настроением давался на месте решительный отпор. Все кулацкое имущество пошло в колхозный неделимый фонд. Активно работало батрачество и беднота. Сельсоветы плелись в хвосте. Во всей работе по раскулачиванию большинство сельсоветов Чапаевского района оказались в хвосте. Были случаи, когда члены сельсоветов из середняков оказывали сопротивление проводимым кампаниям.

Ничего нет удивительного в том, что и сейчас по сбору задатков на тракторы и по сбору семфондов сельсоветы Чапаевского района идут в хвосте других районов. На 20 февраля, например, Каменнобродский сельсовет собрал 19 проц., Волчанский 20 проц. и Гражданский 29 проц. семзерна.

Сейчас за плохую подготовку к севу отдаются под суд председатели сельсоветов, но этого мало: надо решительно перетряхнуть сельсоветы, не выдержавшие классовый экзамен, влить в них батрацко-бедняцкие силы, организовать бедняков и батраков.

Батрачество и беднота в районе были организованы слабо. Только ликвидация кулачества заставила всерьез заняться этим делом. Единственным выходом из затруднений по подготовке весеннего сева, в которых сейчас находится Чапаевский район, является дальнейшее укрупнение групп бедноты.

Последняя неделя со сбором семфондов в колхозах показала это: там, где созданы бедняцко-батрацкие удар-

ные группы по сбору семфондов, — дело подвинулось. В других же колхозах сбор по прежнему идет со скоростью черепахи. Колхозник-середняк с семенами еще «не поднят». Беднота должна его поднять. Внушительной работой партячек и бедняцких групп надо выявить и ликвидировать остатки кулачества, не прихватывая, однако середняка.

Нужно заделать наметившиеся кое-где щели между бедняками и середняками на почве раскулачивания.

1930 г.            В.Б.  
Средне-Волжский край, г. Чапаевск

### *«Нигде ничего нет...»*

Скоро вся Россия сделается пастухом и батраком. Довели, что нигде ничего нет и все пишете, что посылаете вверх. Слепяете глаза всем: нигде ничего нет, ни сахару, ни табаку, ни мыла, ни мануфактуры, ни ниток и никакого железа, лучше вы уж не хвалитесь, а прямо скажите, что нет ничего в России. В виду сильных налогов, крестьяне скот продают и делаются бедняками, чтобы спастись от кулачества. Еще помогает ваша коллективизация. Многие у нас побросали коллективы и залезли в землянки. Многие испробовали ваши коллективы, теперь слезы. Еще хорошо постановление: кулаков отбрасывают от хорошей жизни коллективной. Люди стоят в очереди и ждут тухлой селедки, некоторые даже падают. А в вашей газете очень красиво написано.

Я бедняк. Прошу вас, чтобы вы поместили в «Крестьянской газете». Я годовой подписчик. Надоело вашу газету читать, она все врет. Я больше выписывать не буду.

1929 г.            Стасевич Н.  
БССР, Минский окр.,  
Борисовский р-н, Лошницкий с/с

### *«Крестьяне голодают...»*

Крестьяне голодают и покупают хлеб по 15 и 18 руб. за пуд, а свои жалкие 5 — 6 пудов отдают.

В Лодейнопольском районе уничтожают скот, оставаясь с одной коровой, а то и без нее, озлобленные против колхоза и власти, нежелание ни пахать, ни сеять, ни расчищать новые луга.

1930 г. Крестьянин  
Лодейнопольского округа, Ленинградской области  
Иван Петров

### **«Заставило уничтожить скот...»**

В Пугачевском округе до сего времени наблюдается целый ряд непорядков. Молочный скот и мелкий рогатый, а также и птица обобществлены сильно и без всякой оценки, что заставило уничтожить скот путем зареза и убоя на мясо. Но и мясо было отобрано без всякого учета и растаскивалось. Даже дело доходило до дележа пиджаков и белья. Из-за этих ненормальностей мы видим следующие цифры убыли скота всех родов с 1 октября по 1 января, в течение трех месяцев: лошадей — 1700 голов, крупного рогатого скота — 4000, верблюдов — 500 голов, овец — 15400 голов, свиней — 3000 голов. Это убыль за счет насильного обобществления. В округе снято с работы 28 председателей сельсоветов, и отданы под суд, приписывая им искривления классовой линии.

1930 г. Фрейдикт  
Пугачевский округ

### **«Раскулачили за иконы»**

11 февраля с.г. ко мне в дом ворвалась «ударная бригада» в составе членов Ивангородского сельсовета и ячейки и в порядке административного надзора бросили свой взгляд на висевшие в углу иконы и горевшую лампаду. «А Вы еще занимаетесь дурманом. Вишь, сколько икон, и лампаду зажгли». С этими словами бросились срывать иконы, рубить их топорами, обухом разбивали лампаду. После этой операции мне приказано с семьей выйти из дома, бросив все имущество. Бушевала буря, не видать было ни соседних домов, ни ближайших построек — *мне 87-лет-*

нему старику со старухой и малолетними внучатами — сиротами пришлось почти голым выйти под открытое небо, и благодаря лишь счастливому случаю, нас подобрала соседние жители. Конфисковали все имущество до иголки, не оставив и фунта хлеба на прокормление.

Я середняк, лишенным голоса не был, индивидуальному обложению не подвергался. В хозяйстве никогда наемного труда не применял, никакой эксплуатацией не занимался, никаких неземледельческих заработков не имел. Имея двух лошадей и одну корову, а в последнее время одну лошадь, не имея никаких машин, я с большим трудом со своими сиротами обрабатывал землю и питались.

Нужно было сельсовету кого-нибудь раскулачить, но кого? В Ивангороде есть кулаки, имевшие в прошлом свои банки и двигатели и пр., но — родственники в сельсовете.

И меня, перебивающегося с куска на кусок, еле бродящего большого старика, раскулачили за то, что не успел спрятать иконы.

Актив бедноты, услышав об этой несправедливости, написали протест с 26-ю подписями. Подписались бедняки, батраки и партийцы. Отправили протест с заявлением Пом. Прокурору БАССР по Белебеевскому кантону. Последний это заявление отправил с документами в Кантисполком. Затем, спустя почти два месяца обратился к Прокурору за ответом. Он сказал: «Не разобрали еще, но скоро разберем и исправим». А пока они думают исправлять, сельсовет думает нас совсем выселить за то, что хотим ходатайствовать. Я поэтому и решил обратиться во ВЦИК, чтобы дали распоряжение поскорее рассмотреть мое заявление и произвести расследование, чтобы некоторые темные личности не успели окончательно погубить середняка. Обидно и досадно, что меня, маломощного середняка, не выдавшего никогда хорошей, сытной жизни, раскулачили за иконы: а кулаки, спрятавшие иконы живут и посмеиваются. Я не виновен, что, будучи неграмотным, привык иметь иконы и зажигать лампаду. Но ведь сов. власть за это и не преследует. Надеюсь, что мое заявление не останется без ответа.

Ем. Бондаренко, неграмотный,  
за него по его просьбе расписался  
Бондаренко Гервасий 1930 г. 3 апреля.  
пос. Такман, Давлекановка, Белебеевского кантона,  
Башреспублики.

## *«Стариков в Сибирь тысячами отправили...»*

Сообщаю о событиях по Дону и Хопру Хоперского округа. Особенно выделяется своей грубостью окружком, председатель и прокурор. Весь хлеб из закромов поперли в элеватор, церковь затворили и хлебом засыпали. Имущество распродали, а стариков в Сибирь тысячами отправили на 15 лет на работу, а остальных членов семейства из домов повыгоняли. На Хопре плач и вопль, хлеб позабрали, дома и скотину попродали, церкви позатворяли, людей в колхозы позагоняли и у меня отобрали. Такой поднялся на Хопре хаос, жизни нет, время страшное.

Если высшая власть не взглянет, не обратит со своей высоты милость на нашу донскую деревню, то мы прямо заявляем со своей стороны, если нам не возвратят наше хозяйство и наших отцов, рассеянных по селу, то мы говорим вам, не отпустите наших отцов и не отворите церкви, то мы открываем забастовку всего Тихого Дона за то, что так нас обижают и уже обидели и разорили нас. Зачем большая власть так смотрит на это очень халатно.

1930 г. (Анонимное письмо)

## *«От успехов закружилась голова»*

От успехов закружилась голова. По деревням стали проводить кампанию за обобществление жилых построек: скота, живого и мертвого инвентаря. Пред. райсовета занялся самостоятельным раскулачиванием и закрытием церквей, без проработки вопроса даже среди бедноты. В деревне Груздеве раскулачил даже одного бедняка. Закрыл галицкую церковь в два счета. Пришел во время обедни, арестовал попа и тут же запер дверь на замок, не считаясь с протестом масс. Не знаю до чего бы докатились эти успехи, если бы на страницах «Крестьянской газеты» не появилась статья Сталина «Головокружение от успехов».

1930 г. Шалимов Ф.Д.  
Нижегородский край



## *«Благодаря усиленной работе среди бедноты...»*

В Дубровском районе вместо широкой разъяснительной работы среди бедноты и середнячества по коллективизации, там действовали разными методами принуждения, запугивания и обмана, чтобы только больше организовать колхозов, больше втянуть их в колхозы. Главным коньком дубровенских головоотяпов при проведении коллективизации было два списка, которые почти всегда фигурировали на собраниях крестьян. Громогласно заявлялось, что один список для тех, кто идет в колхозы, кто за советскую власть, а другой для тех, кто против колхозов, кто желает выселиться из пределов района на пески. Конечно, никому не хотелось выселяться на пески, идти против советской власти, все как один записывались в первый список, который носил название «список граждан села такого-то, добровольно записавшихся в колхоз». И когда появилась статья т. Сталина, тогда со всеми извращениями, головоотяпством и администрированием в деле коллективизации повели активную борьбу. В Дубровском работники сели в калошу, опустили руки, не знали, что им делать. Они боялись признать свои ошибки перед беднотой и середнячеством и сдались на авось:

— Уйдут, так уйдут из колхозов. Потом будем начинать сначала и уже по новому.

И действительно за несколько дней процент коллективизации района моментально уменьшился наполовину. Раньше район был коллективизирован на 85%, а теперь — только на 40. В некоторых сельсоветах, как например в Дубровском, была уже сплошная коллективизация. Теперь же он оказался коллективизированным только на 25%.

75% крестьян вышло из колхозов без всяких подач заявлений. Причиной для такого массового выхода из колхозов явилось то, что в этом с/с масса крестьян уходит на сезонные строительные и другие работы и они предполагали, что будучи в колхозе, им уже не придется уйти на заработки. При проведении коллективизации им даже этого не разъяснили и не организовали среди колхозников дело отхода на промыслы. Однако, когда в район были брошены силы, тогда тактику изменили и районные работники стали проводить колхозы на новый артельный устав. В этом же самом сельсовете замечается новый усиленный при-

лив крестьянства в колхозы. Заявления подаются одно за другими. И это все, благодаря разъяснительной работе.

В с. Новая Тухинь, Дубровского района был организован колхоз из 120 дворов. Дворов 80 из него преимущественно середняцких, — вышло. Осталась беднота. А теперь, когда крестьяне хорошенько ознакомились с новым уставом артели, они снова густо пошли в колхоз и уже теперь вся деревня в колхозе, за исключением тех, кого не приняли, кто проводил разлагающую работу в колхозе. Теперь этот колхоз занимает площадь в 700 га.

В д. Чижовка раньше в колхоз записалось только 15 дворов, теперь же когда колхоз перешел на новый устав, количество вступивших в колхоз увеличилось до 38 дворов.

В д. Антипенка из 100 дворов в настоящее время, когда крестьянам разъяснили новый устав, записалось в колхоз 97 чел., т.е. все, за исключением тех, кого пока не приняли, как зараженных кулацким духом. И так, почти в каждой деревне, где раньше колхозы организовались под страхом выселения, большинство крестьян вышло, а теперь, ознакомившись с новым уставом артели, благодаря усиленной работе среди бедноты и особенно, крестьянок, начался новый, еще более усиленный прилив крестьянства в колхозы. В некоторых деревнях, как это видно из приведенных примеров, в колхоз вступили даже те крестьяне, которые раньше и не думали вступать в колхозы.

— Если бы нам и раньше так растолковали, — говорят эти крестьяне, — мы давно бы уже вступили в колхозы.

Так путем глубокой и неустанной разъяснительной работы, путем признания своих ошибок, начинается в районе исправление всех перегибов, искажений, допущенных при коллективизации. Эта работа дала возможность создавать крепкие колхозы, основанные на крепкой сознательности крестьянства.

1930 г. Милошевский  
г. Орша

***«Владимир Ильич Ленин дал нам свободу,  
а у нас ее отнимают...»***

У нас в Романовке идет коллективизация в принудительном порядке. Крестьяне не хотят идти в колхоз, то у

крестьян этих отбирают ихнее имущество, а самих на «соловухи». Так крестьяне села Романовки сделались как шальные, едут кто куда попало и нет им защиты. Все крестьяне говорят так: Владимир Ильич Ленин дал нам свободу, а у нас ее отнимают коммунисты Муркин, и Зайцев, и Разин, и Наталья Шевцова, у которой два брата бывшие господа офицеры, то мы думаем, что это нас хотят закабалить опять в помещичье рабство, которое сверг Владимир Ильич Ленин.

1930 г. Щеглов П.Я.

***«В практике работ по ликвидации кулака  
допущены некоторые ошибки»***

Вопрос ликвидации кулака как класса назрел и эта ликвидация экономики кулака она своевременна, но в практике работ по ликвидации кулака допущены некоторые ошибки. Пример: Александров Илья, сын бывшего хлебного торговца, имеет 5 человек детей, служил в Красной армии с 1918 г. по 1921 г., защищал революцию. С 1921 г. служил в советских учреждениях. Бригада, которая у него работала, не оставила даже пуда хлеба на семейство, не оставила белья на смену. Выгнали из дома, даже не разрешили поселиться с детьми в бане. Иванов Григорий рабочий-строитель, на этой работе потерял 85 проц. трудоспособности. Имея 9 человек детей, получил патент на право торговли мясом, торговал, работал и бригада раскулачила так, что не оставила ничего. Мне думается, что так раскулачивать нет возможности, ведь теперь дети кулаков в этом не виноваты, что их родители были такие люди и они теперь лишены всякой жизни, остается одно или душить детей или идти собирать кусочки\*.

1930 г.  
гр. поселка Ибреси,  
рабочий Новиков, М.-Кав. ж.д.

---

\* То есть, просить подаяние у населения.

### **«Откуда появился кулак?..»**

Откуда появился кулак и кто его создал, как какого-то жупела, когда как в былое время о нем было мало известно? Если мы признаем за кулака, имеющего всего имущества на 500 — 1000 руб., то как смотреть на такого рабочего, служащего, директора фабрики и т.д., у которых одна кровать стоит в отдельности 100 — 200 руб., а все вместе взятое достигает стоимости не одной тысячи рублей.

1930 г.            С. Константинов  
Самара, Арцибушевская ул., 91, кв.4.

### **«Из зажиточных делают нищих»**

Два враждебных лагеря создаются в советской деревне. Их создает рабочая бригада, приходя в деревню, собирая бедноту, то обсуждая с ней тайно, потом приходя на общее собрание и защищая бедноту и сажая ее на плечи того трудящегося, который без того стонет под тяжестью разных обложений. Все вооружились, и крестьянин, и бригады, и беднота. Товарищи, нельзя вздохнуть во всю ширь своей груди, каких классов не надумали из крестьян: и кулаков и подкулашников... Даже страшно стало жить, не живешь, а страдаешь. Семья большая, одна корова, а другую пустить нельзя. Скажут, кулак, и задавят тебя, как муху. С одной стороны, будто на словах поднимают бедноту, а на деле из зажиточных делают нищих. Это похоже на французскую революцию, там преследовали белые лилии — цветы аристократов, у нас преследуют у кого 2 коровы. Где же свобода, видно одно насилие. Наверное меня назовут нытиком, потому что я не кулак и не подкулачник, а бедная крестьянка самоучка и была членом партии и выступала на съездах и видя, что искажают пути Ленина — усомнилась».

1930 г.            М.Г. Шевекова  
Серпуховский округ,  
Тарусский район,  
дер. Услимово

## ***«Нужно строить колхозы... по-ленински»***

Мое впечатление о коллективизации нашей деревни Хоперского округа, Николаевского района. Спрашивается, почему так сильно охватило население колхозное строительство, что и не ожидали на втором году пятилетнего плана. Я крестьянин, настоящее время рассматриваю так:

Первое — это сильный нажим со стороны наших властей на «кратку»\*. У нас так, если в каком хуторе слабо идет коллективизация, то упол. по хлебозаготовке ставит так: нужно сейчас же применить «кратку», десятку двум дворам «кратное» и тогда пойдет дело. Вот тут-то и зарыта вся собака. И что же мы видим? Крестьяне наказанные сбывают скот — лошадей, овец, дабы доходность его хозяйства не превысила 500 рублей. Куда же эти средства? Они идут первым долгом на вино. Пьют страшно. Очереди за водкой такие, что в тех очередях ночью ежедневно бывают калеки — или ногу или руку вывертывают.

Вообще по Троцкому, который говорит — строить, так строить, наложить на крестьянство большой налог, воевать скорей. Его осадили и выгнали. А теперь что, тоже самое.

Мы, крестьяне, считаем, что нужно строить колхозы не «краткой», пуганием, а по-ленински, как говорил Ленин. Тише, ну чтобы было ясно. Если строить колхоз, то нужно, первым долгом снабдить его чем это нужно необходимым. Чтобы был он показателен, маяком для масс. А крестьянин казак — он видит, что плохо, что хорошо... Он хорошо разбирается. И тяга была бы тоже, но не сбыванием скота, ни с вином, а постепенно.

1930 г. (Анонимное письмо)

## ***«Кучка «сталинцев» ведет страну к гибели...»***

Уваж. тов.! Чувство злобы, обиды заставило нашу организацию написать Вам это письмо.

---

\* 28 июня 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление, в котором разрешалось местным органам власти налагать штрафы до пятикратного размера стоимости подлежащей сдаче сельскохозяйственной продукции на крестьян, не выполнивших самообязательств или индивидуальных заданий по заготовкам.

Положение в Советской России трудное и потому, что партия сбилась с правильного пути, с ленинского пути, взяли ретиво влево. Она обвиняет в искривлении их линии правых, но это неверно.

Все наше крестьянство, а также наша организация «Союз новейшей России» солидаризуется с правыми. Их путь — верен. Почему при Ленине у нас не было плохого хозяйственного положения, почему было продовольствие — хлеб, табак, ситец и пр. пр. Потому что политика т. Ленина была политикой крестьян и рабочих. Ленин смело вел нас к социализму, а сейчас партия сбилась с пути и кучка «сталинцев» ведет страну к гибели, непосильными налогами вы душите крестьян, отбираете последний хлеб, яйца, лен, картофель и проч. и пр. Повсюду разоряете своей политикой хозяйство страны.

Своей сенсационной выдумкой Сталина — «пятилетка» — вы душите «свободную» Россию, она уже изнывает от болезненных ран, ей немогуту.

Станьте на путь Ленина — и мы пойдем твердо к заветному. Во всем партия ошибается, не прислушивается к голосу трезвых людей, она стала фараонничать.

Наша организация со своим планом будет стремиться к перемене политики партии «сталинцев», нужны агитация и пропаганда среди крестьян за перемену теперешнего строя. К новой жизни, без партии, к светлому новому мы идем.

10/XII.29 г.

Юхновское отделение «Союза новейшей России»,

Западная область

Пред. Отд. ШТОК (Сибуровский)

### ***«Военный коммунизм продолжается...»***

Вот уже наступил тринадцатый год Октябрьской революции, а в нашей стране, несмотря на то, что в докладах и газетах пишут о достижениях, пока еще ничего не видать. Промышленность действительно понемногу поднимается, но сельское хозяйство с каждым годом идет к упадку. Беднота растет как грибы. Сырье приходит к концу, наступит такое время, что наша крупная промышленность за неимением сырья пойдет вниз крупными шагами. Взятый курс для переустройства нашего

сел.-хоз. совершенно неправильный. Ни одного крестьянина не найдешь, чтобы он крепко стоял за советскую власть. Военный коммунизм продолжается: как к налогу, хлебозаготовкам, к лесозаготовкам и к другим госналогам. Все это приходится выполнять с нажимом на крестьянина под угрозой суда и штрафа, с нынешними хлебозаготовками у нас оказалось в половину больше кулаков. Как только середняк поднимет свое хозяйство, его ставят кулаком. Смотря на это, много середняков переходит в бедноту, а беднота не думает поднимать свое хозяйство, видя, как власть относится к середняку. Нам нужно сейчас сырье, нужен хлеб. Беднота, на которую так надеется власть, ничего этого не даст. Она работать не хочет, землю обрабатывает кое-как, урожая поднять не старается, а трудящемуся крестьянину (середняку) не дают ходу, который в настоящее время мог бы дать государству хлеб и сырье. Советская власть должна уделить больше внимания середняку и проверить, т.е. произвести чистку бедноты. Большая часть бедняков — лодыри, которые говорят, что нам не для чего работать, мы и так не плохо живем. Вражда между середняками и бедняками обостряется и происходят скандалы; драки и убийства. За это письмо меня признают кулаком, но нет, я демобилизованный кр-ц, маломощный середняк.

1930 г.                    Александров  
г. Боровичи

***«Кто не хочет идти в колхозы, тот будет выселен  
в далекую Сибирь...»***

Дер. Нарковщина бедняцкая. В ней всего 15 дворов. Когда на собрании заговорили об организации в деревне колхоза, на это не оказалось желающих. Беднота заявляла о том, что она присмотрится к другим колхозам, а потом уже и сама пойдет в колхозы.

Скарукову это не понравилось. Он ли не прилагает все усилия, чтобы побольше организовать колхозов, он ли не старается на пользу бедноты, он ли не хочет для них лучшей жизни, а они на тебе — ни в хомут, понять его не хотят. И Скаруков разошелся:

— Вот что, граждане, кто не хочет идти в колхозы, тот будет выселен в далекую Сибирь и здесь мы поселим колхозников. Записывайтесь лучше, чем выселяться.

В этой деревушке до этого времени не велось никакой разъяснительной работы по коллективизации.

— Все, кто не записывается в колхоз, — заявил он собравшимся, завтра же с утра приходите в с/совет за документами на переселение.

Крестьяне этим возмутились, заволновались и раб-  
факовцу Хацкевичу насилу удалось успокоить их.

1930 г. Оршанов А.  
Оршанский окр.,  
Межовский с/с,  
дер. Нарковщина

### ***«Раскулачивание... это уничтожение людей и исчезновение деревень»***

Раскулачивание, если говорить начистоту, то это уничтожение людей и исчезновение деревень. Сколько деревень исчезло, а в некоторых живут 2 — 3 пенсионера. Раскулачивали тех, у которых всю жизнь не было часов ни в кармане, ни на руке, работали от зари до зари. Даже не имели металлических коек, спали на полу и на полатах, или на 2 скамейки наложат досок и стелят перины, а домотканые постели набиты соломой. Писали сосед на соседа заявления в с/совет. Как поступит заявление, ночью увозят главу семьи. Отправляли в основном на Печору в Коми АССР и кто туда попал ни один не вернулся. Некоторые заранее скрывались и уезжали, устраивались на работу и скрыто приезжали и увозили семьи.

Заявления в то время немногие могли написать, достаточно написать шпаргалку, пиши, что вздумаешь, проверять никто не будет. Много раскулачено бывших колхозников, которые жили и честно трудились в колхозе.

1989 г. К. Башкирцев  
Вологодская область,  
д. Даниловская



## «Раскулачивали так...»

В наше село Винницкие Ставы Киевской области был прислан уполномоченный из обкома Андрущенко, про которого после ходили слухи, что этот Андрущенко бывший сын помещика. Залез в партию и работал под чужим именем. Этот Андрущенко собирает вечером актив села и говорит: «Сегодня ночью чтоб собаки лаяли, петухи кричали, окна звенели, пух из подушек летел. 10 — 12 или 15 семей кулацких, чтобы были из домов выброшены, печки разорены, окна выбиты». Активисты идут по своим участкам, и летят пух и перо, и люди с малыми детьми, голые и босые, вылетают зимой из обогретых домов на улицу в снег.

Раскулачивали так: дают твердое задание\* — такого-то числа сдать 50 — 80 — 100 пудов хлеба. Человек сдал, думает: все. Ему сразу дают опять задание в 2 раза больше. Которые жили получше, выполняли даже 2 — 3 таких задания, покупали хлеб и выполняли, но и им в своих домах жить не пришлось. Помню такие случаи. Бригада активистов напьется самогона, наестся кулацкого сала, вызывают в штаб (были такие штабы на каждой улице) старика 78-летнего в холщовых штанах и заставляют танцевать под их балалайку с двухметровой доской — пятидесяткой на вытянутых руках и кричать: «Я злостно не выполнил хлебосдачу!» Танцевал до тех пор, пока не упал и потерял сознание. Другой случай. Женщину, босую, в одной рубашке, зимой вывели за поселок, дали кнут в руки и говорят: «Гоняй ветер в поле, раз хлеб не сдаешь». Активисты запрещали соседям обогреть выгнанных на улицу людей, угрожая самих выгнать.

В 1929 году согнали всех в коллективизацию без подачи заявления, забрали лошадей, инвентарь, с каждого двора собирали семена. Не помню, в каком месяце объявили распустить колхозы из-за головокружения Сталина от успехов. Люди на радостях потащили свой скот, инвентарь по домам, а тут сразу опять стали в колхозы писать. Многие стали сопротивляться, их зачисляли в кулаки и подкулачники, разоряли их дома, землю с посевами забрали в колхоз, и стали люди умирать поголовно.

---

\* Обязательные поставки продуктов сельского хозяйства. Назначались зажиточным крестьянам при распределении поставок, приходящихся на все село.

После окончания четырех классов сельской школы, я поступил в 1929 году в комсомол, когда стали заставлять снова подавать заявления в колхоз, мне сказали в комсомоле: «Вступай со своей семьей, иначе и вас раскулачат». Я стал говорить со своей семьей, они все наотрез отказались. В семье были мать, 6 сестер и я. Я подал заявление от имени всей семьи и начал работать, а до весны уговорил остальных.

У нас осталась корова, которая весной отелилась и помогла нам пережить голод. В семье добавились еще два едока: моя сестра с мужем пришли к нам, так как их семью раскулачили и выгнали из дома. Сестре Марте предложили разойтись с мужем, тогда ей, мол, останется кулацкий дом, она отказалась, тогда ее тоже выгнали, и они оба пришли к нам. Теленок подрос до трех месяцев, пришлось зарезать, чтоб спасти свою жизнь. В то время давали два года тюрьмы, если кто теленка зарежет, но пришлось рисковать.

Весной нас работало в колхозе четверо. До вечера работаем, бригадир дает справку, сколько заработал трудней, на складе получаем муку, к этой муке добавляем чего-нибудь. Однажды мать говорит мне: «Сынок, понеси мяса на базар, продашь — купишь булку хлеба. Так хочется хлеба». До города Фастов было 18 километров. Утром пораньше отправился я на базар, раскрыл мясо, начал продавать, а люди говорят: это людское мясо. А мясо было со вчерашнего дня присолено и от соли почернело. Я испугался, думаю, заявят в милицию, меня заберут, и там, в милиции, я наверняка умру с голоду. Потому что я много слышал: кто попадает, домой не приходили. Складываю свою сумку и домой. Смотрю, парень лет 18 — 20 схватил у бабки, которая продавала мясо, кусочек и убегает, а сам на ходу ест. Но он был пухлый, ноги, как колодки, не может убежать, упал, а бабка за ним с ножом в погоню.

Я быстрее оттуда уходить, и пока прошел 18 километров, то по дороге насчитал 13 мертвых. В нашем селе тогда 30 процентов людей умерло с голоду, а в Коваливке, говорят, полсела вымерло. Я учился с начала 1933 года в Коваливке на подготовительных курсах ФЗУ. Однажды идем с товарищами, а на дороге лошадь павшая лежит, уже раздутая. Смотрим, три человека ее разделявают. Подходим ближе, один мужик лет 40 идет нам наперерез с ножом в руках. Мы подальше обходим. Он говорит: «Ребя-

та, дайте прикурить». Мы говорим, что нет у нас спичек, а он за нами вдогон. Но мы были живее его, убежали, а он говорит: «Догадались, так — растак». Эта страшная годоводка, можно сказать, была искусственной, потому что год для урожая был нормальным, а отобрали все людские запасы, даже из горшков все повытряхивали.

1989 г. Т.М. Рихтик  
Киргизская ССР, Сокулуцкий район

### ***«На поле ходит огненный мяч...»***

Близ дер. Семилович Рогнединского рика, Рославльского окр., Западной обл., на поле ходит огненный мяч, величиной с футбольный мяч. Это очень удивило граждан дер. Семилович. Огненный мяч появляется кто говорит, с неба, а кто говорит около межника\*, находящегося между нашими полями. Никто не знает, откуда огненный мяч появляется. Огненный мяч на поле появляется приблизительно в 12 ч. ночи. Население 3-х обществ чуть ли не все видело. Верующие крестьяне говорят: «Скоро бог будет издеваться над людьми». Молодежь не верит, но она видела своими глазами. Но меня поражает то, что это случилось не над крестьянской землей, а над артельской землей, где только закончилось землеустройство землемером Греновским. Вот почему это поразило граждан дер. Семилович.

1929 г. Колосков Ф.Д.  
Брянская губ., Бежицкий у., пос. Вороново

### ***«На трудодни не давали...»***

Я рождением 1918 г. хочу написать, что я помню. В то время жили единолично, была земля, 2 лошади, корова у нас. Ну жили все по-разному, кто богаче, кто беднее. Не помню в каком году стали кулачить, забирать хозяйство и увозить людей, говорили на Соловки и Урал. Потом опять

---

\* Знак в виде столба, обозначающий границу между земельными участками.

налоги, «комсоды»\* какие-то были, ходили описывали за налог, забирали и переселяли. Потом начались колхозы, кто не шел в колхоз забирали мужчин куда-то, увезли с концами.

В 1932 г. единоличникам не дали свой хлеб убирать, заставили заскирдовать по всем дорогам. Милиция, комсомолия мотались, если кто намял колосков, вез домой, все забирали. И вот пришла весна 1933 г., у кого было доели и весной стали люди пухнуть и умирать. У нас отца забрали, мама и пять детей, и бабушка с голоду умерли, а хоронили без гробов, на кладбищах в канавах. Стал колхоз давать подводу, утром по улице едет, у кого покойник выносят на бречку, везут в канаву, хоронят. Я осталась одна да еще после тифа и пошла в колхоз работать и до сих пор работаю уборщицей. Да еще забыла. В колхозе в 1934 г. колхозников и единоличников описывали за налоги, даже из их сундуков платки-пушники на торги продавали. Хозяйства уже не было после 1933 г. Наш Ставропольский край, Буденновский р-н, с. Архангельское было большое село и опустошало, и кулацкие, и бедняцкие хаты повалились и сейчас еще много пустого места, когда поеду погляжу душа болит, где эти люди... На трудодни не давали, а жить надо было. Еще раз прочитала газету, там больше спрашивают за коллективизацию. Конечно, собрали сход, рассказали за колхоз, надо записываться, работать коллективно и все свое свезти в общий двор. Тут шуму было много и мужчины не хотели свое хозяйство отдавать и женщины кричали, коров жалко, а коров сперва, кажется и не брали у кого одна. Женщины активисты ходили по дворам, говорили: женщины, будут детясли, ваших детей нянчить будут, а вы работать будете. Так мамыши говорили, я своего дитя отдам чужой тетке, нет не дам, а мы следом ходили, слухали. За кулачество помню.

Насупротив нас жил Егор, Хвидарцевы по улишному, а писались Васильченко, их раскулачили даже и в сундуках одежду, шубы, тулупы, а потом приехала подвода, узелки погрузили и детей, родителей, из села много подвод, семей и повезли, сбегались провожать и родня и соседи кри-

---

\* Комитеты содействия, объединявшие крестьян с целью оказания помощи советским органам в сборе денежных платежей и заготовке сельскохозяйственной продукции.

ку сколько было много, повезли, говорили на Соловки и даже частушки пели: «Соловки вы, Соловки, лютые морозы, кулакам соловки, беднякам колхозы».

1989 г.            Е.В. Шевченко  
Кабардино-Балкарская АССР

### ***«Пишет одну лошадь, а другую продает...»***

На общем собрании постановили организовать колхоз. Организаторы колхоза сперва сделали заседание и наметили план, те кто не запишется в колхозы, тех будут выселять на плохие земли. Объявили на общем собрании об этом всем крестьянам. Испугались мужики, давай записываться в колхоз. Пишет одну лошадь, а другую продает, так же и корову. Вышли с собрания и ругаются и спрашивают друг друга о записи. Пусть они что хотят, то и над нами делают и если выселят в болото, то там с голоду умрешь, одна осока и кочка на кочке. Не мешало бы вмешаться властям и подтянуть тех, кто подрывает авторитет власти о поднятии хозяйства и также за запугивание и заманивание силой в колхоз. Здесь нужен подход другой, тогда и крестьяне пойдут добровольно. Были случаи, когда говорили, что если ты не пойдешь в колхоз, то мы твою землю отрежем и ты пропадешь от отчуждения. Нужно, чтобы крестьяне чувствовали, что колхоз освобождает от тяжелого труда.

1929 г.            Корзин В.Г.  
Уралобласть, Кунгурский окр.,  
Ачитиск. р-н, Афанасьевский с/с

### ***«Да здравствует правый уклон!...»***

Наши округа — Смоленский и Сухиничский — на базарах только и сбывают лишнюю скотину, она хотя и не лишняя, но боятся нажима, боясь остаться бедняками. Лошадей покупает Госторг за бесценнок на колбасу. У мужика один лозунг: пей, все равно в коммуны загонят. И нет ни у кого охоты работать, нет настроения. В коммунах тоже скандал. Разве можно сейчас жить в коммуны, когда

отец с сыном не хочет вместе жить, а делится. Ну, хорошо, нынче хлебозаготовки нашли еще верхушку, а на будущий год и не думай, лишь бы был сегодня сыт. Ведь на государство нет ни у кого охоты работать. Ведь сейчас кто идет в колхоз? Тот, кто предвидит, что на следующий год ему разорение. А бедняка силком не загонишь в колхоз. Вот вам пример. У нас на выселках Никитино все середнячки охотно хотят идти в колхоз, а два бедняка не хотят, говоря, что им еще и так хорошо. Среднячки идут для виду. Все ожидают чего-то! Неужели так будет, наверное, переменится. Вы, товарищи, только строите крупное, а мелкого нет ничего. Крупное будет разрушено, так что, оказывается, напрасно мы эту передышку делаем. Живем очень скудно. Теперь примите во внимание то, что крестьянство озлоблено, что нет ему у вас поддержки. Вы думаете крепните этой политикой, но наоборот слабеете. Загляните в Донбасс, я только что был там и что там говорят рабочие, что нельзя жить при такой политике. Товарищи, я хорошо знаю, что за мое письмо меня заберут в каталажку. Да здравствует правый уклон, победа крестьянства и рабочий трудовик!

1929 г. Староватов Ф.С.  
Западная область, Пвлин рик, д. Хотнетецы

### *«Едут ходоками искать лучшей жизни...»*

В настоящее время свирепствует заразная болезнь, это распродажа крестьянского имущества за излишки, которая доводит людей до полного отчаяния. Этой болезнью кулаков страдает 10%, а остальные 90% середняки. Эти излишки хлеба налагаются с потолка, ни на чем не основанно, а лишь бы придраться и разорить крестьян, потому что были случаи выплаты всех излишков, но на него снова налагалось и когда у него нечем платить — продают, выгоняют из дома. При продаже, когда тебя расхищают, ты молчи, а сказал что — и самого в тюрьму. И что же получается! Подходит его очередь идти на это сидение — ночью запрягает коней, сажает семью, берет что получше и «але», куда попало. Которым немного легче, те семью оставляют, едут ходоками искать лучшей жизни, чтобы потом переехать. А третьи, сидя на месте и заливая

горе вином, проклиная жизнь, законы, порядки и все, что хочешь, кричат — давай Чан-кайши.

1929 г. Пахольчук К.Т.  
Барабинский округ, Купянского р-на,  
дер. Васильевка

***«Самый лучший работник будет работать неохотно»***

Каждый бедняк и середняк заинтересован в поднятии своего хозяйства, но не чужого. Если его загонят силой в коллектив, то самый лучший работник будет работать неохотно. В своем хозяйстве он в два раза больше работал. Теперь, если посмотреть, кто охотно идет в коллектив — никто. Даже и те не идут, которые проповедуют о коллективе. А если взять крестьян, то никто охотно не идет и если бы крестьяне знали, что советская власть будет все-таки хорошая, то не бывать ей и сейчас каждый крестьянин сменял бы любую власть, хоть буржуазную, но только не советскую. Я считаю, что ни в одном государстве нет такого насилия, как в Советском Союзе.

1929 г. (Анонимное письмо)  
Сибирь

***«Тов. Сталину надо самому выехать  
по Советскому Союзу и рассмотреть все,  
что творится...»***

Вы хорошо пишете обо всем. У нас, дескать, в СССР все хорошо, строятся заводы, растет сельское хозяйство, крепнут колхозы и совхозы, но мы просим взглянуть во внутрь всего этого. Мы находимся в колхозе второй год. Был у нас недород и сейчас толпы оборванных, полуголодных людей весь день толпятся и просят одежды и хлеба. Находясь уже в колхозе, мы добились скотину, много подошло от бескормицы, остальная взята на мясозаготовки. Никто этого почему то не замечает. По газете жить можно хорошо, а на деле глянешь — жить нельзя: теперь колхоз «Красная заря» лошадей 70 штук погнал на про-

корм в Саратов, дорогой некоторые лошади пали. Крестьянам больно смотреть на такие вещи. В Уральской области в животноводческом совхозе также дохнет скот по 50 — 60 штук ежедневно. Хозяйственники совхоза ходят — руки в карман — и говорят: «Что же мы можем сделать», а сами интересуются только хорошим жалованьем.

Товарищи, всему бывает конец. Нам пишут: кулак ловит каждую нашу малую ошибку, а разве это малая ошибка, когда колхозы и крестьяне остаются совсем без скота. Мы видим, как у крестьян бедняков и середняков отнимают последнюю овцу, а потом ее губят. Твердые задания даются беднякам, тащат последнюю телку. Люди дышат огнем, проклиная самого тов. Сталина, который создал эту скорбь.

На днях в Алгае голодные бабы и мужики взяли председателя за горло, просили хлеба. Председатель едва удра. Мы видим с какой охотой бедняки и батраки вступают в колхозы. Их гонит туда небывалая, тяжелая жизнь. Бедняков и середняков гонят в колхоз небывалыми налогами и разными заготовками. Единоличники сознательно бьют скот и продают корм, инвентарь, а потом идут в колхозы. Вы говорите, нужно бороться с убоем скота, а почему раньше не били скот, особенно телят, разве крестьянин не знает, что прирезать телку, все равно, что сорвать зеленый арбуз, а все-таки сейчас режут, не смотря ни на что. Когда будут колхозы показательными, тогда крестьянин будет доверчив и он не убьет телку и если эти колхозы будут, как сейчас, то они провалятся. Поэтому не нужно разорять оставшиеся бедняцко-средняцкие единоличные хозяйства и загонять их этим в колхозы. Пусть они живут своим трудом, а когда они убедятся, то придут сами.

Потом говорят, мы насильно не гоним в колхоз, только на добровольных началах. Какая же может быть добровольность, если отнимают последние две овцы на мясозаготовки.

Нам, батракам, советская власть дала много хорошего — она охраняла наш труд. За деньги, которые мы зарабатывали, покупали сами, что нам было нужно. Сейчас же за деньги купить нечего. В кооперативе одни духи. Хлеб на рынке 20 руб. пуд, а в кооперативе его нет.

Нам же только и говорят — нужно переживать трудности, но так говорить можно сытому, одетому и обутому.



Французская революция длилась 30 лет, а если у нас и так будет, то совсем загонят крестьян. Крестьянам нужна жизнь и свобода, тогда и рабочие будут сыты и довольны. Крестьянам нужна земля, тогда и хлеб будет дешев. Мы видим, как на бойне бьют полудохлых верблюдов и везут кормить наших братьев-рабочих, этим отвратительным мясом, а два-три года назад наши рабочие ели самое хорошее мясо, но тогда крестьянин сам откармливал крупный скот, сбывая его государству.

Сейчас у крестьян-единоличников скот сытый, но его у него отнимают и губят. У вас же по газете все хорошо и все в порядке, а мы думаем, что в порядке только Москва, Кремль и тов. Сталин. Ему, Сталину, со всех концов СССР пишут, что все благополучно обстоит дело, а он верит и раздувает свое дело шире. Тов. Сталину надо самому выехать по Советскому Союзу и рассмотреть все, что творится, тогда и говорить, хорошо или плохо живем. Сидя в Москве легко говорить: у нас строительство, у нас рост, а у них, у капиталистов — кризис. Какое нам дело до капиталистов, когда мы должны смотреть на свое дело. У них кризис и у нас разруха и голод. Зерновую проблему говорят разрешили, а люди с голоду берут за горло ни в чем неповинных работников местной власти. Надо больше наблюдать свои прорехи, а не пялить глаза на чужие.

Тов. Сталин скажет, наверное, что это писали кулаки или подкулачники или еще кто-нибудь. Из нас наделали чуть ли не 100 классов, но мы открыто просим поместить нашу статью и сами подписываемся. Вы любите помещать статьи, в которых все благополучно, а такие как наша — нет, но мы настойчиво просим поместить.

1931 г.                    с. Алгай, Новоузенского района  
                                  Нижней Волги  
колхозники Копылов, Глухов, Чуркин, Сусоев и др.

### **«Повторяют, как попугаи...»**

Коллективизация проходит очень неряшливо, безмозгло. На место глубоко разъяснительной работы по коллективизации местами, чуть не насильно, без всякой глубоко-воспитательной работы, одним, двумя сходами устраиваются коллективы. Я наблюдал такую картину: пред-

ставитель Туровской РККа\* некто Еружнец берет слово на сходе и заявляет: «Кто не пойдет в колхоз, загонят его в болото, или пески и прочее в этом роде». Конечно, после такого выступления население посыпало в колхоз.

Но спрашивается, есть ли в этом должный эффект. Такие элементы, не считая их социальной подоплеки, будут коллективистами скороспелыми, подрывающими коллективы изнутри. Воспитательная работа ведется у нас тоже очень неряшливо. Агитаторы, все еще нисколько не готовясь к докладам, а надеясь на свои «ленинские таланты», повторяют, как попугаи: «15-й съезд постановил», «наша партия взяла курс на коллективизацию и индустриализацию» и т.д. и т.д. На одном, другом и на третьем сходе без конца повторяют одно и то же, только с разными перестановками слов. Надо бросить этот дурной и ленивый метод. Надо начертить гражданам примерный производственный план коллектива в своих местных условиях и прочее в этом роде. Конечно, для этого требуется большая упорная работа, а нашим барам агитаторам не охота помозговать.

1930 г.            БССР, Мозырский округ, избач  
                         с. Вераснащи,  
член ВКП(б) Горбачевич

### *«Что дали земле, то и она им»*

Я сам крестьянин, возрос на земле с 1914 года, все видел, все переживал, терпел, как над нашей кормилицей землей поиздевались и тогда, и в застойные времена. Но вернусь как было тогда, когда появились как называли их, «кулаки», и почему были бедняки. Были труженики, работали, вкалывали с темна и до темна в поте лица мозолисто, порою не доспавши и недоевши, трудились на матушке кормилице земле, не имевши наемной силы сами обрабатывали земли, за что земля платила отдачей, обильными урожаями росли и мужали крестьяне, хозяйства. А те кто рядом имели землю — лодыри, пьяницы, они ленились ее обрабатывать и участки зарастали бурьяном, травой. И эта категория оказалась в бедности, урожаев не получали, что дали земле, то и она им. Но кто трудился, рос

---

\* Районная контрольная комиссия ВКП(б).

и наживал трудом, потом и мозолями и поимел хозяйство примерное, и имел кое-что показательное в хозяйстве.

1989 г.            Г.П. Медведев  
Брянская область, Почеп

**«Крестьяне смеются, что вы так врете...»**

Пишем от группы крестьян двух деревень Норино и Мехова — от 108 чел. Мы часто прочитываем газеты и очень нас заинтересовало, как иностранная буржуазия клеймит, якобы в СССР лесозаготовки добываются принудительным трудом. Но неправильно она пишет. Советская страна не станет применять принудительный труд. У нас только существует насильный труд. Пришлют повестку кубометров на 100. Крестьянин не успеет опомниться, а несут уж штраф от 50 до 1000 руб. Крестьяне истощали от налогов, которых не перенести. Берут последних овец, коров и сам может под суд в Соловки угодить, если к сроку не выполнить. Вот наша и свободная страна, а милиция не уезжает из деревень — все пишет протоколы, скот за штрафы берет. Наша советская страна подучилась у атамана Аненкова. Тот в Сибири тоже как расправлялся с трудовым населением. Сейчас из домов выбрасываются полуголодные и полураздетые дети, плач и крики раздаются ужасные. Об этом значит дошли слухи и до иностранцев, которые стали тоже протестовать. Мы же даем им ответ, что у нас, мол, этого нет, у нас только добровольный труд. Зачем же врать. Крестьяне смеются, что вы так врете в своих газетах. Русские газеты поэтому назвать можно газетами лжи. Если у нас настоящего крепостного права нет, но зато ни в одной стране нет такого насилия, как в России. Кто бы ни приехал грозит нам тюрьмой и ссылкой. У нас не строится социализм хозяйственный, а у нас уже построен социализм тюремный, штрафов и насильного труда. Вот наш социализм. Просим пропустить наше это письмо в газету, но, конечно, вы эту правду не пропустите.

1931 г.  
Крестьянка Лидия Зайцева от имени крестьян двух деревень  
Почепского района Западной области

## «Работать не хотели и не умели»

Первое, что осталось в моей памяти от раннего детства, — пожар. В ту пору мне не было и двух лет. Поздним осенним вечером, увидев в окнах напротив яркое зарево пожара, все мы — мать, бабушка, тетя, я и два двоюродных брата, которые были немного старше меня, уткнулись в окна и смотрели как горело гумно\*. Отец, увидев пожар схватил что-то и убежал. Дядей в ту пору не было дома.

Гумно с ригой\*\*, конечно, потушить не удалось, сгорело полностью. В гумне была конная молотилка и ручная веялка, что в ту пору особо ценилась. На другой день явилась милиция и забрала отца и еще четырех или пятерых мужчин, жителей Семенцева. (в Семенцево тогда было всего семь домов). Всех арестованных доставили в милицию и предъявили обвинение, что они, кулаки, сожгли гумно, и их будут судить. Но если они добровольно, здесь же, напишут заявление о вступлении в колхоз, то им все простится и их отпустят домой. Не видя другого выхода, все написали заявления и были отпущены.

Возвратившись домой, свели на общий двор коней, коров и другой скот. А также семена, фураж, плуги, бороны и все транспортные средства. Так начал свою жизнь колхоз «Победа». Но начало, правда, было раньше, за год до принудительного вступления в колхоз моего отца и других односельчан.

В 1928 году было отобрано все имущество и выселена семья Пейве. Глава семейства Вольдемар Карлович еще раньше был выслан на Урал и где-то погиб. (Вольдемар Карлович был отцом известных братьев — академиков, Яна Вольдемаровича и Александра Вольдемаровича Пейве, ныне тоже покойных.) После того, как была выселена семья Пейве, в дом вселилось три или четыре семьи бедняков с окрестных деревень. Завладели всем имуществом, скотом и землей, принадлежащей ранее семье Пейве. (Как они себя называли колхозом или коммуной, я точно сказать не могу.) Руководителем у них была коммунистка — фанатичка У., почти неграмотная эмигрантка из Латвии (имени ее я не хочу называть по некоторым соображениям).

---

\* Комплекс простых сооружений на крестьянской усадьбе для обмолота и хранения хлебов.

\*\* Сарай для сухих снопов и молотьбы в зимнее время.

После одного года совместной «работы» скот они порезали и поели, урожая тоже не получили. Потому что работать не хотели и не умели. Ведь и до этого они имели свои земельные наделы, которые были запущены и заброшены. Оказавшись в безвыходном положении, пришли к такому «разумному» решению: если завладеют имуществом и скотом остальных «кулаков», — тогда уж заживут. Но в то время еще не могли насильно отбирать имущество. Нужно, чтобы «кулаки» вступили в колхоз, а они не хотят вступать. Значит, надо как-то принудить их.

И вот, у руководительницы этого «коллектива» родилась мысль — сжечь гумно, им же теперь принадлежащее, и обвинить в этом «кулаков». Сама же У. облила керосином солому и подожгла, о чем в последствии всем стало известно.

Через два года в колхоз вступили и жители других деревень, а при совместной работе в колхозных закромах появился хлеб, в хлевах — общий скот. Беднота решает: кулаки нам больше не нужны. И исключили «кулаков» из колхоза. Потом ходили по домам, как разбойники, и отбирали все подчистую, — домашнее имущество и одежду.

Хорошо помню, как ночью нагрянули к нам, когда дома не было мужчин (видимо, знали об этом), обобрали в комнате все, что приглянулось и покидали в кучу. Заставили мать открыть свой платяной шкаф, и все, что было там, также бросили в кучу. Но тетя не хотела открывать свой шкаф, и тут же у одного из «бедняков» появился топор — дверка шкафа вмиг слетела. Затем все погрузили на повозку и увезли. Вскоре всех «кулаков» выселили в другую деревню, в избушки «бедняков». А «бедняки» вселились в наши дома. Никому из выселенных не отдали из колхоза и тот хлеб, который они честно заработали. Выселенные наши семьи были обречены на голод. Помню, каким был тот горький хлеб, замешанный на мякине, да и того не вдоволь. А у нас была немалая семья: отец, мать, бабушка, и нас, детей четверо.

Дядя Август со своей семьей после выселения жил отдельно в другой избушке. Дядя Адольф уехал в город. Нелегким был для нас год проведенный в изгнании. Много сил потратил отец, чтобы вернули нам наш дом. Не один раз ходил пешком в Торопец (на поезд не было денег) к начальству и доказывал, что с ними поступили незаконно. Порой приходил в отчаяние. Ни мой отец, ни дядя, ни

другие жители Семенцева не были кулаками, да и не могли быть. И даже семья Пейве ничего лишнего не имела. Все они получили землю при Советской власти.

Все мои дяди были активными участниками революции и гражданской войны. Дядя Август Петрович Берзин — участник Октябрьской революции в Петрограде. Был какое-то время в охране у Ленина. А затем, до конца гражданской войны был на фронтах. От начала и до конца гражданской войны воевал и другой дядя — Адольф Петрович Берзин. Еще двое дядей погибли на фронтах. Отцу, Эдуарду Петровичу Берзину, не пришлось воевать. Призывался он в конце войны и полк, в котором служил отец, был в резерве.

До революции мои дед и бабушка с детьми, выходцы из Латвии, безземельные крестьяне скитались по России, нанимались в батраки и ничего не имели. Вернувшись домой после гражданской войны и получив землю, мой отец с братьями совместно построили дом, обзавелись хозяйством. Все семь семей села Семенцева вступили в кооператив, который назывался ТОЗ (Товарищество по совместной обработке земли). И через пять лет почти все хозяйства Семенцева оказались «кулацкими». А богатство моего отца и дядей состояло из двух лошадей, двух коров и мелкого скота. И одежду носили только домотканую. Так были ли они кулаками?

1989 г.            А.Э. Берзин  
Тверская область, Торопецкий район

---

## РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

---

### СОПРОТИВЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

*«Внутри страны, — против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его уничтожают».*

Максим Горький

*«Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть»*

Пословица русского народа

Тема социальных конфликтов в ходе проведения «революции сверху» составляет довольно обширное «белое пятно» в отечественной истории. Всесторонняя, глубокая, подлинно научная проработка этой важной проблемы еще впереди. Сложностей здесь более чем достаточно. Пока еще исследователи не владеют достаточной базой документов и иных архивных материалов. Но и то, чем сейчас располагают историки, свидетельствует об остром противоборстве, массовых выступлениях крестьян против навязанной «сверху» политики сплошной коллективизации и раскулачивания. Причем острота конфликтов нарастала по мере отступления от принципов новой экономической политики, проще говоря — по мере «закручивания гаек» и «усекания» экономической свободы и самостоятельности крестьянского хозяйствования.

Массовую волну крестьянских волнений породили так называемый «хлебный кризис» зимой 1927 — 28 годов и

последовавшие за ним «чрезвычайные меры». После нескольких лет нормального, естественного развития аграрной экономики в условиях рыночного пространства на крестьян была наброшена «военно-коммунистическая» уздечка.

Теперь о том, почему это произошло. На рынке, как известно, господствует закон стоимости: стоимость товаров определяется затратами труда, и товары обмениваются в соответствии с их общественной стоимостью, то есть на уровне общественно необходимых затрат труда. Производство товаров и их выход на рынок зависят в данном случае от того, насколько их цены совпадают со стоимостью. И только здоровая конкуренция между продавцами и покупателями регулирует отношения между ними, обеспечивает пропорциональное распределение общественного труда по различным видам и отраслям производства. Таким образом, пропорции при обмене товаров устанавливаются в соответствии с их общественной стоимостью.

Иные способы регулирования экономики выходят за границы действия ее законов. В дело вступают уже политические и силовые методы. Так и случилось зимой 1927 — 28 годов. Попытки ускоренного выхода на высокий уровень развития производительных сил путем «форсажа» индустриализации, да еще в замкнутых границах одной страны, неизбежно привели к волевому регулированию пропорций общественного производства, в том числе и к произвольным манипуляциям с ценами. Государство в поисках источников в который раз остановило свой выбор на крестьянах. Цены накупаемый у них хлеб были установлены настолько низкими, что не только не обеспечивали доходности крестьянскому хозяйству, но просто подрывали основы его физического существования. Крестьяне стали сокращать продажу хлеба государственным заготовительным организациям, стараясь направить его на рынок.

И тогда руководство партии и государства пошло на «чрезвычайные меры». Что собою представляли эти меры? Из резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 11 апреля 1928 года: «Сюда относятся все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы продразверстки, а именно: конфискации хлебных излишков (без всякого судебного применения 107 статьи); запрещение внут-



ридеревенской купли-продажи хлеба или запрещение «вольного» хлебного рынка вообще; обыски в целях «выявления» излишков; заградительные отряды; принудительное распределение облигаций крестьянского займа при расчетах за хлеб и при продаже дефицитных товаров крестьянству; денежные выдачи по почтовым переводам, когда часть посылок выдается облигациями займа или другими бумагами; административный нажим по отношению к середняку; введение прямого продуктообмена и т.д. и т.п.». В принудительном порядке у крестьян было изъято около миллиона пудов хлеба.

«Чрезвычайщина» вызвала взрыв недовольства среди широких слоев крестьянства. Уполномоченные по хлебозаготовкам жаловались: «Каждый пуд хлеба в деревне получался с бою». Повсюду крестьяне прятали зерно в тайниках, названных «черными элеваторами». Во многих селах и деревнях возмущенные крестьяне поднимали бунты, нередко перераставшие в вооруженное сопротивление. Особой формой протеста явилось так называемое «самораскулачивание». Не выдержав насилия, тысячи и тысячи крестьян бросали хозяйство, землю и уезжали в города.

Наибольшего размаха крестьянское движение сопротивления достигло во время осуществления политики «ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации». Оно стало приобретать организованные формы в виде повстанческих групп и организаций. В вооруженных восстаниях участвовали тысячи человек. Так, в Сибирском крае только с января по март 1930 года было зарегистрировано 65 массовых крестьянских выступлений. В Средне-Волжском крае в течение того года произошло 718 групповых и массовых выступлений крестьян, в Центрально-Черноземной области — 1170.

В Ставропольском округе, Дагестане, Средней Азии, Закавказье, Украине и многих других районах страны развернулось широкое повстанческое движение. Причем в массовых выступлениях почти повсеместно принимали участие середняцкие и бедняцкие слои. «Волнения, охватившие почти все районы Криворожского округа, — докладывал Я.А. Яковлеву ответственный работник Наркомзема, — до сих пор не утихли. Меня крайне беспокоит то обстоятельство, что во время этих выступлений мы фактически остались с очень тонким слоем деревенского актива, а батрацкой и бедняцкой массы, которая должна

быть нашей опорой, не видели, они стояли в лучшем случае в стороне, а во многих местах даже в первых рядах всех событий».

Крестьянское сопротивление грозило сорвать «революцию сверху». Пожалуй, в феврале 1930 года на ее долю выпали самые тяжкие испытания. В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 года «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» внутривластная обстановка оценивалась вполне откровенно и трезво. В документе отмечалось: «Поступившие в феврале месяце в Центральный Комитет партии сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение. Факты повстанческого движения под руководством контрреволюционных кулацких элементов в ряде округов Украины, в горских районах Северного Кавказа и в Казахстане с особенной силой подчеркивают опасное обострение политической обстановки в деревне».

На подавление крестьянских выступлений были брошены части ОГПУ, крупные подразделения Красной Армии при поддержке боевой техники. Восстания подавлялись беспощадно. Секретарь Центрально-Черноземного обкома ВКП(б) И.М. Варейкис докладывал Центральному Комитету: «С 17/ХІІ—29 г. по 14/ІІ—30 года по области зарегистрировано 38 массовых выступлений с количеством участников 25.170 человек. Подавляющее большинство массовых выступлений произошло на почве коллективизации и раскулачивания. Только в одном Острогжском округе с 12-го января по 14 февраля было 16 кулацких массовых выступлений, в которые разного рода провокационными способами, мерами и средствами кулаку удалось вовлечь часть середняков и даже бедноты, в особенности женщин. В отдельных местах толпы выступавших достигали 2 и более тысяч человек. Для подавления кулацких выступлений были приняты решительные меры.

Шесть кулацких выступлений в Острогожском округе пришлось ликвидировать при помощи вооруженной силы».

Участники волнений и восстаний арестовывались и заключались в ИТЛ\*. В конце концов крестьянские выступления удалось погасить.

### ***«Чтобы была свобода, а не такое мучение людей»***

У нас сейчас проходит по всему Манчажскому району сплошная коллективизация. Но этот закон кто выработывал, того можно назвать безголовым. Ведь, товарищи, у нас над головой стоит война, ведь каждый день на Советский Союз нападают белые банды. И вы, товарищи, еще заставляете идти в колхоз силой. Дескать, кто в колхоз не пойдет, того лишат прав и не будут ему давать никаких прав голоса.

Это, товарищи, в корне неправильно. В колхозе только жить служащим, а не нам крестьянам. Если нас всех силой погонят, то мы все единогласно пойдём на Советский Союз войной и будем завоевывать старое право. В колхозах живут так. Вот, например, наш колхоз «Красный луч» в с. Манчаже организовался еще в 1928 г. В нем 80 домохозяев. Там у каждого домохозяина отобрали коней и теперь они уже не свои. Был такой случай: один гражданин отдал своих лошадей в колхоз, бедняк, семья 7 человек, из них рабочих рук 2. Через 3 дня пришел просить лошадей: мне по солому съездить. Ему ответили так: теперь лошади не твои и ты их не поминай. На другой же день он взял самовольно лошадь и продал ее. На него за свою собственную лошадь подали в суд. Или так: придет колхозник по паек, ему, у которого семья 7 — 8 человек, дадут муки на квашню\*\* ф.\*\*\* 25 — 31. Они ее с такой семьей съедят в сутки. Придет на другие сутки по паек, ему говорят, почему скоро сожрал, тебе сегодня еще пайка нет. И колхозник идет со слезами домой, а дома ребята с голоду умирают, режут как волки. Вот что строит советская власть.

Но мы, партизаны, которые ходили завоевывать советскую власть, не хотим этого. Мы завоевали свободу и

---

\* Исправительно-трудовой лагерь.

\*\* Деревянная кадка для теста.

\*\*\* Фунт — русская единица веса, равная 409,5 г.

для нас чтобы была свобода, а не такое мучение людей. Мы и сейчас готовы идти с винтовкой в руках, если же нас будут угнетать и морить с голоду, мы, партизаны и граждане с. Манчаж и всего Манчажского района, не хотим этого. Если же нас, бедняков и партизанов, будут силой гнать в колхоз, то мы спалим красным петухом все колхозские дома и все колхозное богатство. И не только спалим ближайшие колхозы, но и поедем дальше, где есть крупные колхозы, жечь их. Ведь война над головой, а вы все еще делаете такие вспышки. Пускай существуют те колхозы, в которые вошли люди добровольно, а не силой загнанные в колхоз. Даешь нам свободу, которую мы завоевали, а иначе жжем колхозы и идем на них войной.

1930 г.                    Симаков П.М.  
Уральская обл., Кунгурский окр., с. Манчаж

### ***«Массовый бунт крестьян»***

У нас происходит массовый бунт крестьян с требованием надела земли и отказ от колхоза. Так что у нас еще влияние кулака есть. Хотя и разоблачаем, но ничего не выходит.

1930 г.                    Солодовников А.Н.  
Кубанский окр., ст. Уманская

### ***«Появились машины с военными... послышались выстрелы»***

30-й год, февраль. Общее собрание. На трибуне выступает человек высшего ранга. Речь шла в повышенном тоне о преимуществе колхозного строя. В конце речи объявил голосование, сказав: «Колхоз добровольный, кто против колхоза, тот против Советской власти». Против подняли семь стариков.

Сплошная коллективизация. По дворам актив забирал сельхозинвентарь и семена. Свозили на общий двор. После этой операции на улицах стали собираться десятки женщин и тащили обратно по дворам инвентарь. Мне вме-

сто одного притащили два плуга. Дней шесть сельсовет был атакован женщинами, которые требовали освобождения арестованных. На седьмой день появились машины с военными — вооруженными солдатами по форме НКВД\*. В то время в сельсовете да поблизости было много женщин, слышались выстрелы.

1989 г. Д.И. Сторчак  
Краснодарский край, Красноармейский район,  
станция Ст. Джерелиевская

### *«Был пущен пулемет на крестьян»*

Письмо тов. Сталину от крестьянина-бедняка дер. Надеженки.

Надежинск. с. с. Муромцевск. р. Барабинского окр. Сиб-  
края.

Фамилию не укажу, потому что вскроют здесь письмо, меня лишат жизни.

26.III.30 г.

Вот что у нас получилось. Гнали в колхозы насильно, а если кто не шел, высылали. И вот стали высылать даже бедняков в с. Кондратове, Тарлюках, Бохмацкой, Бергомате, Лесине и Маломуромках и Разанях. Вот что получилось с отправкой последней партии высылаемых, можно сказать, середняков и бедняков, не вошедших в колхоз. При 45 градусном морозе восстали крестьяне этих деревень все поголовно, даже те, которые были позагнаны в колхозы, и пошли не давать высыльных. Вооруженный бой был в Кондратове, 6 убитых крестьян; в Разанях 50 убитых крестьян и 12-м отрядом, что шел разгонять крестьян, был пущен пулемет на крестьян. Сейчас около 1.000 крестьян арестованы в селе Малокраснояр и на допросы. Мрут от голода и жажды. Даже воды и то мало дают. И это всем крестьянам видно, и это наделал начальник Муромцевской милиции Яковлев. Он и сейчас говорит: «Кто не в колхозе, уходите туда, где медведи», и еще какой то именуется себя ленинградским рабочим. «Всех, — говорит, — сошлем, кто не пошел, и сеять не дадим».

---

\* В начале 30-х годов — ОГПУ.

Сейчас идет такое же восстание в Седельниковском районе, Омского округа. У нас сейчас без пропуска ни шагу. Ожидаем весны, как смерти, не знаем, за кого и говорить. Я в колхозе сейчас, но загнан силой и как у нас колхозы, то лучше на Соловки. Если вам дорога власть и крестьянин, то срочно командуйте из центра людей, преданных Ленину, и тогда можно ожидать лучшего, а если этих погубят, то каждый скажет, что нам крестьянам этого не нужно. Пожалуйста, войдите в это дело.

### *«Было восстание крестьян»*

В ст. Темиргоевской, Армokrуга, Кур. района, 14 января было восстание крестьян. Восстание произошло от того, что проходит сплошная коллективизация. В станице было еще весной организовано 20 колхозов, которые существовали. Зашло дело так, партиячейка наметила единый колхоз — «Гигант». Многие члены партии говорили, что нужно этот план проработать в колхозах, которые существовали, а тогда и с середняками. Партиячейка с некоторыми коммунистами не посчиталась, а пошла прорабатывать в группы, где сословие крестьян разное, и когда собрали общее собрание гр-н, не объяснив гр-нам, что такое колхоз «Гигант», а сразу должны все быть в колхозе «Гигант». Тут пошла волна: много было на сходе кулаков и зажиточных. Всех членов партии и комсомольцев и общественников трясли за грудь, давали пощечины комсомольцам. ГПУ с трибуны стащили, одежду порвали. Выезжал конный эскадрон, но крестьяне его загнали камнями во двор, была полная анархия. По рассказам есть вина партиячейки, что кулак настроил массу, что партиячейка сама призналась. Секретарь — человек новый, московский т. Андреев хорошо еще не ознакомлен. По моему, там слабая ячейка ВКП(б). В данное время все спокойно, когда больше партиячейка растолковала населению, то идут в колхоз без сопротивления. И намеченный план второй проходит в жизнь. Я ездил в эту станицу на каникулы.

1930 г.  
Москва,  
рабфаковец Кузнецов

## *«Власть решила стрелять в толпу...»*

Председателю ВЦИК РСФСР

Товарищ Калинин, известно ли Вам о тех перегибах в коллективизации крестьянского хозяйства, которые имели место на Кубани в станице Нововеличковской, где работники по коллективизации применяли метод запугивания, высылку, нагайки, приклады и стрельбу в крестьян.

Организовав колхоз, местные работники взяли курс на командование работами, а не на организацию их. Командуя, они не учли местных бытовых особенностей и на третий же день работы в станице вспыхнуло женское восстание. Женщины не пускали мужчин в поле и сами разобрали лошадей из колхозных конюшен к себе на дом.

Организаторы не сумели подойти к этому вопросу и разъяснить населению его ошибки, а начали дело арестами зачинщиков. Такой подход еще больше взвинтил женщин, и они, собравшись у школы, где находилась администрация колхоза, начали требовать, чтобы арестованных освободили. Администрация упорствовала, а толпа наседа-ла, требуя освобождения. Чтобы разогнать женщин, администраторы решили взять их на испуг и сделали девять выстрелов вверх, но женщины не расходились. Наступала ночь, администрация струсив, освободила арестованных.

На второй день женщины собрались у исполкома, требуя расформирования колхоза. Местные власти не нашли ничего лучшего, как применить грубый разгон толпы. Для этой цели вооружили красных партизан и комсомольцев, посадив их на лошадей. Эта мера успеха не имела, так как она только раздражала население. Пришлось вызывать из г. Краснодара милицию, которая, приехав на грузовике, начала совместно с комсомольцами и партизанами разгонять толпу: били нагайками, прикладами, направляя автомобиль на толпу, пытались давить ее. Но когда и эти меры оказались бессильными разогнать толпу, тогда увлекшаяся власть решила стрелять в толпу, в результате чего было убито пять человек и несколько человек ранено.

На третий день пахарей выгоняли в поле прикладами и нагайками. Все эти сведения мною получены от корреспондента, наблюдавшего эту «коллективизацию».

Прошу произвести расследование, так как колхоз этот уже распадается: 2000 хозяйств подали заявления о выходе. Создается такое впечатление, что дело коллективиза-

ции попало во враждебные руки, прилагавшие все усилия к тому, чтобы испортить его, повредить этой идее.

С товарищеским приветом (подпись неразборчива. — Авт.).

Кубанский округ, Краснодарский район,  
станция Нововеличковская  
1930 г.

***«Выйдите за кремлевские стены  
и посмотрите на ваши плоды...»***

Уважаемые товарищи, но враги русского народа! Выйдите за кремлевские стены и посмотрите на ваши плоды: всюду стон и насилие ваше, гнет и несправие, правительственный большевистский обман и мошенничество. Всюду голод, нужда, нет хлеба, нечего одеть, поесть, обуть. Государство в полном разорении. Где ваше равенство? Партийный, союзный, бессююзный и лишенец. У лишенца отнято всякое существование, у него отнято всякое право к существованию, он хуже зверя. И это за то, что имел две коровы или торговал по вашему закону. Это в социалистическом государстве! Такого рабства не было в древнее время. Беспартийному никуда не пройти — всюду хулиганы и глупцы комсомольцы. Везде большевистская провокация, везде контрреволюция. Какой-то контрреволюционер придумал середняка, кулака. Боясь попасть в кулаки крестьянин продает последнюю корову. С насильным загоном в коллектив разорили страну в корне. С каждым годом от голоду умирают до 30%, за 5 лет подохнут 50%, а лишенцы подохнут в этом году. На рынке не снижение цен, а спекуляция. Пайка трудящемуся нет, а за 2 р. 50 к. кило сахару можно, по три рубля за метр мануфактуры можно. Мошенничество!

Пятидневка несет ущерб стране: расход по замещению, топливо, износ машины. Рабочий не имеет отдыха и общения с товарищами. Уничтожить пятидневку.

Выдвиженец вредит, а после вы ищите вредителей, убиваете правого. Долой выдвиженца. Где ваши советские выборы по Конституции? Вы самоуправно захватили власть.

Вы побираетесь у рабочего по рублю, просите в сберкассу. Позор! Платите царские долги глупцы, а то деньги возьмут и вас побьют.



Сделать перевыборы советов с вами вместе, но не по-большевистски, а закрытые, чтобы кто-кого хотел, того и писал, никаких выборных комиссий, само собрание выдвигает, закрыто голосует. Чтобы беспартийных было не меньше 70% и во власть избирались не моложе 30 лет.

Долой все насилия и вымогательства, кустарю полная свобода!

Лишенец избирает, сам может быть избран. Лишенец может поступать на службу и паек ему дать. Выборы обязательно закрытые.

Долой паразитов выдвигенцев-администраторов! Администрацию сократить — тут большая экономия будет, низшим служащим увеличить жалованье, а администрации снизить. Пятидневку долой!

Полная амнистия, чтобы в день праздника все тюрьмы свободны от заключенных. Вы поездками возите на Север, по ночам по улицам Петрограда пройти нет места, когда выгоняете лишенцев. Никакой привилегии партийцам! Полное равенство! Долой сословные преимущества. Мы сами партийные, но не хотим жить обманом.

Надо делать по программе и Конституции. Вы же пишете одно, а делаете другое.

На суде наказание и взыскание одинаково для всех. Долой справку, что имеешь партийный билет или нет!

А вы сойдите с арены власти, вы глупы, вам подсовывают контрреволюцию, а вы не понимаете. Мы истинные социалисты, начинаем действовать.

У вас закона нет, всюду грабеж. Вы за 12 лет показали неспособность в делах правления, уйдите. Мы терпели, довольно, начинаем действовать, мы хотим жить.

Делайте как мы предлагаем, или вам смерть. Теперь мы не одни, с нами весь народ. Вы только отнимаете, а ничего создать не можете.

1930 г.

Анонимное письмо

### ***«Для раскулачивания... привлечен вооруженный отряд»***

Для раскулачивания в Кадникове (Вологодский округ) был привлечен вооруженный отряд вневойсковиков из 100 человек.

На улицах были поставлены пикеты и все дороги закрыты. Раскулачивание, как бандитский налет, провели ночью; имущество, отбираемое без всякой описи, расхищалось. Мелкий скот тут же ночью кололся и отправлялся в кооператив на продажу.

В числе раскулаченных оказались школьные работники, середняки, рабочие с 25-ти летним стажем, работающие на сухонских фабриках. Были раскулачены семьи красноармейцев и даже агент уголовного розыска. В Рабангском сельсовете уполномоченный рика Напольный арестовывал бедняков и середняков, запугивал выстрелами из нагана. Бригадир Ромашин отбирал яйца, мед и другие продукты и делил их между «руководителями» раскулачивания.

Неслыханные извращения политики партии и власти в раскулачивании привели к тому, что весь Свердлово-Сухонский район и Кадниково заразились мародерством. Имущество раскулаченных в открытую продавалось на вологодских базарах.

На днях все руководители Свердлово-Сухонского района предстанут перед судом. В числе обвиняемых — десять членов партии и одна комсомолка. Большинство из них были непосредственными исполнителями или руководителями грабежа, мародерства и насилия в Свердлово-Сухонском районе.

1930 г.            Б.

### *«Голодный бунт»*

8 июля в городе Бердянске Мариупольского округа был голодный бунт, побиты стекла в горсовете, избит сотрудник, пытались найти председателя горсовета, но тому удалось скрыться. Никаких мер не принимают для урегулирования снабжения питанием местного населения, которое находится в ужасных условиях. На местном рынке цены бешено растут, так сегодня 8 июля бутылка подсолнечного масла стоит 5 р. 50 к., пучок луку 35 к.. Так цены поднимает уважаемая беднота, приезжающие больные на курорт в полном смысле голодают. Мелких денег нет. Оповестите об этом кого надлежит.

1930 г.            Остафьенко  
Сталино, шахта № 7

## *«Было восстание крестьян»*

Разве допустимо издевательство над середняком из-за того, что он не вступил в колхоз и бить его так, что ребра вылетают, и человек лежит при смерти. Секретарь партячейки на это ноль внимания, хотя и педагог. А председатель сельсовета, он же и член партии, наганом ребра людям выбивает. Прошу выслать из ЦК комиссию для расследования всех перегибов, ибо здесь до этого было доведено, что было восстание крестьян.

1930 г.            селькор Бойко  
Украина, Сумский округ,  
Визовский район, село Ульяновка

### *«Движение переходило из одного района в другой»*

Антиколхозное движение (условно так назовем) началось в Джалал-Абаде (Южная Киргизия), перекинулось в пограничные районы Андижанского округа, докатилось до Андижана. Одновременно происходило то же самое в Кокандском округе.

Характер этого движения можно видеть по событиям в самом Андижане. Сюда 9 — 10 марта одновременно, по видимому по предварительному сговору, нахлынула толпа сельского населения 18-ти кишлаков — Пригородного, Исбасжидского, Ассакинского и других районов, — подошла к зданиям окружкома партии и окрисполкома. Главари этой толпы поставили целый ряд контрреволюционных требований. Главнейшие требования: 1) дайте свободу торговли; 2) восстановление в правах лишенцев; 3) восстановите калым; 4) верните переселенцев и освободите арестованных; 5) организуйте колхозы только добровольно; 6) отмените карточки (заборные книжки); 7) не делите нас на бедняков, середняков и кулаков; 8) дайте нам возможность сеять то, что хотим.

В некоторых районах до этого, а в других после этого, состоялись такие же демонстрации. Вернувшийся сегодня из Ассаки работник рассказывает, что и там собралось несколько тысяч человек. Предъявив те же самые требования, что и в Андижане, они стали расходиться по своим кишлакам.

В Курган-Тепе собравшиеся потребовали у старшего милиционера список лишенцев. Получив отказ, они схватили его и убили. Во всем этом, прежде всего, поражает то, что лозунги всюду одни и те же, с небольшими вариациями и носят клерикальный\* отпечаток. Во-вторых, всякое выступление, в том числе и самые поздние, заставляют местные организации врасплох. Сегодня в Андижане существовало мнение, что в Шаритане и Ассакке спокойно, а к концу дня выясняется, что там происходила одна из наиболее многолюдных демонстраций. Последнее обстоятельство объясняется, по-видимому, с одной стороны, получившим здесь права гражданства очковтирательством и невнимательным отношением к настроениям населения, с другой — большой конспиративностью, соображаемой организаторами демонстраций.

У меня создалось впечатление, что местные органы недооценивают происходящих событий. Сейчас из Андижана и Коканда выехало очень много (почти все) работников в районы. Поехали переключать на посевную и как будто признают это всеустрояющей мерой. Мы, мол, ошиблись, круто повернули с коллективизацией, теперь бьем отбой, крестьяне на этом успокоятся и конец конфликту.

Такой упрощенческий взгляд на события, по моему, очень опасен и может привести к весьма серьезным последствиям.

Конечно, в основе движения лежит протест байства и мулл против сплошной коллективизации, связанной с раскулачиванием, а также протест бедняцко-средняцких слоев на административный нажим и прочие большие перегибы, допущенные при коллективизации. Но по лозунгам, форме и размаху движение вышло очень далеко из этих рамок.

Заметьте, движение переходило из одного района в другой. 18 кишлаков, вернее представители 18-ти кишлаков разных районов одновременно сошлись в городе и согласно поставили список требований. Лозунги всюду почти одни и те же. Лозунги эти повсеместно носят на себе клерикальный отпечаток. Повсюду местные органы застигнуты врасплох. Не только местные работники проглядели. Здесь подолгу жили Ф. Ходжаев, Ахун-Бабаев и целый ряд других республиканских работников. Все это

---

\* Религиозный.

наводит на мысль, что какой-то единый центр, если не руководил, то, во всяком случае, дал толчок движению. Не происходил ли где-нибудь съезд духовенства или влиятельных баев? Во всяком случае, как говорят сидевшие в кишлаках работники, кое-где ловили наездников, забравшихся по неизвестным причинам из других районов.

Поразительны также два совпадения:

1. Выступление в Ферганской долине по времени совпадает с поповским антисоветским движением за границей.

2. Перед отъездом из Ташкента я прочел перевод статьи Мустафы Чокаева из Яш-Туркестана, в которой он призывает бороться с хлопком (?).

Вам, быть может, не понравится, что я много останавливаюсь на своих соображениях и скупно описываю события? Делаю я это потому, что повсеместно события разворачивались по одному и тому же шаблону. Следовательно, достаточно ознакомиться с Чуст-Папом, чтобы иметь представление о Болычки, Джалал-Кудуке и т.п.

До сегодняшнего дня я побывал в Мирзачуле (раскопал там один приличный русский колхоз), в Коканде, Чуст-Папском районе, в Куве и сегодня утром приехал в Андижан. Завтра утром еду в Избакастан, отсюда на электроорошение и в семхозы. О положении в других районах я информировал. И личное ознакомление и информация позволяют мне прийти к заключению, что сплошная коллективизация в Ферганской долине провалилась во всех (13) районах, кроме Кувы, где подошли к этому делу умело и осторожно.

Второй вывод: вся Ферганская долина не готова к посевной кампании, несмотря на то, что через четыре дня начинается пахота.

Все занимались коллективизацией и никто подготовкой к посевной. Хорошо, что здесь много хлеба, но и тут напортили, несколько раз меняли установки насчет дифференцированного хлебоснабжения, чем задерживали выдачу. Вчера и позавчера хлеб стали выдавать. То же и с промтоварами.

Крестьяне не заражены производственными настроениями, как это должно быть: не везде везут на поля навоз.

Особенно плохо в бывших районах сплошной коллективизации. Там аппарат не подготовлен и настроения плохие.

1930 г. г. Ташкент.

Корреспондент газеты «Социалистическое земледелие»

## *«Было вооруженное восстание...»*

В Карачаевской автономной области было вооруженное восстание, организованное кулаками, белыми офицерами. Ими было занято несколько больших аулов, они продержали фронт до 27.VI-30 г. 8 дней. Когда приехали красноармейцы, восстановили власть и стали разбираться в чем дело, почему присоединились к банде бедняки, середняки и батраки и некоторые комсомольцы, то выяснилось, что административным порядком писали в колхозы бедняков, закрывали мечети без согласия населения, комсомольцы ходили в мечеть и издевались над верующими, накладывали налоги, лишали права голоса бедняков и середняков. ЕПО\* не отпускало сахара и других нужных продуктов, если не вступали в колхоз. Было много раскулачено середняков. В госаппарате сидели чуждые люди, искривляли линию партии. Обком гнался только за количеством. Офицеры, кулаки, князья, помещики, купцы использовали этот момент и подняли всех бедняков и батраков и середняков к вооруженному восстанию. По усмирению восстания стали проверять: кто же был избит? То оказывалось, что ни одного бандита-главаря не было убито, а только одни бедняки и середняки, темный обманутый народ, который обманули белобандиты.

1930 г.           Величко  
Карачаевская автономн. область

## *«Начались аресты»*

У нас не было переправы через Волгу 2 недели, одну неделю из-за бунта, а другую из-за льда, погоды.

Бунт вышел на почве неправильного раскулачивания. Много семейств раскулачили, отобрали у них дома, скот, имущество и самих повыгоняли из домов. Потом было общее собрание о весеннем посеве. Постановили на другой день записываться всем в совете, кто сколько будет засеять и получают семена.

---

\* Единое потребительское общество — Кооперативное объединение, занимавшееся закупкой товаров и их реализацией среди своих пайщиков.

И вот прошел день, другой, третий — никто не идет записываться и не хотят пахать. Тогда начались снова аресты тех лиц, которые выступали на собраниях. И вот 20 марта утром я пошла на базар, а там идет толпа народа и кричат: «Неправильно делают, кругом обман!» И все с Верхнего края идут по улице и встали около вала не доходя до Белой школы. Солдаты не пускают дальше идти и говорят: «Разойдитесь!» Но народ гудит: «Звони в колокол, зови народ, и надо делать собрание, пусть решает народ, сажают бедняков и середняков». Тогда приехала пожарная часть и стали водой разгонять, но толпа кинулась к насосам и хотела порезать шланги, но тут не дали и стали стрелять в воздух, но одного убили, это Шагина Петра — рыбака, потом разогнали толпу и пошли к церкви и там стали стрелять в тех, кто звонил. Потом разогнали и начались аресты. Натаскали полную тюрьму и поставили военное положение. Пришли автомобили, по Волге пришел ледокол и 2 баркаса с партизанами и конница, и все рассеялись, а арестованных отправили в Астрахань.

1930 г. Назарова  
г. Тверь.

### ***«Отряду пришлось выезжать и уничтожать кулаков»***

У нас было кулацкое восстание от нашего города в сорока верстах, так что нашему отряду пришлось выезжать и уничтожать кулаков. Кулаки наделали баррикад, накопили канав, сделали проволочное ограждение и т.п., чтобы нельзя было к ним подойти. Кричали долой совет и коммунистов, да здравствует царь Николай и ранили наших пять пограничников, убили комсомольца, разграбили коллектив, избивали председателя и ждали с румынской стороны банду на подмогу. Но наш отряд действовал как следует и отправил их в Одессу около 1000 человек.

1930 г. Пяткин  
Молдавская АССР,  
г. Тирасполь,  
25 войск ОГПУ

## «Много повстало крестьянских сел...»

В приграничной полосе Волыни и других местах Украины много повстало крестьянских сел против коллективизации и раскулачивания. Во многих случаях приходилось выставлять против них войска и пускать в ход оружие, были жертвы.

Средняцко-бедняцкое село оказывалось пострадавшим на 40 проц., много попало середняков, имеющих 2 — 3 гект. земли на 6 — 8 едоков. Годовой доход этого хозяйства не превышает 300 — 400 руб., хозяйство описывается и продается, благодаря местным головоотяпам. Всякие обжалования дальше их же (РИК) не идут, да и высшие органы целиком ссылаются на местные власти. Приходит представитель рика и чисто административно проводит собрание. Решают вопрос о переходе села на сплошную коллективизацию и ликвидацию кулацких хозяйств. Были случаи, когда село, состоящее из 400 — 500 человек на собрание являлось 60 — 80 человек, при голосовании таких вопросов было за 8 — 10 человек, против, конечно, никто не осмеливался. Представитель возвращался к органам, его уполномочившим с резолюцией: общее собрание села **единогласно** постановило перейти в коллектив. На следующий день всяких представителей встречало и провожало камнями и палками, началось преступное уничтожение скота, овец, свиней, хлеба и проч., продают, убивают, дарят и проч. Были случаи, когда целиком пропивают хозяйство и идут по миру, и даже на самоубийство.

На границе участились случаи бегства крестьян за границу. Крестьяне кричат: «12 лет власть была за нас и мы за нее, а теперь пусть все у нас заберет, отдадим, сами пойдем в Польшу и будем воевать с большевиками. Кулаков ликвидируют, а бедняков жизни лишают, в коллектив не пойдем».

1930 г.

Село Вороновцы, Теофипольского района,  
Шепетовского округа,  
на Украине  
Базалюк М.С.  
крестьянин, член ЛКСМ



## «Сибирь восстала»

Сибирь восстала. Положение такое создалось, какого еще никогда не было. В Шиткинском, Тайшетском районах идет восстание. Вот-вот дожидаются восстания в Тасеевском районе, куда послано 16 человек организаторов восстания. Числа 30 июня или 1, 2, 3, 4 июля назначено восстание в одном километре от г. Канска. В с. Канско-Перевоз восстание, коммунисты все как есть мобилизованы. Местные власти стараются все это держать в тайне, между прочим весь народ все знает. Настроение как у рабочих, так и у крестьян возбужденное. Надежда только лишь на партийцев и комсомольцев, но есть случаи, когда партийцы и комсомольцы перебегают на сторону восставших. Рабочие и служащие также недовольны. Мука стоит 25 р., что никогда еще такой цены не было. Ставки сезонным рабочим снизили против прошлого года. А жизнь во много раз стала дороже. Продуктов сезонным рабочим никаких не дают. Рабочие также поговаривают насчет забастовки, кроме того дожидаются восстания или войны, чтобы получить и идти выбить всех коммунистов, а потом идти защищать власть.

Нажим над крестьянами сейчас такой, какой был при помещиках, добровольности нет никакой, а все принуд. Разве мыслимо такое. Из Минусинского округа из одной деревни высылают по 200 семей «кулаков», которым не дают ничего работать, а также и не кормят совершенно. Ежедневно в каждом в отдельности участке вымирает по 10 детей и взрослых. А из всех сосланных очень и очень малый процент кулаков, так как кулаки настоящие были раскулачены еще в 28 — 29 г. Сейчас проводится контрактация скота, где у крестьян забирают последние коровенки. Уполномоченных разные организации посылают только лишь бы отвязаться, которые никогда газет не читают, а приезжая на места врут-врут, чем озлобляют только крестьянство. Сейчас под совхозы отрезают земли, а крестьян выселяют на неразработанные земли. Все говорят о том, что во всем виноват Сталин и открыто говорят, что Сталина надо убить...

Кроме того центральным органам известно положение в г. Канск (Сибирь), но ничего не принимают. Сейчас нужно срочно выслать правительственную комиссию и старых руководителей партизанских отрядов, которые бы разъяснили крестьянам. Братя Яковенко руководят парти-

занским отрядом восставших. Прошу принять мое письмо со всей серьезностью, иначе каждый день промедления очень дорого будет стоить.

1930 г. Писал партиец

**«Отряд без всякого повода стал  
стрелять по народу...»**

Прошу разобрать мое заявление о нижеследующем. В первой половине февраля месяца при нашем сельсовете начал организовываться колхоз, под угрозой раскулачивания, высылки в Сибирь, лишения голоса и так дальше. Тут же начали объединять инвентарь. Когда же из центра последовало разъяснение, то народ стал разбирать свои плуги. А партийцы-карьеристы *начали ездить в РИК и требовать карательный отряд*. Но отряд не приезжал, так как ему тут делать нечего. Но когда наши карьеристы стали требовать это еще настойчивей, что и было выполнено: прибыл отряд в количестве 50 человек и тут же начал собирать плуга, стали ломать дворы, замки, треск только идет. Одна женщина не сдает свой плуг: она вместе с дочерьми легла на плуг, а ее стали бить прикладом. Начали кричать, а народ стал выглядывать из дверей, и некоторые женщины по две и три стали смотреть, что творится в свободной России. Но отряд без всякого повода стал стрелять из винтовок по народу.

В это время моя дочь, Александра Васильевна Фатюшина, 17 лет стояла вместе с подругой Елизаветой Ильиничной Фадеевой, и пуля на вылет прошла сквозь грудную клетку и в легкие. Хотя врачом рана была залечена, но в середине снова получается *загноение*.

Товарищи! Допустимы ли такие поступки? А виновники этого после перестрелки скрылись безнаказно.

Прошу разобрать мое заявление и виновных привлечь к строгой законной ответственности. Этого дела были свидетели: Елена Родионовна Фадеева, Иван Михайлович Саухин, Пелагея Федоровна Бирюкова.

1930 г. К сему В. Фатюшин,  
гр-н дер. Ново-Михайловки, Лесковского с/совета,  
Красно-Зоренского р-на, Елецкого округа

## *«Велико терпение народа, но...»*

Велико терпение народа, но велика будет и расправа, по пословице «долг платежом красен». Счастье ваше в том, что нет нападения извне. Внутри Союза вы не найдете пощады.

Селькоры вводят вас в заблуждение. Хождение по амбарам по хлебозаготовке сделает то, что вы останетесь без хлеба, хотя штыком все можно, но сидеть на нем нельзя.

Вы почти с наганом в руках заставляете организовывать колхозы, но эта безумнейшая политика не спасет вас. Наоборот, способствует скорейшему созреванию советского яблока и его падению. Авторитет человека создается им самим, тоже самое и авторитет правительства. Авторитет соввласти самый отвратительный и непоправимо расшатан, вообще крайнее насилие мало кому нравится.

Вы считаете, что ваши агенты в лице уполномоченных не шарят в нашем амбаре и не заставляют выгрести «излишки» хлеба, которого вследствие вашей политики и нет. А нет «излишков», то продай последнюю скотину, отдай государству хлеба за 55 коп. 16 кг, а что от вас, то в 5 — 6 раз дороже, хуже по качеству. Вот ваш милый социализм, или по простому выражению простого народа «разоризм».

Вы хвалитесь и кричите на весь мир некоторыми достижениями и даже «бурным ростом», и это совершенно напрасно. Ведь вы выкачиваете из народного кармана колоссальную сумму в виде налогов, штрафов, конфискации, и на эту сумму ничего не сделать будет стыдно. Одна русская горькая\* дает вам неисчислимые доходы. Куда вы их деваете? Теперь перейдем к колхозам и совхозам, к пятилетке. Это колоссальные мыльные пузыри.

Тов. Калинин в речи, сказанной им в Большом театре 6 ноября с.г. говорит: «Рабочий класс имеет сильную дисциплинированную партию, что бесспорно и верно. Значит, рабочий класс силен тем, что он организован».

Вот с них-то мы, крестьяне, и должны взять пример. Все горе и несчастье крестьянское состоит в том, что они не организованы. В настоящее время нас гонят в крайне принудительном порядке в колхозы и совхозы, а мы боимся идти в колхозы, как медведи. По нашему мнению,

---

\* Водка.

бояться идти в колхозы не нужно, потому что всякое объединение, какое оно ни было, лучше. Ведь наступило время борьбы, а ведь бороться по одиночке с организованным классом нельзя. Этот класс отнимает от нас последний кусок с оружием в руках. Если мой тяжелый труд — не мой, то зачем я буду трудиться. Большинство людей идет в колхозы по соображениям: «Я буду пользоваться разными льготами в течение 1 — 5 лет, а там может быть будет советской власти крышка». А иные думают, идя в колхозы, что упрячутся от тяжести непосильных налогов и разных бесконечных сборов в колхозах и совхозах. Это тоже неверный шаг. С нами в настоящее время обращаются как с тряпками. А потому, чтобы дать отпор, нужно объединиться, хотя бы в колхозы, так как индивидуальные хозяйства совершенно бессильны бороться с кем бы то ни было. Иначе хлебозаготовительные кампании оставят нас без куска хлеба.

1929 г. Ибурихмев  
Башреспублика, г. Стерлитамак

### «Крестьяне избили ГПУ...»

Когда Вам написал правду Мамаев, то не понравилось, а ведь это правда. Крестьянин был продавцом, а теперь потребителем, и все это наделало правительство. *Раньше мы работали плугом и лошадкой, а хлеб кушали досыта, а теперь трактором, и все голодны. Царя ругали, а сами все стали давать по книжкам\*, да и совсем ничего нет.*

Вы пишете, что за границей восстания и кризис, а у нас нет ничего, даже мыла нет, а разве не было восстаний, да вот в станице Гостагаевской, Анапского района, было восстание, крестьяне избили ГПУ, кричали «Бери винтовки!» А когда приехали солдаты, то им кричали: «Давай свободу» — и 10 дней стояли солдаты у нас, а станица Анастасиевка тоже восстала, а сколько даром восстало станиц. В городе Анапе, в садах, Алексеевке тоже крестьяне восстали против советской власти, и когда приехали туда, то их чуть не поколотили вилами.

---

\* Заборная книжка по карточной системе, введенная в конце 1928 года для распределения хлеба и других продуктов по карточной системе.

Крестьяне говорят, что умрем, а хлеба не дадим, они будут там от жиру пухнуть, а мы от голоду пухнем, а когда у нас не хватило хлеба, и мы пришли просить в совет, то нам сказали, что купите на рынке, так и мы вам скажем, когда вы к нам приедете брать хлеб, вот тут и будет убийство, вот тут и будут восстания. Крестьяне продали всех коров, оставили по одной корове, а те всех считали кулаками, а вы до того закрутили крестьян, что они стали как сумасшедшие.

1930 г.                      крестьянин Комарченко  
Анапа

***«В крестьян из пулеметов...»***

Сообщите XVI съезду: в Херсонском округе милиция при участии партийцев и комсомольцев стреляет в крестьян из пулеметов в с. Алешки и др. селах. Доставлена первая партия раненых в херсонские больницы, среди раненых есть женщины. Под влиянием террора крестьяне бросают поля, хлеб не убирают. Примите меры, иначе небывалый урожай пропадет.

1930 г.                      (Анонимное письмо)

***«Женщины устроили «демонстрацию»  
против колхозов...»***

С массовым, ненормально быстрым темпом, в колхоз вошел кулак и спекулянт и классовая борьба, каковая велась вокруг СОЗов, перенеслась полностью в СОЗы, во внутрь коллективов, здесь тон работы начал задавать многолошадный, а беднота, батрачество расплылись и не смогли взять над ними руководства. Кулак, к этому времени привлек на свою сторону зажиточную часть середнячества, женщины устроили «демонстрацию» против колхозов, организовали толпы женщин, каковые начали разбирать лошадей из конюшен.

1930 г.                      А. Слива  
г. Геническ, Мелитопольского округа

## «Ударили в набат...»

Кулачество и другие враждебные контрреволюционные элементы все свое внимание направили на работу среди крестьянок. И, вот в целом ряде сел и районов происходят бурные выступления женщин против районных работников, против агрономов, землемеров и т. д. Из некоторых сел председатели сельсоветов вынуждены были оставить свои места вместе с учительством и всем активом и бежать в районный центр. Сегодня мы имели такое же выступление женщин против рабочих и в районах, насчитывающих около 11000 населения. Когда рабочая масса сах. завода с красными знаменами стала приближаться к сходу крестьян и крестьянок около церкви, последние ударили в набат, напали на рабочих с палками, полетели камни и не было никакой возможности даже что-либо сказать им.

Характерно то, что эксцессы и выступления день в день совпадают с началом процесса контрреволюционной организации «СВУ». Нужно полагать, что между этими двумя явлениями существует самая тесная связь. Один работник из ближнего села Метановки, рассказал мне, что там из толпы раздавались выкрики: «Центральная рада». Положение запутанное, настроение масс взбудораженное.

1930 г. Наручитель\* Лернер С.И.  
Соболевка, Тульнинского округа УССР

## «Крестьяне почти все сочувствуют восставшим...»

В Н. Ингашенский район приехал конный отряд партийцев. Крестьянство думало, что это приехали восставшие, которых встречали с продуктами, но когда узнали, что это коммунисты, то не стали ничего давать. Приходилось идти с винтовкой доставать пищу, как раньше делали белые. Жрать ничего в городе нет, муки, хлеба. Гор. ПО\*\* не дает. Вообще положение настолько напряженное, что нельзя высказать. По сообщению и из других городов России говорят за то, что и там положение напряженное.

В Сибири каша такая заварена, что хватит и расхлебывать до 1932 — 33 г. В Н. Ингашеве восставшие подожгли

---

\* Народный учитель.

\*\* Городское потребительское общество.

школу, где сидели наши вооруженные партийцы, крестьяне почти все сочувствуют восставшим, за исключением старых коммунаров. Как хотите, товарищи, расценивайте мое письмо, но жить становится невозможно.

Хотя я выступаю против банд, восставших, я это делаю потому, что нужно идти защищать власть, но в душе что-то скребет. Если бы вот эта суматоха у нас в округе появилась в 1927 — 28 гг., то с ручательством можно было сказать, что все крестьянство было бы за нас.

Положение изо дня в день становится все хуже и хуже. Сейчас все госкооперативные учреждения и организации собирают всю звонкую монету, до того доходит, что на рынке ничего не купишь за бумажные деньги. Если нужно сдачи 20 к. с рубля, то никто не даст. В общем творится такое, что очень трудно понять. Если бы взял кто-нибудь из управителей, заgrimировался нищим и пространствовал, то вряд ли бы нашел людей, которые не обижались бы на власть.

Но ваша власть так построена, что очень трудно понять, откуда что происходит. Если желудок голодный — так и социализм, и фабрики не милы. Это может любой и каждый испытать — пожить впроголодь.

У нас в Стретенском округе Чернышевского рика и в др. районах идет война. Выступили крестьяне против коммунистов и коллективов-коммун. В результате появились убитые и раненые.

У нас на ст. Укурен Зап. ж.д. ранен беспартийный нарядчик кондукторского и два красноармейца в селе Зульзика. Это, товарищи, в корне крестьяне обижаются на раскулачивание.

1930 г. Сименский И.Ф.  
ст. Укурен Зап. ж.д., Стрет. окр.

### ***«Только и знают ограблять колхозы»***

В Рыльском районе крестьянское население задушили до основания. Райисполком и райком сами вели к тому, чтобы развалить колхозы, а когда колхозы развалились, тогда стали винить крестьян. Собрали кучку каких-то палачей и расстреливают крестьян. В Купецком с/совете в д. Воронск застрелили 5 чел., подвергнутых телесному наказанию и счету нет. В Акимовском с/совете также под-

вергнуто телесному наказанию столько граждан, что и счету нет и отправлено в Рыльскую тюрьму за то, что подали заявление о выходе из колхоза... Члены райисполкома только и знают ограблять колхозы. Все забирают, даже и жены наши стали ихним достоянием. Как было крепостное право, так и сейчас... В настоящий момент в Рыльской тюрьме согнато крестьян до тысячи человек.

1932 г. (Анонимное письмо)  
Центрально-Черноземная область, Рыльский район

### **«Арестовано более 500 крестьян»**

Крестьянское восстание. Чрезмерное обложение сельхозналогом в индивидуальном порядке в Муромцевском и Малокрасноярском районах даже маломощных середняков вызвало озлобление крестьянского земледельческого населения против соввласти, которое вылилось в вооруженное восстание в этих районах.

В небольших стычках партийцев с крестьянами есть убитые и раненые с обеих сторон.

В Малокрасноярском районе идут бессмысленные аресты правого и виноватого. Арестовано более 500 крестьян. На дорогах поставлены караульные посты.

В Успенском с/с пока спокойно. Необходимо прекратить обложение в индивидуальном порядке единоличников-середняков. Надо вмешаться прокуратуре, которая стоит в стороне от обложения. До чего дошла наглость опьяненных властью провокаторов — судите сами.

Из Успенского с/с был отправлен в ссылку в мороз 104-летний умирающий старик Михаил Григорьевич Десяток, которого рик все же возвратил умирать к внуку.

1930 г. Емельянов П.Е.  
Сибкрай, Барабинский окр.,  
Успенский с/с., заимка «Трудовое»

### **«Это крепостное право»**

По деревням на Украине погромы, грабежи, гонения, терроры, выселение. Только видим разные налоги,



бесконечные контрибуции, распродажи. В коллективы загоняют почти под силой оружия; разве это свобода. Это крепостное право. За что мы воевали, за свободу и землю государству, это неправильно. Подождите опять начнется война, идите сами воюйте, мы вас будем лупить, долой брехунов, вы брехуны, обманщики. Страна гибнет, а Вам коммуна. Народ жаждет войны. Дай лето и восстаний будет сколько угодно.

1930 г.            красноармеец М. Н. Ю.  
г. Бердянск,  
Мариупольский округ

**«Мы не против советов, но за власть  
без притеснений...»**

Нам один путь — жить свободно, как жили в 24 — 25 гг., когда наше хозяйство увеличилось, когда поднялась наша индустрия.

Мы не против советов, но за власть без притеснений и насилий.

Подчистите бюрократов, волокитчиков в нашем районе, ибо жизни нам нет, а если вы не поможете, то мы сами их вычистим.

1930 г.            (Анонимное письмо)  
Кубанский округ,  
ст. Приморско-Ахтарская

**«Кулаками ... считали всякого крестьянина»**

В селе Черепаха (Сердобского района) приехала бригада раскулачивать это село и выселять из домов кулаков, а кулаками в этом селе считали всякого крестьянина данного села. В результате *получилась свалка, из бригады было убито 8 человек, из крестьян неизвестно.*

Такие же события были в Епотаевском, Черноярском и Владимирском районах.

1930 г.            Фирклин

## *«В некоторых деревнях дошло до восстания»*

Писано товарищу К а л и н и н у.

Товарищ Калинин, просим вас объясните нам, правильно ли у нас проводят коллективизацию или нет. У нас ее проводили так: стращали, что «ничего не дадим от потребиловки, даже спичек», кто не запишется. Из середняков делали кулаков, а вещи кулаков некоторые похищены, отбирались у некоторых без записи. А теперь после наших газет от 14/III—30 г. о разъяснении партлинии, исправлении ее и объяснение о добровольности вступления в коллективы, у нас много подали заявления о выходе из колхоза. Разобрали лошадей и требуют свой посев. фонд, сыпанный для посева, чтобы сеять свою отдельную полосу. На это отвечают, что земли, говорят, не дадим, и мужиков, которые не желают в колхозе быть, арестовывают, делают угрозы высылкой в другие районы, а лошадей отбирают комсомолы с оружием.

Эта картина для мужиков опасная. Каждый мужик ходит как полоумный. А настоящих кулаков оставляют на их местах. Кулаки же, сделанные из середняков не могут добиться никаких результатов о раскулачивании и восставлении в избирправах\*.

Аресты продолжают и в Лосевском районе. В некоторых деревнях дошло до восстания.

Если власти на местах делают это верно, будем терпеть, что будет дальше. В Черкасском совете арестовано много человек, в Покровском сельсовете 60 чел. назначено к аресту и т.п. И в каждом сельсовете Лосевского рика, Россошанского округа, Воронежской области продолжают аресты не желающих идти в колхозы.

Прошу вас, товарищ Калинин, объяснить это положение, правильно ли или неправильно? Если возможно поместите мое письмо в газете «Правда».

1930 г.            А.И. Чижов  
с. Покровка

---

\* Избирательные права.

---

## РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

---

### ССЫЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

*«По закону, принужденное переселение составляет один из видов наказания за уголовные преступления. Возможно ли подвергать такой судьбе миллионы людей по произволу?.. Принужденное переселение было бы разорением для крестьян, было бы нарушением гражданского права, возмутило бы самые заветные привязанности человека: привязанность к родовому жилищу и к месту, где схоронены отцы».*

Николай Чернышевский

«Материалы для решения крестьянского вопроса»

*Из года в год велась война  
За каждый клочок земли голодной,  
И вот родная сторона  
Им стала мачехой безродной.*

*Скрипит и плачет на ходу,  
Обоз по выбитой дороге, —  
Вся жизнь сегодня на виду,  
Вся жизнь положена на дроги...*

Михаил Исаковский. «Минувшее»

Как же сложилась судьба раскулаченных крестьян? По постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик было предоставлено право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)». Все так называемые кулаки были раз-

делены на три категории. Крестьяне, отнесенные к первой категории, подлежали аресту и их дела проходили по линии ОГПУ. Зачисленные во вторую категорию подлежали принудительной высылке в малонаселенные районы СССР. Остальные попавшие под раскулачивание крестьяне составляли третью категорию и переселялись в пределах своего района или округа на худшие земли.

Основные направления организации ссылки содержались в секретной инструкции, утвержденной 4 февраля 1930 года Президиумом ЦИК Союза ССР. Вначале считали, что с задачей размещения, трудоустройства и жизнеобеспечения ссыльных крестьян вполне справятся местные власти. Партийные и советские организации Северного края, Урала, Сибири, Казахстана активно включились в эту работу. Еще в конце января Северный крайком ВКП(б) создал комиссию, которая разработала план по-районного расселения ссыльных крестьян. Этот план был утвержден на внеочередном заседании партийного бюро крайкома. В нем было предусмотрено строительство жилья, школ, медпунктов и т.д.

Но хорошо было на бумаге. В действительности дело обстояло совершенно иначе. Никакой подготовительной работы к приему ссыльных, несмотря на широковещательные заявления, сделано не было. Между тем масштабы раскулачивания нарастали день ото дня. Сами организаторы не ожидали, что ситуация вырвется из-под их контроля и произвол, насилие мощным половодьем охватят всю страну. Количество ссыльных крестьян во много раз перекрывало намеченные объемы репрессий. Центральное руководство вынуждено было всерьез заняться этим вопросом.

Для этих целей 1 апреля 1930 года при Совнаркоме СССР была создана специальная секретная комиссия под председательством В.В. Шмидта. Комиссия занялась вопросами организации труда и жизни выселенных «кулаков». Был подготовлен ряд документов, которые легли в основу специальных нормативных актов и которыми стали руководствоваться различные органы. Было принято решение образовать для поселения «раскулаченных кулаков» специальные поселки. Планы их размещения и использования населения этих поселков в качестве рабочей силы для выполнения государственных заданий устанавливались соглашением НКЗема СССР, ВСНХ СССР, НК Труда СССР и НКВД союзных республик. Более половины сосланных кре-

стьян были направлены на самые тяжелые и изнурительные работы в лесную, строительную и горнорудную промышленность. Часть «кулаков» объединили в так называемые неуставные сельскохозяйственные артели.

Но и этих «рабов» оказалось мало для реализации обширнейших планов форсированной индустриализации и милитаризации страны. Ускоренными темпами расширялось старое производство (Урал, Алдан, Северо-Запад). Возникали новые крупные горнорудные и промышленные центры на Печоре, Дальнем Востоке, в Казахстане и в других отдаленных районах страны. Для их освоения (прокладка дорог, разработка рудников, карьеров и т.д.) нужны были не сотни и не тысячи, а миллионы крепких мужицких рук. Вот почему в инструкциях по раскулачиванию подчеркивалось, что выселению подлежат только те «кулацкие» семьи, которые имеют трудоспособных мужчин.

Весной 1931 года началась новая волна раскулачивания. Теперь «кулаков» направляли прямо на лесоразработки, рудники и т.д. Для координации широкомасштабных операций по раскулачиванию 11 марта Центральный Комитет партии образовал, как тогда было принято, специальную комиссию во главе с заместителем председателя СНК СССР А.А. Андреевым. В ее работе принимали участие в основном ответственные работники ОГПУ: Берман, Заковский, Запорожец, Евдокимов, Николаев и другие. Комиссия рассматривала заявки хозяйственных органов на бесплатную рабочую силу «кулаков», заслушивала доклады о ходе раскулачивания и выселения «кулацких» семей, составляла аналитические обзоры по собранному материалу и направляла их в руководящие партийные и государственные органы.

Однако почти годичный опыт показал, что хозяйственные органы не способны наладить работу в такой специфической для них сфере деятельности. Поэтому в мае 1931 года комиссия Андреева приняла решение «ввиду безобразного использования рабочей силы спецпереселенцев и беспорядка в содержании хозорганами — передать целиком в ОГПУ хозяйственное, административное и организационное правление по спецпереселенцам...». Все административно-организационное управление спецпоселками было возложено на ГУЛаг\* ОГПУ. Предложения ко-

---

\* Главное управление лагерей.

миссии в июле 1931 года были закреплены постановлением Совнаркома СССР «Об устройстве спецпереселенцев». Тем самым на государственном уровне было завершено формирование системы концентрационных лагерей для ссыльных крестьянских семей.

В одном из подзаконных актов специально оговаривалось, что восстановление в гражданских правах ни в коем случае не означает возвращение крестьян из мест ссылки. И все-таки список досрочно восстановленных в избирательных правах был составлен. Но это были десятки, в лучшем случае сотни человек из миллионов ссыльных крестьян.

Несмотря на чудовищную несправедливость, ссыльные крестьяне не потеряли веры в добро и справедливость, не растеряли лучших черт крестьянского характера. Даже в жестоких условиях ссылки они действительно проявляли чудеса трудового героизма. А когда началась Великая Отечественная война, они встали на защиту своей Родины. Например, только в одном Красноярском крае в годы войны в действующую армию было призвано свыше 8 тысяч «кулаков» и их детей. Из них 682 стали офицерами Советской Армии. И сражались они храбро. Многие из них были награждены орденами и медалями, а В.И. Давыдов и Г.А. Слобоженюк удостоились звания Героя Советского Союза.

Лишь после войны, в 1947 году с оставшихся в живых около 80 тысяч ссыльных крестьян были сняты основные ограничения в гражданских правах. Они получили те же права, что и другие граждане страны.

### ***«Мы увидели высланных невиновных душ...»***

Письмо высшему органу власти М.И. Калинин. Пишем вашей милости и просим вас откликнуться на наше письмо, которое оплакивалось в северной тундре не горькими слезами, а черной кровью, когда мы пролетарии Могилевского окр. собрались и решились поехать отыскивать своих родных.

Приехавши на место среди северной тундры Нандомского района, мы увидели высланных невиновных душ из-за каких-то личных счетов, увидели их страдания. Они выгнаны не на жительство, а на живую муку, которую мы не видели от сотворения мира, какие в настоящий момент сделаны при советской власти.

Когда мы были на севере, мы были очевидцами того, как по 92 души умирают в сутки; даже нам пришлось хоронить детей и все время идут похороны.

Это письмо составлено только вкратцах, а если побывать там недели как мы были, то лучше бы провалилась земля до морской воды и с нею вся вселенная и чтобы больше не был свет и все живущее на ней. Но пролетария, живущая по деревням, ужаснулась этого положения и напрямик задумала раскулачить рабочих по городам, как над крестьянами есть издевательство.

Просим принять это письмо и убедиться над кровавыми крестьянскими слезами.

1930 г.

(Подпись неразборчива)

### ***«Выбросили нас в поле под открытое небо...»***

Дорогие наши товарищи! Во-первых строках наших мы просим, тяжело вздыхаем, к вам руки простираем и вас мы на помощь зовем: помогите хоть нашим детям. Дети есть цветы человечества, но они не цвели и засохли. Выселены мы в степь за 25 верст, выбросили нас в поле под открытое небо, мочили нас дожди, теперь засыпает нас пыль. Умереть, конечно, когда-нибудь нужно, но не голодной бы смертью. Мы крестьяне-труженики и дети наши закалены на стуже и жаре, но без всякого приюта даже и дикари не жили. Вот уж 5 месяцев как мы выселены и стали не похожи на людей: питаемся травой, хлеба нам не выдают, а заработать нам негде. Мы отрезаны от всего мира, пухлые от голода, а дети совсем при таком питании не могут жить и умирают. Неужели вы думаете, что мы кулаки? Нет, мы не кулаки, а мы труженики, наши мозолистые руки теперь как скелеты; мы не раскулачены, но разграблены местными властями. Кто подлежал высылке, те все дома, а по личным счетам выселены.

Просим Вас, дорогие наши товарищи, вышлите к нам следователя и разберите нас классически. Вы встретите здесь ряд явных бедняков, не плативших сельскохозяйственный налог, и середняков, которые платили мизерный налог. Есть зажиточные, платившие индивидуальный налог ошибочно. Теперь мы просим выслать к нам следователя и разобрать нас классически. Мы жить больше здесь

не можем, степь у нас совершенно мертвая, урожая нет, ели мы зеленый конский щавель, но теперь и это все пошло. Просим вас, дайте нам вашей помощи, дорогие вы наши правители, водворите у нас порядок, стройте у нас колхоз или совхоз, но изгоните от нас голод. Мы труженники, но не эксплуататоры, мы до сего года не были лишены голоса. Мы будем опять трудиться, дайте только дела в наши мозолистые руки. В настоящее время мы как скелеты, на нас пахали в апреле месяце, когда мы еще были в силе, а в настоящий момент мы уже еле ходим, а в апреле мы еще старались, пахали, тащили 24 человека плуг. Но труд наш пропал — урожая нет, мы погибаем и просим вашего содействия.

Мы обращались в РИК, он нас по шее гонит, мы в сельсовет, тот арестовывает и гонит в РИК, а РИК на участок, говоря — «подохните там». Мы теперь отрезаны от всего мира. Просим Вас расследуйте наши дела — есть ли среди нас классовые враги.

Почему нас окулачила местная власть? Да потому, что она забрала наши несчастные трудовые коровы и кушает масло.

Просим, дайте следователя, разберите нас классически.

К сему наши подписи: М. Фролова, Г. Андреев, В. Фролов, Андрианова, Гаврилова, А. Поликарпова, Казминова, Никитина, Туенкова, Попов М., Авдотья, Калмыков и др.

Всех нас здесь 40 семей, 150 душ, тягловая сила 8 пар быков, больше ничего нет. Хотя бы несколько коров дали и мы быть может не пухли бы, а с воды пухнем. Просим скорого Вашего содействия. Дайте следователя, пустите на волю, чтобы спокойно умереть.

Мы теперь же не крестьяне. Мы бродим по хуторам и селам и просим милостыню. Подумайте, товарищи, неужели вам не стыдно, ведь мы трудовики и если бы был урожай, мы бы трудились и не ходили бы по миру. Мука же горчичная дорого у нас ценится, поэтому едим траву.

1930 г. Письмо поселенцев  
участка № 8 особого назначения  
Сталинского округа,  
Котельниковского района



## **«Применение к нам выселения... считаем незаконным»**

Согласно правительственных распоряжений, опубликованных в газете «Известия» ВЦИК от 15 марта 1930 г., к гражданам земледельцам, не вошедшим добровольно в члены колхоза, ни в коем случае не должно применяться принудительная высылка с постоянного места жительства, а также воспрещено отчуждение принадлежащих этим гражданам построек, скота и сельского инвентаря. Представители сельской власти на местах в лице уполномоченных от райисполкомов действовали по собственному усмотрению и допустили большое искривление партийной линии: выселили нас без разбора, не считаясь с имущественным положением каждого двора в отдельности. В нашей среде есть середняки, не входившие ни словом, ни делом при организации работы по созданию колхозов. Характеристика, данная с мест в письменной форме о каждом выселенце в отдельности не соответствует действительности, т.к. никто из нас не выступал против мероприятий, проводимых в жизнь на местах госорганами и никто не был замешан в контрреволюции. На протяжении 12 истекших лет со дня Октябрьской революции, мы всегда исправно платили государственную продразверстку и продналог в натуре зерном и последовательно деньгами сельхозналога, страховые платежи и самообложение. Недоимок за нами не числилось. Начисленную хлебозаготовку как весной, а также и осенью 1929 года мы выполнили полностью, идя навстречу грандиозным работам по индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Применение к нам выселения с мест постоянного нашего жительства с отчуждением всего нашего имущества мы считаем незаконным, тем более, что уполномоченные РИКов не посчитались с преклонным возрастом наших семейств, малолетних детей и выселили нас в Северный край, где по природным условиям крестьянам земледельцам не представляется возможности заняться сельским хозяйством.

Помещение для жилья нам отведено в сыром бараке, построенном на скорую руку. Барак покрыт тоненько соломой и засыпан песком. Песок сыпется в глаза и в пищу и барак не может служить постоянным жилищем. Так как от сырости и голода многие из переселенцев начали забо-

левать скарлатиной, корью и т.п., с наступлением весны положение ухудшится, т.к. при таянии снега влага будет проникать через бревенчатую крышу и неминуемо вызовет эпидемические заболевания среди выселенцев. В отношении продовольствия точно также дело обстоит очень плохо, т.к. взятые из дома продукты питания истощаются, а выдача на месте выселения производится только лишь рабочим по 400 г в день. *Нетрудоспособные члены семей и дети полочки продуктов лишены*, а за неимением денежных средств мы лишены возможности получать продукты питания посредством покупки, да и при том же жители Северного края не располагают излишками продуктов для продажи на рынке. Без помощи казны мы как выселенцы, у которых отчуждены все материальные и денежные средства к существованию, организовать колхозы на местах высылки мы не можем. Дальнейшее пребывание наше в Северо-Двинском округе является совершенно бездельным, как для нас самих, а также в ущерб государству, т.к. мы крестьяне барака № 84 все занимались крестьянством и все хлебосевцы Самарской губернии.

Ввиду вышеизложенного мы решили обратиться с письменной жалобой во ВЦИК непосредственно и просим назначить расследование по нашей жалобе, выслать в стн. Луга, Северо-Двинского округа особую комиссию, дабы улучшить наше положение и переселить нас с семьями в другую область, где мы могли бы заняться земледелием, как трудовые крестьяне. О последующем решении просим уведомить нас почтой.

К сему старшие семьи переселенцев (следуют подписи).

1930 г.            От переселенцев из барака № 84  
при станции Луга, Пермской ж.д., Северо-Двинского округа  
в числе 247 человек, 46 семей

***«Там уже был отгорожен колючей проволокой огромный участок...»***

В 1929 году мне было восемь лет, и я хорошо помню, какой была наша деревня Сергеевка Троицкого района Оренбургской области. Деревня имела всего одну улицу,

расположенную вдоль возвышенности с востока на запад. Улица была односторонняя. С одной стороны были построены дома, а внизу были родники, речушки, пруды, бани, огороды. А сзади домов располагались дворы, сараи, риги, тока\* и, конечно, шли поля.

В деревне самым большим и красивым домом с садом, большим прудом был дом Самарцева Егора. У этого Егора была и самая большая семья. Много взрослых сыновей и дочерей — хороших помощников, с помощью которых он и сумел построить и разрисовать дом, огородить штакетником палисадник, вырастить сад, очистить родник, поставить сруб, а воду, сбегаящую из родника, собрать в водохранилище, огородив ее плотиной. В этом пруду они развели рыбу: карасей, окуней, линьков, сазанов. В жаркие дни уборки урожая почти вся молодежь деревни купалась в Егоровом пруду. Жили Самарцевы почти в центре, были очень обходительны и приветливы со всеми. Потому и собиралась молодежь чаще всего около их двора. Жизнь в деревне была веселой, радостной, коллективной, хотя и трудовой с раннего детства.

Наш домик стоял на берегу крутого оврага, и во время половодья у нашего двора бушевала огромная река. Домик наш был совсем маленьким, а семья состояла из десяти человек, а потом стали появляться еще дети, мои братья и сестры. И родителям пришлось ставить другой, новый дом. Помню, как отец Николай Иванович, мать Матрена Анисимовна, братья и сестры родителей ездили по селам и хуторам и скупали деревянные развалившиеся амбары или старые хаты, с помощью всей деревни на быках, лошадях свозили к нашему двору бревна и потом, опять же всей деревней, ставили сруб — пятистенный дом с сенцами\*\* и чуланом, с русской печкой и полатами. Казалось, места хватит всем: в передней стояли две кровати, в чулане — кровать для молодых, на полатах и печке размещались дети.

Наш отец не был хорошим мастером, но для себя все делал сам: деревянные кровати, сани, тарантас, дуги, косы, деревянные вилы, брички — все было делом его рук... Мать ткала, вязала, шила, штопала, латала, пекла хлеб, собирала травы, лечила детей и соседей травами, солила выращенное на огороде.

---

\* Ток — утрамбованная земляная площадка для молотбы хлеба.

\*\* Сени — в деревенских избах помещение между жилой частью и крыльцом.

Помню, один год мать развела много гусей, которых мы пасли, гоняли к реке. Настала осень, гуси выросли, и мы радовались: вот будем есть гусятину. В один из теплых солнечных осенних дней приехал из Александровки какой-то человек и забрал всех наших гусей. Мы плакали, не давали, но нам объяснили, что надо платить налог. На столе вместо гусей стояло несколько стопок серебряных монет. А гость, забравший гусей, сочувствовал нам и говорил: «Сладки гуся лапки. А ты их едал? Нет, я не едал, а слышал, как дед говорил, что барин едал».

Из нашей семьи могли учиться только четверо: Василий, Павел, Лукьян и Феофан. Меня и младших моих братьев, Трофима и Евдокима, не допускали. Видимо, нечем было платить за всех. И вот когда школа была в нашем доме, я забирался на печку и все слушал и про себя повторял. Так я выучил азбуку (аз, буки, веди, глагол, добро и т.д.) и научился по складам читать. Это потом мне очень пригодилось. В семье я оказался единственным, кто мог хоть немного писать, и мать часто заставляла меня писать письма родственникам. И, конечно же, мне пришлось много выучить наизусть молитв.

Грома еще не было, но тучи же нагромождались. Однажды приехал в деревню уполномоченный. Потом говорили, что это был еврей. И почему-то ему надо быть остановиться у нас. Мать, конечно, забеспокоилась: был великий пост — чем гостя кормить? И вот она пожарила ему яичницу с салом, а всем остальным сварила огромный чугунок затирухи постной. Маленькие дети, Евдоким и Зина, расплакались: «Мы хотим яичницу!» Мать и отец объяснили, что пост, скоромное есть грех. Но это не помогало. Дети продолжали хныкать и доказывать: почему дяденьке можно, а нам нельзя? Но родители не дали детям яичницу. Гость очень обиделся и тут же выговорил: даже ребенку, мол, запрещаете яйца и сало, молоко и мясо, это против Советской власти.

Мы платили большие налоги, хотя у государства ничего не брали, работников не держали, а старшие братья нанимались на работу к другим. Но вот пришло время, и стали раскулачивать. В первую очередь именно тех, у кого была лошадь, рабочие были, и тех, у кого нашли спрятанный хлеб. У нас спрятанного хлеба не было, а все, что было в амбаре, т.е. в старой хатенке, забрали и ничего нам не оставили ни на питание, ни на семена.

Первым раскулачили Самарцева Егора, его многочисленную семью только за то, что у него был пруд, сад и дом, крытый железом. Его самого, престарелого старика, уже немощного, вместе с сыновьями Максимом, Федором, Григорием, Дорофеем, Трофимом, Порфирием и дочерью Ксенией забрали и отправили в легкой одежде, без всяких вещей и ручной клади в Казахстан, в Карагандинский лагерь.

Потом пришли за нами. Тот самый уполномоченный, что ел яичницу, настаивал на раскулачивании. Другие, кто знал нас как бедных нищих, были против. Особенно большую роль играл наш дед Анисим Иванович Андреев и его старший сын Виктор Анисимович. Они были партизанами, воевали против банд Дутова в Оренбурге, а нашу мать Матрену Анисимовну белоказаки секли розгами за помощь партизанам и за то, что ее первый муж был тоже партизаном. Но люди, руководившие раскулачиванием, были из другого района, и не могли решить этот вопрос немедленно. Уполномоченный соглашался только на раздел: чтобы мать забрала своих сыновей и что можно взять в руки и уходила от нашего отца Самарцева Николая (Никона) Ивановича. И его, и детей от первой жены подвергли также раскулачиванию.

Мать решила оставить Павла и Феофана с дедушкой. Они сразу же уехали в деревню в старый дом партизанотца, умершего от ран. Этот домик стоял до последних лет, пока деревня совсем не опустела. Сейчас здесь дачи.

Итак, отец Никон Иванович, мать Матрена Анисимовна, дети Лукьян, Иван, Трофим, Евдоким и Зина — все мы были отправлены на лошадях на станцию, там погружены в товарные вагоны и выгружены на станции Осакаровка под Карагандой. Там уже был огорожен колючей проволокой огромный участок, были воздвигнуты вышки, на которых дежурили часовые с пулеметами и винтовками. За изгородью же были спецпереселенцы. Вот туда поместили и всех прибывших с нами. Голое место, никаких палаток, никаких шалашей. Воду подвозили в бочках, за ней стояли страшные очереди. Доходило до драки, и тогда милиция хватала наиболее задиристых и, взяв их за руки — за ноги, бросали в кузова грузовиков и куда-то увозили. Что было с ними дальше, мы не знали, но говорили, что их били и расстреливали как бунтовщиков, нарушителей лагерного режима.

Ни в поезде, ни сразу по приезду горячее питание не было организовано. Поэтому не умерли с голоду потому, что наши сельчане дали нам хлеб, сало, молоко, яйца, картошку, сухари. И потом вскоре приезжали к нам дедушка Анисим Иванович, дядя Виктор Анисимович и привозили мешками сухари, собранные всей деревней.

К зиме люди рыли землянки и размещались в них. Такую землянку выкопали и мы. В середине был проход высотой в рост от двери до окна, а по бокам — земляные нары, на которых была послана солома и та ветхая одежда, которая, нас была. У входа была установлена железная печка, на которой готовили кушать и одновременно обогревали землянку и сушили портянки. Конечно, о подушках, матрацах и одеялах мы могли только мечтать.

Отец и Лукьян часто вербовались на разные работы (на рыбалку, на перегон и пастьбу скота, на разбивку поселков и т.д.) и подолгу не были с нами. Но когда возвращались, они привозили нам пищу, и тем мы существовали.

На станцию Осакаровка прибывали все новые и новые эшелоны с людьми. Их сортировали и отправляли по участкам. Так и мы попали на пятый участок. Здесь строили четырехквартирные бараки и размещали людей. Здесь потом были построены магазины, столовые, школы, мастерские. В одном из барачков жили мы: мать, я, Трофим, Евдоким, Зина. Отец в это время с Лукьяном работали в Осакаровке и жили в своей землянке. Мать и я работали, а трое младших оставались дома.

Весной 1932 года на пятый участок приехали к нам дед и дядя, привезли документы на мать и на детей. Мать стала писаться на фамилию первого мужа, красного партизана — Иванова Матрена Анисимовна. Дед и дядя забрали с собой мать, Трофима, Евдокима и Зину. Они были еще маленькими, а мне было уже 11 лет, поэтому меня оставили одного. Да и надо было кому-то оставаться с вещами отца и старшего брата Лукьяна, которые были в Осакаровке или в районе Караганды.

Кстати сказать, пришлось и мне побывать вместе с ними. Видели мы опустевшие глинобитные деревушки, совершенно безлюдные: население или вымерло или покинуло деревню в результате голода. Мы, подростки, входили в такие хибарки, лазали на чердаки и видели там брошенные вещи: и седла, и чайники, и самовары, и разные котлы, кошмы, детские качалки. Словом, люди бро-

сили все и шли в поисках хлеба, чтобы не умереть с голоду. А сколько мы видели мертвых...

Некоторое время я жил один на пятом участке. Потом приезжали отец и Лукьян. Они забрали кое-какие вещи. Но квартира оставалась за мной. А вскоре три семьи соседей покинули наш барак. Кто свой дом построил, кто переехал в другой поселок, кто переселился в более благоустроенную квартиру ближе к центру, и я остался во всем бараке один. Как было страшно! Как холодно! Приходилось мне утром рано идти в школу, а после обеда — на работу в струнный цех. Там я делал ободки на балалайки...

Так мне приходилось учиться и работать с пятого по шестой класс. Это было в 1933 — 1935 годах. До этого вообще школ не было. Когда же открыли школу в Осакаровке, меня повели в первый класс, но там не было места, и меня посадили на испытательный срок в третий класс. Читать, писать, считать я умел. Первой моей учительницей оказалась Вера Сергеевна Перегородова, а директором тогда был Роберт Иванович. Привели меня в школу в конце марта, а в мае уже кончился учебный год. Меня не успели даже опросить по всем предметам и потому перевели в четвертый класс с осенними испытаниями. Помню, как-то меня спросили о получении стекла. Я отвечал плохо и путано. Вера Сергеевна спросила: «Не учил? Не готовился к ответу?» — «Нет, а разве надо учить?» — «Конечно, надо хорошо учить уроки!» На второй день встал пораньше и учил все уроки наизусть. Когда меня спросили, я все ответил, конечно, все были очень удивлены. Вера Сергеевна поставила «отлично», но предупредила, что не обязательно учить наизусть, важно понимать и уметь пересказать. Но я, конечно, не умел учить так, как она требовала, а по-прежнему — наизусть.

И вот прошла первая четверть. К октябрьским торжествам надо было представить директору список лучших учащихся к награждению. Учительница спросила: «Ребята! Нам надо лучших учащихся представить директору к награждению. Кого бы вы назвали?» Старостой класса был у нас Сахаров, сын какого-то большого начальника лагеря спецпереселенцев, он сразу назвал меня первым. Учительница колебалась, объясняла, что он, мол, у нас еще новенький, да и социальное\* у него... А ученики закричали:

---

\* Социальное положение.

«Еще запишите — пусть ему ботинки дадут. Видите, в чем он ходит. Холода начинаются, а у него нет пальто».

6 ноября в школе состоялось торжественное собрание, посвященное 15 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Лучших учащихся премировали грамотами, подарками. Зачитали и мою фамилию, вызвали меня на сцену. Роберт Иванович хотел вручить мне ботинки, но там было написано: за деньги. Я говорю, что у меня денег нет. Он говорит: пусть заплатят родители, а Вера Сергеевна ему шепчет, что у меня один только отец и тот очень старенький, работает сторожем. Тогда они посоветовались и дали мне ботинки бесплатно.

Я думал, что в лагере все дети одинаковые. Потом узнал, что среди спецпереселенцев были дети и вольнонаемных, служащих и военных. Однажды учительница рассаживала мальчиков с девочками. И меня посадили за одну парту с Верой Соленко, дочерью коменданта чуть ли не всего лагеря. Она была очень красивой и очень богато одетой, а училась средненько. Она сразу отнеслась ко мне по-детски ласково и, как мне казалось, покровительственно. Стала мне обо всем щебетать, отламывала кусочек пирожка, булочки, сыра. Иногда приносила конфеты, о которых мы и понятия не имели. Мне в это голодное время приходилось собирать по помойкам брошенные кости от рыбы, промывать их, сушить и потом грызть, чтобы как-нибудь утолить голод. Правда, было очень боязно прикоснуться своей грязной, выцветшей одежкой к ее сияющему джемперочку, а зимой — к шубке. Но она так хорошо ко мне относилась, часто спрашивала про уроки, как решить задачу, выучить стихотворение... И вскоре учиться она стала заметно лучше. Все было бы хорошо, мы стали даже вместе уходить из школы. Мне было по пути, шли мимо ее дома. «Вот тут я живу. Зайдем ко мне. Я познакомлю тебя с мамой. А папа на работе в конторе. Он майор». Я, конечно, сразу понял, что она из семьи не моего лагеря, и могут быть неприятности. Вскоре они представились. В большом многоэтажном доме жили еще мальчишки, дети военных и служащих. И вот они заметили, что мы с ней идем из школы вместе, и она так дружески со мной прощается, собрались человек пять и напали на меня.

И потом встречи, конечно, были. Дрались группа на группу, улица на улицу. Проходя мимо обители противника, я всегда имел в руке хороший камень. С тех пор



бульжник почти всю мою жизнь был верным оружием защиты и от собак, и от пьяниц, и от хулиганов, и просто на всякий случай.

Неприятности следовали одна за другой. Мать Веры Соленко следила за дочерью, очень была довольна улучшением ее учебы, но встревожена тем, что дочь часто в своих разговорах упоминает мое имя, знала, что я из спецпереселенцев, да еще почти без родителей. Как-то она врывается в наш класс, видит нас сидящими за одной партой и в присутствии всех учеников стала ругать учительницу и пересаживать меня на другое место. Да я и сам все хорошо понял и быстро ушел на заднюю парту. Потом меня посадили к другой девочке, а я упрямылся, ходил снова на заднюю парту, дерзил учительнице: «Вы говорили, что все дети одинаковые, что все равны, не как при царе, а оказывается еще хуже».

И вот как-то вошел в наш класс прямо на уроке директор Роберт Иванович. Что-то записал, а потом спросил: «Как дисциплина, как наши отличники?» Вера Сергеевна пожаловалась: «Ваня стал дерзить, грубить, не слушаться. Плохо учит уроки, говорит: зачем их учить, все равно мы можем только месить саман, подметать улицу, возить воду, делать грязную работу, а такие, как Соленко, Сахаровы — дети начальников будут опять начальниками».

Роберт Иванович вызвал меня на середину класса к доске, перед всеми учащимися: «А ну, повтори, что ты говорил учительнице!» Я повторил: «А что, неправда? Мой отец неграмотный, делает всю тяжелую работу, и нам есть нечего, ходим в лаптях, в тряпье. А их родители — начальники, они детей строят на хорошую работу. Им образование, знания нужны, а они плохо учатся». «Ладно. Ты еще мал и многого не понимаешь. Мы с тобой потом поговорим. А сейчас проси прощения и садись с девочкой». Я стоял и молчал. «Если не попросишь прощение, я тебя исключаю из школы. Мне дано такое право». Я спросил: «А за что просить прощение?» «За грубость учительнице». Я сказал: «Вера Сергеевна, простите, я больше не буду вам грубить. Я просто доказывал свою точку зрения...».

Все рассмеялись. «Свою точку зрения! — повторил Роберт Иванович. — Ишь какой! У него своя точка зрения...», — буркнул он и вышел.

Позже меня вызвали в школу и сказали, чтоб я собирался в пионерский лагерь. Но ведь я не пионер. «Там бу-

дет сбор и тебя примут в пионеры. Так сказал Роберт Иванович». А что мне собираться: у меня ничего нет. «Возьми трусы, майку, сандалии или ботинки, фуражку, мыло, полотенце, легкий пиджачок». Прибежал домой, с большой радостью объявил, что меня посылают в пионерлагерь на отдых. Там будут хорошо кормить, мы будем купаться, зажигать костры, печь картошку, жить будем в палатках. Меня примут в пионеры.

Пионерский лагерь располагался на берегу небольшого озерца. Видимо, на реке Ишим. Летом Ишим высыхает, в некоторых местах его можно просто перешагнуть, а в низинах, в ямах образуются озера. Жили мы в палатках, кормили, конечно, по сравнению с домом, очень хорошо и разнообразно. Каждое утро проводили линейку, и нам сообщали что-то новое, зачитывали план работы на день до отбоя на сон. Здесь на сборе меня приняли в пионеры. Кто-то из старших возразил, можно ли принимать детей спецпереселенцев в пионеры. «Можно, — сказал Роберт Иванович, — он у нас дзержинец. Я за него ручаюсь. У него своя точка зрения».

Вернулись мы из лагеря загоревшими, окрепшими, полными желанием хорошо учиться. Отец вернулся с выпасов. У него какие-то там были неприятности. Видимо, пропала часть овец. Или волки да шакалы загрызли, или люди украли. Ему ничего не заплатили, больно избили и приказали отправиться на пятый поселок, где мы жили и раньше. Здесь отец долго болел. Никаких, конечно, бюллетеней не выдавали, хоть подыхай с голоду. А сколько там людей умирало! Целые бараки пустели. Это был 1933 год, да и 1934 — не лучше. Да еще бродили шакалы, подкарауливали, как женщина пойдет в туалет, они набрасывались на нее, обгрызали ноги, откусывали груди...

Здесь мне удалось устроиться на работу в струнный цех. Там делали балалайки, гитары, мандолины. Я делал ободки на балалайки. До обеда работал, после обеда учился в пятом, потом в шестом классе. Письма от матери получал часто. Она звала нас домой, в Филипповку. Писала, что председателем колхоза работает наш дядя Зотей Анисимович, брат моей матери и что мать договорилась: примут нас на работу пасти колхозный скот. Обещала выслать прошение от колхоза, заверенное печатью. Как только отец немного оправился от побоев, стал устраиваться на работу — сторожем в магазин. Но вскоре его

вызвали в Осакаровскую комендатуру. Так, оказалось, нашли воров, и Роберт Иванович, директор школы, бывший в близких отношениях с начальниками лагеря Соленко и Сахаровым и хорошо знавший нашу семью, настоял, чтобы извинились перед отцом, заплатили за работу и разрешили проживание в Осакаровке.

Но потом отца опять послали со скотом на выпаса, а я вернулся на пятый участок. Учеба моя шла хорошо, а по работе меня считали ударником и однажды премировали хлопчатобумажным костюмом. Костюм я так берег, что вырос из него, донашивал Евдоким. Я сильно страдал от одиночества, холода и страха. Думал, что отца уже нет, что его расстреляли или посадили. Потом узнал, что он жив, его послали далеко и на все лето. Но кончилось лето, а его все не было. Пришлось и всю зиму провести одному, да еще в совершенно пустом бараке. Возвращался из школы я поздно.

Зимой дни короткие, темно, улицы не освещены. Дома только коптилка, да и то керосина не всегда было можно достать. Бродячие собаки, голодные шакалы, хулиганы-грабители — что только не встречалось на пути.

Весну ждал не только я, но и многие горемыки, особенно те, у кого не было пищи и топки. Она в этот год пришла сразу, даже как-то неожиданно. Вдруг стало тепло и оно нарастало с каждым днем. Взрослые юноши стали уже загорать, женщины бросились копать грядки, обхаживать цветники, благоустраивать могилы. У меня и в школе, и в цехе дела шли успешно. Учебный год заканчивал без единой тройки, да и четверок было мало. Табель получил хороший. А тут и друг подыскался — Георгий. Одноклассник, ровесник. Без копейки денег и большой любитель путешествовать. Вот мы с ним и договорились ехать к родным безбилетными «зайцами». Ему надо было в Саратов, а мне до Оренбурга. Собрал я кое-какие манатки и завез в землянку к отцу. Вместе с Георгием пошли на станцию Осакаровка. Узнали, в какую сторону ехать, куда идут поезда, и, когда товарный поезд стал трогаться, мы незаметно взобрались в тендер паровоза. Кочегар попался добрый. Он спросил нас, куда мы едем, угостил чаем, дал по кусочку хлеба, а вечером во время похолодания, разместил ближе к топке, к теплу. Он, видимо, понимал, что мы сбежали, но так как едем к матерям, то решил, что поступили правильно, и объяснил как лучше ехать, чтобы нас не задер-

жала охрана. Мы были очень довольны. Хорошо доехали, послушались его совета. Нашлись добрые люди, и мы из Кокчетова «зайцами» на паровозе добрались до Петропавловска. Здесь мы долго дежурили, изрядно передрогли.

Приехав на станцию Саракташ, я должен был на грузовой машине доехать до села Тугузтемир, а оттуда пешком до деревни Филипповка, где тогда жила моя мать с братьями и сестрой Зиной.

Трудно было добратся: ночевать никто не хотел пускать (очень уж вид был неблагонадежный), есть было нечего, без денег водители в кабину не брали. Пришлось каждого просить Христом богом, обещать, что из дому вышлю ему деньги за дорогу, а они смеялись: «Миллионер, вышлет чек на сумму!» Один пожилой водитель сжалился. Узнав, что мне нужно в Филипповку, сказал: «Знаю такую, там, по-моему, мордва живет... А тебе туда зачем?» — «Один отец умер, а другой — на спецпереселении, в Осакаровке».

К вечеру добрались до Тугузтемира. Здесь нашел попутчицу-старушку и поздно пришли в деревню. Мать была очень рада. А Павел сразу стал беспокоиться об определении меня на учебу. Потом он оформил все необходимые бумаги и определил в Тугузтемире в 7 класс.

Так закончились мои злоключения в лагере спецпереселенцев. Отец вернулся в 1937 году, а Лукьян там жил до войны. Погиб в 1941 году под Москвой.

1989 г.            И.Д. Иванов  
с. Кутурга, Тюнский район,  
Киргизская ССР

### ***«Тов. Сталин, до чего вы довели переселенцев?»***

Михаил Иванович\*! Мы, рабочие, члены партии, с 17 года боролись за свободу. Вы, старые революционеры, клали головы и бросались, как львы с голодной пастью за буржуазией и как говорилось с 1905-го года, что если завоюем, то если будет плохо, то всем.

Еще сотни лет пройдут и еще надо будет делать революцию. До чего наш социализм, М.И., идет? Он обязательно идет к другой революции.

---

\* Калинин.

Мы бьем тревогу, как члены партии. Надо что-то делать на тот счет, чтобы не случилось как Коле Романову: «Мы пришли в Кремль и взяли его, а он не знал, откуда взялось, что так вытащили его».

Вам, М.И., говорить не приходится, ибо вы сами все знаете эту биографию.

Мы, миллеровские рабочие-металлисты и не думайте, что мы чуждые люди и оппортунисты. Мы действительные коммунисты: не имели ничего, кроме семьи и одного костюма выходного без запаса и до сих пор убеждаем рабочих беспартийных за пятилетний план.

Все верили, теперь никто не верит ничему, хоть не говори. Ждут голод потому, что хлеб косят, который только что отцветает. В Шахтинском районе 700 дес. хлеба покосили на траву. Это факт налицо.

М.И. и тов. Сталин, до чего вы довели переселенцев? Пишется, что за границей — буржуазия эксплуатирует рабочих и крестьян. Они наши враги — пускай. Ну, а вы что делаете над переселенцами, которых выслали на Урал? Вы видите или нет, что народ голодной смертью умирает под винтовкой и босые.

Мои родственники темные труженики-хлеборобы и не имели батраков. Сами своими силами обрабатывали землю, а теперь погибают, благодаря низовым басурманам. Мы 3 партийца, с просьбой к Вам, чтобы вы вникнули хорошенько, обратили внимание, как можно зорче пересмотрели выселенцев, т.е. чистку сделали, а террор не устраивали. Если вы, М.И., и т. Сталин этого не сделаете, то с вас масса спросит: я самовидец этому делу, этому террору.

Тов. Сталин о колхозах только пишет, а что делается у нас на Кавказе и вообще в Союзе Советском? Рабочие просят пожрать. Это вы не пишете. Надо все освещать. Осветить, как крестьяне 19 июня в Шахтинском районе нашлепали милиции.

За границей плохо, а мы живем хорошо. Я литейщик, 150 зарабатываю, так еще можно жить. Но когда рабочий получает 30 р., то на хлеб и воду не хватает — это факт. Наша просьба, чтобы в Екатерин. селе, Тагольского округа следствие сделать, чистку или улучшение.

Миллеровский рабочий — Я. Голышенко.

Не забудьте, что и казаки царя защищали, а вас китайцы не сохранят. Народ злой стал, Сталина проклинаяют.

1930 г.

## «Народ мрет, оттаскиваем по 30 гробов в день»

Прощение переселенцев Северо-Двинского окр., Котласского р-на, от массы народа лаг. Макариха.

Мы вас просим разобрать наши дела, за какую беду нас здесь мучают и издеваются над нами? За то, что мы хлеба помногу засевали и государству пользу приносили, а теперь негодны стали.

Если мы негодны, то, пожалуйста, просим вас выслать нас за границы, чем здесь нам грозят голодом и каждый день револьвер к груди приставят и расстрелять грозят. Одну женщину закололи штыком и двух мужчин расстреляли, а тысячу шестьсот в землю зарыли за какие-нибудь полтора месяца.

Массы просят вас выслать комиссию посмотреть на нас и наше местожительство. В чем мы живем? Хороший хозяин свой скот лучше помещает, а у нас снизу вода, сверху песок сыплется в глаза, мы все никогда не раздеваемся и не разуваемся, хлеба не хватает, дают триста грамм, кипятку нет совсем, так что, если еще один месяц, то совсем мало останется.

Неужели от того, что мы хлеба помногу сеяли, Россия страдала? Мы думаем — нет, а наоборот. Просим вас разобрать наши дела и восстановить по местам. Убытку от нас не было, а в настоящее время чистый убыток от нас и поступки с нами не гражданские, а чисто идиотские.

Мы были в плену в разных державах и то с нами того не было, как здесь и как на работах в настоящее время по воде в валенках.

Если мы враги вам, то лучше постреляйте нас, но не мучьте. Так просим Вас, освободите нас от этого ига и от барщины. Это не свободная Россия, а это настоящее рабство и издевательство над народом, над своими товарищами и хлеборобами и трудящимися.

Просим, посмотрите нас и рассмотрите нашу бумажку и передайте куда следует. Постарайтесь об нас, мы несчастны, потерзаны, нигде так не страдают ни в одной державе, только у нас в России.

Вы сами подумайте, что это такое? Все отобрали и выслали. И никто не побогател, только Россию в упадок привели.

Просим Центральный Исполнительный Комитет, чтобы вы проверили кулаков Макарихи, в каком состоянии

находимся: бараки наши ломаются, живем в большой опасности, бараки все обвалены дерьмом, народ мрет, отгаскиваем по 30 гробов в день.

Нет ничего: ни дров для барачков, ни кипятку, ни приварки, ни бани для чистоты, а только дают по 300 грамм хлеба, да и все. По 250 человек в бараке, даже от одного духу народ начинает заболеть, особенно грудные дети и так мучаете безвинных людей.

Наш адрес: город Котлас, Северо-Двинского округа, лагерь переселенцев. Макариха, барак № 45.

1930 г. И.В. Крыленко

### **«Женщины рожали своих детей... потом выкидывали их из вагонов»**

Михаил Иванович, вы может быть до сих пор ничего не знаете, как сосланные кулаки из Украины, Курска и других мест на север мучаются и переживают неслыханные издевательства над ними и над их детьми. Другие страдают совершенно невинно, но если есть и виновные, так дети тут ни при чем.

Начнем с начала. Отправляли их в ужасные морозы — грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство), потом выкидывали их из вагонов, как собак, а затем разместили в церквях и грязных, холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, в грязи, во вшах, холоде и голоде и здесь находятся тысячи детей, брошенные на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания. Не удивительно, что ежедневно умирает по 50 ч. и больше (только в одной Вологде) и скоро цифра этих невинных детей будет пугать людей — она теперь уже превысила *три тысячи*.

Мы боремся за здоровое поколение, за будущих строителей социализма и в то же время детей бросаем заживо в могилу. Разве мы мало знаем революционеров, которые происходили не только из крупных крестьян, но из помещиков, дворян и т.д. Почему Вы не можете предположить, что эти милые дети будут здоровыми, крепкими и стойкими борцами за советскую власть и за строитель-

ство социализма. А мы этих детей, нашу здоровую смену уничтожаем беспощадным образом, не оглядываясь назад и не особенно всматриваясь вперед.

А если призадуматься серьезно, что будет от этого какая-нибудь польза. Если бы прошедши через эти трупы детей мы могли продвинуться ближе к социализму или к мировой революции, то тогда другое дело, ясно, что без жертв к социализму мы не придем, но в данном случае ни к какой цели не придти.

Если виноваты родители, накажите их, если же невозможно детей оставить, сделайте высылку, но чтобы это безболезненно отразилось на детях.

В настоящее время в Вологде помещается 35 тыс. человек. Они находятся в ужасных условиях, благодаря чему дети беспощадно болеют разными болезнями — оспой, скарлатиной, корью и умирают. На них никто не обращает внимания, не лечат и продолжают здоровых детей держать вместе с больными. Поэтому ничего не будет удивительного, если вы в скором времени услышите, что померли не только дети сосланных, но и все дети г. Вологды. Сейчас никаких мер к предотвращению заразных болезней не принимается и зараза распространяется быстрым темпом, а когда хватятся, будет слишком поздно и тогда медицинскому персоналу не справиться. Вот как мы заботимся о нашей смене.

Михаил Иванович! Ведь все люди и зачем же с нами обращаются хуже, чем со щенятами? Чем обрекать на такие страдания, если они провинились, лучше пристрелить.

Если бы вы взглянули, если бы вы пожертвовали хотя 3-мя днями, оторвавшись от своей основной работы, вы бы убедились, что мы говорим правду. Ведь это же настоящий террор. Что же будет дальше? Все это делается в свободной Советской стране.

Жители г. Вологды — рабочие и окружающие крестьяне возмущены такими неправильными действиями Правительства и скоро будут требовать: «Нормальные условия для жизни людей, в особенности детей».

У нас к Вам просьба — или же немедленно обсудите этот вопрос и выносите соответствующее постановление по данному вопросу, или, если Вы не знаете о создавшемся положении — выезжайте в Вологду, не извещая об этом заранее местную власть, чтобы проверить факты.



На этом письмо заканчиваем и очень просим расследовать и на все это обратить внимание.

Отдельных подписей каждого мы не делаем, это не обязательно.

г. Вологда — группа рабочих и служащих.

1930 г.

***«Вместе с родителями переселяются  
и беззащитные дети»***

Уважаемый т. Михаил Иванович Калинин!

Сообщаю из лагеря Макарихи — г. Котлас.

1. Можно ли бить гр. поселенцев, всякого пола и возраста, тем, что в руках находится?

2. Можно ли производить насилие в области религиозных отправлениях, как-то: приходят в бараки, срывают лампадки, образки, раскидывают под ноги и некоторые уносят неизвестно куда?

3. Усматривалось ли вами то, что вместе с родителями переселяются и беззащитные дети от 2-х недель и старше и страдают в бараках совершенно непригодных, т.к., когда поселили нас в бараки, то в них было снега вместе со льдом на 5 вершков?

Гигиены для этих же беззащитных детей совершенно никакой.

4. Хлеб выдается с опозданием на 6 дней. Такой мизерный паек, и то несвоевременно. Можно ли существовать при таких порядках, здесь же находятся и беззащитные дети?

Плохое снабжение медикаментами, дети болеют корью и умирают без осмотра врачей и не изолируются от здоровых.

Ограничусь пока на этом. На основании упомянутого прошу вашего распоряжения уделить сугубое внимание на мое заявление, потому что вами изданы законы и опубликованы в газетах. Мы все невинные, ждем окончательного рассмотрения дела по нашим заявлениям, так чтобы виновные понесли известное наказание, а невинные были бы отпущены и не принимали бы дальнейшего страдания.

Комиссия по рассмотрению работала у нас всего лишь 5 дней и многие, а возможно и большая часть заявлений осталась не рассмотренной, а комиссия выехала и пока больше не работает. Граждане, чувствуя себя невиновными, остались очень обиженными.

Барак № 62

1930 г.            Очевидец

***«Человек не может оставаться человеком  
в таких условиях»***

Председателю ВЦИК — тов. М.И. Калинину

Находясь в ссылке, я насмотрелся на весь ужас этого массового выселения целых семейств и, не имея возможности как-нибудь иначе помочь всему этому страждущему народу, я решился обратиться к Вам. От имени невинных младенцев, их несчастных матерей и отцов, от имени седовласых старцев прошу обратить внимание на лагерь переселенцев близ города Котласа.

Вот картина такого лагеря. Сот две бараков, крытых соломой и землей, раскинулись недалеко от железной дороги среди жалкого сосняка. В лагере уже поселены десятки тысяч людей всех возрастов и каждый день прибывают все новые и новые эшелоны. В каждом бараке ютятся двести с лишним душ. Теснота ужасная: днем толкотня в проходе между нарами, ночью люди лежат на нарах вплотную друг к другу, как сельди в бочке, многим на нарах не хватает места и они сидят на земляном полу. Три железные печи не в состоянии отопить как следует этих бараков тем более, что сильный недостаток топлива. Люди кутаются в одежды, с крыши на головы им постоянно сыплется песок, недостаток белья и теплой одежды, стирать не в чем; людей заедают паразиты. Пища скверная, сухари приходят к концу, у многих уже не хватает хлеба. Варят на дворе в мороз и ветер. Днем, когда пригревает солнце и начинает оттаивать вокруг лагеря, поднимается смрад от скопившихся нечистот. Единственный колодезь не может снабдить водой весь лагерь, для этого используется ручей, вода в котором порой бывает так загрязнена, что чай, сваренный из нее, отдает мылом и грязным бе-

льем. На кладбище каждый день хоронят по несколько человек. Люди, не привыкшие к здешнему климату, многие совсем плохо одеты, часто простуживаются, болеют. Уже начинаются заболевания заразными болезнями — тифом и дифтеритом, от последнего были уже смертные случаи. К весне все это грозит эпидемией. Но это пока еще ничего. Люди еще имеют кое-какие запасы пищи, еще не голодны и надеются на скорое возвращение. Но настроение такое: каждый думает и говорит, что если через неделю или две весь этот народ не разошлют в деревню и не дадут ему работы и хлеба, то с окончанием запасов, взятых из дому, всем придется помирать голодной смертью.

Жаль смотреть на этот народ, который с отчаянием во взгляде валяется на нарах или шатается между бараков без пользы для себя и других с единственным желанием поесть чего-нибудь. Люди шатаются возле костров с котелками, дров нет, многие остаются вовсе без вареной пищи. Дети толпятся возле печек, стараясь протиснуться поближе, толкают один другого, опекаются о горячее железо. Весь барак оглашается криком и плачем детей. Пусть это кулаки, хотя многие из них имели совершенно ничтожное, ниже середняцкого, состояние, пусть вредные элементы, хотя правду сказать многие попали сюда только из-за злых языков своих соседей, но все же это люди, а не скотина и жить им приходится гораздо хуже, чем живет скотина у культурного хозяина. Не гонять весь этот народ сюда на верную гибель, лучше уже было уничтожить их на месте — и государству меньше забот и этим тысячам несчастных, участь которых решается без них, было бы облегчение в быстрой смерти, вместо голода и болезней. Пусть виноваты отцы, матери, деды, но за что страдают! Многие подростки оставили школы, где они учились и воспитывались и теперь живут здесь без дела и науки. Люди начинают уже терять терпение: был уже случай самоубийства.

Вообще оставлять этот народ долго в таком положении — это зверство, и я надеюсь также, как на эти тысячи выселенных сюда на лагеря будет обращено внимание и всему этому народу будет дано место, хлеб и работа в надлежащих условиях, чтобы они могли жить и приносить пользу государству, а не гибнуть в холодных грязных бараках в тесноте и бездействии. Все эти люди и так некультурны и темны, а здесь они совершенно превраща-

ются в диких зверей. Человек не может оставаться человеком в таких условиях. Если эти люди и провинились когда-нибудь, то они уже достаточно наказаны. Они просят помилования, просят своих братьев дать им возможность, если не вернуться на прежнее место, то хоть куда-нибудь действительно на вольную высылку, куда-нибудь в местность не слишком отличающуюся от их родной стороны, в местность, где бы можно было свободно приложить свой труд и прокормить себя и свои семьи.

1930 г.            Переселенец

### **«Они оказывались вывезенными на смерть»**

Здравствуйте!

Дорогая редакция! Я постоянный подписчик «Сельской жизни» и внимательно перечитываю все, особенно большой интерес вызвал «Крестьянский архив». И в конце концов я не выдержала и пишу после прочтения за 19 июля корреспонденции Торопова и Бородилева.

В корреспонденции Торопова: «...наша задача была вовлечение населения в колхозы, сбор денег на налог, страховку, самообложение, распространение займа и хлебоборазверстка. Работа была кропотливая, *опасная* (интересно, для кого?), она требовала уравнищенности, справедливости, чтобы не принести горя людям...» Прямо идиллия. Все обтекаемо, все гладко, все мягко. Сладкие сказки! Кто-то из активистов в то время думал как бы не принести горя... Кто-то думал о тех людях, у которых отбирали *все*.

Я очень хорошо помню, какой страх охватывал меня, хотя мне было в 31 г. шесть лет, когда отца или мать (почему мать? А потому, что она считалась грамотной — умела читать и писать) вызывали в сельсовет и держали там и до 3-х часов ночи. Очень легко они могли не вернуться домой никогда. А так как у нас семья была всего три человека, то пощады не было никакой. Если уж заем, так под завязку, если продразверстка, так от первой до второй может быть только несколько часов. И не потому, что там откуда-то были указания (именно на конкретного человека). А потому, что вот именно сами местные определяли с кого содрать, а кого догола ободрать.

Откуда в обкоме или даже райисполкоме могли знать, кто еще не вступил в колхоз. Сведения-то давали из сельсоветов. А активисты-то и старались друг перед другом, кто больше загонит. Отец, например, у меня был плотник и столяр и пимокат\* (очень нужная и важная специальность) и лодки делал на продажу, и мать была из рук ничто не выпадет. А если другой ни к чему, как говорят, не приспособлен и единственное его хобби рожать ребятишек, так как можно сложить эти два неслагаемых? Кто лучше будет жить?

Вот в то время, именно в то время и зарождалась великая лень. Все, кто мало-мало умел расписаться, хватались за какую-нибудь папку и лезли в инспекторы, в контролеры, проверяющие, страх нагоняющие и главное: человек был в их полной власти. Сидят-сидят в сельсовете — высидят. Приходит (да не по одному) налог, например, на овечку: мясо энное количество, шерсть, и полторы шкуры. Удивительно, как эти запуганные люди находили выход. С одной овцы полторы шкуры. Может эти, болеющие за народ, активисты просто похохатывали тогда. А людям было не до смеха. За неуплату — тюрьма. Одна женщина, например (это было, правда, в 37-ом) не могла найти на уплату налога ничего в доме, кроме коровы (Иванова Прасковья Лазаревна). С плачем повела на продажу и нашлась такая сволочь, что немедленно донесла властям, что Праск. Л. сказала: «Сталину на колбасу», когда у ней спросили, куда она корову. Ну эта женщина отсидела в лагерях свои десять лет за «Сталину на колбасу» и все-таки вернулась. Жаль, что она умерла, — она сама бы подробно могла рассказать о том, как вежливо и по-человечески внимательно обходились налогосборщики.

А вот Зинаида Ивановна Крестьянова и по сие время жива и живет в г. Куйбышеве НСО (Каинске). Так она вешалась от добреньких налогосборщиков. Когда ее, шестнадцатилетнюю девчонку, вызвали в сельсовет и какими уж они там, представьте, взрослые мужики, допекали ее методами, чтоб она полезла в петлю. А у ней на руках было еще двое детей: брат в то время 12-ти лет и сестра 8-ми. А когда после ареста отца и вскоре последовавшей за этим смертью матери, — ей, З.И. Крестьяновой, было всего 12 лет, а братишке 8, а сестренке — 4.

---

\* Мастер, выделявающий из шерсти обувь.

Уж молчали бы вы, Торопов, хотя бы о налогах-то. Ведь есть еще живые-то из тех, кто вами был «облагодетельствован». Я хорошо помню, как моих родителей выгнали с разработанных полей в болото и как отец с матерью корчевали лес для пашни; и когда урожай (на свежей-то земле) удался такой, какой сами не ожидали, так у активистов сразу нашлось: «раскулачить». Но не успели. Во-первых, пожар почти все снес, а в 34-ом соединились в артель сначала семь хозяйств, а к 41 году было уже больше 25-ти. Вот это было коллективное хозяйство — хоть по нужде, но все-таки добровольно.

Далее из корр. Торопова: «Кулаку разрешалось взять пару лошадей или волов...» и так далее, и тому подобное. Вы кому это сообщаете-то, Торопов? Граждане кулацкие дети (самих-то кулаков никого уже в живых нет), дети кулаков! Отзовитесь, кто из вас ехал в Сибирь на паре своих лошадей?! Где это такое чудо было видано? Послушайте, Торопов, этих российских раскулаченных везли через нас, именно через нас и никак нельзя миновать наше село — Биазу — чтобы попасть в Заболотье. Я (и не я одна и все село) собственными глазами видели, что делалось: назначали из Биазы сменных (до Биазы предыдущей деревни были лошади) лошадей и людей и везли до назначенного пункта. И как везли?! Скрыни (не сибирские ящики) с одеждой и продуктами оставались здесь, — самих везли дальше. А потом — привозили их зимой на место — жить негде, есть нечего (почти все сундуки их исчезали), они оказывались вывезенными на смерть. Очевидцы и (кстати или не кстати) сами дети «кулаков» рассказывают, как мертвых детей (потому, что от голода умирали все-таки первыми дети) складывали в штабеля — хоронить-то некому было — взрослые сами — тени, а зимой — морозы к 50°. У нас в Биазе есть дети — дочери и внуки «кулаков». В.А. Крестьянова (отец) и Маисеевского Тимофея Осиповича (дед) — Крестьянова Екатерина Васильевна и Фецер Анна Васильевна. Так вот: как их выбрасывали из дома и как с марта по ноябрь везли по реке на баржах, специально тянули время, чтоб привезти к зиме, одна мать с ними, пятерыми была, отца арестовали, деда арестовали. А спрашивается: за что?! Всех более-менее подходящих хозяев вызвали, как всегда, в совет и приказали ехать, примерно за сто километров, на лесоповал, это место в сторону города (как называли тог-

да наш Куйбышев). А там их всех (намечены ранее, значит) арестовали, всех в тюрьму в Каинск-Куйбышев. Лошади, упряжь и прочее (зима ведь была, значит тулупы и прочее) все исчезло бесследно. Самих: Шишкин Василий Ив. — на Беломорканал, Крестьянов В.А. — на шахты, а его тесть Маисеевский Т.О., — смех, семидесятилетний старик в Туруханский край — навечно. За что? А за то, что работали по-дурному. Зять Маисеевского — Крестьянов В.А. так пахал: лошадей сменит, свежих впряжет, а сам бродни (такая обувь из сыромятной кожи без каблуков) сбросит, в одну руку ломоть хлеба и снова в борозду. А в другой-то вожжи.

Так вот: хотите знать, Торопов, сколько (не узнаешь точно никогда), но хоть приблизительно, сколько этих самых «кулаков», как вы пишете — на Соловки — нет, их не на Соловки, в том самом месте, где строилась ГРЭС Куйбышевская (Каинская) Сибирские Куропаты. (Прочитайте за 4 июля 1989 года корр. Г.Т. Хомича.) Хорошо, самих мужиков богатых растрепали, угнали на принудительные работы (в ссылке ни одного молодого мужика не было): старики, дети, женщины. Ведь это было просто физическое уничтожение людей, детей!

«И мы эту задачу выполнили, хотя и с большими жертвами...» и т.д. «Социализм был построен в короткий срок...» и так далее из корреспонденции Бородилева. Да, Бородилев, за такой «социализм», какой был в то время — не жалко было из ста детей заморить голодом сто! Обратите внимание: ни один политически грамотный человек еще не сказал, что социализм уже построен, а по Бородилеву он, оказывается, давно уже был построен и в короткий срок. Не надо говорить нам сказки. То, что вы называете социализмом, это был социализм для кое-кого. У нас тогда смеялись: «Ты будешь жать, а жинка моя — считать, а я буду писать». Оказалось на одного колхозника-крестьянина не семеро с ложкой, а сто семь с ложкой.

Брюки галифе, кожаная тужурка и пистолет при боку. А то ведь надо было бы пахать. А из чужих амбаров наработанное куда как легко вытряхать. У нас, например, некоторые активисты и в 37-ом пригодились. Так хочется задать вопрос Торопову и Бородилеву и всем: неужели вам никогда не приходил в голову вопрос: ради чего? (кулачили, своих сограждан убивали. У нас кузнеца Останина Филимона раскулачили — работал с сынами, не имел

наймитов, а не пошел в колхоз — и за болото). Скажите, хоть один из царей додумался из Сибири народ выселять?! А ведь это делалось все с вашей помощью под могучей сталинской дланью. Неужели когда репрессии достигли своего апогея, вам ни разу не пришло в голову, что это далеко не социализм. Неужели вы жили спокойно?! Или тоже все-таки страх был?!

Из корр. М. Глинки за 13 августа 1989 г. «Как это было...». В конце статьи: «На хозяйственное устройство, снабжение продовольствием и ср. производства и культурно-бытовое обслуживание спецпоселков было затрачено 250 миллионов рублей».

Шутите, товарищи, или серьезно? Культурно-бытовое обслуживание. Когда через полгода почти довели (на баржах) наших лишенцев в Пудинский р-н, Томской области (а, кажется, зачем семьи-то без мужчин-то — они опасны, но бабы, дети, перекидывать в соседнюю область), деревня Собакино, Львовка, Шерстобитово уже была зима и ссыльные ходили по огородам старожилов и из-под снега выкапывали свекольную и капустную листву, брошенную хозяевами.

Знаете, как ваши эти умильные статьи читают бывшие ссыльные? — а смех сквозь слезы. Это я к авторам статей. Никак ни к газете. А газете огромное спасибо за «Крестьянский архив»!! Что-то начали покаянно-объяснительные письма писать бывшие товарищи.

У нас один такой активист, а позже к 37-му году служба доказывал одной «кулачке», отбывшей 20-летний срок ссылки, что он не имел права брать из ее амбара, допустим, тушку баранью. Сам объяснил, что он не имел права, значит и не мог этого сделать.

А она ответила ему, что может и не имел, но ведь пришел и взял. Так это разве социализм строился? — Это злобу выращивали силой против социализма.

А еще кое-кто пишут, что надо прекратить ворошить старое, нового хватит. А откуда оно — новое-то? А все оттуда, из нашего прошлого. И много еще лет понадобится, чтоб уладить, унять злобу. Еще раз, огромное спасибо за «Крестьянский архив».

Прошу прощения, еще несколько слов Бородилеву: о какой революции вы говорите, какие еще жертвы понадобились революции, когда год-то уже 33-й шел. И потом, если детей приносили в жертву революции в



1933-ем, через пятнадцать лет после революции, то с кем вы собирались строить социализм? Малые дети-то почему оказались врагами в вашем понимании? Вы знаете, сколько их погибло в период раскулачивания? Вам и М. Глинке: может действительно 250 миллионов было потрачено на сосланных кулаков, но только не на их культурно-бытовое обслуживание, а на переброску их с места на место и на содержание, как говорят, служебно-надзирательного аппарата. Это может быть. И 250 миллионов! А не лучше было бы вместо того, чтоб стеречь кулацких неграмотных баб и детей за эти деньги — отдать бы их бедным хозяйствам-колхозам — 250 миллионов, наверное, это больше было бы пользы всему народу. И меньше горя, меньше жертв, а больше социализма.

Извините, пожалуйста.

1989 г.            Е.Ф. Самушкина  
с. Биаза, Северный район,  
Новосибирская область

### **«Место дикое, необжитое, кругом тайга...»**

Мое родное село — Просяный Марковского района Ворошиловградской области. Посреди села — белая церковь с золочеными главами, обнесенная железной оградой, рядом школа и площадь, где в большие праздники ставили карусели. От площади во все стороны идут улицы и переулки, белые хатки утопают в зелени садов. Таким я его запомнила.

Родилась я в 1921 году в большой крестьянской семье: дедушка с бабушкой, отец, мать, шесть сестер отцовых и нас, пятеро ребятшек. Семья была дружная, работающая. Зимой пряли, ткали, лето работали в поле. Отец был не только хорошим хлеборобом, но и портным, шил полушубки, шубы и из домотканного сукна — свитки. Не помню, чтобы в нашей семье были ссоры, но помню, как красиво пели, а старший брат играл на балалайке.

Когда началась коллективизация, семья поубавилась, осталось семь человек. В хозяйстве были лошадь, корова, пара быков, свиньи, овцы, куры и хозинвентарь, да еще в наследство отцу достался ветряк. В 1930 году отец вступил в колхоз и все сдал и скотину, и мельницу, и инвентарь. А

зимой нас из колхоза вычистили. Ночью приехали на двух розвальнях, выгнали всех из хаты, погрузили и повезли из села. Километров за 8 — 10 привезли в пустые хатки по три семьи в хату. С нами поселили две семьи братьев Шевченко, тоже из нашего села. Отцов наших часто вызывали на допрос и по несколько суток там держали. Под Рождество, когда мужчины были вызваны в район, у нас случился пожар. В маленькое окно повыбрасывали детей и что успели из вещей. Потом нам дали другую хатку.

В конце мая, когда отцы были в районе, прибыл обоз, всех нас погрузили и повезли на станцию. Там на площади было очень много народу, вся площадь стонала и плакала. Кругом была охрана, до туалета водили под конвоем. Отцов наших пригнали под конвоем конники. Помню, как жених увел старшую сестру, прямо с площади, ему разрешили ее взять. Потом партиями стали уводить и грузить в теплушки, там уже были сооружены двойные нары. Целый эшелон раскулаченных хлеборобов оторвали от земли, от родного края и повезли неведомо куда. На остановках один раз в сутки давали черный хлеб и жидкую похлебку. Долго длилась эта дорога. Привезли нас на окраину города Чусовой в тупик и выгрузили на берег реки Чусовая — это на Урале. Там уже были приготовлены баржи, на барки взяли женщин, детей и стариков, немудрящие пожитки и потянули эти баржи вверх по реке лошадьми. А мужчины шли пешком под конвоем.

Через некоторое время нас выгрузили на берег. Там было несколько больших барачков — наше жилье. Нужно было рубить лес и сплавливать по реке, но сначала стали строить по ущелью узкоколейку и за три километра от реки — поселок. Место дикое, необжитое, кругом тайга, комары, мошкара, продукты давали некачественные и мало — по списку.

Начался голод, люди стали уходить семьями и в одиночку ушел и мой старший брат, написал записку, чтобы его не искали, больше мы его не видали. Отец зиму сидел дома, работать не мог из-за удушья, весной и он ушел. Мать ходила по деревням — просила Христа ради. Может, этим она нас и спасла. Мы собирали липовый лист и пекли зеленые лепешки.

Спасибо тем добрым людям за их милосердие и за кусочек хлеба, за то, что пускали нас, нищих, переночевать. Отец наш выжил, устроился на работу в коммуну

«Крепс» и забрал нас к себе. Дали нам комнату, родители и сестра работали, я пошла в школу, брат в садик. Кормили в столовой три раза в день. Прожили там два года, но при проверке документов из коммуны исключили восемь семей и сняли председателя. Нас, всю семью, привезли в штрафные бараки в пос. Лямино. Бараки с одинарными нарами, обнесены высоким забором и колючей проволокой со сторожевыми вышками. Родителей с утра уводили на работу, а мы целый день сидели на нарах. Прошел месяц, нас отправили опять в Шайтан, — так называли поселок, куда нас привезли в начале. Мать сначала ходила строить узкоколейку, потом она пять лет работала лесорубом и зимой и летом. Отец по состоянию здоровья не мог работать. В поселке было семей семьдесят «спецпереселенцев», была комендатура, без пропуска комендатуры не разрешалось уходить из поселка. Люди понемногу стали обживаться: сажали овощи, обзаводились скотом, птицей и даже пчелами. Отец стал работать в пошивочной мастерской. Жили небогато, но хлеб ели вволю и не стали носить лапти. В поселке были одни украинцы и кубанцы. Народ трудолюбивый, верующий.

И вот 1937 год прошел по поселку, как Змей-горыныч. Поздно вечером, в канун Нового года, пришли из ГПУ, устроили обыск и увели отца. Утром мы узнали, что такая участь постигла многих. Арестованных держали в школе под охраной, а в обед подогнули обоз и увезли. Больше мы отца не видели. Через десять лет вернулся человек, которого вместе с отцом арестовали, он сказал, что был вместе с отцом в Нижнем Тагиле, но он, отец, был очень плох, когда оттуда уводили арестованных.

Я часто бываю в своем селе и всегда иду на то место, где когда-то стояла хата, сад, двор. И считаю для себя это место святым и самым родным.

1989 г.            А.М. Черкасова  
г. Воскресенск, Московская область

### ***«Распоряжается комендант поселка...»***

У нас поморили с голоду рабочих, не говоря об иждивенцах. Рабочий получает 400 гр. хлеба, два раза в неделю и больше ничего... А работа непосильна. Работают по 10 и 15

час. в сутки... Вохмянин, Воктуров, Флягин, Лисицын, Чемезов. Вся эта бражка настоящие кровососатели. Большим никакой веры нету. Пока не упадет не освобождают, ни хлеба не дают. Положение ужасное... Хоть какая болезнь, освободить врач не имеет права. Распоряжается комендант поселка т. Вохмянин. В бараках жить нельзя: клоп, блоха, кишмя кишат. Никто мер никаких не принимает.

1932 г.           Синарстрой  
(Анонимное письмо)

### *«Нас пригнали в ссылку...»*

Всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу К а л и -  
н и н у  
от Германа Петра Леонардовича, хутор Бабич-Ляда,  
Бобруйского округа того же района, Боровицкого сель-  
совета

### З а я в л е н и е

Настоящим прошу Вас о помиловании.

Я выслан с родины с больной женой Анной 40 л., детьми: Марией 8 лет, Петром 6 лет, Павлом 3 лет, Еленой 2 лет в сибирскую тайгу на верную гибель меня и семьи за то, что в нынешнем году я платил индивидуальный налог, который был неправильно наложен.

Я имел 2 лошади, 2 коровы, 5 овец. Неужели советская власть может так бесчеловечно обращаться с теми, кто этого не заслужил?

Я сам и жена моя батраки, потому что работал все время за откуп купленной земли моим отцом. Этот выкуп за 15 дес. земли я отрабатывал. Был пастухом четыре года. Разве я виноват, что мой отец купил землю, а меня за это нужно высылать на верную смерть с семейством? Разве я виноват, что у нас в сельсовете 50% выслано людей только по ябедам.

Нас пригнали в ссылку в Табаринский район, Ирбитского округа в Петровский поселок. Мы здесь погибаем с голоду, ребята мрут, хлеба и пищи нет. Работать на лесозаготовках я не могу, у меня рак желудка, поэтому должен с семейством погибнуть.

На меня наложили индивидуально нынче 185 руб. Эту сумму я выплатил, имущество мое и скарб все отняли, пусть бы на этом и кончилось, но зачем высылать. Какой я преступник. Пусть советская власть немедленно берет у меня детей, они пухнут с голоду, сам и жена погибнем только за то, что мы строили советскую власть.

Перегибы в раскулачивании так велики, что ссылать надо сначала работников нашего сельсовета и РИКа. Скорей дайте помощь или давайте работы, чтобы дети не издохли, дайте земли, чтобы я на ней работал или пусть нас устроят куда-нибудь в колонию.

Прошу Вас, т. Калинин, обратить внимание, что из 1500 семейств, которые высланы из Бобруйска 500 невинно страдающих. Пусть кулаки страдают, которые эксплуатировали наш труд, а у меня ничего нет, я хожу в лаптях.

Адрес ссылки: Ирбитский округ, Табаринский р-н, пос. Петровский, Оверинский сельсовет  
Проситель — Герман. 4 апреля 1930 г.

***«Просим ВЦИК обратить внимание  
на наше несправедливое переселение...»***

Прилагая при сем телеграмму, составленную вам, сообщаем, что эта телеграмма на почте Харовского П.О. принята не была, а потому и пришлось ее посылать почтой.

Мы боимся оттепели и дождей потому, что вчерашний день крыша одного барака, земляная с соломой, оползла и пришлось ночь дрожать.

Борисоглебского округа Аршинова Зинаида, Камышинского округа — Мазулина Мария, Усманского округа — Шевырева Ф.

Адресуйте: Харовского П.О., Вологодского округа.  
11/1V—30 г.

Прилагаем при сем 20 марок, просим за них дать телеграфный ответ: Харовск — выселенцам.

Текст телеграммы следующий:

«Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Мы, жены присужденных переселенцев Борисоглебского, Камышинского и Усманского округов привезены

поездом под конвоем со своими семьями более четырех тысяч человек на станцию Харовскую, Вологодского округа.

Мы, дети, нетрудоспособные — инвалиды, выселены из вагонов, размещены в лесу в бараках, сделанных зимой из слег\* простым крестьянским шалашом, покрыт раструской соломой с навалом земли два вершка длины и 24 аршина ширины понизу, 15 верх, нары три яруса, размещены с вещами 180 человек, пол земляной.

Мужья наши, часть из них красноармейцы, без остановки угнаны на работу неизвестно куда.

В бараках от сырого леса, крытого землей, земляного пола, многолюдия, получается невыносимая атмосфера, от чего начинают умирать дети. Плохо чувствуют себя взрослые. С наступлением весенних дождей бараки, построенные, как решето, крытые землей, должны потечь, мы с детьми и вещами должны погибнуть. Просим ВЦИК обратить внимание на наше несправедливое переселение и не дать нам погибнуть в скотских помещениях, а сделайте проверку нашего раскулачивания и выселения нашей местной властью в такие бараки и кому следует отменить раскулачивание, а кому нет — дайте справедливое переселение во все места лишь только не в своем округе или области. Просим ответа. Станция Харовская, переселенцам.

Жены переселенцев Борисоглебского, Камышинского и Усманского округов».

1930 г.

### *«Обращаются со всеми нами без разбору...»*

Доводим до вашего сведения, что большинство из нас и до настоящего времени не знает, как и за что выслан. Многие не лишены гражданских прав, но обращаются со всеми нами без разбору, как со злейшими врагами советского строя. Часто, за справедливое требование подвергаемся наказаниям, как, например, запирают в амбар на несколько дней безо всякой пищи, заставляют работать по несколько дней, выдавая 150 гр. одного хлеба, а часто вовсе голодных; иногда комендантами пускается в ход

---

\* Длинная толстая жердь.

плетка. Заставляют работать стариков 60 — 70 лет, инвалидов, утеравших трудоспособность на 67 — 80%. Продукты даются самые ничтожные и те в большинстве случаев числятся только по нарядам, а в действительности на складе их нет, а потому не получают нами вовсе. Первое время мы работали на сплаве леса в Северолесе до I/VII, а потом на строительстве поселка, где порядки заведены таковы, что только содействуют дезертирству, ввиду чего на строительстве осталось ничтожное число, на которых и выбивают все зло коменданты за медленный ход строительства. Работаем 12 ч. в день, без всякого дня отдыха. В настоящее время в пос. «Пятилетка» нет отстроенного ни одного дома, а жен и детей выгнали в лес на болото под открытое небо, голодных и раздетых. От родителей вынуждают подписку с круговой порукой на добровольное поселение на новых поселках, запирая в амбары матерей с детьми на несколько суток. Известно ли в центре о тех мерах воздействия и перевоспитания, какие здесь проводятся, или нет? Если это известно соввласти и ее это распоряжение, то ясно, мы должны слепо подчиняться.

Все мы ожидаем разбора дела о нашем выселении. Быть может оно давно разобрано, но нам коменданты ничего не допускают. Нам даже не допускают никаких писем с родины. Все мы так напуганы, что боимся подписать настоящее письмо, боясь, что оно попадет в руки коменданта.

Адмвысланные\* с поселка «Пятилетка»  
Пинежского района, Архангельского округа,  
почтовое отделение Леуново

1930 г.

***«Спасите нас от такого бедствия  
и от голодной смерти...»***

Многоуважаемый Всероссийский староста Михаил Иванович Калинин. Мы украинцы-переселенцы живем в Вологде. Жизнь наша очень тяжелая — мы живем врозь от своих мужей. Наши мужья отделены от нас, находятся где-

---

\* Правильно — адмсыльные, то есть ссыльные в административном порядке, а не по уголовному делу.

то на лесных работах, а мы женщины, старики и малые ребята томились в церквях.

Нас было помещено в каждую церковь до 2.000 чел., где были устроены нары до 3-х этажей, так что получалось сильное воспарение. Мы все остались больные от такого воздуха и сквозняка, а дети до 14 лет падали как мухи и медицинской помощи не было для такого количества больных.

За 1 1/2 месяца на вологодском кладбище схоронили до 3.000 детей, а теперь нас переселили из г. Вологды в бараки на ст. Лежа и ст. Харовской Сев. ж.д. и в разъезд 573 км.

Михаил Иванович! Если бы вы посмотрели жизнь в бараках, вы пришли бы в ужас. В этих бараках прожить года два и ни одного из нас не останется в живых. Бараки построены в лесу, в сыром месте, имеют по четверти метра воды. Мы в ботинках тонем в болоте. Бараки эти построены из тесу и покрыты соломой, так что ветер кругом свистит. Нас в каждый барак заселено до 150 чел.

Из продовольствия ничего не получаем, кроме хлеба 3/4 ф., а приварки никакой. Мы взяли с собой продовольствия, но когда увозили, у нас его отобрали в Вологде местные власти, но мы не считаемся с этим, что сало, муку белую отдали, а нам теперь ничего не дают, кроме одного кипятку.

Михаил Иванович, спасите нас от такого бедствия и от голодной смерти, на что и просим обратить внимание. Нас сюда выслали на гибель, а какие мы кулаки, если имели по одной лошадке, по одной корове и по 8 овец. Мы бедняки, мы для государства были безвредны, а работали и народ кормили чем могли, а теперь сами гибнем. Умерло уже более 3.000 человек, исключительно те, которые жили в церквях, в Вологде. Просим разобраться в нашем несчастье и спасти нашу жизнь. Ждем скорее Вашего пересмотра и возвращения нас на родину.

Мы, переселенцы находимся в настоящий момент под легкой стражей на ст. Лежа, Семигородной и Харовской до 50.000 чел.

Спасите нас от голодной смерти.

Михаил Иванович, разберитесь в этом письме и удовлетворите нашу просьбу.

Ждем ответа.

1930 г.



## *«Кулаков среди них мало, больше бедноты...»*

Добрый Михаил Иванович, зная как Вам дороги интересы крестьян и как Вы крепко стоите за правду и справедливость, я решила довести до Вашего сведения, каким мукам подвергают крестьян.

В г. Енисейск наслали тысячи семейных крестьян, набили ими дома, дают в сутки 300 гр. хлеба взрослым и 200 гр. детям и больше ничего. Даже кипятку не дают. Дети мрут, старики тоже. Крестьяне осаждают жителей города и деревни нищенством и надрывают всем сердце словами и горем своим. Начались болезни среди них от голода и скученности, вот-вот вспыхнет эпидемия тифа.

Все в ужасе от их рассказов о зверствах, проявленных к ним при выселении с места и дорогой. Выселяли их так: мужей забрали в тюрьмы, а их семьи выгоняли в 50° морозы с детьми на улицу, запрещая пускать в дома даже детей. Обобрали все, даже пеленки у детей. 14 марта с.г. ночью приказали в один час собраться в дорогу, проявляя ужасную грубость, не давая проститься матерям с детьми. До Красноярска они везли муку, а в Красноярске ее отобрали всю и теперь они питаются подаванием по домам. Кулаков среди них мало, больше бедноты и их горе терзает всем сердце. Все они из Славгородского округа, Хабаровского района, села «Зяткова речка». Насилие, грубость и хамство проявили особенно председатель Павел Запка, милиция, уполномоченный. Накажите их, Михаил Иванович.

Еще проявляли к ним насилие и грубость: заведующий животноводства Третьяков Ст., активисты: Иван Перекопный и Пантелей Чернявский.

Крестьяне рассказывают о них ужасы.

Умоляем вас рассмотреть дела и вернуть обратно домой крестьян: Ивана Афанасьевича Чернявского, 37 лет, имеет жену, ребенка. У него было 2 лошади, одна корова. Он почти бедняк был. Кирилл Денисович Филлиненко, 29 л., двое детей, жена, 2 лошади, две коровы. Семья здесь, сам сидит 7 мес. в тюрьме на Саролинских приисках, Ужурского стана особого назнач. ОГПУ. Николенко Петр Иван., 65 л. и сын его Иуда Петрович Николенко 33 л., сын в тюрьме тоже на Саролинских приисках, у обоих жены и дети. Люди эти страдают невинно, они не кулаки и мы умоляем Вас рассмотреть их дела и вернуть телеграммой.

Обыватели г. Енисейска

1930 г.

***«Дети не должны отвечать за родителей  
и умирать как класс...»***

Многоуважаемый Михаил Иванович, мы обращаемся к Вам с этой жалобой потому, что больше не можем мы молчать, видя страдание и смерть наших безвинных детей, которых смерть беспощадно уносит каждый день. Ужасные условия тюремной жизни, плохое питание и другие причины, которые переживают наши дети — все это бич безумных детей, безропотно погибающих за наши быть может грехи, как класса.

Но дети не должны отвечать за родителей и умирать как класс, а потому просим Вас, уважаемый Михаил Иванович, спасите наших детей, будущее Советского Союза, обратите внимание на нашу жалобу к Вам, как своему крестьянскому старосте, веря, что советская власть строга к своим врагам, но и милостлива и внимательна к безвинным детям и быстро расследовать причины смерти и устранить их, а если возможно отправить их на родину.

От группы граждан, административно высланных, находящихся в г. Вологда в б. тюрьме, переселенческий пункт № 19

1930 г.

***«Дать им возможность принять участие  
в строительстве жизни страны»***

«Огромный рост коллективизации».

«Бурный рост индустриализации в стране» и т.д. и т.д.

Все это бахвальство, ложь, фразерство и пустословие!

Правильно ли поняли за границей, что идет «военизация» крестьянского хозяйства, и это бы прошло, если бы не «заграница», которая подняла вой за бесправных крестьян, попов, кулаков, нэпманов и т.д.

Колхозы, можно сказать, провалились; с индивидуальными хозяйчиками вы теперь заигрываете?

Нет, лучше вы бросьте эти «шутки», хитрости, пора оставить, вы видите страна накануне полного краха; вре-

мя не ждет; пусть это кулак или подкулачник, лишь бы только он сеял.

Раздайте землю в аренду, пусть прежние арендаторы возьмут огородную землю, но чтобы она не оставалась холостой.

При этом сейчас же отпустите из тюрем всех заключенных аграрников, кроме уголовников, рецидивистов.

Освободить всех лишенцев, служителей культов, торговцев, кулаков и т.п., дать им возможность принять участие в строительстве жизни страны.

Сократите или вовсе отмените временно, хотя бы в течение 1 — 2 лет разные налоги по торговле и промышленности.

Нэпмана в городе не надо разорять, он был 8 лет полезен и должен быть и впредь более полезным и надо поэтому пойти навстречу ему.

1930 г. (Подпись неразборчива)

***«Все церкви города Вологды отобраны  
и заселены высланными...»***

Граждане города Вологды обращаются к Вам с просьбой об установлении человеческих отношений к высланным разных губерний — они находятся в ужасных, кошмарных условиях, хуже скотского.

Все церкви города Вологды отобраны и заселены высланными, здесь холод и голод; церкви совершенно не отапливаются, нары из сырого тесу.

И вот в таких условиях находятся дети; нары устроены в три этажа, а в Прилуцком монастыре в шесть этажей и оттуда сваливаются люди, хоронят их как скотину — без гробов.

Уборные малы и народ испражняется на воле, открыто, это грозит неминуемой эпидемией — тифом.

Защитите как вологжан, так и ссыльных от моровой язвы.

1930 г. П. Славухин

Вологда

«Вы много людей расстреляли...»

Вы много людей расстреляли,  
Вы много сгноили в тюрьме,  
Вы многих на ссылку сослали,  
На верную гибель в тайге.

Вам шлют миллионы проклятий  
Старушек, калек, матерей,  
Вы взяли из теплых объятий  
Отцов от несчастных детей.

На сносях жена умирает  
С проклятьем для вас на устах.

Над нею семья вся рыдает,  
Четыре малютки в слезах.

Родные закрылись глазки,  
С могилы к нам мать не придет.  
Не встретить отцовской нам ласки,  
В тайге он уральской умрет.

За хлебозаготовку забрали

Беднягу кормильца отца.

Весь хлеб у семьи отобрали,

Мать с горя в могилу ушла.

Забрали в колхоз всю скотину,  
Продали с торгов дом родной.

Теперь нам придется по миру  
С бабусей ходить впятером.

И раньше старушка живала

Вдовою, без мужа одна.

Детей четверых воспитала,

С плечей не сходила сума.

Теперь ей обратно пришлось

Таскаться по окнам с сумой,

На старости лет довелось

Воспитывать внучек одной.

И ходит старушка собирает

Кусочки по селам с сумой,

Власть сталинскую проклинает

Дорогою в бурю зимой.

Злодеи когда-то сулили

Жизнь людям хорошую дать.

А вместо того разорили

Кормилицу родину мать.

Вы больше чем царь расстреляли,

Вы больше сгноили в тюрьме,

Вы больше на ссылку сослали,

На бедную гибель в тайге.

1931 г. (Стихотворение анонимного автора)

---

---

## РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

### ВЕЛИКИЙ ГОЛОД

*А счастье наше — в хлебушке...*

Николай Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»

*О поле, поле, кто тебя  
Усеял мертвыми костями?*

Александр Пушкин. «Руслан и Людмила»

7 ноября 1929 года в знаменитой статье «Год великого перелома» Сталин заявил: «...Можно с уверенностью сказать, что благодаря росту колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса. И если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире».

Прошло ровно три года. Действительно, рост колхозно-совхозного производства был необыкновенно бурным. Основными производителями зерна стали колхозы и совхозы. В 1932 году они поставили 84,1 процента товарного зерна, а единоличные хозяйства — всего лишь 15,9 процента. Победа явная. Ведь не так давно, в «год великого перелома» доля индивидуальных крестьянских хозяйств в производстве хлеба была бесспорно подавлявшей — 94,4 процента.

Казалось, страна должна была утопать в хлебных россыпях. Но... Именно в это время в отечественной истории разыгралась одна из самых мрачных и ужасных трагедий — великий голод. Его жертвами стали миллионы

крестьянских душ. С лица земли исчезли многие селения. Официально голод не признавался, потому нет о нем сведений в стенографических отчетах партийных съездов и пленумов ЦК ВКП(б), материалах центральных государственных органов. О причинах, его вызвавших, писать и говорить было строжайше запрещено. Так продолжалось в течение многих лет. Даже в фундаментальных научных трудах лишь отчасти, вскользь упоминалось, что в 1932 — 1933 годах «в отдельных местах возникли продовольственные затруднения». На этом исследование проблемы заканчивалось.

Наши ученые по известным причинам только начинают серьезно заниматься вопросами голода 1932 — 1933 годов. Определенная работа на этот счет проведена зарубежными историками (Д. Дэлримпл, С. Максудов, Р. Конквест и др.). Но и в их среде пока еще не сложилась более или менее строгая определенность, скажем, относительно масштабов людских потерь от голода. Например, в своей книге «Жатва скорби» известный в нашей стране ученый-историк Роберт Конквест определяет количество погибших от голодной смерти в те годы не менее чем в 7 миллионов человек. Другие исследователи указывают на меньшую цифру. Этой проблемой занимаются и будут еще заниматься специалисты-демографы. За ними последнее слово.

### ***«Голод был организован правителями...»***

Много раз я порывался описать это страшное событие, но до начала гласности это не имело практического смысла — запретная зона. Но я ждал, что придет такое время, «камни заговорят» о страшной людской трагедии.

Я не нашел пока что в печати объяснения, чем был вызван этот страшный голод, вернее, кем и как он был организован. Попытаюсь ответить на эти вопросы, насколько мне позволяют это сделать собственные наблюдения, как говорят, «со своей колокольни».

Голод охватил самые хлебобородные области — Украину, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, т.е. те места, где было, по мнению правителей того времени, много кулаков. Видимо, расчет был поморить «недобитых кулаков» голодом.

Урожай был в те годы нормальным, не хуже, чем в предыдущие и в последующие. Причина голода была одна — непомерно высокие нормы хлебазаготовок, повышавшиеся даже после того, когда уже все было у крестьян изъято. Говорили, что в эти бедствующие области приезжал сталинский эмиссар Л. Каганович и доложил своему хозяину, что хлеб прячут, и еще есть что взять.

Мои убеждения, что голод был организован правителями, основываются еще и на том, что аналогичное явление происходило на моей памяти после войны, в 1946 году. Я служил тогда в чине майора в политотделе 43 армии Северной группы войск и занимался улаживанием конфликтов между нашими военнослужащими и польским населением. Когда в начале мая 1946 года я прибыл в г. Щецин-на-Одере, местные воеводские власти сразу же обратились ко мне с вопросом: «Куда девать зерно, привезенное из СССР в качестве безвозмездного дара Сталина польским крестьянам, которые отказались его брать, боясь колхозов?». Зерно было сгружено в порту под открытым небом и уже проросло и начинало загнивать. Так оно и пропало, а у нас люди голодали. Я покупал тогда муку и крупу у польских торговцев и посылал своим родственникам посылки, спасая от голодной смерти.

А в начале 1930-х годов я был комсомольцем, сельским учителем в Барановском районе Житомирской области. Нас посылали и днем и ночью «выполнять хлебазаготовку», давая наказ брать зерно, муку, крупу, а если не найдем ничего этого, то забирать скотину, птицу, а если нет и этого, то тащить подушки.

Приезжавшие представители из района объясняли дело так: кулаки попрятали хлеб, его за всякую цену нужно изъять. Помню, осенью 1932 года в с. Свинобич (сейчас Берестивка) Барановского района бригаду комсомольцев и «комбедовцев» послали искать хлеб у «кулаков» по улице Власюков (все крестьяне с этой фамилией считались кулаками). В одном доме застали старуху и ее внучат. В коморе\* нашли килограмма 4 муки. Председатель комбеда конфисковал эту муку. Старая женщина пыталась отнять свое добро, но оказалась слабее комбедовца. Тогда она схватила висевшую на стене косу и пыталась перерезать себе горло. Я отнял у нее орудие смерти, вырвал из рук

---

\* Чулан, кладовая.

председателя комбеда посуду с мукой и отдал хозяйке. Когда я вернулся в сельсовет, там уже обо всем знали, и партбюро Петроковский объявил меня подкулачником, угрожая отправить вместе с кулаками в ссылку. (Потом я узнал, что «преданность делу Сталина» не спасла его, в конце 30-х погиб от сталинских репрессий.)

Итак, все было выгреблено и выметено под метелку из крестьянских дворов и комор. Зимой 1932 — 33 года люди начали умирать. К лету осталось по деревням около половины жителей. Мало кто смог убежать от этой ужасной «черной смерти» из районов бедствия в те места, где были хоть какие-нибудь хлебные пайки. В начале июля я возвращался из Киева к месту работы и заехал к своим в село Буки около Житомира. Всех близких родственников застал в живых, сильно исхудавших, но не опухших. Спасла корова, отелившаяся еще зимой. Пытались угостить меня пирогами, замешанными из липовых листьев и начиненных черникой (уже появилась в лесу). Но я привез несколько буханок хлеба, что вызвало невиданное ликование. Соседи вымерли, остались две слабые женщины, они оказались живучее мужчин. Меня поразило, что два молодых парня Павел и Иван Балагуцы предпочли умереть голодной смертью, оставив живыми пару волов. А могли бы спасти свою жизнь! Страшнее была трагедия, разыгравшаяся в соседней избе. Меня поразила хозяйка, случайно встретившаяся по дороге. В отличие от всех голодавших, она выглядела здоровой, краснощекой. Жаловалась, что умер муж, мрут дети. Позже я узнал, что она дорезала и съела своего мужа, а затем и детей. Таких женщин в селе было несколько. Их арестовали и след этой женщины пропал.

Много я узнал о поведении людей в этот страшный голод. Но это тема психологической повести. Были такие голодающие, которые не утратили человеческого облика, другие потеряли рассудок и спаслись от смертельного голода по-звериному, съедая себе подобных. Это не их вина, они сами были жертвой кровавой диктатуры сталинщины. Остались еще экземпляры этих людоедов, напившихся, подобно клопам, человеческой крови и уползшие в щели, прячась от солнечного света. Еще есть время выковырять их оттуда и показать всему миру.

Жертвам «черной смерти» 1932 — 33 годов нужно соорудить мемориалы. Голод не миновал ни одной деревни. На всех кладбищах районов бедствия нужно поставить



памятники. Много умерших лежало непохороненными, многие лежат в общих могилах. Они заслуживают нашей глубокой памяти, человеческого сострадания.

1989 г.                    Н.Ф. Колесницкий  
г. Москва

### ***«Осталась я без хлеба...»***

Дела неважные. Андрея взяли в Самару на работу и всю бедноту, время как взяли — три недели. Осталась я без хлеба и было мне большое мучение и большие слезы. 4 дня хлеба не было и детишки кричали и питались только желудями, а Коля руку сосал, а желудей не ел. Я спросила Колю (ему три года) «Что ты делаешь!», он сказал: «Я есть хочу». Я на его слова наплакалась и насмеялась, плакала, что нам делать с ними. Взяла мешочек и пошла на мельницу. Кто горсть даст, кто две, я маленько вздохнула с ними. И все у кого хлеба нет, ходят и собирают, тут нам дали на месяц два пуда (по 10 ф. на едока), что хошь, то и делай, хошь ешь, хошь гляди. И всю я жизнь свою прокляла. Вот какие порядки у нас в колхозе. В Самаре ни за что, работают даром на трактора.

Эту жизнь нам не пережить и как мухи погибнем от этого колхоза. Не было колхоза жили хорошо, хлеба поедешь куда хочешь, там и купишь и живешь без горя...\*

1930 г.                    Командир взвода, член ВКП(б)  
Осипенков  
г. Тверь, 19 отд. мест. стр. рота

### ***«Как бы умышленно кто задался целью известить жителей «измором»***

Никому, конечно, не секрет, что в 1928-29 гг. начал мало по малу исчезать то тот, то другой предмет торговли, а в настоящее время уже и совсем почти исчез. Для многих единственной пищей является один черный хлеб.

---

\* Очевидно, что письмо на службу сына прислала его мать, а тот переслал в Москву, на имя М. И. Калинина.

Горячей пищи также большинство не видит, так как ни круп совершенно никаких нет, ни мяса, ни рыбы, ни молока, ни яиц, и ни даже картошки, капусты, моркови и т. д. Как бы умышленно кто задался целью известить жителей «измором». Как будто тут руководит злая контрреволюционная рука.

1930 г.            Константинов

Самара

**«Довольно показывать на китайский голод...»**

Мы испытываем настоящий голод. У нас нет мяса, масла, круп, овощей, хлеб ржаной 20 р. пуд, а пшеничный 40 р. — вот когда нужна крестьянину помощь, а ее отняли. Довольно, товарищи, играть народом и представлять из народа каких-то бессмысленных животных. Довольно говорить о достижениях, когда народ стал превращаться в тени.

Довольно показывать на китайский голод, когда сами боеем от недоедания.

Неприлично украшать пустые полки в кооперативах портретами вождей.

1930 г.            Гражданин Владимирск. окр.

(Анонимное письмо)

**«На рынке ничего нет»**

В кооперативах выдают только старую конину по голодной норме и на 18 дней в месяц, а на рынке ничего нет. Мясо 3 р., штоф молока 1 р. 50 к., сахару выдают мизерную долю, детей кормить совершенно нечем, да неужели все это и в такой степени нужно для пятилетки, нет ли здесь перегибов от чрезмерного усердия. Такие явления нужно искоренить заранее, иначе очень скоро возникнет необходимость в письме «тов. Сталина к соработникам».

1930 г.            Шамфадов  
Башкирский край

## *«Разрешите, т. Каганович, возразить!»*

В докладе «Строительство социализма на новом этапе» Каганович говорит: «Планы, которые мы даем, напряженные — это и есть борьба за генеральную линию партии, если ты останешься настоящим большевиком-ленинцем, как бы ни было трудно, но назад не отступишь».

Разрешите, т. Каганович, возразить!

Стройка социализма не строится одними большевиками, в этой стройке участвуют много миллионов рабочих. И при этом — одно дело сказать, а другое дело выполнить практически.

На рабочий класс возложили соцсоревнование, ударничество, перевыполнение промфинплана и т. д. Он работает 7 часов не отходя от станка, а после этого сидит на собрании, или же учится по поднятию своей квалификации.

А чем он питается? 150 грамм солонины-баранины, сварит суп без всякой к тому приправы — ни моркови, ни свеклы, ни муки, ни сала...

1930 г.            Князев  
Тула

## *«Люди пухнут с голода»*

Настоящим довожу до Вашего сведения, что у нас положение с продовольствием чрезвычайно плохое. В колхозах и в единоличных хозяйствах крестьянство настроено плохо и целые дни ходят и просят хлеба. Часто нельзя посылать на колхозную работу ввиду того, что нет дневного существования. Вопрос ставился в районе и в округе, но обеспечение дается мизерное. Имеются случаи — люди пухнут с голода. От этого уводят скотину из колхоза, которая обобществлена и продают. Продовольствие выдаем лишь иногда по 1 кило на четыре-пять дней. Колхозников, у которых совсем нет ничего, посылать работать с таким пайком нет возможности. В последнее время выдаем отруби. Положение чрезвычайно обостренное: крестьянство настроено против нас, присланных рабочих, говорят: «Прислали рабочих, а они совсем не входят в наше положение». Как ты им не доказывай, но толкуют об одном «давай хлеба», при этом прибавляют, что «цен-

тральные органы об этом положении не знают, — если бы знали, то до этого не допустили».

Поэтому я, как рабочий, о данном положении решил написать в ЦИК. Условия очень плохие, просим уделить особое внимание. Этого требует масса и обращается к нам рабочим, присланным на низовую работу. Когда на это мало уделяется внимания, то крестьянство говорит, что рабочие не заинтересованы в данной работе по вопросу крестьянства. Этот вывод неверный — мы для дела крестьянского хозяйства отдаем всю энергию.

1930 г. От рабочего с Урала, присланного на низовую советскую работу в Казахстан, в Актюбинский округ, Ак-Булатский район, Согорчинский сельсовет — Сухарева Михаила Александровича

***«Во имя выполнения планов,  
порой чрезмерно раздутых...»***

Я лично весной с/г с начала сплошной коллективизации вошел во всестаничный колхоз станицы Тимашевской «В память Ленина». Что же в результате получили колхозники из колхоза за проработанное время? Получили нули. Несмотря на то, что семья работала целое лето в колхозе, мы все обносились и оборвались.

Как правило, озимые убирали все в поле. Весь озимый посев поступил в мое полное распоряжение, из которого многое я сдал в семфонд, по хлебозаготовкам, и оставил на едоков на всю семью 18 — 19 пудов на целый год. Я не говорю уже о том, что все не обобщественное животноводство ничем не обеспечено. Но с этим колхозники уже начали мириться. На днях к нам в Тимашевскую станицу наехали представители из края и центра и решили, что план хлебозаготовок по нашему колхозу не выполнен, и решили невыполнение разложить на колхозников в количестве 10.000 пудов, что и проделали. В результате колхознику осталось в среднем от 10 до 14 пудов на год на едока с начала уборочной кампании, в то время как некоторые уже поели по 8 — 10 пудов.

Теперь поневоле приходится призадуматься, что же будет дальше? Оставляю голодный паек, обрекая самого и семью на голод со всеми его последствиями, припомни-

наешь прошлые годы гражданской войны, невольно приходишь в жуткое состояние, а порой в отчаяние, воображая в будущем весной 1931 г. голодных детей, исхудалых, измученных, просящих кусок хлеба. Сознательно заставляют голодать крестьян или же это сознательная работа контрреволюции — в общем то или другое... голодный паек, непосильный налог, судебные процессы и проч. проч. во имя выполнения планов, порой чрезмерно раздутых и явно невыполнимых.

1931 г.            Щербин  
Северо-Кавказский край

***«Убила свою маленькую дочь и питалась ее мясом»***

В 1932 году меня комсомольская организация послала учиться в Усть-Лабинский педагогический техникум. В тот год урожай был сравнительно хорошим, мы получили пшеницу на трудодень, и люди, не вступившие в колхоз, тоже собрали урожай. Начали выполнять план хлебозаготовок. Выполнили все планы. Дали несколько встречных планов. Выгребли у всех все, что было. Были созданы комсоды\* из 25 человек — члены партии, комсомольцы и активисты. Зимой 1932 — 1933 года стали комсоды ходить по дворам и все забирать. Брали зерно, лезли в подвал, брали картофель, капусту, помидоры, из печи брали лепешки и хлеб.

Зимой ломом ломали печи, рыли в доме ямы, разбивали стены — искали хлеб. Это был полный грабеж и разбой. Люди ненавидели эти комсоды, брали палки и гнали со двора, но их сажали и ссылали в Сибирь. Меня потряс один случай. У хозяина забрали корову, лошадь, вещи, а у него дочь была больная туберкулезом. Так из-под нее взяли всю постель, оставили ее на голых досках. Она встала и начала кашлять, у нее изо рта пошла кровь. Она скоро умерла. Я отказалась работать в комсоде, а меня привлекли в комсод, когда я была на зимних каникулах. Меня исключили из комсомола, пришили мне ярлык «саботажница».

В 1933 г. зимой начался сплошной голод, люди умирали семьями. В училищах студентам давали 700 граммов хле-

---

\* Комитеты содействия для помощи государственным организациям в сборе платежей и натуральных заготовок.

ба-суррогата. Я каждую неделю ходила домой, 30 километров пешком и носила сэкономленный хлеб маме, чтобы спасти ее от голода. Моя подруга жила в ст. Ново-Лабинской, я должна была к ней зайти и мы вместе пошли бы в училище. Я зашла к ней, но она с попутной подводой уехала. Она жила около кладбища. Вдруг я услышала стоны, и пошла на звук. Я увидела огромную яму, а в ней копошились и стонали полуживые люди. Лезли друг на друга и издавали страшные вопли.

Меня охватил ужас, я бросилась бежать. Бежала и всю дорогу плакала. Пришла в общежитие, рассказала девочкам. Мы подняли такой плач, все думали о своих родных, не постигла ли их такая участь. Утром меня вызвали к директору. Я рассказала, как было. Милиционер закричал: «Ты что занимаешься саботажем! Исключить из училища как саботажницу». Меня выручили директор Цэпля Эдуард Францевич и завуч Бовинко Николай Ефстафьевич. Но строго настроено предупредили, чтобы молчала и взяли с меня подписку. Как меня не посадили не знаю. Вот я всю жизнь и молчала. Рта нельзя было открыть.

В 1932 — 33 году люди поели кошек, крыс, мышей, лягушек, ели все, что можно. В ст. Тенгинской жила одна семья — женщина с тремя детьми. Эта женщина, доведенная голодом до безумия, убила свою маленькую дочь и питалась ее мясом. Бродячая собака вытащила голову девочки, и с головой пробежала по станице. Вот так жители узнали, что случилось с этой девочкой. Женщина эта умерла, фамилию ее я не помню.

До чего был доведен народ — это ужасно. Весной 1933 года нас, студентов, послали ликвидировать неграмотность среди заключенных в тюрьме. В камерах было набито столько народа, как сельди в бочке. Все стояли вплотную друг к другу. Ни сесть, ни лечь нельзя было. Тут же стояла параша, куда они испражнялись. Зловонный запах, духота, не хватало кислорода. Более слабые умерли сразу. Меня увидели свои станичники. Плачут, целуют меня, спрашивают о своих детях и близких — живы ли они. Я вместе с ними наплакалась, потом пошла к директору, рассказала все и очень просила больше нас туда не посылать. Больше нас в тюрьму для ликвидации неграмотности не посылали.

В 1934 году я закончила педагогическое училище, меня послали работать в ст. Некрасовскую учительницей начальных классов, где я проработала всю жизнь. Сейчас я на

заслуженном отдыхе. Я никогда никому об этом не рассказывала. Вам написала все, что знала. Вспомнила все ужасы того времени, и самой стало страшно, как только мы выжили.

1989 г.            З. Петрова (Карканова)  
ст. Некрасовская, Краснодарский край

### *«Пошли по всем дворам искать зерно...»*

В годы коллективизации я была еще мала, но сама удивляюсь как помнится все детство. В 1930 г. я пошла в 1-й класс, отец вступил в колхоз, как и все люди он сдал в колхоз своего жеребца, корову, тягло уже не помню какое было, и работал в колхозе объездчиком, потом подвозил женщинам в поле воду, тогда говорили водовоз, отец в ту пору был с седой бородой.

И вот 1932 год, где взялся какой-то саботаж, как говорили тогда люди. Пошли по всем дворам искать зерно и все что попадалось брали. Ширяли железными цепками в скирдах, а скирды были солома, это было в ту пору основное топливо. Потом начали брать все подряд. Отца забрали в тюрьму, отправили сначала в ст-цу Калининскую, затем в Ново-Покровскую, а потом в Краснодар. И так мы его не дождались. У нас забрали все, что было, постель, вместо простыни было «рядно», забрали, зеркало со стены сняли, шв. машинку, сепаратор, и забирали не сразу, а ходили каждую ночь и все забирали. Мама нас с меньшим братишкой положила на голые доски на кровать, одну полу кожуха подстелила под нас, а другой полкой укрыла нас, говорила, может же из под детей не потащат. Да куда там. Нас с братишкой вытряхнули с под этого кожуха как мышат и забрали этот кожух. В каком горшке или узелке было то фасоль, то горох — все забрали.

И вот 1933 г. повальный голод. Да, еще забыла написать: со стола забрали даже деревянные ложки, чашки там и всякую мелкую посуду как чашечки с блюдецками. И остались мы в голых стенах. И вот был страшный голод. В соседней станице даже были слухи о людоедстве. Но наш хутор спасли мышинные норки. Пошли люди по кукурузным полям, раскапывали норки и извлекали из этих норок разбухшую кукурузу и этим люди спаслись.

В 1934 году уже уродилась своя кукуруза, тыква, уже мы считай голод пережили, ели кашу кукурузную с тыквой и были кажется сыты. И снова горе: умерла мама, умер братишка и умерла бабушка. Все в одну зиму. Осталась я одна. Горя хлебнула через край. Сколько живу и сколько думаю, за что пострадало столько крестьян? Теперь трудно сосчитать погибших. Ведь не сосчитать видных деятелей, а крестьян тем более. А так обидно за прожитое время. Пусть такое никогда не повторится.

1989 г. Р.С. Сергеева  
Хутор Балка Грузская, Краснодарский край

***«Бросились собирать те несчастные зернышки...»***

В селе Златоустовке на Украине сvezли хлеб, сгребали конными граблями и пускают скот. Люди от минувшей голодки хотя и в настоящее время артель не удовлетворяет рабочих, бросились собирать те несчастные зернышки для поддержания своего семейства. С/совет захватывает этих людей, забирает мешки, ведра и всячески издевается. 1-го августа с.г. судили 16 человек, дав по несколько дней принудработ и денежный штраф. Такие явления слышатся всюду.

1932 г. (Анонимное письмо)

***«...Не бросайте меня, я не хочу умирать, — кричал четырехлетний ребенок...»***

На Украине, в двадцати шести километрах от областного города Кировограда, на восток, в стороне от центральных дорог, расположено наше село — Красный Яр. Организовано оно в конце XVIII века переселенцами из Курской губернии, скорее всего из города Обоянь. Это были русские люди, высланные из родных мест за бунт на религиозной основе в период царствования императрицы Екатерины II.

Бунтовщиков выселили без разбора, кто прав, кто виноват, не разделив их по религиозным суждениям. Поэтому не примирились они и на Украине, на новом месте



жительства. На 1000 — 1100 человек построили три церкви: православную, единоверческую, старообрядческую. В каждой церкви были свои порядки по проведению богослужения, каждый прихожанин той или иной церкви считал, что его вера самая чистая, самая праведная. Жениться парню на девушке, которая ходит в другую церковь, запрещалось. Кто-то из молодоженов обязан был «помироваться», то есть принять другую веру. Не раз возникали крепкие схватки между старообрядцами и единоверцами, кончавшиеся не только драками, но и братоубийствами.

По рассказам матери я знаю, что кроме религиозных дел, у наших предков не было других яблок раздора. Жили дружно, были честны, сильны, неутомимы в работе. Доброты народ был отменной. Помогали, выручали друг друга на каждом шагу. Всем делились между собой. Не дать семян любых сельскохозяйственных культур считалось большим грехом. Воровства в селе в основном не было.

Как-то один сельчанин украл у другого плуг. Был пойман. По указанию старосты проворовавшийся мужик с плугом на плечах ходил по селу. От тяжести он обливался потом, сгорал от стыда. Перед каждым двором вор останавливался и трижды кричал: «Я украл плуг!» За ним шли староста, почетные граждане села, затем толпа зевак. Шествие замыкала шустрая детвора. На обход села с плугом за плечами они потратили три дня. Мужик падал с ног от усталости. Воровства больше не было.

Много могут рассказать старожилы. Вот и сейчас моя мать, восьмидесятивосьмилетняя старуха, достает из сундука свои реликвии. Среди них хорошо сохранившаяся фотография с коричневым оттенком. Фотография всего на 4 — 5 лет моложе матери. С нее на нас смотрит мой дед — Ершов Афанасий Ерофеевич, участник русско-японской войны. Ему 25 лет. Унтер-офицер, крепыш. Широкая русская борода венником. Георгиевский кавалер. Рядом с ним его друзья-однополчане, такие же крепкие бородачи-солдаты. За верную службу, за храбрость в боях, за то, что бил японцев, не жалея крови и жизни своей, Афанасий Ерофеевич получил не только Георгиевский крест, а и премию по возвращению домой — 5 десятин земли. Беда только — обрабатывать землю не на чем, не было лошади. Купить — в кармане пусто. Где взять деньги бывшему батраку, солдату, унтеру? Жена-солдатка с двумя детьми за годы войны и службы мужа обнищала. Слава богу, трехлетняя дочь Вера

умерла от оспы. Остался один сын — пятилетний Андрейка, радость и надежда семьи, наследник.

С присущим ему пылом, бывший унтер-офицер поплевал на ладони и взялся за дело. Дело привычное, родное, крестьянское. А главное — теперь они не батрак и батрачка, а свободные люди. Свой дом, своя земля. Дом, правда, стал низкий, с провалившейся крышей. Надо строить новый. Работал крестьянин много. Стройка росла быстро. Через два года на месте старых развалин стояла добротная, прочная хата на две половины с хорошими сенями. Рядом с домом, со временем становился амбар для засыпки зерна, конюшня, коровник, помещение для содержания овец, свиней. Соорудил Афанасий Ерофеевич и помещение для хранения топлива, построил свою крестьянскую баню. Благодаря упорному труду двор Афанасия Ерофеевича стал заметным в селе.

Подрастал сын Андрей, становился надежным помощником. Бывший унтер к сыну предъявлял жесткие требования — работа, посещение церкви. Во всем любил аккуратность. Не раз голенищами грязных сапог хлестал сына по лицу, когда тот забывал их вымыть. На слезы матери говорил: «Я тоже люблю сына. Он у нас один, но не могу допустить, чтобы сын мой по-хамски относился к вещам. Не будет бережливости — не будет хозяина».

По-разному жили люди в селе до революции — одни хорошо, другие плохо. Сказывалось два основных фактора. Первое — земля была разделена неправильно, по три четверти десятины на лиц мужского пола. Женщинам земельного участка не выдавали. И получалась такая картина: в семье, где много мужчин, земли было достаточно, а там, где одни женщины, ничего не оставалось, как идти в наймы. Представьте себе семью из 12 душ, где двое мужчин, 10 женщин. В такой семье надел земли будет составлять 1,5 десятины. Такая же семья из 10 лиц мужского пола и двух женщин имеет 7,5 десятины. Лучше будет жить семья, в которой больше мужчин. Второе — это отношение крестьян к земле, к труду вообще. Лодыри и пьяницы всегда жили плохо.

После установления в селе Советской власти, земля была разделена из расчета по одному гектару на любого члена крестьянской семьи. С несправедливым разделом земли было покончено. И сейчас, старые люди в себе говорят о том времени, когда В.И. Ленин дал нам землю: жить стало хорошо.

В селе часто появлялись страшные болезни: тиф, чума, холера, даже иногда и сибирская язва. Афанасий Ерофеевич ухаживал за больными инфекционными болезнями и не болел сам. Казалось, ничто не сможет сломить храброго унтера. Но увы! Не болезни, не пули японские, а тяжелый труд давал о себе знать. Незначительная, на первый взгляд, боль в пояснице, ломота в суставах свалила Афанасия Ерофеевича в постель, не дала ему больше встать на ноги.

Шел 1920 год. Чувствуя приближение смерти, Афанасий Ерофеевич позвал жену, и несмотря на большую религиозность, приказал женить сына немедленно после его смерти, не ожидая, когда исполнится сорок дней после похорон. «Без меня он неженатый будет плохим хозяином», — сказал он. Подобрал Афанасий Ерофеевич и невесту Андрею — Марфу Варфоломеевну Лебедеву — мою будущую мать. Выросшая в многодетной, женской, а следовательно, малоземельной семье, она не раз работала в наймах у зажиточных односельчан. «Работящая девка. Вдвоем они сохраняют нажитое нами», — говорил Афанасий Ерофеевич. Уж очень хотелось ему, чтобы труд его не пропал даром, чтобы построенное им не разрушалось.

Умер Афанасий Ерофеевич в возрасте 45 лет. Хозяйство, о котором он усиленно беспокоился, было в хорошем состоянии. Семья имела корову, телку-двухлетку, 5 овец, 2 кабана и пару лошадей. Лошади были старые, слабые. Давно мечтал крестьянин заменить их, но осуществить мечту помешала преждевременная смерть.

Отец продолжал дело, начатое дедом. Купил конную сеялку и жатку-лобогрейку, вырастил красавца-жеребца — сивый в яблоках. Старая кобыла в упряжку к нему не годилась, пришлось покупать молодую лошадь. Радости не было конца.

Выучка унтера давала о себе знать. Каждая копейка была вложена в дело, в хозяйство. Только себе ничего. Вся жизнь проходил отец в домотканой одежде, и только по праздникам мог позволить себе одеть ситцевую рубашку. Одежл никаких не было. Домотканое рядно и шуба из своей же овчины.

Нарядиться в красивую одежду тогда мало мечтали, много заботились о том, чтобы стол не был пустым. И это понятно, тяжелый труд крестьянина требовал хорошей пищи.

Лодыри, бездельники с завистью поглядывали на зажиточных крестьян, ждали своего часа. При коллективизации их час наступил. Они стали активом, терять им было нечего, пошли в комсомол. Начали бесстыдный грабеж своих односельчан. Мой отец подал заявление о вступлении в колхоз, но ему отказали и назначили раскулачивание. Кое-кому из руководства в то время хотелось поездить на отцовских красавцах-жеребцах. Забрали лошадей, корову, овец и свиней. Прибыли забирать сельхозинвентарь, а отец сказал какое-то колкое слово, не понравившееся комсомольцам... Его арестовали, судили, дали один год тюрьмы. Односельчане видели эту несправедливость и посоветовали матери подать на пересуждение. Повторно судил другой судья. При пересуждении отцу увеличили срок тюрьмы до 18 лет. Судили, как кулака-эксплуататора. О том, что он подавал заявление в колхоз, на суде умолчали.

Как из моего отца сделали кулака-эксплуататора? Никакой наемной рабочей силы отец никогда не имел. Но примерно за два года до коллективизации остались сиротами его два двоюродных брата и сестра. Родители умерли. Было это зимой. Без хлеба и топлива сидели на холодной печи девочка Таня — 10 лет (в настоящее время живет в Алма-Ате), мальчик Гриша 12 лет и старший Порфирий — 14 лет. Кроме вшей и блох, у них ничего не было. Детям угрожала голодная смерть.

«Андрей Афанасьевич, забери детей, — говорили соседи, — жалься, не чужие они тебе». К этому времени у отца уже было своих трое малых детей, и вдобавок ко всему, ждали четвертого ребенка. Мать была беременна. Обстановка сложилась очень тяжелая. Трудно было прокормить крестьянину такую семью, но и оставить своих малых двоюродных братьев и сестру одних отец не мог.

«Топи баню, — сказал он матери, — заберем всех к себе. Грех нам будет непростительный от бога и срам большой от людей, если они умрут...».

Пришла весна. Дети окрепли и начали помогать отцу по хозяйству. Десятилетняя Таня помогала матери смотреть за малышами. Двенадцатилетний Григорий пас лошадей и овец. Четырнадцатилетний Порфирий выполнял другие посильные работы, которых в крестьянском дворе всегда много.

Такое проявление обыкновенной человеческой доброты было оформлено как эксплуатация детского труда, не-

смотря на то, что старший Порфирий к моменту коллективизации ушел к другим родственникам, остались только младшие Татьяна с Григорием. Побеспокоиться о том, чтобы отправить детей в детский дом, никто не думал. Татьяна и Григорий ушли от нас «куда глаза глядят», когда отец был в тюрьме, а в семье начался страшный голод.

Тюрьма, в которой находился отец, была не совсем обычной. Располагалась она в городе Харькове. Днем арстанты доили коров в каком-то хозяйстве, а на ночь отправлялись в тюрьму. За хорошее отношение к работе заключенным тюремщики давали увольнительные в город без охраны. Мать поехала к отцу в Харьков в 1931 году. Отцу как хорошему дояру и в связи с приездом жены дали отпуск на три дня. Они ходили по городу, были в зоопарке, сфотографировались.

В народе тогда было подозрение, что государству потребовалась дармовая рабочая сила, вот и судили — правли, виноват ли — не разбирались, срок давали побольше.

Отец в тюрьме... Комсомольцы забрали у нас все, как говорится, до нитки. Продуктов никаких, лучшую одежду, рядно домотканое, шубы овчинные продали на торгах, на рынке. Вырученные деньги использовали по своему усмотрению. Такое положение сложилось не только в нашей семье. Таких семей было много: процентов 20 жителей села было объявлено кулаками, 15 процентов назывались «подкулачниками» — это были те, кто осмелился сказать слово в защиту кулаков. Началась высылка и тех, и других.

Дома наши ломали на топливо. Нас, полураздетых детей, зимой выбрасывали на улицу.

«Пусть дохнут кулацкие дети, — орали комсомольцы, — уничтожим кулаков под корень».

Особенно свирепствовал двоюродный брат моего отца — Ершов Кондрат Сергеевич по кличке «Шефа». Как-то удалось нам осенью 1932 года найти в поле колоски, собранные мышами. Назывались такие кучи мышеловками. Это корм полевых мышей на зиму. Было все это сырое, с землей. Мы рассчитывали просушить зерно на печи и приготовить себе еду. Вдруг явился грозный «Шефа». Мы прикрыли находку своими детскими телами. Он разбросал нас с печи на пол, избил бабушку, которая нас защищала. Она просила его: «Кондрат, пожалей детишек». «Шефа» был непреклонен. Он забрал «мышеловку» и отдал за самогон, а мы остались голодные на долгое время.

О комсомольцах 30-х годов написано много. Это были большей частью неграмотные, ленивые, озлобленные люди. У них не было ума, отсутствовала совесть.

Совестливые, случайно попавшие в их среду люди долго в комсомоле не задерживались. Их силой заставляли идти на «задания», но эти люди никому не сделали зла, нигде не поступили дурно. К сожалению, таких были единицы. Много черных дел сотворили местные комсомолки. Признаюсь, хотел назвать их женщинами, девушками и пожалел такого слова. Они его не заслужили. Приведу пример. Священником у нас в селе был отец Алексей, малограмотный мужик-тудяга, искренне веривший в бога, скромный, честный. Комсомолки раздевали его наголо, обливали водой на морозе, таскали за половые органы, загоняли в подвал голого к крысам. После этого он стал заикаться, потерял дар речи и вскоре умер.

Я коммунист, атеист, в бога не верю. Но поступок их возмущает меня до глубины души. Где совесть этих людей? Кто им дал такое право? Право им дало руководство района, их поддерживала область, Киев, Москва, Сталин и его преступные помощники. Они дали им право. А совесть... Совесть у них не было. Некоторые из них живы. Находятся в нашем селе и, наверняка, помнят свое прошлое. В настоящее время это богобоязливые старушки. Я мог бы назвать их имена, но пожалею их старость, учитывая скорую кончину. Они живы, живы до настоящего времени! А сколько погубили они людских душ, крестьян-землевладельцев, какой вред принесли государству.

Отец умер в тюрьме. Трупы заключенных, застывшие на морозе, складывали в штабеля, как дрова, и арбой ежедневно вывозили в ямы. Мать, избитая комсомольцами, оставила нас, четверых детей (старшему 10 лет, меньшему четыре года) со свекровью и уехала в село Большое Плоское, недалеко от города Тирасполя. Там не было голода. Село Большое Плоское действительно большое, красивое село, с широкими, ровными улицами. Народ верующий в бога, в селе три церкви. Но среди молящихся не было разнобоя, как в нашем селе. Молились большепловцовцы дружно. Создали в селе небольшой монастырь. Жизнь в монастыре поддерживалась зажиточными крестьянами. Здесь же, в монастыре, могли приютиться и наши голодающие. Толпами двинулись они в это село с иконами в мешках за плечами. Сначала робко и подороже, затем сме-

лее и подешевле начали наши красноярцы продавать своего бога. До последней иконы отвезли они в это село за кусок хлеба.

С двумя небольшими иконами в село Большое Плоское и прибыла моя мать. Бедные люди редко приживаются в домах богатых крестьян. Они идут к тем, кто победнее, ищут дружбы и помощи от себе подобных или чуть покрепче. Мать нашла бедных, но не голодающих вдовушек и подружилась с ними. Они помогли ей заработать денег, дали хлеба, приютили в своем далеко не роскошном жилье. А через месяц мать прибыла домой, чтобы спасти нас.

Это был самый страшный месяц в нашей жизни. Никаких продуктов у нас не было. Бабушка водила нас на ближайшее поле, где под тающим снегом мы находили полугнилую сою и там же поедали эти зерна. В мусоре пустых, полуразваленных строений мы находили изредка фасоль, зерна кукурузы. Такая находка была счастьем. Иногда бабушка приносила выпрошенный у своих подруг кусочек хлеба и по крошкам делила его на пять частей. Большую часть — нам, детям, меньшую — себе. Эта добрая старушка делала все возможное и даже больше того, чтобы спасти нас. Дважды в месяц она приносила по кусочку вареной конины. В колхозе был падеж лошадей, и члены колхоза тут же расхватывали павшую скотину. Нам же не давали даже кишок. Только подружки бабушки, помня ее доброту, давали ей небольшой кусочек мяса, и она изо всех сил спешила к нам.

Но этого было мало. Неминуемая смерть все ближе и ближе подступала к нам. Старшие сестры, Таня и Ира, истощены до предела. Кожа и кости. Страшно и жалко смотреть. Себя я не видел. В народе у нас в то время была поговорка-шутка: «Есть хочешь — пей воду». По такому правилу я и жил. От лишнего количества воды организм распух. Ноги — толстые, почти недвижимые колоды, руки наливались, глаза — узкие щели. Четырехлетняя сестренка Нюра выглядела малым сухарем. Она больше всех лежала неподвижно. Бабушка часто становилась перед иконами, молилась богу, просила его спасти наши детские души. Строгий бог молча смотрел на нее и ничего не делал. Не мог он помочь нам. Помощь наступала только тогда, когда кто-то положит бога в мешок и отвезет в село Большое Плоское.

Кончилась зима, стаял снег, прорастала молодая трава. Наступала весна 1933 года. Мать возвратилась домой. Вихрем слетели к ней две старшие сестренки. Я лежал неподвижно и с тупым безразличием смотрел на мать. Двигаться не хотелось, я умирал. Умирать от голода нестрашно. Трудно только в первые дни, когда чувствуешь сильный голод. Потом наступает слабость, тупоумие, безразличие и какое-то полусонное состояние. Я лежал и не шевелился, только увидев в руках у матери хлеб, я рванулся и упал с лежанки на глинобитный пол. Ласковые руки матери подняли меня и вложили в рот кусочек хлеба.

Привезенный матерью хлеб был съеден быстро. Что делать дальше? Было принято решение — всей семьей ехать в село Большое Плоское. Но тут же назрел второй вопрос: как пройти пешком семь километров до железнодорожной станции?

Теплым весенним днем мы сравнительно быстро перешли село и вышли в степь. Но силы исчерпаны на первом же километре. С трудом начавшая ходить младшая сестренка упала и не поднималась. Я шел с большим трудом. Мать и бабушка несли кое-какие вещи. Старшие сестры были слабые.

«Не пойдешь, бросим в степи, умирай», — на всякий случай припугнула мать маленькую сестру.

Мы пошли. Нюра сделала два-три шага вслед за нами и упала.

«Мамочка, родненькая моя, сестрички мои миленькие, не бросайте меня, я не хочу умирать», — кричал четырехлетний ребенок.

«Посадите мне ее на плечи, — сказала старшая Таня, — я понесу ее».

С ношей она шла недолго. Быстро покрылась крупным потом, дышала тяжело и через какую-то сотню метров свалилась в придорожную канаву. Пришлось вновь посадить Нюру на обочине дороги, а остальным продолжать путь.

«Меня не бросите умирать, — бахвалился я. — Я иду».

А сам с трудом передвигал свои ноги-колоды. Шаг мой был не более двадцати сантиметров.

Дальше двигались так: пройдет мать с вещами 200 — 300 метров, положит их, возвратится за сестричкой. Видя, что не бросаем ее, Нюра успокоилась и больше не кричала. Она рвала только что пробившуюся из-под земли мяг-



кую весеннюю травку, слабыми ручонками клала ее в рот и жевала, жевала...

Купить билеты до Тирасполя денег у матери не хватило. Нас высадили не доезжая до Тирасполя километров за пятьдесят и посоветовали идти пешком в село Большое Плоское напрямую, минуя Тирасполь. Это должно километров на 20 сократить нам путь. И мы шли. Питались травой, кое-где попадались невспаханные поля прошлогодней кукурузы, где можно было найти гнилой початок и поживиться им, иногда заходили в село и выпрашивали кусок хлеба. Тогда радости нашей не было конца. Ночевали в степи, спали на сырой еще не прогретой земле. Реже ночевка наша была в селе, и мы спали во дворе на соломе, стеблях кукурузы, обрезанных виноградных ветках. В дом из-за вшей, которые кучами сидели на нашем теле, нас не пускали. Да мы и не мечтали о мягкой кровати, главное — жить, жить любой ценой. Поев немного хлеба, я стал бодрее, двигался лучше и умирать мне уже не хотелось.

«Придете в Большое Плоское, там будете есть вволю», — подбадривала нас мать.

Это село казалось нам раем, вершиной всего прекрасного, что есть на земле. И мы шли, шли...

«Ты счастливая, Марфа, — говорили матери знакомые большеплосковцы, — всех четырех детей спасла. Тут мы им умереть с голоду не дадим. Только сразу им хлеба много не давайте».

Положили нам всем по маленькому ломтику. В одно мгновение я схватил свой хлеб и хлеб сестры и начал быстро заталкивать в рот. Пытаясь проглотить, пока не отняли, я подавился, посинел и свалился под стол. Оторопевшие женщины бросились ко мне, схватили за ноги, били кулаками в спину, пока куски хлеба не выпали из моего горла.

Мы все, оставшиеся жить, благодарны жителям села Большое Плоское. Они помогли нам выжить в тяжелый, голодный год и возвратиться в 1936 году домой, в село Красный Яр.

Что же произошло в нашем родном селе за период коллективизации и голодовки 1932 — 33 годов?

В 1932 году начался падеж истощенных лошадей, прекратилось доение сведенных в колхоз средняцких коров. Их резали и поедали. Овец и свиней поели полностью. Урожай хлеба был неплохой, но плановые задания были

слишком высокие. Их не выполнили ни единоличники, ни колхоз. Вывезли даже посевной материал, который всегда берег середняк, как свои пять пальцев.

Кое-кто припрятал немного зерна, но смолоть его не было возможности. Ветряные мельницы, сделанные руками красноярских умельцев, были уничтожены или приведены в полную негодность при раскулачивании. Несколько крестьян сделали конную мельницу. Приехавшие из района уполномоченные опечатали мельницу, запретили молоть зерно до полного выполнения плана сдачи хлеба государству.

Двадцатилетний Миленин Г. А., ныне мой сосед, в то время был кладовщиком в колхозе. Кладовая была пустой. По команде из района из складов Заготзерно им выдали 2 — 3 центнера зерноотходов и разрешили смолоть на колхозной конной мельнице. Зерна в этих отходах почти не было. Муку из этих отходов дали колхозному активу, молодым здоровым людям, которые еще могли работать. Поевши оладьев из этой муки, люди стали умалишенными. По-видимому, в зерноотходах были семена белены или дурмана.

«Страшно было смотреть, — рассказывает жена Миленина Анастасья Васильевна. — Люди лезли на стены, на телефонные столбы, орали, бросались с кулаками на своих голодных товарищей, устраивали потасовки друг другу».

Зимой и весной люди начали умирать один за другим. Живые поедали мертвых. Трупы валялись повсюду, захоронить было некому. Кто-то придумал сбрасывать мертвых в пустующие погреба. Примеру одного последовали другие. Около половины жителей села навечно легли в погребах. Умирили целыми семьями. Особенно много людей погибло весной.

Дома умерших соседи, оставшиеся в живых, ломали на топливо, чтобы как-нибудь согреть свои кости. Дальше свое дело делал дождь и ветер, дома превращались в груды развалин. Кучи глины, около которых упрямо растет сирень, когда-то посаженная хозяйской рукой, дают нам возможность посчитать сейчас, в наше время, погибшие дома, целые улицы, которые любовно воздвигались нашими предками.

1989 г.            П.А. Ершов  
с. Красный Яр, Кировоградский район,  
Кировоградская область

### **«Из Донбасса приезжают за хлебом...»**

Город Старый Оскол стоит на осадном положении. Старо-оскольское РайФО\* встречает с поездов пассажиров и идущих в городе, делает повальный обыск, если заметят, человек едет или идет и при себе есть у него какой-либо багаж, — прямо арестовывают и ведут в РайФО, отбирают деньги и вещи, имеющиеся при себе. Если едут в отпуск, есть с работы забравшие с собой имущество — РайФО все конфискует деньги и вещи. Полным занятием грабежом — на законном ли они основании обируют рабочих или их жен, — из Донбасса приезжают за хлебом, РайФО обирает, гонят и говорят: езжайте, мы вышлем деньги в ваш госбанк, вы там получите или же инспектор РайФО в шею толкает просящих его. Инспектор Дагаев пытается, где взяли деньги, зачем вещи везете, кому — творят полное безобразие.

1932 г.            Анонимное письмо  
Центрально-Черноземная область

### **«Тихий расстрел...»**

Тихий расстрел трудящихся стал обычным средством против того, что не повинуется. ГПУ сажает трудящихся в подвал, избивает. Ссылка развилась как при царском правительстве.

1932 г.            (Анонимное письмо)

### **«С целью отобрания у населения золотых вещей...»**

ГПУ производит массовые аресты с целью отобрания у населения золотых вещей, денег золотой чеканки и иностранной валюты. Причем арестованные подвергаются зверскому обращению и пыткам, как-то: арестованных заставляют стоять на ногах и не дают заснуть до тех пор, пока измученный не выдаст денег или не упадет без па-

---

\* Финансовый отдел райисполкома.

мяти (Московский метод, Днепропетровский метод)... или в одну камеру загонят вместе мужчин и женщин в таком числе, что только стоят, мрут голодом и жарой и в довершение подогревают паром комнату, так что арестанты начинают задыхаться и в результате много смертей (Ленинградский метод).

1932 г. (Анонимное письмо)  
Днепропетровск

### **«За невыполнение твердых заданий продано все»**

На Украине много тысяч разоренных крестьян середняков — не лишенных избирательных прав, у которых за невыполнение твердых заданий продано все, пооставались сады и огороды беспризорными.

Огороды не обработанные пустуют и фруктовые сады поразгорожены без всякого догляда, заедает их скотина и гусеница, коллективы за ними совсем не доглядывают, а местная власть не допускает хозяев ни до садов, ни до огородов обрабатывать и так большое количество лучшей огородной земли остается не обработанной.

Это большое упущение правительства и искривление линии местной власти, которая разорила сады и огороды, а сами не захотели их обрабатывать и так мы совершенно лишились скота, фруктов и плодоовощей.

1932 г. (Анонимное письмо)

### **«Население голодает»**

Все трудящиеся с их семьями сняты с продпайка уже несколько месяцев, кроме безответственных работников верхушек. Рынок хлебный закрыт. Покупать негде и не за что. Домашняя утварь распродана.

Население голодает.

Цель власти благая: перевыполнить скорее хлебозаготовку за счет желудков.

1932 г. (Анонимное письмо)  
г. Бугуруслан

### **«Хоронить некому...»**

Часто пишется, что за границей существует голодовка... Почему не пишется про Украину, где с голоду умирают по деревням по 5 и по 10 душ в день, даже и хоронить некому, так как все ослабли от голода.

1932 г.           Саколинский

### **«Семью корми как знаешь»**

Теперь хорошо кушают ответственные работники, а рабочий, колхозник и единоличник живут впроголодь. Все суррогаты поели и на деньги купить негде. И куда не поедешь, куда не поступишь — кормят — выдают по 800 гр. только на рабочего, а семью корми как знаешь.

1932 г.           (Анонимное письмо)  
Средне-Волжский край

### **«Как жить, если цены на рынке и заработок не совпадают»**

Как воспитать ребенка, если ему в кооперативе кроме черной муки и сахару ничего не дают, а если и дают, то просто смерть, — 2 яйца на месяц. За август мес. дали черную муку и 2 яйца. Больше ничего пока не давали, а сегодня 21 число, ну чем же кормить... Как жить, если цены на рынке и заработок среди рабочих не совпадают. Средняя заработная плата 50 руб. В кооперации ни обуви кожаной, ни валеной, ни пальто, ну кроме одеколона ничего. А на рынке это стоит — ботинки женские 90 — 100 руб., валенки 130 руб., картофель — 18 руб. пуд, мука 48 руб. пуд, а пальто и не говори — недоступны... А вот ответработники наоборот, те получают во время белую муку, черную, сливочное масло, консервы, сыр, сахар и т. д. Мало того. Их еще возят в автомобилях в выходные дни в дома отдыха. Какая прелесть. Они довольны, чего им еще надо.

1932 г.           (Анонимное письмо)

### **«Прикупить все дорого...»**

Я читаю книжки и газеты и все вычитываю одно, что жизнь у нас в Советском Союзе с каждым днем улучшается, а в капиталистических странах с каждым днем ухудшается. Опишу свою жизнь. Семейство мое 5 человек. Жалования я получаю 60 руб. Из кооператива получаю на 5 чел. муки 39 кило, сахару 1 кило, еще мыла в мес. 1/2 кило и больше ничего. Подумайте, чем я могу питаться. У меня остается 47 руб. жалования, потому что вычитают за заем, за квартиру и членские взносы 13 руб. Прикупить все дорого: мука 40 руб., масло фунт 10 руб., картошка 12 руб., а кооператива мне не хватает... Как я могу выполнять задания правительства и какое будет здоровье у моих 3 детей.

1932 г. (Анонимное письмо)

### **«Завоевали для себя голод»**

Как видно, мы завоевали для себя голод. Идем на работу голодные, разутые, раздетые. И с работы придешь домой — есть нечего, одеть и обуть нечего. Если бы знал рабочий, что будет такая жизнь, то он никогда бы не делал революции... Нас кормят на заводах — вода, капуста. Щи разливаются за 35 коп., на второе блюдо каша перловая — 20 коп. и больше ничего. Если дадут один раз в месяц рыбу, то из-за нее большая драка в очереди. Каждый хочет покушать рыбки, а когда ее получаешь, то есть не будешь — она тухлая. Многие отравляются.

Если вы не верите, можете проехать по заводам — покушаете, чем нас вы кормите... Нам приходится все покупать на рынках. Все дорого: ботинки черные 100 руб., пара белья нижнего — 40 руб., пальто самое плохое 180 руб., булка на рынке 2 р. 50 коп., бутылка масла 9 руб., кило масла коровьего 20 руб., кило мяса у колхозников — 20 руб., десяток яиц у колхозников 9 руб., молоко у них же 2 р. 50 коп. литр и т.д., а мы ничего не получаем в кооперативах.

1932 г. (Анонимное письмо)  
г. Ленинград

### **«Раздевая до тельной рубахи...»**

При проведении хлебозаготовок — на акты о погибших хлебах, о неурожайности, с/совет не обращает внимания. Секретарь с/совета т. Озол бюрократически отвечает, что актов о погибших хлебах для твердозаданцев\* не существует и диктуя о гибели равно с кулаком, как это произошло в 1931 г. с твердозаданцами, раздевая до тельной рубахи... амбар под метелку, оставляя без семени и... хлеба. Так будет производиться с твердозаданцами и в этом году.

1932 г.            Группа латышей партизан  
                         и красноармейцев  
Латышский с/с Архангельского района,  
Башкирской АССР

### **«Среди детей была большая смертность»**

Я родилась 19 августа 1919 года в селе Новочервоное. Отец и мать — бедные крестьяне. В годы первой мировой войны отец, Мурай Харитон Миронович, был ранен, стал инвалидом II группы, физической работы выполнять не мог и нанимался пастухом к гражданам села. Мама, Анна Семеновна, хозяйничала по дому, а в летнее время нанималась на сезонные работы к зажиточным людям. В зимнее время пряла, вышивала, зарабатывала масло постное или кто-либо принесет килограмм сала за вышитую скатерть или рушник.

Нас, детей, было двое: я и меньшая сестренка. В школу я начала ходить в 1928 году, хорошо помню, когда началась коллективизация. В колхоз вступали в основном бедные и середняки. Зажиточные люди, которые имели сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот, в колхоз не вступали. После проведения коллективизации началось раскулачивание. На зажиточных граждан накладывали налог и требовали выполнения. Многие боялись голода и закапывали хлеб в землю для пропитания.

Из актива села были созданы бригады, так называемые «бригады по хлебозаготовкам». Эти люди были воо-

---

\* Крестьяне, которых обложили твердым заданием.

ружены железными палками, которыми искали хлеб, закопанный в землю. У кого находили, хозяина дома арестовывали, а семью вывозили на яр\*, с собой разрешали брать из собственного дома только самое необходимое. Люди, вывезенные на яр, в зимнее время, без средств существования, расходились кто куда. Среди детей была большая смертность.

Отец мой с первых дней записался в колхоз «Перемога». Его с первых же дней поставили сторожить. Мама работала на рядовых работах, была ударницей. Осенью 1932 года отца моего правление колхоза направило охранником в районный центр село Покровское. Охранял он заключенных. Заключенные были в основном из раскулаченных. Отец на нас двоих детей каждый месяц приносил паек, где-то килограммов 10 — 12, не больше, и мы этим пайком питались. У нас была коза и квашеная столовая свекла.

Мама ходила на работу, слабая от недоедания, пайка в колхозе не получала, потому, что не выполняла норму. В апреле отец не принес пайка, и мама меня послала в Покровское узнать, почему нет отца. Дала свой последний шерстяной платок, чтобы на обратном пути я променяла на любые продукты. Дома уже зарезали козу, оставалась одна квашеная свекла и больше ничего. Я пришла в Покровское, расспросила, где работал отец, там мне сказали, что отец заболел брюшным тифом и отправлен в Нижнюю Дуванку в больницу.

Когда я возвратилась из Покровского, променяв платок на два килограмма гороха, мама обрадовалась и сказала, что есть распоряжение идти в ночь сеять, будут давать какой-то паек. Весна была поздняя, холодная, в ту ночь шел дождь со снегом, мама утром пришла домой промокшая и без пайка. У нее поднялась температура. Никто к нам не приходил. Квашеную свеклу мама не стала кушать. Давала я ей водичку, она опухла и на восьмой день умерла.

Когда мама потеряла сознание, по нашей улице проезжали гробокопатели, я выскочила на улицу и стала кричать, что мама умирает. Эти люди вынесли маму во двор, положили и уехали.

Мне сказали: как умрет — заявим в сельсовет. Мы с сестренкой стояли возле мамы и плакали. Когда мама умерла, сестричка упала мне в ноги и стала умоляющим голо-

---

\* Глубокий заросший овраг.



сом просить: «Сестричка, родненькая, не бросай меня». Я пошла в сельский Совет заявить, что мама умерла, мне секретарь сельсовета говорит, что умер мой отец — позвонили из Нижнедуванской больницы. Я сказала: «Пусть хоронят в Нижней Дуванке, мы с сестренкой не можем папу и маму хоронить».

После смерти родителей мы с сестренкой начали скитаться по чужим дворам. Потом иду я к председателю колхоза Дуле Антону Порфировичу, прошу у него помощи. Он нам выписал 3 килограмма муки, я получила, отнесла к маминой сестре, там тоже голодные. Она нам из той муки варила затирку и давала три дня, а потом сказала, что муки больше нет. Я опять иду к председателю, прошу помощи. Он мне отвечает: «Такого пайка на самой тяжелой работе мужики не получают, продуктов я вам больше не выпишу. Напишу записку, чтобы вас приняли в ясли». Так мы пошли в ясли. Я была истощена, одни кости и темная кожа, у сестренки были отеки на ножках и на животе. В яслях мы получали три раза в день суп-затирку и по 30 граммов хлеба. Сестричка отказалась кушать суп и ела один хлебчик. Я отдавала ей свою пайку хлеба и съедала ее суп. Так продолжалось около месяца.

В яслях было более 100 человек детей, много их умерло. Оставшихся в живых забрали родители. Нас осталось двое. Я ходила в поле, собирала колосья, молотила руками, потом била железным ломиком в ступке, полученную крупу варила, кормилась сама, кормила и сестричку, и так мы остались в живых.

За это пережитое время я видела много трупов. Их не успевали собирать гробокопатели. По той улице, где я прожила, в 27 дворах умерло 52 человека, осталось в живых 32. Примеры: соседи с левой стороны, глава семьи Руслан Сергей Дмитриевич, лет 54 — 55, его жена такого же возраста, сын женатый, лет 25 — 26, жена сына, лет 24 — 25, их годовалый мальчик, дочь Ирина, лет 20 — 21. Все они умерли от голода. С правой стороны жил мой дядя, папин брат Мурай Федот Миронович, 46 — 47 лет, его жена, сын 21 года, дочь 13 лет, дочь 8 лет, и его дядя, лет 65. Тоже все умерли. Через 5 дворов от нас жила семья, их фамилия Колодка. Мать, лет 47 — 50, сын 26 лет, его жена 22 года, их мальчик примерно двух лет и меньший сын лет 16. Эти братья, 26 и 16 лет, обнялись в сарае и обнявшись умерли от голода. На другой улице женщина

лет 40 зарубила девочку лет 7 — 8, отрубала от нее куски, варила и ела. В скором времени она умерла, ее вместе с трупом ребенка похоронили рядом.

1989 г. М.Х. Лебедь  
с. Новочервоное,  
Троицкий район,  
Ворошиловградская область

### *«Не дай бог никому такого горя»*

В последнее время в печати стало появляться много статей, касающихся периода коллективизации в нашей стране. И вот сейчас, когда прошли уже многие десятилетия после этого кошмара, в душе еще хранится отзвон того криминалистического эха. Трудно перечислить все невзгоды, которые пришлось пережить людям, родившимся в 20-е и 30-е годы. Период коллективизации, голод 1932 — 1933 годов, Великая Отечественная война, восстановление разрушенного войной народного х-ва. Какая это была для нас жизнь.

Вот один из миллионных примеров. В один из осенних дней 1932-го к нам пришли несколько человек мужчин и одна женщина, назвавшие себя «активистами». Они были вооружены железными штырями, ключками\*, лопатами. Семья состояла из восьми детей (старшей было 18 лет) и отца. Мать умерла летом того же года. «Активисты» забрали корову и теленка, несколько голов овец. Во второй приход начали штырями и ключками ширять в стены, дрябить и копать пол, шарили в погребе, курятнике. У меня были кролики. И вот один из «активистов» подошел к кроличьей норе, возле которой возвышалась кучка свежей земли, и сказал: «А тут что запрятано?» Я сказал ему, что в норе маленькие кролята и просил его не трогать. Он отшвырнул меня как щенка в сторону, а сам полез ключкой в нору. Когда я поднялся и пришел в себя, увидел на ключке двух дергающихся и пищавших кролят. Я стал умолять его больше не трогать, но он опять отшвырнул меня и добавил: «Если подойдешь еще, будешь трепыхаться на ключке как кролик». Потом они

---

\* Металлический стержень с заостренным концом.

хотели куда-то увести отца. Но мы все уцепились за него и не дали им забрать отца. Ведь единственная наша надежда — был отец.

Наступили ужасные дни и месяцы голода. Ведь забрали все, вплоть до сумочек с разными овощными семенами. За голодом наступил и холод. Пришла зима. Отец оставил нас в голоде и холоде, а сам поехал на Кубань убирать кукурузу. Она в зиму осталась не убранной. Пока отец ездил, умерла одна девочка (ей было 4 годика). А как хоронили — трудно сейчас этому верить. Ни гроба и ни креста. Холмик свежего снега напоминал о захоронении. Не дай бог никому такого горя. И такого было не у одних нас, а сплошь и рядом.

Люди пухли и умирали от голода, а то и просто замерзали. А хоронили как попало и где попало. Ужас и неразбериха свирепствовали как чума.

Через две недели приехал отец и привез пуда два шелушенной кукурузы. Какая это была радость! Но недолгая. Мы понаелись сырой кукурузы на тощие желудки, и тут пошло непредвиденное и непредсказуемое. Отец с большим трудом и усилиями поотхаживал всех, спас нам жизнь.

Поездки отца продолжались всю зиму. Поедет, днем собирает початки в мешок, сдает приемщику, а вечером получает расчет натурой. Ночь лушит и в конце недели приезжает домой и привозит нам спасительную пищу. Благодаря отцовской заботе (сейчас он уже покойный), мы все семеро остались в живых. Потом пришла весна, а вместе с ней пришли и травы, лебеда, шерица, шавель и др. Наступило время сажать огород. А чем? Ведь все было забрано, а если что и осталось, так было съедено. Опять пришлось отцу ездить по соседним селам, собирать полевой материал.

Потом все начало становиться на свои места. Старшие ходили в колхоз работать, младшие хозяйничали дома. Выхаживали огород, готовили к зиме топливо, ходили в школу.

Это было тяжелое, ни на что не похожее детство.

1989 г.            И.И. Зозуля  
с. Степное,  
Калининский район,  
Киргизская ССР

## *«Где же предел этому ужасному голодному кошмару»*

Как мы живем в Одессе. Страшно, страшно подумать о том, что ждет нас в этом году и в наступающем 33-м. Сейчас, когда как раз всего должно быть вдоволь и все должно быть дешево из продуктов питания, мы ощущаем страшнейший недостаток в самом необходимом; цены стоят неслыханные. Аппетит спекулянта растет, а государственные и кооперативные учреждения беспомощно опустили руки перед пустыми прилавками и десятки тысяч людей «обслуживающие» их, даром получают жалование. Нет той черты, от которой началось бы народное горе и у которой кончалось бы. Какое-то всеобщее проклятие легло на нас и не видно ему конца. Где же предел этому ужасному голодному кошмару. Контрреволюция ли здесь уже так успешно действует или мы не умеем хозяйничать. Волос дыбом становится и сердце обливается кровью, когда выйдешь на улицу, увидишь эту худую, озабоченную поисками куса хлеба толпу.

Главный наш враг сегодня — это голод; это он понижает и производительность труда, заставляет за полчаса до гудка бежать в столовую, это он разгоняет учащихся из учебных заведений... снабжать в первую очередь «своих», хищнически набивать карманы на вес золота измеряемыми продуктами по учреждениям общественного питания и разных иных столовых. Это все он заставляет. Конечно, больше всего терпит бедняк, ибо хорошо оплачиваемый специалист имеет гораздо больше возможности купить. Теперь мы уподобились мухам осенью и трудно сказать, чем все кончится.

Какой-то иностранный корреспондент сказал, что народ России перешел к пассивному сопротивлению. Это, к сожалению, так.

Нет уж восторженных порывов, бескорыстных поступков, а есть глухо бурлящий ропот, есть акты саботажа. Большевики всегда находили выход из положения, нужно найти его и теперь и чем скорее, тем лучше.

Каждый день приближает нас к катастрофе.

1932 г. (Анонимное письмо)  
г. Одесса

### *«Гибнет с голоду»*

Казахстан представляет из себя ни что иное, как голодное стадо, гибнущее с голоду. Возьмем для примера 3 района: Мендагаринский, Обаганский и Тонкерийский...

Столь богатая страна — Советский Союз за пять последних лет превратилась в груды развалин и гибнет с голоду. Кто поверит тому, что в деревнях Казахстана осталось по 5 и 10 семейств, а остальные или погибли, или разбежались, кто куда, дабы спасти себя от голодной смерти.

1932 г.            Дяденко

### *«Дети голодные»*

Нечем кормить детей... Очень все дорого и ничего нет. А масло по карточкам. Дети голодные. Молока совершенно не дают по карточкам. Мало получающие жалования семьи просят о помощи к выдаче мяса хоть раз в неделю. Дети делаются больные. Масло подсолнечное дорогое — нет подступу, яиц нет.

1932 г.            (Анонимное письмо)  
г. Москва

### *«Куда все делось...»*

Почему у нас ничего нет и все дорого. Ни обуви, ни одежды никакой. Куда все делось...

Сделайте торговлю так, как в 1926 — 7 — 8 гг., это лучше будет для всех рабочих и граждан, а также и для крестьян...

На Сухаревском рынке одна рубашка стоит 50 руб. Вы не видите, что рабочий жрет. В 1926 — 7 — 8 гг. этими харчами кормили свиней, а вы сейчас рабочих кормите даже хуже. Почему вы не едите этих харчей. Вы едите белый хлеб.

1932 г.            (Анонимное письмо)

## **«Остальное нужно украсть»**

На мою семью, где 2 человека иждивенцев, нужно покупать один хлеб через день, стоит в среднем 10 — 11 руб., на мес. 150 руб. Картошка 1 п., лук и проч. это не лишнее, а необходимое. Стоит 300 — 400 руб. в мес. А одежда, керосин и проч. Жалование как специалиста-продавца 90 руб. в мес. Остальное нужно украсть.

1932 г. (Анонимное письмо)  
г. Киев

## **«Голод 33-го года был устроен искусственно...»**

Соседский мальчик Петя помер на улице. Ел траву и так с травой во рту и помер. Семья его вымерла раньше. Как-то на улице подошла лошадь. Люди набросились, начали рвать ее, отталкивая друг друга. Меня тоже оттолкнули взрослые, а матери удалось взять немного кишок.

Отец пухлый поехал в г. Макеевку к материному брату, но тот не мог ему помочь. И он там где-то помер. Дядя потом рассказывал, что он хотел найти труп отца, но там были штабеля голых трупов, и он не смог опознать. Где могила отца, никто из семьи так и не знает.

Голод 33-го года был устроен искусственно, чтобы сделать людей покорными, сломить их волю. Во время войны я встречал солдат, которые в 1932 году осенью работали портовыми грузчиками и рассказывали, что им приходилось тогда грузить зерно на корабли для отправки за границу. И с другой стороны, зачем забирали у людей фасоль, свеклу и даже жмых? Не в план же хлебозаготовки? Только для создания голода.

И эффекта добились: кто остался живым, готов был на все, только бы не оказаться снова в том же положении. Вот почему потом все пели хвалу — мудрому и любимому вождю.

Голод заставил людей молиться на Сталина. Голод страшнее войны.

1989 г. М.А. Глушич  
Черкасская область,  
Украинская ССР

## *«Собирать колоски было нельзя...»*

У моего отца было 5 девок и 3 хлопца. До коллективизации своего хозяйства не было. Отец был в полном смысле батрак, работал у людей, выполнял любую работу, так как все умел и всем был нужен. Жили сносно. Когда в Акмолинской области стали организовывать колхозы, то отца как не имеющего сельхозорудий и тягла в колхоз не приняли. Ему пришлось покинуть родное село и искать с семьей другой доли. Так он был вынужден поехать к родственникам в Северо-Казахстанскую область, село Покровка, Мамлютского района. В колхоз с такой семьей и здесь не приняли, жить было нечем.

Отец временно работал на элеваторе грузчиком. Там их по окончании работы ставили на брезент, раздевали до белья и вытрясали все, что могло прилипнуть к человеческой одежде, — даже ложку зерна не вынесешь. Первым умер от голода старший братишка. Отец был вынужден водить дочерей наниматься в люди — кого нянькой, кого прислужой. В те времена у руководящих людей было принято держать прислугу. Мы, четверо малых, остались с родителями, жили у добрых людей в стайках, так как скота не было, они стояли пустые и их приспособили для жилья. Однажды отец смог вынести стакана три зерна, но его вернули, обыскали и на работу больше не взяли. Отец устроился чистить снег на аэродроме местного Осовиахи-ма, стал получать на себя пайку хлеба. Нам, иждивенцам, пайка не полагалась. Мы пухли от голода, отец ловил ворон, которых наловчился приманивать на аэродроме. Однажды накрыл рыбацкой сетью стаю воробьев — вот был для нас праздник, радости нашей не описать.

Отец все слабел, совсем отошал и пошел в Покровку к родне хоть чем-нибудь разжиться для нас. И в дороге, не дойдя до села, на обочине умер. В то время на станции Мамлюта умирало очень много людей, их стаскивали в багажный сарай и когда накапливалось много, переносили через путь и за садиком хоронили всех в общей яме. Вот в этот сарай и привезли моего отца. Прежде, чем их закапывать, люди их обыскивали, у многих находили деньги — и царские, и керенские миллионы и даже золотые пятерки. Деньги у людей были, но купить было нечего.

У отца в кармане были документы и его признал наш знакомый парень, пришел и сказал сестре, что отец мер-

твый лежит в сарае. В семье переполох, крик. Сестры пошли искать тело отца, а его не дают. С великим трудом получили и привезли на санках домой. Соседи сколотили гроб, а одевать не во что, белья нет — одни отрепья. Сосед, к которому мать ходила делать уборку в доме, работал бухгалтером, дал поношенное, но чистое белье, кальсоны и рубашку. В Мамлюте русского кладбища не было, надо было хоронить в Покровке. Но транспорта нет, и решили хоронить у станции за путями — там стихийно образовалось русское кладбище.

Без отца нам стало еще труднее жить. Помочь некому, все так жили. Мама решила нас, младших, спасти от смерти, увезла на товарном поезде в Петро-Павловск и бросила на вокзале. Нас подобрали и определили в приют в село Архангельское, где мы с сестрой пробыли до осени 1933 года. Как выжила наша мама, описать трудно. Ее подобрали умирающей на станции и положили в больницу. Велико было ее желание жить и она выжила. Осенью пошла собирать колоски. Не каждый раз это сходило с рук, иной раз объездчик гонял людей с поля плетками. Собирать колоски было нельзя — или посадят, или высекут плеткой. Насобирав достаточно колосков, мать нас из приюта украла. Об этом мы с сестрой сожалели много раз: в приюте мы были хоть мало-мало сыты и кое-как одеты.

Позднее тоже пришлось хлебнуть горячего до слез. И так до повзросления. С 1937 года стали жить лучше, но тут руководителей и просто людей начали сажать как врагов народа. Я помню, мы с мамой ездили в Карлаг\*, где сидел ее брат. Их было много, невинно страдавших, а враги были те, кто их сажал.

1989 г.                      Ф. Л. Слышко  
г. Белово, Кемеровская область

---

\* Карагандинский лагерь.



---

## РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

---

### ТВОРЦЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

— Товарищ Сталин!  
Дай ответ,  
Чтоб люди зря не спорили:  
Конец предвидится ай нет  
Всей этой суетории?..  
И жизнь — на слом,  
И все на слом —  
Под корень, подчистую.

Александр Твардовский. «Страна Муравия»

У нее — сиреневая блузка  
И в глазах зеленоватый хмель.  
У него —  
Партийная нагрузка  
И большой коричневый портфель.

Михаил Исаковский. «Коричневый портфель»

Зимой 1931 года в Москве проходила Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Работа конференции уже приближалась к концу. Но все ее участники с нетерпением ждали выступления **И.В. Сталина**. Только он имел право расставить все точки над *i*. А их было очень много. Сталин выступил с очень короткой речью, которая вошла в его сочинения под бюрократическим заголовком «О задачах хозяйственников». Но эту речь действительно можно назвать исторической, ибо в ней впервые прямо и открыто Сталин сформулировал положение, являющееся ключом к ответу на многие и многие вопросы. Он сказал: «Иногда спрашивают, нельзя

ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать... Задерживать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют...

Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

А через десять лет началась Великая Отечественная война. Жизнь удивительным образом подтвердила правоту руководителя государства. На алтарь отечества были положены судьбы и жизни миллионов людей. Конечно, масштабы жертв были бы значительно меньше, если бы святое дело роста могущества страны не «замешивалось» на идеологической «закваске» и внутривластной межпартийной междоусобице. Ведь почти все первые лица в партии и государстве совершали те или иные действия и поступки, причем зачастую совершенно неоправданные, направленные против крестьянства.

**В.М. Молотов** (Скрябин) был членом Политбюро ЦК ВКП(б), секретарем ЦК партии по работе в деревне, председателем СНК и СТО\* СССР. Именно ему принадлежит приоритет так называемого «нового» слова в аграрной политике партии. 16 декабря 1927 года на утреннем заседании XV съезда ВКП(б) в докладе «О работе в деревне» Молотов заявил: «Форсированное наступление на кулака, форсированное наступление на капиталистические элементы деревни — это и есть все то, что именуется строительством социализма в нашей деревне... Вопрос не в том, нужно ли «форсированное наступление» на кулака и т.п. Оно есть, об этом нечего спорить в нашей среде. Вопрос есть в том, как наступать, что взять сейчас за основной рычаг в этом наступлении на капиталистические элементы деревни. В этом теперь заключается главное, в этом заключается основное. В ответ на этот вопрос партия должна сейчас сказать свое *новое слово*».

На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) главный «аграрник» потребовал от его участников завершения сплошной коллективизации в течение одного года. Молотов возглавлял комиссию для выработки конкретных мер в отношении «кулачества», образованную по решению Политбюро ЦК ВКП(б) 15 января 1930 года. Ко-

---

\* Совет труда и обороны.

миссия подготовила документ, на основе которого 30 января Политбюро приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В соответствии с установками этого постановления определялись категории «кулацких хозяйств» и производилось непосредственное раскулачивание, включая расстрелы, выселение в концлагеря, экспроприацию средств производства и имущества.

Ни с кем иным, как с Молотовым, Сталин имел доверительную переписку, ласково называя его — Вячеслав. А в этой переписке обсуждались зловещие планы уничтожения великих умов аграрной науки Н.Д. Кондратьева, А.В. Чайнова и других: «Вячеслав... Я думаю, что следствие по делу Кондратьева — Громана — Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскрыется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бух., Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять».

На протяжении многих лет Молотов вместе со Сталиным подписал большое число разных документов, сыгравших трагическую роль в судьбах крестьянства.

**Я.А. Яковлев** (Эпштейн) в начале 20-х годов работал в Главполитпросвете. Затем заведовал отделом печати ЦК РКП(б) и одновременно являлся редактором «Крестьянской газеты», газеты «Беднота». Им опубликованы известные работы по аграрным проблемам: «Деревня как она есть». М., 1925, «О колхозном строительстве». М., 1931 и другие.

Немало лет пребывал он у «аграрного руля», определяя судьбы миллионов крестьян. В 1929 — 1934 годы был наркомом земледелия СССР, затем стал заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). Яковлев находился в эпицентре событий, связанных с коллективизацией и раскулачиванием. В декабре 1929 года ему было доверено возглавить комиссию Политбюро ЦК ВКП(б) для подготовки предложений о проведении сплошной коллективизации и реализации установки ликвидировать «кулачество как класс». Совсем не случайно 4 января 1930 года Сталин с Яковлевым лично отредактировал представленный комиссией проект документа, который в тот же день был

разослан членам Политбюро, а уже 5 января появилось «историческое» постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», официально объявившее «революцию сверху».

Под руководством Яковлева была разработана и принята XVI съездом ВКП(б) программа «коренного пересмотра пятилетнего плана развития сельского хозяйства». Ставилась задача утопического характера: перевести сельскохозяйственное производство на промышленную основу и в кратчайшие исторические сроки обеспечить «неслыханный в истории капиталистического мира рост удовлетворения потребностей трудящегося человечества в СССР!». Докладывая съезду эту программу, Яковлев одновременно заявил: «Годы решительной борьбы потребуются для окончательной ликвидации кулачества как класса. Немало боев, самых решительных и ожесточенных, придется выдержать с кулаком и его агентурой, ибо само собой разумеется, что кулачество не сдаст без боя своих позиций, как не сдавал их без боя ни один умирающий класс».

Как удалось удовлетворить «потребности трудящегося человечества в СССР», показал через два года величайший в отечественной истории голод, унесший жизни миллионов людей.

Однако похвастаться с «кулачеством» Яковлеву в полной мере не удалось. В январе 1938 года Пленум ЦК партии принял следующее решение:

«На основании неопровержимых данных Пленум ЦК ВКП(б) признает необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту, как врагов народа: Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука В., Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами, Иванова В. и Яковлева Я., оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охранки, Михайлова М., связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым.

Секретарь ЦК И. Сталин».

29 июля 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Яковлева к расстрелу.

**Л.М. Каганович** в годы «великого перелома» был секретарем ЦК ВКП(б). В ноябре 1932 года возглавил специ-

альную комиссию с чрезвычайными полномочиями, направленную на Северный Кавказ. Каганович выезжал для осуществления коллективизации и раскулачивания также на Украину, в Западную Сибирь, Центральное Черноземье и другие районы страны. После этих «набегов» следовали массовые репрессии крестьян, тысячи и тысячи изломанных судеб и загубленных человеческих жизней.

**А.А. Андреев** — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь Северо-Кавказской краевой партийной организации, заместитель председателя СНК СССР. Политику раскулачивания характеризовал следующим образом: «Ведь то, что происходит сейчас в деревне, то, что происходит в сельском хозяйстве, — это никак нельзя иначе назвать, как величайшей социально-экономической революцией, которая ликвидирует целый класс кулачества, которая коренным образом переделывает жизнь деревни, переделывает жизнь десятков миллионов крестьянских хозяйств». Андрееву было поручено «переделывать» миллионы крестьянских душ в особо отведенных для этого местах — концентрационных лагерях, или так называемых спецпоселках для ссыльных «кулаков». 11 марта 1931 года по решению ЦК ВКП(б) он возглавил специальную комиссию, которая руководила ходом раскулачивания и распределяла «новых рабов» на великие стройки.

**Г.Н. Каминский** был председателем Колхозцентра, заведующим агитпропом ЦК ВКП(б). В январе 1930 года на совещании представителей районов сплошной коллективизации наставлял уполномоченных по раскулачиванию: «Если в некотором деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело». На XVII конференции ВКП(б) в 1932 году выступил за усиление репрессий против крестьян: «Сопrotивление капиталистических элементов далеко не закончено. Мы придем к полному их уничтожению не мирно, не самотеком, а в ожесточенной борьбе. Практика показывает, что кулацкие влияния и мелкобуржуазная стихия очень живучи. Кулацкие тенденции в колхозах, буржуазные тенденции в совхозах показали нам на опыте последнего года, что задача усиления пролетарского руководства, задача классово́й борьбы против всех погибающих и потому отчаянно сопротивляющихся классов ни в коем случае не ослабляется. Нам нельзя размагничиваться, нельзя предаваться благодушию».

Каминский искренне полагал, что тем самым он боролся за социальную справедливость и народное счастье — во имя высоких идеалов, а не из корыстных побуждений. В этом каком-то беспредельном служении делу революции заключался трагизм целого поколения большевиков. Так что Каминский не был здесь исключением.

**М.И. Калинин** являлся, пожалуй, самым именитым «аграрником» — член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР. «Всесоюзный староста» — так называли его в народе. Крестьяне по простоте душевной со своими бедами обращались больше всего к нему за помощью и заступничеством. Понимая запросы и нужды крестьян и, может быть, принимая близко их к сердцу, Калинин тем не менее пошел за Сталиным.

Почему он так поступил? Есть основания утверждать, что Калинин накануне «великого перелома» стал объектом массивированного шантажа. Сталину в такое ответственное время очень нужен был не столько сам «всесоюзный староста», сколько его авторитет в широких народных массах, особенно среди крестьян. В конце концов Калинин перешел на его сторону. В декабре 1929 года он поддержал Сталина, заявив: «Я считаю, что в настоящий момент вопрос о кулаке достаточно определенно решен. Мы вплотную подошли к выкорчевыванию кулака».

Он же подписывал и государственные акты, направленные против крестьянства. В частности, знаменитое постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» и малоизвестную «Секретную инструкцию ЦИКа и Совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам». Так законодательным путем Калинин благословлял беззаконие и произвол в отношении миллионов крестьян.

Особую ретивость в проведении раскулачивания проявляли партийные работники среднего ранга, нередко опережая указания «вождей».

Секретарь Средневолжского обкома ВКП(б) **М.М. Хатаевич** в январе 1930 года создал и возглавил местный штаб по борьбе с кулачеством (без кавычек, именно так назывался карательный орган). Не дожидаясь инструкции сверху, было принято решение в течение всего двух

недель очистить Средне-Волжский край от «кулацкой скверны» вместе с семьями. В 1937 году Хатаевич был расстрелян.

Секретарь Нижневолжского обкома ВКП(б) **Б.П. Шеболдаев** и вовсе отказал в праве на жизнь «кулакам». Выступая в феврале 1930 года на областной конференции батрацко-бедняцких групп, наставлял: «Есть сердобольные «чудаки», которые больше беспокоятся о том, куда девать раскулаченного кулака, как быть с его семьей, чем о том, как его раскулачивать, как организовать для этого батрачество, бедноту и середняка. Совершенно ясно, что ни на завод, ни на фабрику, ни в колхоз кулака даже раскулаченного мы не пустим. Больше того, мы обязаны принять меры к тому, чтобы оттуда их изгнать, если они умудрились проникнуть туда. Не можем также позволить, чтобы кулаки разбежались, куда им угодно, и осуществляли свое черное дело там, где их не знают. Мы должны провести все эти меры самым жестоким и в то же время организованным путем под руководством партийных организаций, по почину и на основе самого активного участия широчайших батрацко-бедняцких и середняцких масс». Шеболдаев принял активное участие в работе карательной комиссии Кагановича в ноябре 1932 года.

Секретарь ЦК ВКП(б) и первый секретарь Московского комитета партии **К.Я. Бауман** возглавлял подкомиссию об отношении к «кулачеству» в известной комиссии Яковлева по развертыванию сплошной коллективизации. В состав подкомиссии входили Г.Н. Каминский, **И.Е. Клименко** (Наркомзем РСФСР), **Т.Р. Рыскулов** (заместитель председателя СНК РСФСР). Эта подкомиссия выработала основные принципы отношения к «кулакам»: во-первых, арестовывать, заключать в концлагеря и расстреливать «активно сопротивляющихся кулаков»; во-вторых, выселять в отдаленные районы страны другую часть неблагонадежных «кулаков», остальную часть «кулачества» использовать на месте как рабочую силу без предоставления избирательных прав.

Активную работу в комиссии Молотова по выработке конкретных мер в отношении «кулачества» проводили **И.М. Варейкис** (секретарь Центрально-Черноземного обкома ВКП(б)), **И.Д. Кабаков** (первый секретарь Уральско-го обкома ВКП(б)), **М.И. Калманович** (председатель правления Госбанка СССР), **С.В. Косиор** (генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины), **Р.И. Эйхе** (первый секре-

тарь Западно-Сибирского крайкома партии), **Н.М. Голод** (председатель СНК БССР) и другие.

Следует отметить и тех, кто по закону обязан был стоять на страже правопорядка и соблюдения конституции. Главный «законник» того времени **Н.В. Крыленко** создал специальную «теорию», оправдывающую репрессии против крестьянства. Он писал: «Кулацкие и иные мелкособственнические настроения живы, поскольку не только существуют еще кулаки, но и масса единоличного крестьянства, являющаяся питательной средой для этих настроений...». Но и колхозное крестьянство, по его мнению, было заражено капитализмом, поскольку «...имеет индивидуальную собственность и индивидуальные орудия труда, то это сказывается и на его идеологии, здоровая новая часть которой тянет его к социализму, а старая часть тянет назад, к единоличному хозяйству, навстречу кулацким вождениям». Как выразился Крыленко, «...наша тактика по отношению к ней («кулацкой массе») — тактика беспощадного подавления, беспощадного уничтожения и беспощадного террора. Этот принцип расправы с классовым врагом мы проводим сейчас и по суду, и без суда, в порядке судебного приговора ОГПУ, в зависимости от обстоятельств и ничего зорного для себя в этом не видим».

Заместитель председателя ОГПУ **Г.Г. Ягода**. Было время, когда он числился даже в «правых» (по признанию **Н.И. Бухарина**). Однако это не помешало ему активно включиться в борьбу с крестьянством. Под его непосредственным руководством осуществлялось раскулачивание, которое официально именовалось чисто военными терминами: кампания, операция, ликвидация и т.п. Именно он 2 февраля 1930 года подписал приказ ОГПУ, в котором детально расписывались все мероприятия по проведению раскулачивания. Именно он отдал распоряжение о создании в срочном порядке так называемых «троек» по внесудебному рассмотрению дел, об организации маневренных групп из состава ОГПУ и профильтрованных особыми органами ОГПУ частей Красной Армии для подавления возможных восстаний населения. Ближайшими его сподручными в проведении репрессий против крестьян в ходе раскулачивания были заместитель председателя ОГПУ **С.А. Мессинг**, начальник секретно-оперативного управления **Е.Г. Евдокимов**, начальник ГУЛага **Л.И. Коган**, заместитель начальника ГУЛага **М.Д. Берман** и другие.



Нельзя обойти молчанием и тех, кто обеспечивал идеологическое прикрытие этой беспощадной войны. Если посмотреть газеты той поры, то они в большей степени напоминали сводки с мест ожесточенных сражений. «Правда», редактором которой тогда был **Л.З. Мехлис**, пестрела заголовками с призывами развернуть «не на жизнь, а на смерть войну с кулаком», «разбить наголову вражескую нечисть» и т.п.

Конечно, виновны в этой национальной трагедии и многие тысячи других лиц (уполномоченные, активисты и т.д.). Но стократно вина именно тех, кто был ее вдохновителем и организатором, кто стоял у руля государственного корабля и повелевал волей и судьбой миллионов простых людей.

### **«Кто вы?»**

Дорогие товарищи, кто вы? Да, скажите мне кто вы. Идейные ли вы люди, взявшиеся за трудную, очень трудную обязанность вывезти страну на свет, к прогрессу, к совершенству, или вы кучка звероподобных, кучка преступников, кучка хулиганов, давно потерявших совесть и забывших все человеческие чувства?

Если вы идейные коммунисты, последователи таких великих учителей, как Маркс, Энгельс и наконец наш умнейший тов. Ленин, то почему сейчас у нас в стране происходит такое безобразие, которому и имени нет? Его даже назвать затрудняешься как. Разбираешься, разбираешься и все-таки приходишь в тупик.

Давайте возьмем самые острые вопросы и рассмотрим их.

*Вопрос о коллективизации. Почему вы так его скомкали?*

Почему от него получилось одно безобразие? Вы начинаете его проводить тогда, когда у крестьянина вывезено почти все. Вывозили раз, вывозили два, вывозили три и, наконец, когда у него ничего не осталось — ни корма для скотины, ни семян для обсеменения полей, ни хлеба для себя лично, тогда вы его гоните в колхоз как гурт овец, под угрозой не дать земли, разорить вконец и т.п. Все это есть. Это и по газетам, это и по фактам, которые мы видим изо дня в день. Почему вы его не начали в начале урожайного года, когда урожай был снят, когда колхозы могли

бы сразу стать на правильную ногу, когда бы в них было всего с избытком? А теперь только и слышишь, что «сперва ограбили, обобрали все, а потом сгоняют, как стадо овец, в одну кучу». Это ведь говорит голь, сама голь — не кулак.

Этот вопрос очень важный, но я сама лично в нем не особенно много понимаю, я только вижу, что ломая старое хозяйство крестьян, вы обрекаете его на что-то очень странное, даже не похожее на старое крепостное право. Тогда крестьянин, работая на помещика, чувствовал себя все же свободным. Перейдя в колхоз, он чувствует себя уже не крестьянином, а просто машиной, каким-то оружием в чьих-то руках. А знаете ли вы, что труд крестьянина самый тяжелый труд и сделать его за такой труд просто машиной едва ли стоит? Но, повторяю, что я мало знаю этот вопрос, а потому и остановлюсь на этом.

Перейдем к другому вопросу. К вопросу индустриализации и промышленности. Почему, когда я беру газету в руки, то натываюсь сплошь только на такие заголовки, как: прорыв, невыполнение, срыв, халатное отношение, растрата, вредительство, разгильдяйство, головотяпство и т.п. заголовки? Кто стоит у нас во главе индустриализации и промышленности? Казалось бы на этот вопрос есть один ответ — сами рабочие. Сами рабочие управляют своей промышленностью и производством. Что же они сами себе враги что ли? Почему же они для себя делают такие вопиющие безобразия? Знаете ли вы, сколько средств за эти 10 — 12 лет поглотила эта безалаберность? Я думаю, что другой стране хватило бы их на 50 лет самой широкой промышленности и самому высокому подъему индустриализации. Когда это кончится? Когда мы увидим, что у руля стоит разумная рука и направляет страну по нормальному пути, не по пути растрат, воровства, жульничества? Почему это с призывом к социализму явилось почти поголовное желание урвать что-либо, сорвать как можно больше в свою личную пользу, а на страну наплевать?

Почему вы так упорно революционизируете страну, не подняв ее на должную высоту, не довели ее до сознания, до полного сознания, что социализм необходим и что только революция может довести ее до такого? Вы, правда, работаете, но вы так работаете, как будто страна в эти немногие 10 — 12 лет выросла до сознания в необходимости социализма и социализма немедленно. Так ли это? Если вы, возглавляющие страну, думаете так, то сама страна думает ли

так? Если бы вы только спустились со своих верхов в самую гущу народа, то вы увидели бы, что все, что вы проводите, проводится под палкой. Партия возглавляет, партия повелевает, партия приказывает. Но ведь партия — кучка, партия класс, партия каста, а то что не партия, идет под кнутом этой партии, уверяю вас, что это так. Это вы и сами знаете. Вы сами знаете, как проводятся все директивы партии. Через посредство ячеек, через посредство рабочкомов и месткомов; с готовыми резолюциями партия является на конференции, на заседания и собрания и дело сделано. Но что выносят трудящиеся из всего этого? Да только сознание, что *ему приказали, что ему предписали, что ему дали понять, что иного постановления, иного решения быть не может*. А что думает в отдельности от партии этот рабочий? Партия этого не знает или намеренно знать не хочет? Да, товарищи, палка, палка и палка. А задумывались ли вы над вопросом, чего может достигнуть палка? Я указала бы вам конкретно, на множество и множество случаев, когда работала палка и только палка, но не буду ввиду того, что вероятно потребовалось бы очень много бумаги на описание таких случаев, ибо их многое множество прошло у меня перед глазами за время моей работы в разных учреждениях и предприятиях за эти 10 — 12 лет.

Я всю жизнь работаю. Мне уже сорок три года и работу я свою начала со школьной скамьи. Следовательно, работала и при старом строе, работаю и теперь, и, следовательно, всю жизнь нахожусь в такой гуще рабочих и служащих мелких сошек, таковых же как и я, и, поверьте мне, *что я никогда не видала столько несправедливости, столько зла вокруг себя, столько всяческого безобразия, как вот за эти 10 — 12 лет. Отчего это?* Можно подумать, что от нас хотите дать только зло в нашей трудовой жизни. Так зачем же столько лет говорите о том прекрасном, за что пролито столько крови и столько слез? И не только пролито, а льется все больше и больше. *Кровь и слезы заливают буквально всю страну.*

Теперь вот проводится мера с кулаками и лишенцами. Что это за мера? Как ее назвать? Я не понимаю. Когда римляне гнали христиан на арену к зверям, они желали получить животное наслаждение от вида крови, от вида беспомощного существа, погибающего от свирепых когтей зверя. Там животное желание наслаждалось, а здесь что? Людей целыми семьями выгоняют из домов, из сел,

среди зимы, без хлеба, с малыми, подчас с грудными детьми и гонят куда-то на край страны в холода, в нужду. Да, да, что это? Действительно ли нужно это зверство? Вы скажете, что цель оправдывает средства, а я сказала бы, что никогда. Если цель прекрасна, то и средства должны быть порядочны, а не подлы и низки. Конечно, вы вооружены до зубов против кулаков и лишенцев, но правы ли вы? Нет.

Вы сами допустили в эти годы свободную торговлю. Она как никак, а выручила вас в период экономического кризиса, а теперь вы с тех же торговцев содрали 10 шкур, да не только содрали, а поставили их под ответственность за то, что они торговали и тысячами погнали в Архангельск, на Соловки. Надо ли так было поступать?

Вы взяли с них налог, запретили им торговать. Если не нужна стала частная торговля, это ведь все в ваших руках, а вы, дав им право на торговлю, обвинили их в ней. Гоните их, поставили и почти вне закона, да не только самих торговцев, а и детей и жен. В старое время отвечал за свои поступки только тот, кто их непосредственно сделал, а не те, кто окружал их. Этого никогда не было.

Ваш финансовый орган выдавал патенты, право на торговлю, а теперь, когда торговля вам помешала, вы начали казнить торговцев. Есть ли здравая логика в этом?

Дорогие товарищи, вы говорите, что торговцы не только торговали, но и спекулировали. А наша теперешняя кооперация спекулирует на средства пайщиков, обдирает того, кто дает ей средства. Вот возьмите такой пример: у нас здесь в Сызрани есть кооператив «Муравей», у него норма сахара для пайщика очень маленькая, на большую норму не хватает сахара, а вот по цене 1.50 коп. за кило, его сколько угодно. Пожалуйста, берите, хотя бы и по пуду на человека, с удовольствием отпустят вам, потому что, по дорогой цене его у него очень много. Так же и мануфактуру продают по нормальной цене, а потом без меры и счета пустят ее по дорогой. Как это называется? Вы быть может найдете этому свое название, а я имею это назвать только спекуляцией.

Теперь возьмем религию. Я так смотрю, что вообще во всем существующем есть свои светлые и темные стороны. Есть они, следовательно и в религии, но по-моему в ней все-таки преобладает светлая сторона. Я с семи лет стала ходить в церковь — сперва, конечно, бессоз-

нательно, но потом подрастая, учась, я стала вникать и разбираться в вопросах религии. Я знаю, что в период ее существования, ее именем, временами, проделывались жестокие вещи. Возьмем хотя бы средневековые с его инквизицией, но это был период доказывающий, что в истории нет-нет, да пройдет полоса небывалого варварства, регресса, так сказать, когда человечество отступает от своей прямой задачи совершенствоваться, отходит назад или топчется на одном месте. Но вообще-то религия и, в частности, христианская дала больше прекрасного, нежели плохого и так гнать ее нет смысла. Когда придет в жизнь более прекрасное, нежели христианская религия в основе своей учащая только добру, только справедливости, то я думаю, она и так будет вытеснена этим более прекрасным. Человек не враг сам себе и не отвернется от более лучшего. Но пока у нас нет того, что было более справедливо, как слова Христа «люби ближнего своего, как самого себя». И не скажу, чтобы наши церковники были совершенство, не скажу, что они стоят на должной высоте, но все-таки я могу с уверенностью сказать, что вреда большого они не делают никому и заточать их в тюрьмы наряду с убийцами, ворами и прочими преступниками нет смысла. А теперь только и слышишь — там арестовали попа, там посадили попа в тюрьму и т.д. и т.д. Вы не можете уверить меня, что поп, служа обедню, сделал больше народу зла, чем коммунист, поставленный на ответственный пост, растратил народные деньги. А это у нас, что ни учреждение, что ни организация — дает свои махровые цветы по части растрат и всяческих безобразий. Сколько у нас за эти годы растратили они, эти коммунисты, ответственные работники денег, — им же не счесть числа.

Я сознательно уже хожу в церковь около 20 лет и никогда там не слышала, чтобы там учили меня ограбить, лишить кого-нибудь свободы, обидеть, разорить и т.п. делам, а от вашей власти только и слышно, что: *взять, конфисковать, реквизировать, отобрать, выгнать, выслать, арестовать, вообще применяет все глаголы в повелительном наклонении.*

Товарищи, мы хотя и учились на медные гроши, но в вещах разбираемся немного.

Вы посмотрели бы, что делается на местах? Это сплошная вакханалия несправедливости, это сплошное беззаконие.

Неужели вы думаете, что и за границей не присмотрелись к нам и не увидели этой вопиющей несправедливости, этого сплошного террора над беззащитным населением? Ведь народ обнищал совсем, вы его раздели до нага, отняли у него и живое и мертвое, оставили одну безнадежность на будущее.

Вы пишете в газетах, что и за границей назревает революция, везде, якобы идут бои на улице. Что же так они долго идут? 10 лет иностранный пролетариат дерется с капиталистами и не осилит их. Да потому, что это враки. Это газетная мазня, морочащая нас. Это похуже бредней попов. Право похуже.

Вообще в газетах самая наглая ложь во всем и всюду на всех фронтах.

Да, товарищи, все у вас плохо. Кто у вас работает? Малодушные из чувства стадности пришедшие к вам в партию — *растратчики, подлецы, негодяи, отрекшиеся от отцов ради куска хлеба*. Да я таким негодьям никогда никакой работы не доверила бы. Если он продал за кусок хлеба отца, он продает и партию и все на свете.

Вы развратили своими законами народ, у него нет ничего непроданного, ничего заветного. На что годен такой народ? Только на то, чтобы развалить страну, низвести ее на степень самого низкого падения и только.

*Правильно сказано, что всякий народ достоин своего правительства и наоборот.*

Вы думаете, что вы сейчас не делаете историю?

Вы думаете, что она оправдает вас, если запишет вас в свои страницы?

Не думаю. Это мое глубокое убеждение.

Не может быть, чтобы такой поток крови чем-нибудь и когда-нибудь оправдался. Почему вы, такую новую и прекрасную идею, как социализм облекли в такую позорную жестокую одежду, такую жестокую, что из-за нее не видно и самой идеи.

Я, понятно, не подпишу своего письма, потому что не хочу увеличить количество гниющего в ваших тюрьмах мяса.

Ой, никогда так много его не гнило в тюрьме, как при вашей власти.

1930 г. (Анонимное письмо)  
г. Сызрань

## **«Пусть ответит нам Сталин на наше письмо...»**

Теперь пусть ответит нам Сталин на наше письмо — кто прав, оппортунист Рыков или он сам — правоуклонник, потому что издавал декреты и своей дурной головой не обдумал. Россию растрепал за пять месяцев, а наладить не может.

Теперь крестьян не обдуришь. Они не доедали, не допивали, ходили голые и босые, а старались, чтобы развести скотинку и только посеять. Теперь как вы не уговаривайте, больше не обманете.

А на тракторах вам один пуд будет стоить 8 рублей. Это угодно будет купить только пролетариям, которые сидят во власти и получают по 200 рублей в месяц. Наша же деревенская пролетарская масса куда не пойдет, всюду говорят — ничего нет, она боса и гола.

Разве вы не знаете, что заработать негде, потому что она одна да 7 детей. А какие середняки — вы бы посмотрели! Имеет 1 лошадь, 1 корову, дом бурей поваленный, 5 детей да их двое.

Вот такой середняк. Прямо стыд, срам и ужас и имеет всего добра на 27 рублей. Это середняк. А который сидит у власти, бывшего кулака сын — получает 200 рублей в месяц. И это пролетариат? Сидите здесь в ЦИКе до черта, а порядка нет.

Если не верите, приезжайте в Балашевский округ, в Самойловский район, вы увидите.

Давай только войну — первая пуля вам всем чертям.

Просим, чтобы прочли все, весь Центральный Комитет.

1930 г. (Анонимное письмо)

## **«Прав Троцкий...»**

Ошиблись. ЦК ВКП(б) хочет спасти свое положение, свалив на здоровую голову неповинную ему. Прав Троцкий не строить социализм в одной стране, когда окружены со всех сторон империализмом. А что делается сейчас, петухи не поют, яиц не будет, мяса нет, посев хлеба сокращен до минимума. Экономика колхоза при классовом социалистическом обществе не может строить хозяйство.

Сталин хочет себя оправдать, интеллигенты ВКП(б) довели его в тупик. Сталин и ЦК испугались одной личности Троцкого. Плохие руководители, вы там ни кого не нашли выслать за границу, чтобы спасти создавшееся положение.

1930 г. (Анонимное письмо)

**«Чья в этом вина, тов. Сталин?»**

Тов. Сталин бросал обвинение ЦЧО и еще кое-каким областям в том, что они, якобы, чересчур поспешили с полнейшей коллективизацией своих районов, но чья в этом вина, тов. Сталин? По-моему, не руководителей ЦЧО, а ЦК. Почему вы признали их виновными только после всего случившегося?

Я думаю, для вас решения их о коллективизации в такой короткий по вашему срок, были вам известны еще до начала практических работ!

1930 г. Горбунов  
Ново-Оск. район,  
хут. Лягушенка

**«Правительство бессознательно выполняет волю монарха Сталина»**

Тов. Калинин, дайте ответ через газету на мое письмо.

Дабы оправдать свои головотяпские ошибки, ЦК большевистской бюрократии ищет выхода и всеми способами хочет замазать свои ошибки подлыми подачками коллективам и т.д., а правительство бессознательно выполняет волю монарха Сталина. Разве можно подлыми подачками и репрессиями против крестьянства построить сплошную коллективизацию. Какую же пользу и выгоду для государства дадут Сталинские коллективы, когда вы освобождаете почти совсем от налогов коллективы, а основную тяжесть переносите на середняка-индивидуальника; другое дело — кредитовать коллективы в больших размерах, но терпеть убытки от доходности с. хозяйства — это сплошная ерунда.



Наша задача — организовать крупное коллективное хозяйство для того, чтобы добыть максимум пользы и товарных излишков для государства, но не убытки. Коллективы Сталинской стройки могут дать лишь только убыток, но коллективы Ленинские, построенные на технической базе и постепенно в добровольном порядке, дадут значительные доходы для страны.

Разве Ленин думал строить сплошную коллективизацию на кляче и волах? Нет. Он стремился и учил строить коллективы вместе с трактором и электричеством постепенно и осмотрительно, по мере поднятия культурного уровня крестьян, хотя бы до уровня немецкого крестьянина, добровольно по инициативе самого крестьянства под нашим руководством. Тогда действительно коллективизм будет реальным и прочным.

Кто же был в эту зиму виновным в насильном коллективизме, как не узурпатор Сталин, а вину припаяли нам, рядовым партийцам. Это было подло и стыдно со стороны головоотяпов из ЦК, которые бессознательно исполняют волю монарха Сталина.

Разве можно построить сплошную коллективизацию в 4 года в стране, где имеется 5 укладов народного хозяйства, где еще имеются дикие народности, которые нужно просветить, на что потребуется не один десяток лет. Нет — этого нельзя сделать.

Разве можно сквозь пальцы смотреть на массовые аресты крестьян уже бедняков и середняков, даже красных партизан. Еще ни при одном правительстве так не были переполнены тюрьмы, как теперь. Тюрьма, построенная в Лубнах на 150 чел., а сидит сейчас 1350 чел., в Ромнах — на 180 чел., а сидит 2.000 чел.

Как вы думаете, т. Калинин, это хорошо? Подумайте и ответьте. Ленин говорил: «Крепость власти — доверие масс». А сейчас это есть? Конечно, нет никакого доверия. *В связи с этой неверной политикой партии я выбываю из таковой и вступаю в народную революционную, с которой вместе построим социализм в нашей стране и победим диктатуру бюрократии.*

До свидания,  
с социалистическим приветом — верный идее социализму

Слинько Иван Г.  
г. Миргород

Да здравствует свободный труд на свободной земле.  
Смерть тем, кто запрещает свободу трудящемуся на-  
роду.

1930 г.

***«Пора вас, гадов, гнать, чтобы вы именем Ленина  
не порабощали крестьян»***

Когда начинаешь читать газету, в особенности «Правду», то невольно начинаешь волноваться, что вы пишете такую возмутительную и наглую ложь и кому же вы пишете эту ложь — нам, русским рабочим. Неужели Ленин, или Маркс учили партию так нагло, так бессовестно, не краснея врать. Творите насилия над рабочими и крестьянами. Вы, писаки, поработили нас хуже царя и нагло пишете, врете, что вы за нас рабочих. Пора вас, гадов, гнать, чтобы вы именем Ленина не порабощали крестьян.

Вы выдумали какой-то колхоз, что он никому не нужен (самому Сталину), ограбили людей. Люди перевели скотину, а теперь пишете в «Правде», что пошли добровольно. В 1918 — 1919 г. вам поверили, у вас был лозунг фабрики и заводы рабочим, вся земля без выкупа хлеборобу, но так ли это?

1930 г. (Анонимное письмо)

***«Нечего на стрелочника сваливать»***

Насилие, которое произвели бригадники произвело к полному недоверию ЦК партии, в особенности к т. Сталину. Его называли зимогором\*, прохвостом, говорили, что у него закружилось в голове. Нечего на стрелочника сваливать. К делу коллективизации нужно было подойти вполне серьезно вверху и постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении разослать вперед, да и точно определить понятие о кулаке. В районе 10 кулаков, а раскулачили 500 чело-

---

\* В дореволюционной России бездомный человек (мужчина). Летом эти люди работали бурлаками, тянули бечевой баржи по рекам, а зимой проживали на тех же судах, перебиваясь случайными заработками.

век (дворов). Крестьяне здесь не против коллективизации, но решительно против работы совместно вот с такой бандитской шайкой, какую у нас представляла «беднота».

Колхоз в Замотье (8 верст от Дмитрова, Московского округа).

1930 г. (Анонимное письмо)

**«Тт. Бухарин, Рыков и Томский были правы...»**

Приходится согласиться с т. Ляшко, выступившим на воронежской райпартконференции, что на картошке социализм не построишь.

Тт. Бухарин, Рыков и Томский были правы, ведь печатать это одно, мнение рабочих — это другое. Почему и получается текучесть в производстве...

1930 г. пом. машиниста депо Сызр. 2, Юдаев П.

**«Рай хоть и не так великий,  
но зато сытый и одетый»**

Сталин за сырье, кожи и конские хвосты за границей наменяет много тракторов. Они по этой трясучей пути загудят прямо в пропасть, а мы тогда с Рыковым, Бухариным, Томским и прочими на своих лошадях поползем к светлому ленинскому пути. Рай у нас с Рыковым да Бухариным будет хоть и не так великий, но зато сытый и одетый.

Стыдно тебе, тов. Коссиор, брехать на низовой аппарат. Ты должен откровенно сказать, что мы, вся партия ВКП(б) головоотяпы.(Оренбург).

1930 г. (Анонимное письмо)  
Оренбург

**«Строить надо показательные колхозы...»**

*Сталинцы в 5 лет хотят превратить в коммуну 130 млн. серых и темных крестьян. А это перегиб неленинский в*

5-летке. Строить надо показательные колхозы, их надо финансировать, оплачивать труд, а к ним как к меду будут бежать все бедняки, середняки и батраки.

Печать всякую реальную заметку рассматривает как кулацкое и нэпмановское писание. *Троцкий и троцкисты шли с марксизмом, что в одной стране социализма нельзя построить, а им зажали рот и выслали, как меньшевиков. Бухарин, Рыков и все прочие попали под анафему папского престола — сталинского, рот им зажали, статей их нет в печати.* Если вы хотите реально строить социализм, нам необходимо все газеты обновить, от ура-комчванства\* очистить.

1930 г.           Боровиков  
г. Семипалатинск

### **«Очевидно, т. Молотов испугался женщин...»**

Приезжал тов. Молотов в Славянскую Кубокруга.

Партийная и профессиональная организации не знали, что он был в станице. Хлеборобы тоже не знали. Очевидно, т. Молотов испугался женщин, которые организованным путем выступают против коллективизации и других вопросов.

*Если бы нам дали свободную критику, не пришивали марку левого и правого уклона! О действительности говорить нельзя, а говори только в пользу ЦК.*

1930 г.           Воронов И.К.  
ст. Славянская

### **«Я рабочий, теперь перестал верить своим вождям...»**

И у хозяйственников и кой-кого еще, по-видимому, «кружится голова» от успехов эксплуатации и ограбления рабочих. Я рабочий, теперь перестал верить своим вождям в том, что наша когда-нибудь жизнь рабочая улучшится.

Рабочий не жаден, не рвач, как это некоторые сволочи говорят про рабочего, он не лентяй. Но дайте хоть то, что давал буржуй. Труд я называю каторжным потому,

---

\* Коммунистическое чванство.

что он стал тяжелее, чем прежде. *Я работал по 16 часов и больше, но никогда не утомлялся так, как теперь при 8 час.*

Ни в одной фашистской стране так не снимают заработок, если так с ним поступают, он имеет право бороться. Я не помню, чтобы с нами хозяева так поступали, прижмет, к другому уйдешь.

Я высококвалифицированный по обуви рабочий, по 8-му разряду, благодаря головотяпам, бюрократам зарабатываю от 1 р. 20 к. до 2 р. 50 к. в день.

Вот что заставляет бежать от производства — неоплаченный труд, головотяпский подход к сдельщине, *работай больше, больше снизят, накинута большую норму.*

За все я теперь должен переплатить. Яйца купил 5 штук за 80 коп. ведь есть почти нечего. В буфете у нас при фабрике дороже, чем в кооперативе, ни там, ни здесь почти нет ничего.

Я дрался против белых, 2 раза выбили белых Шкуро из г. Кисловодска, 30 млн. рублей завоевали советской власти в Кисловодске, 500 голов скота отбили у белых под Девичьим монастырем в 1918 г. Мы дрались за большевиков, а вы что делаете для нас, рабочих?

1930 г.            П. Скатов  
Москва

***«В этой проклятой стране, управляемой  
не Советской властью...»***

Вперед можно предугадать, что писавшего настоящее письмо назовут одним из кулаков деревни, постараются и тут облить грязью в лице его истинного труженика, но пережившего нищету, холод и голод, не говоря уже о повседневном ужасе, творящемся на глазах всего трудящегося населения. Та свобода, которую мы завоевали в годы революции, она отпала и те слова, о которых говорил наш учитель Владимир Ильич Ленин-Ульянов остались забытыми, а партия, проводившая его идеи, остается, с одной стороны, посмешищем для всего трудового населения и, с другой, горем для всех оставшихся жить в этой проклятой стране, управляемой не Советской властью, а отдельной кучкой партии, а может отдельным человеком, заменившим умершего Владимира Ильича.

Через это самое в будущем будет оплевано имя нашего дорогого вождя, через это самое придется с негодованием каждому вспоминать черные дни, в течении которых жил русский человек и не придется никогда при таком строе дойти до социализма, о котором так много говорят и в то же время оплевывают его сами проводники-коммунисты.

Для чего, спрашивается, мы живем в это время? Не для того, чтобы молчать, переживать и с большим терпением поддакивать всему тому, что делается на наших глазах. Где та свобода, о коей так много говорили? Если в газетах пишут и напоминают о ней, то только потому, чтобы замазать иностранному рабочему и крестьянину глаза для того, чтобы создать обманно на русской земле какой-то рай; люди же, живущие здесь не хотят и смотреть на строки советских газет и книг и если смотрят, то все только с остервенением, ищут статью, говорящую об освобождении нас от ига, называемого и именуемого фальшиво коммунизм, а всякий, кто остался непопорченным, только ждет объявления войны кем-либо из иностранцев. Нам лучше жить и быть в числе иностранцев и забыть свою родину, чем жить с горечью доживать цветущие годы в этой проклятой стране.

Больше чем уверен, что вы назовете меня вашим врагом, а я должен открыто и прямо сказать — пишет друг справедливости, друг идеи коммунизма и друг трудового народа, пробывший в Красной Армии с 1918 г. по 1924 г. имеющий звание красного командира, занимающий и в настоящее время должность в советских учреждениях и с горечью наблюдающий за текучестью жизни нашей страны. Вы можете сказать, почему же не уйдешь из нашего аппарата, когда тебе не нравится в нем? А я отвечу — потому, что в стране, так называемых, советов пропадешь с голода, ибо кроме насилия и насмешки ничего не осталось.

Лучше было бы спросить вас, почему вы не уйдете со своего *высокого поста* и этим самым не перестанете мучить народ? Видимо потому, что вам хорошо, потому что вы вращаетесь с представителями иностранцев и ни в чем не нуждаетесь, забывая про свое население, так называемое «трудовое». Вы только можете играть крестьянами и всеми трудящимися, вы только можете хвастаться своими высылками в революционное подпольное время, тогда как эти высылки считались счастьем. Посоветовал

бы вам высылку настоящую, которую применяете вы и которая на глазах всего трудового населения проходит: в одной камере держите по 60 — 70 человек, там же и дети, тоже исправляются по вашему.

Считайте меня своим врагом, но я вам скажу, то, что наблюдаю и о чем не может молчать ни один из нас. Может быть о чем я пишу, будет не принято во внимание, но, поверьте, этой мыслью проклятия живут все трудящиеся. Не могу сказать о рабочих, живущих в крупных городах, ибо там не был и по случаям им замазывают глаза лучшими условиями и не освещают крестьянскую действительность. Но я противник эксплуатации, противник буржуазного строя, но не противник своему кровному мужу крестьянину, так слушайте же.

Только тогда можно придти к социализму, когда к этому идут все трудящиеся, но скажу и то, что из 50 миллионов населения России, на которых вы возлагаете надежды, они не за вас, они за труд человечества, они против насилия. За вас останется та кучка, которая руководит всем и которая несет громаднейшие ошибки, занимаясь игрой с трудящимися. Где ваши столовые, в которых можно найти не отвратительный обед? Где ваши столовые, которые будут снабжать население? Где ваши органы, снабжающие продуктами? И вот они набивают также, как и вы свои карманы и в глазах трудящихся, не стесняясь устраивают кутежи, забывая о том, что с 3 часов ночи люди стоят в очередях в зимнюю пору, чтобы добыть дневной полуголодный кусок пропитания.

Про наши магазины, в которых можно найти необходимое для прикрытия поверхностно, хотя бы детвору, не говоря уже о себе — и вместо цены и так уже недоступной, приходится платить вдвойне. Это ли подход к трудовому населению? Не проклинаят ли вас? Конечно нет, хвалят.

Объясните, проживет ли человек на то, что зарабатывает при вашей постановке?

Вы, говорите, что все трудящиеся идут искренно на встречу займам и добровольно. Так ли это? Ясно я не могу оторвать из своего жалованья копейку, ибо гибну. Нет, тебя не спросят, а тащат, вычитывая — это ли искренность? Вы в последнее время на всю Россию заставили поднять вой крестьянства из-за своих сумасшедших ошибок, а потом издаете постановления, обвиняя места. Мы же, выполняя ваши головотяпские постановления — секретные —

по ночам душили крестьян, заставляя, как ангелы, подписывать сохранные расписки и обязательства вывозить хлеб и вы же кричите, что мы на местах искривили ваши чертовские постановления. Вы думаете, что кулак, которого вы сами сделали, только и не доволен вами, а середняк, а бедняк — доволен? Нет, господа, вы ошибаетесь. Кричат и бедняки, не говоря уже о середняках — караул от ваших действий. Вы издаете постановления, о каких-то льготах для крестьян-колхозников, очищая свое лицо от ошибок и тут секретно издаете приказы судебным органам о расстрелах и за то, что крестьянин не пожелал быть в колхозе, за то, что крестьянин берет свой засыпанный хлеб для семян и за то, что берет свою лошадку из вашего колхоза. За все это суды применяют расстрелы, находя сопротивление против властей и террористические акты. Так ли это — скажете вы, но лучше бы вас в гущу крестьянства.

Каждый день по селам гонят, как стадо быков, коров и телят, — людей крестьян, крестьянок и детей. Куда? Зачем? Это ли у вас рай?

Вы пишете, что у вас нет насилия над священником, которого я лично ненавижу, а посмотрите, как им вырывают бороду, выбивают наганями зубы и невольно заставляют уходить из села и города. Есть у них заступник?

Вы посмотрите, как по улицам ходят сумасшедшие и кричат на всех проходящих: «И ты портфельник?» Своими портфелями вы оставили народ без обуви. Вы создаете безработицу и вводите в нищету тысячи граждан и много другого, о котором вы, вероятно, знаете, но все же проводите свой социализм.

Вы уничтожаете своими описями и налогами не только крестьян, но и кустарей. Все в подвалах работают, боясь стука дверей, что «нейдут» ли органы.

Полнейшая советская «свобода». Если быть и переносить вашу свободу, то лучше жить при *трех царях*, но не с вами, грабителями трудящегося населения.

Случайные управители. Измените свою линию, исправьте свои ошибки, дайте жить нашему родному народу, хотя в вашей среде половина не родного. Знайте, что этим вы роете себе могилу: первый выстрел из-за границы создаст фронт внутри страны против вас и наши все силы, наши все завоевания останутся заплеванными нами же самими трудящимися, через вас, не умеющих управлять страной и мучащих народ.



Вот я вам пишу, а могу ли я подписать свою фамилию и местожительство? Завтра же расстреляют. Вы пишете, что где-то за границей выносят строгие приговора. А у нас, что выносятся? Половина трудового крестьянства в ссылке. А сколько расстрелянных? Вы ведете учет — это ли не хамство? И после этого можно ли называть вас Правительством, да еще трудового народа? Нет.

Перед моими глазами погнали под штыками крестьян, их жен и детей — больше писать не могу.

1930 года, апреля 10

(Анонимное письмо)

**«Т. Сталин, так это не вождь, а подрывщик пролетариата»**

Левые оппортунисты на Климовщине, Могилевского округа, совсем одурели.

Прочитавши новый устав сельскохозяйственных артелей и статью т. Сталина, они стали собирать сходы и говорить крестьянам, что это написал статью не т. Сталин, а какой-то кулак, а если и Сталин, так это не вождь, а подрывщик пролетариата.

Кто читает газету и правильно разъясняет ее крестьянам, того унтер-Пришибеевы называют подкулачниками и угрожают Соловками.

1930 г.

Крестьяне

**«После статьи т. Сталина «невозможно» стало работать»**

Тов. Зубов ответил: «До статьи тов. Сталина все было хорошо! Можно было «провести» все, что угодно и церковь сумели закрыть и т.д., а после статьи т. Сталина «невозможно» стало работать. Об антирелигиозной пропаганде никто слушать не хотел, крестьяне одурели — требуют газеты».

Женщины на ликпункт\* не стали ходить, приходится штрафовать их за это.

---

\* Пункт ликвидации безграмотности.

Статью т. Сталина и директивы ЦК ВКП(б) антисоветский элемент сумел по своему распространить среди неграмотных мордочек.

1930 г. Захарин М.Ф.

### ***«Не было дано сверху четких, ясных директив»***

Тов. Сталин! Прочитав твою статью и, главным образом, слово «добровольно», неувязанное с фразой «необходимо и даже неизбежно», крестьяне подхватив это слово, как средство возможности ускользнуть из колхоза.

Это, вредное на данном этапе строительства, слово, под шум кулацких толкований, заразило бедняцко-средняцкие массы духом, что идти в колхоз не обязательно. Ошибки сложились, главным образом потому; что низовой партактив действовал в слепую. Ему не было дано сверху четких, ясных директив.

Также примерный устав был выпущен с запозданием, почему партактив деревни не имел очередной установки в размерах обобществления имущества членов, входящих в колхоз.

1930 г. Учащиеся низшей с.х. школы им. Калинина Решетников, Либерман  
П/О\* Гринев, Погарского района,  
Клинц. окр., Зиновьевской области

### ***«Кто же подал повод к этому нашим... работникам?»***

Анализируя действия коллективизаторов, как извращения, дискредитирования и развенчивание колхозного движения невольно назревает вопрос, а кто же подал повод к этому нашим низовым и окружным работникам? Ответ ясен. Директивы ЦК партии и постановления правительства. Так зачем же теперь ахать и впадать в головкружение.

Я считаю, что путь к социализму в настоящий момент через методы военного коммунизма (раскулачива-

---

\* Почтовое отделение.

ние) и военно-феодалную эксплуатацию крестьянства является губительным для завоеваний октябрьской революции.

1930 г.            Рабочий, партиец с 1917 г.  
Виктор Горденко  
г. Киев,  
Трамвайные мастерские

***«Сваливает вину на места, а себя  
и верхушку защищает»***

Т. Сталин! Я рядовой рабочий и читатель газеты «Правда» все время следил за газетными статьями. Виноват ли тот, кто не сумел не послушать создавшегося шума и крика вокруг вопроса коллективизации сельского хозяйства и вокруг вопроса кто должен руководить колхозами. Мы все низы и пресса проморгали этот основной вопрос о руководстве колхозами, а т. Сталин, наверно, в это время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел наших ошибок, поэтому и тебя тоже нужно одернуть. А теперь т. Сталин сваливает вину на места, а себя и верхушку защищает.

1930 г.            Велик  
Днепропетровск,  
завод «Пресс»

***«Легко смотреть т. Сталину с высокой колокольни...»***

Статья Сталина ударила по сплошной коллективизации в сторону дезорганизации организованных колхозов и артелей. Головокружение «Колхозной Правды» пошло в пользу классового врага-кулака. Под опиум «Колхозной Правды» кулачество еще сильнее ведет агитацию против сплошной коллективизации. В статье Сталина имеется оправдательная ссылка на сочинения Ленина. Но почему т. Сталин до своей статьи не соизволил заглянуть в сочинения Ленина. Легко смотреть т. Сталину с высокой колокольни, это, брат, теория. Лучше всего присмотреться к жизни крестьян и его заинтересованность в социалисти-

ческом строительстве. А также нужно твердо знать, что существует диктатура пролетариата в том числе и крестьян.

Один Троцкий опровергал союз с крестьянством, помогая врагам пролетариата. Мы не пошли на удочку Троцкого и никогда и с вашим мнением не согласимся....

1930 г. Чикизов М.С.  
Мечетинский район

### ***«У низовой власти осталась надежда на ОГПУ...»***

После объявления статьи т. Сталина в деревнях как будто нет советской власти. Население распоясывается, партия и комсомол также. Кулачество выбрало статью Сталина как мощное орудие борьбы.

Сейчас кулачество осмелело, приходит в сельсовет и требует удостоверить постановление схода о том, что он не кулак.

Кулаки опять стали во главе сходов, у низовой власти осталась надежда на ОГПУ...

1930 г. Горюнов А.Г.  
Тверской округ,  
д. Сергеево

### ***«Вы сами снизошли до правого уклона»***

Тов. Сталин! Мы, 6 рабочих Сельмашстроя, члены и кандидаты ВКП(б) обращаемся к вам через газету «Правда» со следующим.

Вы обвиняли многих видных членов партии в правом уклоне, т. Бухарина и др., в настоящее время вы сами снизошли до правого уклона:

1. Принимать кулаков в колхоз, если члены его семьи имеют «заслуги» учителя и др.

2. Разрешить свободную торговлю крестьянам.

3. Детям лишенцев до 12 лет выдавать хлебные карточки.

1930 г. (Подписи)

### **«Кулаки боятся остаться без священника»**

В селе Лук-Майдане священник отказался от священства и церковь осталась без прихода. Никаких служб не стало. ВКП(б) сказала, что нужно церковь использовать под школу. Деревенские женщины услышав о том, что церковь забирают, собрали собрание, на котором было 150 женщин и 50 мужчин. Вопросы были такие: о коллективизации, о дополнительной хлебозаготовке. Выступавших перебивали, говоря: «Мы пришли не слушать о заготовках хлеба, а из-за попа».

Кричали: «Дайте нам попа». Подняли такой крик, что секретарь партии дал им объяснение, что они попа им дать не могут и если женщины хотят, то пусть ищут сами.

Кулаки боятся остаться без священника. Партия взяла половину церкви под школу, в которой вечером будут спектакли и кино-передвижка.

Большая часть молодежи пойдет за партией, а на кулаков нужно дополнительно наложить хлебозаготовку.

1929 г. Юдишкин С.О.  
Ср. Волжская обл.,  
Пенз. окр., Н. Ломоносовский р-н,  
п.о. Голицино, с. Лук-Майдан

### **«Противники колхозного движения признали т. Сталина за своего парня»**

Статья Сталина наделала столько шума, что противники колхозного движения признали т. Сталина за своего парня. И что же теперь в результате получилось? Товарищи, которые принимали действительное участие по проведению в жизнь колхозного строительства, оказались в неловком положении. Противники колхозов повели мстительную политику против злостных зачинщиков колхозного движения.

1930 г. Осипов М.П.  
Сухинич. окр.,  
Спасско-Демьян. район,  
дер. Лубинки

До тридцатых годов жизнь в селе шла своим чередом, а когда наступило время коллективизации, она словно вспучилась и прорвалась...

Мне тогда было пятнадцать-шестнадцать лет. Я учился в Варненской ШКМ (школа крестьянской молодежи). Наш алексеевский колхоз «Новый труд» был организован в марте 1930 года. Нас, тогда школьников второй ступени, отпустили на весенние каникулы. В клубе не первый день шли бурные споры, создавать ли колхоз или нет. Многие бедняки уже записались или подали заявления, официально же колхоз не был провозглашен, так как середняки еще колебались. Организаторы колхоза говорили: какой, мол, колхоз без середняка — инвентарь, рабочий скот у него, а у бедноты ничего нет, разве только одна лошадка.

Когда я спросил свою мать, собирается ли она в колхоз, она ответила, что уже вступила. Вступил и мой дядя Петр, и две мои тетки безмужние. Был у меня еще дядя Василий по тетке Ольги, на которой он женился. Был он гольный бедняк-батрак, все годы после возвращения из Красной Армии в 1923 году батрачил у богатеев за кусок хлеба. Скопив все же малую толику деньжонок, купил молодую кобылицу Карюху и все наблюдал, радуясь, как она жует траву, пьет воду, а тут за плечами колхоз прорезался. Придется расставаться с ненаглядной, а лучше, если бы ее оставили ему. Но заявление все же написал и просил, чтобы Карюху оставили за ним, но там сказали, чтобы лошадь сдал. Тогда он, обескураженный, хлопнул дверью и был таков. Поехал «грабарить» — копать землю на строительстве железной дороги Троицк — Магнитогорск.

После статьи Сталина «Головокружение от успехов» организация колхоза затормозилась, как бы взьерошилась. Несколько ранее вступивших середняков взяли свои заявления обратно. Но это продолжалось недолго, близилась весна, нужно было готовиться к севу. И вот, примерно в середине марта, нас снова отпустили в деревню. Колхоз уже существовал, его контора разместилась в бывшем кулацком доме, еще три дома были заняты под бригадные дворы и детские ясли. Какого-то расстройтва в деревенской жизни, где из 300 домов было выселено дворов 10 — 12, совершенно не замечалось.

Из деревенских богатеев самым заядлым эксплуататором, выжимавшим пот и кровь из батраков, был Иван, прозванный Бобыль. Я у него жил не один срок, батрача мальчишкой. Держал он и взрослых батраков, чаще скрыто, кормил недосыта, остатками со своего стола. Отвечая на замечания некоторых, Бобыль с усмешкой говорил: «У нас хлеб-то белый — проживут». Чтобы скрыть свои посевы от властей, сеял пшеницу в казахских степях, хлеб прятал в ямах, стогах и других тайниках. Как-то его вызвали в сельский Совет, предложили часть хлеба сдать. Он, конечно же, знал, зачем его пригласили. Еще только переступив порог, он произнес, глядя на уполномоченного из города: «У Советской власти законы соблюдаются или нет? Я из годов выжил — мне пятьдесят три, я немощен». Спрашивающий его молодой мужчина опешил и до ушей покраснел. С минуту длилось молчание, потом тот задал какой-то вопрос и отпустил его. Придя домой, он за чаем у самовара рассказал своей старухе, как он объегорил уполномоченного, ругая Советскую власть, что они лежебоки, голоштанники, не могут прокормить себя.

Больше его в Совет не вызывали. Когда шло раскулачивание, его в списках не было. Однажды на мельницу к Бобылю пришел сосед Ганькин, тоже мельник. Они разговорились, я тут же в стороне на мешках сидел. Ганькин спросил: «Сколько берешь гарнцев с казахов?» Тот ему ответил: «По пудовке с мешка». Сосед похвалился, что он берет по две. Потом он кивнул вопросительно в мою сторону: мол, пацан не донесет?.. Бобыль его успокоил, что, мол, он еще мал — ничего не сообщает. Когда раскулачивали Ганькина, вспомнили и незаконные гарнцы, но работников он не держал. Раскулачили его за богатство — племенных лошадей, овец, свиней. Он, видимо имел образование, приехав из города в период столыпинской реформы. Кроме того он был музыкант — играл на баяне, а его старшая дочь окончила консерваторию, играла на скрипке, иногда они вместе давали концерты в клубе. Когда умер В.И. Ленин, он привез в сельский Совет мешок муки и две туши бараньего мяса, сказав: «Делайте поминки по Ильичу». В Совете пошли на отшиб: как это поминки? Но Ганькин не отступил, доказывая, что Ленин того заслужил. Поминки состоялись, пришли не только дети, но и вся деревенская беднота.

Репрессий в то время я не замечал, они начались позднее, которые активно поддерживались сверху, а НКВД\*, уже распустил руки до оголения. Зависело это и от самих людей, стряпающих доносы на других, потом они и сами горели на этом. Может быть, я не все знаю, но помню, что Гурьяна Иванова «черный ворон» увез ночью в город, откуда он не вернулся: то ли не выдержало сердце, то ли еще что? Но и он сам был нечист на руку, тоже марал людей, вот и поплатился.

Тихон Рылицкий, который работал, чтобы убрать кулаков из села, стал заведовать колхозной овцеводческой фермой, которая разместилась на хуторе Тогузак. Овцы у него не только водились, но и доход приносили в виде сданного мяса, шерсти, да и колхозникам хватало мяса и брынзы, которую делали из овечьего молока. Кроме того были и кумысные кобылы, они тоже приносили доход колхозу. И вот кому-то это было не по нутру, «настукали». Тихон оказался за решеткой. Там он дошел до такого истощения, что когда его отпустили не мог идти. Все же как-то дотянулся до своих мест, где его подобрал Герман Коновалов, который в то время был в Варненском совхозе директором.

Доносчиков было много — их вербовали сами сотрудники НКВД. Я сам был завербован ими. А случилось это так. Шло занятие по фармакологии. Приносят бумажку с вызовом в райвоенкомат. Подаю бумажку в окошко, мне сказали, чтобы в 16-00 был в городском отделении госбезопасности. Пришел. Ищу глазами — вывески нет. Ничего вокруг не видно, коридоры глухие, темные — пахнет мышами и тюрьмой. Провожатый, провел меня через несколько кабинетов к начальнику, который стал говорить со мной вокруг да около. Потом попросил рассказать автобиографию. Начал, запинаясь, он хлопнул рукой по столу: «Хватит, все знаем. Короче, будешь наш осведомитель». По моим глазам он, видно, понял, что я не совсем понимаю. «Будешь доносить письменно, у нас вон сколько врагов. Если мы их не уничтожим, они нас. Вот ваш Жегар — сорвал демонстрацию, первый антисоветчик. У нас уже на него есть донесение, но нужно еще».

Когда я шел обратно, то вспоминал, когда Жегар сорвал демонстрацию. На память пришли все демонстрации, никогда они не срывались. Потом Жегар, институтский

---

\* В начале 1930-х годов — ОГПУ.



химик, никакого отношения к демонстрации не имеет. Ведь ее готовят партком и профком. Подумал и о врагах. Кто бы мне не пришел на память, преподаватель или студент, я никого из них не мог заподозрить в антисоветизме. Прошло некоторое время, меня снова вызывает тот же человек. К начальнику, правда, не повел, а сам стал на меня нажимать, чтобы я написал на Жегара. Я молчал, еще больше сжав губы. Он значительно посмотрел и сказал: «Ну смотри!» Потом добавил: «К нам ходить не надо — это будет заметно. Пойдем покажу, куда будешь ложить донесения». Мы зашли в Ленинский сад, что был возле средней школы и Успенского собора. В дупле старого клена я должен оставлять свои донесения. Время шло, но я ни одного донесения не писал, у меня не было фактов.

Прошло время, примерно еще с месяц, приходит ко мне неожиданно совсем другой человек, в грубом и грязном плаще, резиновых сапогах, небрит, и требует от меня донесений. Я говорю, что у меня их нет. «Почему нет? Должны быть». Потом я вспомнил, что меня инструктировали, чтобы было два свидетеля, а их не было. Тогда он замолчал, только еще больше озлился, показывая почерневшие кривые зубы. Уходя он сказал: «Если не будет донесений, пеняй на себя». Но вскоре пришла по радио весть — началась Отечественная война. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Им было не до меня. А Жегар, примерно через месяц или два, покинул институт, уехал в Латвию, видно, все же, кто-то на него наклеял, иначе бы зачем ему туда срочно ехать. Но потом он вернулся, тоже война помогла. Он активно работал, читал лекции от горкома партии на заводах, стал ректором института, кандидатом наук.

А первая моя встреча с НКВД произошла несколько раньше, в Зверинке (Звериноголовский район) где я начинал работать после техникума. Старшим ветврачом у нас была Зоя Ивановна Волченкова, которая познакомила меня с местными ребятами. Ребята меня приняли. Вместе играли в уличные игры, ходили по деревне с гармошкой, а вечерами к девочкам на вечерки. Потом я познакомился с парнем, который работал помощником начальника НКВД по комсомольской работе. Однажды после прогулки он меня зовет к себе в управление. Ну, так, вроде бы для малого интереса. Но я заупрямился, про НКВД уже ходили слухи, что у них сладкого с посетителями не бывает. Но он пристал, и я согласился. Он повел меня к

своему начальнику. Тот посмотрел на меня и говорит: «Ты комсомолец — это хорошо». Подхваливает меня, что-то хочет сказать другое. Я уже поднялся со стула, он протянул руку и говорит: «Ты что-нибудь замечал за Волченковой»? — «Зоей Ивановной»? — «Да, ты присмотришься, она того...» Нельзя сказать, что я не понял его, но все-таки и не совсем верил. Потому тот же парень месяца через два снова меня затянул к себе, что-то хотел мне показать, но кабинет его был приоткрыт, начальник сам увидел меня и сразу задал вопрос: «Ну, как, написал? Она же медикаменты транжирит, деньги прикарманивает». — «Не видел, — говорю. — Она никакого отношения к медикаментам не имеет. Аптекой заведует совсем другой человек». — «Ну, ладно, иди». Вышел я уже не веселый, а вскоре вышел из Зверинки.

1989 г. П. Бывакин  
г. Щучье, Курганская область

***«Каким образом улучшить... местную  
руководящую власть»***

Тов. Сталин!

Не желаю, да и не умею разводить пышные фразы, а буду писать прямо по существу.

Наша советская деревня под руководством коммунистической партии, быстрым темпом переустраивается, от раздробленных мелких хозяйств переходит в коллективизацию и т.д.

Вот тут-то и нужно поговорить о том, каким образом улучшить ее местную руководящую власть, а именно сельсоветы, ибо из рук вон плохо обстоит дело, они или через чур перегибают, приходится переизбирать, оживлять их работу и ставить на правильный путь, а переизберешь еще хуже вчерашних. Почему же это так? Я вот скажу, наглядно видел и заметил их недостатки. Выбирают сельсовет, выберут самого лучшего активного товарища в председатели и все-таки этот активный хороший человек плохо работает. Почему?

Да потому, что он связан со своей домашней хозяйственной работой, вырвет время и бежит в совет, и что же тут не додумал и в совете напутал, это раз. 2) Накопит много

вопросов, собирает заседание сельсовета, а те ему, да поскорей и начнут мять, кое-как скомкают и проводят в жизнь. Я ото всей души говорю, потому что видел и слышал и говорил, делал замечания. 3) Основной вопрос, что очень бывают неграмотные они председатели, политически и вообще, плохо справляются с бумагами. 4) Люди это большинство беспартийные, легко попадают в лапы кулаков.

Вот основываясь на этих мною выложенных фактах, я как рабочий ткацкой ф-ки им. Волкова хочу поделиться или вернее дать следующее предложение.

Тов. Сталин, может быть, я глубоко ошибся, то уверяю вас, кроме меня и вас никто не будет слушать и знать эти предложения.

*Нам рабочим, как руководящему классу, нужно выдвигать из своей массы на руководящую работу в деревню председателей испытанного тов. партийца, показавшего себя в работе. Почему это так. Он будет специально заниматься этим делом, будет иметь отдельную квартиру или дом, в котором и будет заниматься и к которому будут ходить крестьяне и обсуждать свои незадачи.*

Оплата будет производиться или ф-кой или заводом, который его пошлет, рабочие охотно пойдут на это дело.

Сельсовет будет избираться, как и избирался и уверяю вас, если хороший будет председатель, то и он среди членов поставит работу и те директивы, которые будут ему возложены, как коммунистической партией, так и рабочим классом, будут без колебания выполняться.

Вот и все, еще раз прошу я вас, если я ошибся, то это больше никто не будет знать, с вашей стороны должны быть поправки, но ведь тот не ошибается, кто ничего не делает.

С комсомольским приветом

Аф. Михайлов Гусляков

ком. ст. с 25 г. № чл. билета 200103

Буду ждать ответа.

Адрес: Нижегородск. ж.д

гор. Орехово-Зуево, ткацк. ф-ка им. Волкова

28.1.30 г.

## *«Налицо определенный классовый прорыв...»*

На страницах «Большевистского молодняка» уже приводились отдельные факты прорывов на заготовительном фронте в Гжатском районе. Эти прорывы выражались в отсутствии напористости и четкости в проведении классового курса, недостаточной мобилизации внимания всей парторганизации на заготовках льна, в слабой организации бедноты, в слишком слабом развертывании соцсоревнования. Работа среди колхозного сектора по досрочной обработке и сдаче льна развернута не была. В самом деле, берем сельсоветы: Тумановский, Холмовский, Успенский, Вятковский, Баскаковский, Новосельский — ни в одном из них четко и до конца не было проведения обложения кулацких хозяйств. И это вплоть до второй половины ноября. Мы взяли этот ряд сельсоветов случайно. И ясно, что в ряде остальных мы нашли бы много подобных. Здесь налицо определенный классовый прорыв, допущенный парторганизацией. Партячейки: Тумановская, Успенская, Баскаковская — это они непосредственно допустили ошибки при работе по льнозаготовкам в районах этих сельсоветов, хотя о работе ячеек можно говорить лишь с условностью. В этом беда Гжатской парторганизации.

Ячейки оказались слишком медлительны в переносе своего внимания на работу по заготовкам льна. Именно поэтому по Гжатскому району так сильны были на местах настроения: «Лен везут, держать его не станут». Отсюда и то, что партячейки в очень слабой мере, если не сказать совсем не занимались вопросами с беднотой и организацией ее для содействия льнозаготовок. Не занимались такими вопросами, как организация широкой переклички деревень, развертывания социалистического соревнования на лучшее и быстрее проведение льнозаготовок. Работа не организовывалась вокруг определенных сроков, принятые совещанием председателей сельсоветов обязательства — закончить льнозаготовки к 1 января, не стали боевым лозунгом по работе. На языке райкомовского руководства все это называлось «парторганизация сделала все необходимое». Именно так заявил секретарь райкома ВКП(б) тов. Андрияшкин пресс-бригаде по ее приезде в Гжатск. И уже после того, как в печати освещен ряд прорывов в работе по Гжатскому району, созванный в конце ноября пленум райкома ВКП(б)

вынося решение по докладу о заготовках, записывает: «слабость работы по льнозаготовкам, о нем говорит малое количество красных обозов». И только. Казенное благополучие неуместно в гжатских условиях. 40 процентов выполнения годового плана еще не дает права на успокоение.

Нужна еще большая работа, чтобы в декабре выполнить полностью свои планы, чтобы выправить все промахи, чтобы кулак вывез государству весь свой лен, а не верхушки.

Осень сего года, наша Васильевская ячейка добилась у граждан согласия общей молотбы хлеба машинами, с назначенными контрольными людьми, которые должны следить, кто сколько намолотил. Из этого ячейка могла бы изъять все те хлебные излишки, которых нет, как будто это правильно, но в самый разгар половинной молотбы, контроль сняли и объявили, что это не нужно. И попробуй доказать, что это нужно. Предвидя неурожай, крестьяне стали усиленно сбывать свой скот, предвидя необходимость вступления в артель, оно еще уменьшило рабочий скот до минимума. В артели, в первую очередь, пошли зажиточные, которые предвидели, что дело для них обстоит плохо, и за ними потянулись в хвосте и бедняки. Из 260 дворов с. Васильевского, стали артели, зажиточные не остановились от отчисления 50 — 55% в неделимый капитал, в артелях объединены амбары, рабочие быки, лошади, хлеб, весь с.х. инвентарь. Зажиточные скрылись в артели, как за ширму, думая скрыться и тем сохранить свое благополучие. Но их стали оттуда выводить пачками. Объединенный хлеб пришлось им возвратить и также середняцким хозяйствам. Много вступило в артель, надеясь получить свое пропитание в артелях, но на них хлеба не оставляют и точка. Можно предвидеть, если не снабдят хлебом, то большинство придется распустить, а возможно они и сами уйдут. Срывается работа, срываются намеченные планы, есть один исход: кормиться мясом, хоть это все-таки невыгодно и мало достаточно. Идет в деревне перелом — борьба.

Живешь в деревне и думаешь, что уходит почва, настроение крестьян паническое. Большинство не работает, опустились руки, несмотря что все в артели.

1929 г. Порченков Г.  
БССР, Руднянского р-на, с. Красное

## *«Моя агитация и печать будит массы...»*

Наша д. Кальтино, про которую я писал 1/Х с.г. в газету, свезла свои излишки в кооперацию красным обозом под моим активным ведением. Самообложение 1929 — 30 гг. в сумме 500 р. Наша деревня упиралась и очень крепко.

Первое собрание 30/ХІ никаких результатов не дало. Про тот факт я, как актив деревни, голосовал за 50% и нас нашлось всего 5 чел., а 65 были против. Такое ненормальное дело было нетерпимо, и я написал в местную окружную газету «Рабочий и пахарь», указав на те личности, которым самообложение было противно. Все же самообложение провели на все 100%.

Наша деревня Кальтино живет нелепыми слухами, а особенно в настоящее время: от нашей деревни 1 километр небольшая дер. Домарево. Полдеревни перешло в колхоз. 12 октября при Покрово-Раменском с.с. Некоузского р-на, Рыбинского окр. сформировался большой колхоз — до настоящего времени там 153 хоз.

А наша деревня своей площадью прилегает к этому колхозу; деревня с населением в 65 дворов — 272 чел.

В период зимнего времени я полагаю, что в нашей деревне Кальтино выйдет перелом на коллективизацию. Но здесь вот и нужна весьма упорная и долгая работа со стороны партийных товарищей. С одного раза деревня еще не поняла и не разжевала, т.е. держится за старые единоличные порядки, новые она расценивает по-своему. Нелепые олухи идут, что все будет общее, а кормить досыта в колхозе не будут, а пайка мало — 1 пуд. Так говорят ежедневно в деревне Кальтино. И нелепым слухам нет конца. Есть в деревне и хорошие мужчины, которые понимают, что легче жить, работая на машине. А тьма и тьма религиозная окутала дымовой завесой религиозного дурмана: пойдём в колхоз и неотпетого в землю опустят. Я активно веду борьбу со всеми нелепыми выдумками деревни. «Селькор» журнал дает мне ту роль, которой я в последнее время начинаю управлять в деревне.

4.ХІІ я стал собирать подписку на издания «Крестьянской газеты» и это дало хорошие результаты. Мои словесные убеждения поняли те именно, которые в настоящее время стали подписчиками на общую сумму 13 р. 80 к.

Моя агитация и печать будит массы в Кальтино и двигает их по линии коллективизации.

Краснобаев А.И.

5.XII.29 г.

Рыбинский округ, Некоузский р-н,  
п/о Лацкое, дер. Кальтино

***«Смело вступайте на прямую коллективную  
дорогу...»***

Над знаком великой задачи смело вступайте на прямую коллективную дорогу разрешения великой задачи сплошной коллективизации и перестройки всего зернового хозяйства, в том числе и мелкого животноводческого хозяйства. Требуется огромное напряжение всех сил рабочего класса и трудового крестьянства, которое этой весной и летом должно дать новый толчок развитию коллективного строительства не по принуждению, а вполне сознательно. Выполнить эту несокрушимую задачу можно только в том случае, если в этом будут принимать самое деятельное и бесперебойное участие все трудящиеся СССР, все рабочие и крестьяне Советского Союза. В нашей стране сельское хозяйство строится иным путем, чем при капитализме: хозяевами в стране у нас являются рабочие и крестьяне, только они заинтересованы в быстром росте нашей промышленности и сельско-зернового хозяйства, в быстрой и наиболее лучшей их переделке. Только общими усилиями мы сможем быстро двинуть вперед развитие нашей промышленности и зернового хозяйства. Чем больше будет вовлечено в строительство сплошной коллективизации деревни рабочих и крестьян, чем деятельнее будут участвовать в этой великой стройке, тем скорее достигнем нашей цели и тем скорее мы не только догоним, но и перегоним капиталистические страны. В чем же сейчас задача? Перейти от слов к делу, засучить рукава и приступить практически к живой связи рабочих и крестьян в деле сплошной коллективизации нашей страны.

Беднота Торумовского совета приносит 16-й партийной конференции горячий привет и привет 5-му съезду советов и горячо приветствует торумовская беднота на своем собрании Дальневосточную армию, борющуюся

против китайских контр-бандитов. Постановляем создать коллектив и присоединиться к крупному гигантскому коллективу при селе Ново-Захаркино.

9.XII.29 г. Маркенов Сергей Филип.  
Нижне-Волжский край, Аткарский окр.,  
Петровский р-н, с. Торумовка

***«Активисты деревенские... а практически  
ничего не делают»***

Сейчас середняки и беднота, не понимая политики партии и под науськиванием кулачества, не идут в колхозы, а также делают дробление своего хозяйства и сейчас начинают расти новые поселки. В Покровском с/с, Моховском с/с, в Паньковском, в Крыловском Верховского рика, Орловского окр. Сейчас середняки в Плосковском с/с дер. Котовки и поселка «Искра» усиленно дробят хозяйство, говоря, что «нас тоже драть будут как кулаков». Также сейчас идет сокращение скота в деревне. Раньше у крестьянина середняка в хозяйстве было 10 овец, то он сейчас оставляет только 4 — 5, а остальных режет, телят тоже уничтожает.

Вот в этой работе наши партийцы и в целом ячейки ВКП(б) спят и не ведут разъяснительной работы в среде нашего батрачко-бедняцкого и середняцкого актива. Наши активисты деревенские где-то в загоне, только занимаются трескотней, а практически ничего не делают. Нужно культурные силы деревни приблизить к массам крестьянства, рассказав им о пятилетнем плане развития всего народного хозяйства, рассказав о политике партии и правительства.

Еще ни один крестьянин нашего района ничего не знает о пятилетке. Низовые аппараты обеспечены плохими руководителями, которые слабо вокруг советов организуют бедноту и батрачество. Нужно большее число рабочих от станка двинуть в деревню, чтобы действительно, скорее ее преобразовать на социалистических началах, т.е. повести усиленную коллективизацию сельхозяйства, кооперирование.

Культурная работа тоже слаба. О кино, радио еще большая масса крестьянства не имеют понятия. Газеты тоже недо-



статочно выписываются. Нужно партии и вышестоящим организациям призадуматься над этим вопросом и в отсталые районы двинуть работу.

1930 г.                    Котов Ф.А.  
Орловский окр., Верховский рик,  
п/о. Шатило

**«Мне пришлось выселять кулацкую семью...»**

Я прожил 80 лет. На свете много всякого видел. Хочу написать правдиво, как оно было у нас, а оно почти везде было одинаково. Когда началась коллективизация, меня избрали председателем Зубковского сельсовета Велижского района Смоленской области. 12 хозяйств у нас по тем порядкам подлежали обложению индивидуальным налогом. Как кулацкие они же подлежали и выселению.

Не скрою, мне пришлось выселять кулацкую семью мельника Мелюхова Ивана Федоровича. К этому времени совершеннолетний мужской персонал уже был забран органами ОГПУ. Я приехал на двух подводах и объявил, что семью будем выселять. Хозяйка спросила, куда. Нам было сказано отвечать: за пределы области, так мы и говорили.

Меня стали просить дать время собрать имущество, распрятанное у соседей. Отпускать нам не разрешалось, как застал, так и погружай. Но мне было невероятно жаль, ведь тоже люди. Я спросил, сколько времени надо, чтобы собраться. Хозяйка попросила два часа. Я им дал. А многие не разрешали собраться. Как застали, так и отправляли.

Привез я мельникову семью в сельсовет, вскоре начали производить отправку. Хозяйка мельникова подошла ко мне, дает руку как бы на прощание. Я тоже подал руку и пожелал счастливого пути. За это я имел неприятность, многие укоряли, что председатель сельсовета прощался с кулацкой семьей Мелюхова.

В феврале 1931 года было выселено из сельсовета 9 кулацких семей на Урал. Там, как они рассказывали, был произвол, иначе ничем назвать нельзя. Весной некоторые семьи без мужчин начали возвращаться обратно, их принимали. В колхозе, кто чем мог, оказывали им помощь, для обзаведения. В июле месяце 31 года мне доложили,

что видели сына мельника в банде. Я об этом сразу же поставил в известность органы ОГПУ. А сам ходил и боялся, признаюсь честно. Дома не ночевал, как будто кто-то следил за мной. Однажды я пришел поздно из сельсовета и сплю себе. Вдруг толчок под бок, открываю глаза, смотрю: три человека, три пистолета направлены на меня. Бандит Мелюхов Алексей Иванович говорит: «Ты выселил нас, а мы вот здесь». Обыскивают под подушкой, матрацем, лезут в карман в брюки. Там печать сельсовета, берут штампуют какие-то бланки и говорят, что сожгут и пепел ветер раздует. «Ты был бы убит, но мать мне рассказывала, что ты добродушно к ней относился, когда выселял. Это тебя спасло от нашей кары».

Через некоторое время приходят председатели колхозов Мелюхов Макар и Виноградов Матвей, говорят, что бандиты Мелюховы избili их цепями и заявляли: социализм, мол, построим на вашей шкуре, не старайтесь, все будет сожжено и уничтожено.

В том же году, осенью, бандит Мелюхов был пойман. До этого он уже был ранен и сопротивления не оказал. За издевательство и ограбления был приговорен к расстрелу.

Коллективизация продолжалась. Были и перегибы. Шли мы неизведанной дорогой. Коммуниста ни одного в сельсовете не было, не было и комсомольцев, все делали активисты. На собрании мне один зажиточный мужик задает вопрос: «Ты пришел к нам строить социализм, ответь мне на такой вопрос: какой навоз лучше для земли?» Я сначала стал в тупик, потом пришел в себя и говорю, что навоз любой для земли хорош как удобрение. Он говорит с усмешкой: «В говне не разбираешься, а пришел строить социализм».

Много уже колхозов было организовано, и вдруг появляется статья Сталина И.В. «Головокружение от успехов». Мне кажется, что закружилась голова у самого И.В. Сталина. Колхозы начали распадаться, скот забирали, за перегибы людей начали судить, исключать из партии и комсомола. Чуть не попал и я в эту заваруху, чудом уцелел. Стало трудно работать, а задача поставлена в ближайшее время завершить коллективизацию сельского хозяйства. И мы эту задачу выполнили. Социализм был построен в короткий срок, хотя и с большими жертвами. Это была революция. Она всегда побеждает, имея жертвы. А жертв было сотни тысяч.

Сколько было уничтожено и сожжено колхозного добра, об этом сейчас не стали писать, а больше пишут об обиженных раскулаченных и хотят им ставить памятники как жертвам.

Не слишком ли рано это делать? Где же правда? А правда одна: забыть что было. Была революция, а в революции гибнут и виновные, и невинные. Социализм построен в короткий срок, заводы и фабрики и земля стали государственными и колхозными. Это и есть социализм. Люди за 3 — 4 года стали неузнаваемыми. Многие колхозы стали зажиточными, получали помногу хлеба на трудодни, вышла в свет новая Конституция. Но недолго это все хорошее существовало, завоеванное народом в упорной и жертвенной борьбе.

Начались массовые аресты и расстрелы без всякого суда и следствия. Погибли десятки миллионов ни в чем не повинных людей. Шепотом мы говорили тогда: а где же И.В. Сталин, неужели это все враги? И каждый думал, когда загудит машина вечером под его окном.

1989 г. П.У. Бородилев  
Жарковский район, Калининская область

***«Всякое промедление... усиливает почву  
для кулацкой агитации»***

5 марта на кустовом собрании бригадиров при райкоме секретарь РКП ероскома\* т. *Самойлов* дал установку: «раскулачивать в пределах 7%» (пишем с его слов).

Бригадиры к 15/III «раскулачили» около 9% (в среднем по району).

Коллективизация и раскулачивание сопровождалась арестами по 15 — 20 человек ежедневно (по сообщению уполномоченного ГПУ). В числе других арестовывали слепых, старух 70 лет и бедняков. В целом ряде случаев имущество кулаков распределялось среди бедноты. В Понинском сельсовете уполномоченными по коллективизации оказались 2 кулака, которые больше занимались пьянкой. Случаев безобразного отношения много, но времени для описания их нет. Глазовский район выделен показательным. И, несмотря

---

\* Ерос — район.

на искривления классовой линии, почему-то считается вполне благополучным. Такое мнение и в Ижевском обкоме.

На основе старого устава в ересе обобществили: постройки, лошадей, коров, свиней, овец, кур, гусей и проч., успели свести часть лошадей, большую часть коров и часть свиней. В первой половине марта на бюро стоял доклад председателя правления колхоза. Я выступил с предложением: форсировать директиву ЦК и новый устав (имею в виду статью тов. Сталина).

Мне секретарь РКП Самойлов (его поддержали и остальные члены бюро) заявил: «Вы понимаете статью Сталина не так, как надо. Мы будем закреплять то, что уже обобществили». Резолюция по докладу до сих пор не утверждена РКП.

С группами бедноты не только не работали и не разъясняли сущность политики партии в деревне, но еще и сейчас они (группы), существуют формально. А большинство не знает, почему раскулачивается деревня. 10/III в Ижевске было экстренное совещание секретарей ероскомов (райкомов). 19 марта секретарь РКП вернулся с этого совещания и 20/III было совещание бригадиров, работающих в с/с. Совещание снова пошло по руслу под лозунгом: «Ни шагу назад». Секретарь РКП по вопросу обобществления коров дал такое разъяснение: «Если часть деревни не захочет обобществлять коров, надо оставить ее вне колхоза». Иначе говоря, новая форма администрирования являлась установкой в работе по исправлению ошибок. Я резко выступил с доводами, что все допущенные перегибы нельзя относить за счет линии партии. Держаться за хвост коровы в то время, когда из-под ног будет ускользать коллективная почва, по меньшей мере — непонимание целевой установки нового устава и директивы ЦК. Словом, к 20/III бюро с бригадирами было настроено за укрепление ошибок. Лишь после того, когда меня поддержали еще 2 товарища, бюро встало на примиренческий путь и согласилось вынести примерный устав на обсуждение массы, выжидая 1 апреля, когда масса скажет свое мнение о новом уставе. И только 21 марта председатель Ижевского облисполкома т. Медведев дал правильную установку, руководствуясь которой бригадиры будут выпрямлять линию партии. Отдельные головотяпы уже исключены из партии, но многие еще работают и продолжают «разъяснять» статью т. Сталина.

Вот образец такой «разъяснительной» работы. «Бригадир Качкашурского сельсовета *Ившин* говорит: за распространение газет со статьей Сталина предместкома разезда № 18 (Пермской ж.д.) будет арестован. Статьи эти не официальные. Тот, кто их писал, будет арестован. Железнодорожники — бюрократы, они не понимают, что читают. *Шинов* — помощник начальника разезда № 18». (Заметка проверяется, так как доставил ее не автор, а наш бригадир газетный).

Редакция выступила на страницах нашей газеты с требованием немедленно взяться за выпрямление линии партии. Но и это выступление было довольно трудным. Во-первых, мы не могли получить статьи на эту тему и вынуждены были прийти к председателю еросисполкома и взять беседу — поставили перед фактом необходимости заговорить. Я был приглашен в РКП с материалом очередного номера. В РКП с газетным номером я не пошел, а ответил: «От РКП я ничего не конспирирую, но ходить на согласование я не буду. Если я не умею вести правильную линию, то меня надо снять с работы».

При такой обстановке я выпустил № 4 газеты, где ударил по искривлениям и приложил примерный устав с.х. артели, разъяснением к которому дал беседу т. Яковлева (НКЗ) с колхозами\* из «Крестьянской газеты».

Очередной номер выпускаю с ударом по искривлениям.

Последнее замечание. Вчера на заключительном заседании с бригадирами я снова выступил и указал на благодушные секретаря, приведя целый ряд фактов, характеризующих кривую линию по коллективизации, и поставил вопрос так: «Надо не благодушествовать, а признать ошибки и немедленно взяться за выпрямление линии партии. Всякое промедление — смерти подобно для колхозного строительства и усиливает почву для кулацкой агитации».

После моего выступления *Самойлов* резко изменил ко мне свои отношения. Я, конечно, этого не боюсь, и за линию партии буду драться, но обстановка для работы очень трудная. Есть и еще о чем писать, но ждет газета.

Добавлю, что местами уже крестьяне сами начинают разводить коров по домам.

1930 г.

Вятская область,  
колхозная газета «Заря Коммуны»

Зам. редактора

---

\* Коллективный корреспондент.

## *«Делали колхозы... как дети делают бумажные кораблики»*

В одном из своих писем я обращала ваше внимание на статью в «Правде», на беседу председателя Колхозцентра, напечатанную в «Бедноте».

Когда появились эти статьи, здесь, в низах они всячески затушевывались, скрывались и т.д., потому что линия в работе по коллективизации Бежецкого р-на была слишком бесшабашно революционная. Никаких намеков на оставление одной коровы в хозяйстве при обобществлении не было. Обобществлялось все. И даже как показательные, как примерные колхозы, считались те, у которых удавалось «обобществить» овец, телят и другую мелочь. Коллективизация также шла по плану чуть ли не по пятидневкам. Дана была даже контрольная цифра: весь район должен быть коллективизирован к 15 марта. А как, какими методами, какими способами, — это меньше всего кого-либо интересовало. Меньше всего агитации, разъяснения, убеждения. Больше было других способов, более легких. Способы разные, у каждого с/совета, у каждого работника свои. «Взять на заметку», кто не голосует за колхоз. Голосуют так: «Кто против колхоза, тот против советской власти». И смелые, поднимавшие руку за такую формулировку, брались «на карандаш». А это в здешних условиях «белый дом» — тюрьма. Были и такие факты: грозили высылкой в Архангельскую губ., в Соловки тех, кто не записывается в колхоз (Шишково, Дубр. с/с, Беж. р-на).

На не записавшихся в колхоз (в том же Шишкове, Дубр. с/с) ночью организовывались налеты по раскулачиванию (с. Михалихи). Колхозы росли, как грибы, и местные и районные работники хватались за голову, которая у них кружилась от успеха. Все внимание было обращено на коллективизацию. О весеннем севе было забыто, семена были в стороне, расширение клина яровых полей казалось мифом.

И вот, статья т. Сталина и устав, в котором ряд изменений и дополнений. Газету пытались спрятать (Шиш. Дубр. с/с). Крестьянам, которые на собрании цитировали новый устав, грозили: «Кулацкие подпевалы, взять на карандаш».

И когда наша бригада стала требовать широкого разъяснения нового устава в колхозах, разъяснения ста-

тви т. Сталина, то до смешного доходила осторожность: «А можно ли широко разъяснять устав всем?» И бригаде предложено было воздержаться от разъяснения впредь до получения особых директив из райкома. Директива не замедлила явиться. На места были разосланы райоргкомиссией так называемые «наметки», в которых черным по белому писали: «Обсудить во всех колхозах новый устав, опубликованный в газетах таких-то и таких-то, при чем в колхозах с обобществленным скотом всех видов следует безусловно закрепить, изменив этим самым п.4 устава».

Следовательно, получилось новое чудовищное извращение. Напечатанный устав гласил одно, а район категорически требовал в п.4 уставу не подчиняться. Настроение обострилось. Наша бригада категорически отказалась от этой наметки и принялась разъяснять устав так, как он опубликован.

Липовые колхозы, сколоченные угрозой, запугиванием, начали распадаться. И закружившиеся «от успехов» головы местных работников поникли. Начали раздаваться голоса: «Что же это, отступление. Шаг назад. Пасование перед мужиками?» И даже больше — секретарь комсомольской ячейки Шишково Дубровского с/совета дает своим комсомольцам твердую установку на собрании: «Нечего менять методы работы, нечего обращать внимание на сталинские речи, сталинские речи нам здесь не по климату!» Ну, какие после этого нужны комментарии? Многие работники вздыхают: «И что только наделал Сталин со своей статьей? Все колхозы разваливаются!»

Да, и разваливаются, это верно, но не из-за статьи т. Сталина, а из-за дикого головотяпства местных работников, которые делали колхозы с такой же легкостью, как дети делают бумажные кораблики. Теперь кораблики не выдержали, размокли.

Но колхозы, организованные по-деловому, по-серьезному живут, готовятся к весне бодро, энергично. Правда, однокоровники получили своих коров обратно, получили и многокоровники по одной корове; мелкий скот возвращен, спешно прорабатываются производственные планы, правила внутреннего распорядка. Идет починка инвентаря, колхозники ждут весны. И только по-прежнему чувствуется отсутствие нужных работников на местах.

Нужны счетоводы, нужны понимающие дело сел.хоз. твердые руководители колхозов.

Вокруг этих вопросов должна мобилизовать внимание Москва.

19/III—30 г. Миняева  
Бежецкий район

### *«Вот как руководили сельским хозяйством»*

Хочется подробнее рассказать о тех промахах в руководстве сельским хозяйством, о грубых, неумных действиях, которые я наблюдал и сам пережил.

Родился я в 1920 году восемнадцатым ребенком в семье крестьянина, деревни Усть-Тет, Енисейского района, Красноярского края. Жили большой семьей в пятистенной избе отца. Отец умер в 1928 году весной. А осенью к нам приехал из города Енисейска уполномоченный. Он приходился матери троюродным племянником.

«Как живешь, Иван?» — спросила его мать.

«Живем не тужим, Советской власти служим», — ответил он гордо подняв голову.

«Вижу, новые шаровары где-то взял. Слава боже хоть наготу-то прикрыл тряпкой».

Он не стал с матерью разговаривать. Обратился ко мне:

«Где братья-то старшие?»

«На охоте».

«А ты любишь охотиться?»

«Люблю».

«Ружье-то есть?»

«Нет», — вздохнул я.

«Я те новое привезу из города».

«Во, мама», — похвастался я, когда он ушел в сельсовет.

«Кто привезет, Ванька-то? У него ни кола ни двора, лентяй. Он сам последний хрен без соли доедает. Семья есть, а коровы нет. Болтун, бездельник. Люди сено косить, а он идет кусок хлеба просить».

На будущий год он снова приехал. Покушал и ушел в сельсовет.

«Но, как ружье-то?» — спросила мать.



«Нет ружья», — пожал я плечами.

«А он, что болтает, о том забывает».

В сельсовет он вызвал самого бедного мужика нашей деревни и поставил его председателем сельсовета.

«Это кого? Степку Шарона. Мать ты моя, лодыря и воруго председателем!» — возмущались все жители деревни. Они собрались к нашей избе поговорить с уполномоченным. Но тот уже постарался уехать в город.

Бедный мужик, которого поставил уполномоченный председателем был Степан Шаробаев. Но так его никто не называл. А звали Степкой Шароном. Он имел одну лошаденку, одну коровенку на семь человек семьи. Траву не косил, сено не ставил. Его он собирал по луговым дорогам, где что упадет у других с воза, или где что плохо лежит, украдет. У нас он увез воз оденок\* из стога, забыв на обочине свою парку\*\*. Его лошаденка и коровенка всегда бродили по деревне и кормились объедками. Крестьянин должен знать хорошо погоду. Знать твердо сроки, когда что делать. Ему нельзя терять ни минуты зря, чтобы вовремя все сделать. Степка был не сроден к крестьянству. Многое упускал, сильно был ленив, поэтому жил нищенски.

Вот первая, грубейшая, неумная ошибка сталинских времен, когда презирали мнение сельского жителя и дали власть в руки бездельников, управление властью.

Почему жители села на зиму готовили дрова ранней весной? Время было свободное пока не пахать, не сеять. И дерево, потянув соки становилось слабым, мягким. Пилить дерево зимой и весной большая разница. Экономится время. Степка же дров весной не пилит. Он сидел летом на берегу с багром и ловил то, что Енисей принесет. И брал лишь то, чтобы его не пилить, ни колоть, а пихать прямо в печь. «Лодырь», — так о нем отзывались люди.

Весной 1930 года началось раскулачивание. Приехал милиционер. Они со Степкой выселили из домов семь семей. В основном тех, у которых Степка много крал.

Семь семей, потомки первопроходцев, которые в 1679 году основали нашу деревню, жили на берегу, в ожидании парохода, который их увезет в Игарку. Жены и дети плакали.

---

\* Остатки сена от стога или нижний слой сена, соломы в клад.

\*\* Зимняя верхняя одежда из овчины или шкуры оленя, собаки.

«Мужики, — сказал старший из выселенных, — топы взяли с собой?»

«Взяли».

«Тоды не плачьте, бабы. Мы и там не пропадем».

А раскулачивали их потомки четырех сосланных сюда за воровство и разбой на дорогах.

Осенью того же года мы попали в зажиточные. Мать вызвали в сельсовет и приказали ей сдать тонну мяса. Мать пришла домой в слезах, еле молвя слова. Старший брат Дмитрий, пять лет провоевавший в гражданскую войну за Советскую власть, сказал: «Не плачь, мама. Сдадим шесть коров, одну оставим себе. Меня зовут на работу в Транспортную контору Золотопродснаба зав. складом. Не пропадем».

Сдали шесть коров. Брат поступил на работу. В 1933 году приехал к нам уполномоченный в портупее, в военной форме и два милиционера. Собрали всех жителей к сельсовету. Поставили стол, накрыли красной скатертью. За стол сел уполномоченный, два милиционера и Степка.

«Вот, товарищи граждане, — сказал уполномоченный, одергивая гимнастерку под портупеей. — В стране началась всеобщая коллективизация. Мы отстали. Надо срочно провести и у нас. Тут не должно быть других суждений. Надо всем активно записаться в колхоз. Я вижу тут некоторые шушукаются. Шушукались некоторые в Плотбище. Пришлось забрать пять человек».

Он сел за стол и положил наган на скатерть. «Пиши, председатель. Подходите записывайтесь».

«Я не могу писать», — сказал Степка. Карандаш и бумагу взял милиционер.

«Но, чо, Митька, пойдем писаться, — сказал Щелканов Руф Герасимович. — Нам работать где, все едино».

И они подошли и записались первыми. Записались все. Раз пишутся такие работающие мужики, а чем мы хуже?

«Председателем надо избрать из бедняков», — сказал уполномоченный. Избрали Шаробаева Михаила.

Он любил пить, гулять, на тальянке играть. Но был умнее других Шаробаевых. Умел хитро подойти к любому жителю.

Мы работали в колхозе от мала до велика.

«Но, Митька, обогатеешь. У тя больше всех трудовых», — говорили мужики.

Пришел конец года, весь урожай сдали в заготовку, на трудовни не осталось ни зернышка. Пришлось жить своим огородом. Все старшие поразъехались по производствам. Остались мы, малыши со старшим братом, Дмитрием. Он был завхозом колхоза. Работал там, где труднее всех. В Северо-Енисейск на золотые прииски грузы завозили только по Питу весной. Одна баржа с грузом потонула. Прииска остались без спичек. Осенью по шуге повезли грузы илимками\* колхоза. Руководил рейсом на лошадях бичевой Дмитрий. Груз доставили. А дела в колхозе не улучшались. Все брали в заготовку, никого не спрашивая. Из колхоза люди стали разъезжаться в разные стороны, не смотря на все запреты. Так начинала рушиться продовольственная основа страны.

А кулаки не пропали и в Игарке. Их дети вернулись с войны с орденами и наградами в свою деревню. Отцы приехали к ним же. Но работали они на производстве. Жили снова лучше колхозников. Я с войны возвратился домой. Три старших брата погибли в тяжелых боях. Один оборонял Москву, другой освобождал Крым, третий на Орловско-Курской дуге.

Встречала меня вся родня.

«Но, еще одного работника дождались!» — кричал пьяный председатель Шаробаев.

Мать постарела. Рядом сидела крестная Ксенья Захаровна, всю жизнь проработавшая в колхозе.

«Сколько получаешь пенсию, моя дорогая?» — спросил я ее.

«Восемнадцать рублей».

«А я — девятнадцать», — сказала тетка Марья.

В колхоз я не пошел. Стал работать в экспедиции по изысканию алмазов. Однажды вызвали меня в райком партии.

«Назначаем тебя председателем колхоза», — сказал мне первый секретарь Ким.

«Я не колхозник. Изберут ли меня колхозники, не знаю. Потом наведите полную ревизию состояния колхоза. Кто его развалил, пусть отвечает. Ведь в колхозе осталось всего 15 рублей на капиталовложении. Все разворовано и пропито», — сказал я.

«Тебе партия доверяет большое дело, а ты ее дискредитируешь. Судить будем».

---

\* Илимка — вид лодки.

«Вы не партия, а ее член, такой же, как и я. Председателя не ставят, а избирают».

«Будешь с нами так разговаривать, будем судить».

«Я работаю на работе. Судить меня не за что».

«Мы приказали уволить тебя с работы, считай, что ты уже председатель».

Дело это приняло крутой оборот. Приехал я в деревню, стал разговаривать с колхозниками.

«Мишка все развалил и пропил. В войну он старался, чтоб на фронт не взяли. А после войны обнаглел. А там его защититить хотят. Он их осетриной кормит. Коров, лошадей пораздал им», — говорили колхозники.

Я собрал документы, сколько разворовано из кассы колхоза денег, сколько кому роздано даром коров и лошадей. Все выслал в крайком. Там разобрались с доподлинностью документов, назначили комиссию по этому делу. Я был уволен из экспедиции, она уехала в Якутию. Меня же приказано было прокурору арестовать. Тот получил выговор за медлительность. И тут же выезжала в район комиссия из крайкома. Меня снова вызвали в райком и сказали: «Тебе из экспедиции вызов в Якутию. Желашь, пропуск завтра оформим и поезжай».

Я понял, что желают избавиться от лишнего свидетеля. Без работы я обнищал и согласился уехать. Приехал домой. Подходит катер чекистов. Предлагают ехать с ними. И я уехал со всей семьей в Якутию. Вот как руководили сельским хозяйством. Трудно лечить старые раны, но надо серьезно решать продвопрос.

1989 г.

К.А. Кольчугин

станция Саратовская, Краснодарский край

### ***«Мне... было поручено организовать «красный обоз»***

Январь 1932 года. Начало работы 17-ой партконференции. Первый секретарь Серебрянопрудского РК ВКП(б) т. Романов, отправляясь на конференцию, вместе с райисполкомом решили в ее честь организовать районный «красный обоз» с хлебом. Тогда это было в моде: помимо выполнения плана хлебозаготовок и твердых заданий, организовывать за счет кулацких хозяйств еще и «красные обозы». В эти годы, в период сплошной коллективизации и обостре-

ния классовой борьбы, крестьянин был обозлен, мститель и, как мог, сопротивлялся, а в Московской области, в частности, в Серебрянопрудском районе кулацкие хозяйства были просто выдумкой. Если крестьянин имел пару лошадей, корову и мало-мальски приличный дом, нажитый своим трудом, это был уже «кулак».

Мне, заведующему орготделом РК ВКП(б), было поручено организовать «красный обоз» от единоличных хозяйств села Красное. Колхоза там еще не было. Прибыв в село, я вместе с членом президиума сельсовета отправился на выполнение задания. Собрав часов в 6 вечера собрание, я рассказал о значении «красных обозов» для авторитета страны, о работе 17-ой партконференции, на которой будут рассмотрены вопросы развития нашей страны и второй пятилетний план. После моего доклада и выступлений начали поименный опрос присутствующих, сколько и какого зерна он дает для «красного обоза». Замечу, что все проходило как бы легко и охотно, зерна набралось на 6 одноконных саней. Договорились, кто будет собирать записанное зерно, кто поедет с «красным обозом», назначили сбор на 6 утра. После этого мы с уполномоченным сельсовета отправились на ночлег в дом одинокой старушки, где для нас был уже приготовлен ужин и место для отдыха, на полу, около большого сундука.

Примерно в 5.30 утра мы отправились к месту сбора «красного обоза», и только мы вышли из дома, как следом за нами вышла старушка. Как потом выяснилось, это была мать сосланного кулака. Она подняла крик: «Люди, ночлежники обокрали мой сундук! Арестовать их и отправить в милицию». Нашлись такие, которые поддержали старушку, бросились к нам, кто с вилами, кто с другими предметами, начали требовать моего ареста. Пришлось, конечно, показать, что мы вооружены, если кто подойдет, живым не останется.

Поименно назвав тех, кто должен на своих запряженных лошадях собрать хлеб, мы с опозданием, но отправили обоз и прибыли к зданию райисполкома. Я доложил о случившемся, и на второй день все выяснилось. Так как старушка рассказала, по чьему заданию она мстила за сосланную семью своего сына, организаторы получили по заслугам. После этого происшествия я стал как бы шефом над этой единоличной деревней и уже к весне

1933 года там организовали колхоз имени Тельмана. На совершенно добровольных началах.

1989 г. Г. Лебедев  
Калмыцкая АССР

**«Ты окопался в Кремле... и ничего не видишь»**

Михаил Иванович, пишет тебе твой бывший соратник Кузьма Петрович Гвоздев. Я только что вернулся в Москву и вот что должен я тебе сказать.

Во-первых: как я вижу, ты окопался в Кремле, крутишь любовь с бухами\* и ничего не видишь.

Во-вторых: в былые времена цари-деспоты, хотя изредка бывали в тюрьмах, навещали заключенных — бываешь ли ты? А ведь московские тюрьмы переполнены. Бутырская тюрьма рассчитана царем на 2.000 чел., а ты там имеешь 20.000 чел. И кем же они забиты: мужиками-хлеборобами, чем только и сильна наша матушка Россия.

В-третьих: был ли ты когда-нибудь среди крестьян-хлеборобов, знаешь ли ты их нужды? А ведь они наши кормилицы. Беседовал ли ты когда-нибудь с кем-нибудь из крестьян-хлеборобов о колхозном движении, как оно проводится, кем, и довольны ли они им?

В-четвертых: знаешь ли ты о том, что в район Архангельска ссылают сотни тысяч граждан и там их пускают на произвол судьбы? Цари-деспоты, хотя и ссылали и сам ты был в ссылке, но тебя кормили. А теперь что делаешь ты? Это по-моему называется людоедством.

Приезжай ты на Курский вокзал и там ты узнаешь, кого привозят и отправляют в ссылку — мужичков-лапотников.

В-пятых: известно ли тебе, что в Сасовском районе Тамбовского округа войсками ОГПУ расстреляно два селения крестьян-хлеборобов?

В-шестых: прежде всего чем тратить сотни тысяч метров мануфактуры на плакаты майских торжеств, нужно было бы вперед узнать, одеты ли наши мужички-хлеборобы? А ведь они ходят без порток.

---

\* Бухи (жаргон) — сторонники Н.И. Бухарина.

В-седьмых: по Москве везде и всюду расклеены плакаты об общественном питании, интересно было бы знать, когда же ты перестанешь иметь свою отдельную кухню и поваров и пойдешь со мной вместе обедать в обжорку МСПО\*?

Ты, дорогой мой соратник, подумай серьезно и хорошо, приятно было бы, если бы ты обо всем этом сообщил и разъяснил бы через посредство печати.

1930 г.            К.П. Гвоздев

***«Мы только подчинялись высшим организациям  
да избачам»***

Печатаются в газетах разные постановления, статьи Сталина и др. организаций. Но правду ли они пишут или только очки втирают.

Все это похоже на ту быль, о которой говорят старики про 1905 г. Когда Николай кровавый был прижат к стенке, он издал закон о свободе. А потом? Столыпин надел на свободу свой галстук и задушил их.

Статьи в газетах и постановления тоже на это похожи. В коллективизации вышли виноватыми низовые работники. Конечно, стрелочники всегда виноваты. А районные, а окружные работнички, они не виноваты? Нет. Эти не виноваты. А что, мы одни что ли коллективизировали 100%? А где были РИКи, округа? Да тут же. Они в газетах отчеты писали, пили по квартирам за 100%. А разве низовые работники выдумали то, что если кто не пойдет в колхоз — облагать шерстью по 5 пуд., льном по 15 пуд., хлеба по 100 пуд.? Нет. Этому учили работнички повыше чем с/с. Они кричали тогда: обкладай, ищи, отбирай. А кто раскулачивал? Если говоришь, кулака нет, то что получается. Как кулака нет? Ах, ты подкулачник, ты кулацкий подпевало, долой с работы и т.д.

Мы «головотяпили» по-вашему, а по-нашему — мы только подчинялись высшим организациям да избачам.

---

\* Московский союз потребительских обществ. Занимался снабжением столицы и Подмосковья продуктами питания и предметами широкого потребления. Имел в своей структуре отдел общественного питания.

Разве низовые имеют какую самостоятельность? Нет. Избач руководитель, избач генерал, а при чем тут с/с? А теперь виноваты низовые.

Крестьяне про все это говорят: «Загнать загнали, а получилось то, что должно получиться — неразбериха, анархия». И на самом деле так. Раскулачивали середняков, т.к. кулаков-то нет. И выселяли середняков, на кого укажет избач, а теперь отдают все обратно. А кто возвратит потерпевшим середнякам масло, яйца, гусей, мясо, уток? Кто, говоря, возвратит? Ведь все это сожрали избачи, да бригадиры, которые работают в «колхозах».

Вам нужны факты? Извольте: возьмите на проверку людей повыше, да почестнее, например, Сарапульский округ, и вы найдете все то, о чем пишется. Это про колхозы.

А сосчитайте, сколько в тюрьме в Сарапуле сидят попов, сколько закрыто фиктивным и административным порядком церквей. Возьмите только для примера Чернушинский район. А народ на стенку лезет без церквей, ездят крестить, отпевать за 30 — 50 верст. Для чего, кому это полезно? А как попов сажают? А вот как. Окружные безбож. работнички дают наказ районным, а те низовым: заставьте какого-нибудь активиста или комсомольца сострять донос в ГПУ и — готово. «Дайте письменное распоряжение». Отпечатают: «Что письменно? Да ведь мы вам оказываем доверие, личное доверие, а вы и не понимаете. Помогайте строить социализм. А чтобы донос был, у нас с ГПУ согласовано». Ну и готово. Заказ сострян и поп сиди.

Бывает и чище. В селе Космяше, того же Чернушинского р-на за 1 день до Рождества в 11 час. ночи *пришли три комсомольца, попа связали и остригли, имущество забрали.* Поп три месяца валялся в больнице. Вот что делается.

Власти больно много у нас: сов. власть, партия, союз безбожников тоже власть, избач — власть. Плюнуть некуда — все власть. Если ратуют за единоначалие на фабриках, так надо и здесь, чтобы хозяин был один, а не сто. Ответственный с/с, а тут с боку-припеку — семь капралов, один рядовой и тот кривой.

Власти надо меньше. Общему собранию власть, он хозяин, а не какой-нибудь шлында — комсомолец, пионер, активист и т.п.

Да, это важный вопрос, о нем надо подумать, а то ведь мы недалеко от частичных выступлений крестьян по



вопросу вообще обдираловки и, пожалуй, «религиозных бабьих бунтов». Кому это полезно. По-нашему и то ладно, что с колхозами рано очухались, а то бы насеяли много, особенно в наших местах.

1930 г. Черноусов Петр Семенович  
Сарапульский окр., Чернушинский р-н

### ***«Лишь бы револьвер под боком иметь»***

Михаил Иванович Калинин, как возрадовалось крестьянство, когда вы были избраны Пред. ЦИК, так теперь оно настолько недоволено Вашим Сталиным. Вы привели страну к явной гибели. Если Вам не жаль крови, пролитой детьми крестьян, рабочих за освобождение этих рабов из-под гнета, то к чему все Ваши подделки — сидеть вверху и кричать: «Мы ставленники крестьян и рабочих и мы Ваша защита».

По Вашему распоряжению, декрету получили крестьяне землю. Труженики взялись за работу, как вша за тело, начали работать, а тут еще начали устраивать выставки сельскохозяйственные, которыми развили аппетиты в любителях сельского хозяйства до невероятности. Каждый труженик старался довести свое хозяйство до тех экспонатов, какие ему нравились на выставке. Жизнь закипела.

Вам, головкам несчастной, в крови залитой годами России, это, по-видимому, не понравилось. Те, которые покляли свои силы на сельское хозяйство, стали у Вас врагами. Своими постановлениями, секретными партийными заседаниями вы их на сегодняшний день считаете врагами, что, якобы, они опасны для Вас и страны. Так как с вашими постановлениями твердого, положительного, обдуманного ничего нет и декреты вы так часто меняете, что мы, крестьяне, говорим: «Советские декреты как дышло, куда повернул, туда и вышло». Вы задумали: «Все это стереть с лица земли». Конечно, стереть очень легко, в особенности для тех, кто стирает — кому это нравится и смотрит на все это с хроническим смехом, но для патриотов страны русской, истинных детей России — это сильная боль. Сжечь, убить очень легко и минутное дело, но построить, вырастить — это нужно годы.

В смысле уничтожения у Вас дело обстоит очень организовано и энергично. Зачислил человека в партию, дал ему под бок *револьвер* и во имя презренного этого оружия он для вас все сделает. Если вы ему револьвер повесили под бок утром, то к вечеру он наделает столько контрреволюционеров, что прокуратуре за полгода с ними не разобраться. А это в России существует на 75 — 80%. Безусловно, большим доверием пользуются эти люди, а человек, пользуясь большим доверием, начинает всевозможными способами вводить ложные кляузы из-за личных счетов. Этого сколько угодно есть и вы в центре все это знаете и даете поощрение лжекляузникам, т.к. ни один кляузник за свои проделки не ответил как следует, а все принимается во внимание. Над мозолистым же крестьянином в этом году вы сыграли как кот с мышкой.

Кого вы раскулачиваете? Кого вы ссылаете? Тех, кто годами трудился своими мозолями в своем хозяйстве, старался его поднять, насмотревшись на ваши сельхоз. выставки, тех разорили, в эшелонах вы убиваете голодной смертью.

Каждый делегат, приехавши с выставки, рассказывал обо всем виданном, одабривал, как выставку, так и сделавших ее, т.е. правителей соввласти, что так наглядно устроено, как нужно вести и улучшать свое хозяйство. Каждый труженик с удовольствием выслушивал и старался вводить культуру. А теперь за все это его раскулачивают, все его забирают, ссылают, или вернее голодом уничтожают и т.п. У вас в центре, наверное, мнение такое: довести до того, чтобы никто и в век не подумал про советскую власть.

Видно по всему, что у вас там буржуйчиков не мало сидит. Но имейте в виду, что до царизма и помещиков вам России не довести. Еще прольется кровь, но царя с помещиками *не будет*.

У кулаков все забрали по указкам револьверподбочников и их сослали, а приведено ли все в порядок? Об этом и думать никто не хочет. Нет скота ни у кулака — как револьвероносы называют, но нет и у того, кому он достался.

Приросту скота нет. Посев яровой упал в этом году на 70 — 80%. Как вы в газетах не расписывайте, но в этом отношении вам никто не поверит. Вам в центре только хорошо резолюциями сеять, а поле, где должно быть за-

сеяно 3 недели тому назад, до сего времени не сеяно ни колхозом, ни одиночками. Последние боятся сеять потому, что осенью говорят револьверная партия (коммунистическую так называют) заберет и мне все равно в ссылке придется пропадать.

Пересмотра неправильного действия никто не хочет делать. Если револьвероподбочник и виноват, то ему никакого наказания, а только переведут с места на место с большим окладом, а того, кто сообщает за воротник да в конверт, чтобы в дальнейшем не сообщал.

Если вам жаль еще России, то надо принять меры к тому, чтобы оставшиеся поля засеять хотя гречихой, все-таки хоть что-нибудь да будет в России.

Великолепно зная, что кулаков уже нет, вы однако бросаете — «кулак, кулак», а на местах рады этому и все уничтожают, лишь бы револьвер под боком иметь.

Разрешите хоть свободную сдачу кож в кооперацию, чтобы кожи спасти, а то и эти погибнут бесцельно.

Не думайте, что вам пишет кулак или нэпман. Пишет истинный русский человек, говорю так, как говорят на местах. Не люблю льстить и обманывать, как вас обманывают резолюциями, красиво сложенными только на бумаге.

1930 г.

Бедняк

### *«Если бы т. Ленин жив был...»*

Я прочитал «Крестьянскую газету», где говорится, якобы наших товарищей Бухарина, а также Рыкова и Томского снимают с работы за уклон от линии Ленинской партии. Если бы т. Ленин жив был, то, наверное, тоже был бы давно снят с работы и отдан под суд. Потому что Ленин считал всех людьми и только под его руководством могла быть советская власть. Разве мыслимо, чтобы те товарищи, которые боролись за освобождение трудящихся масс, их уже нет, которые умерли, а остальные пошли против партии насильников.

Не знаю, как рабочие и фабрика уважают жизнь в настоящее время, но крестьянская масса в настоящее время находится под игом полного насилия, издевательства, которого даже нет ни в одном государстве. Наша партия и правительство подводят итоги насколько подняли про-

мышленность и сколько коллективизировано крестьянских масс, но я должен сказать, что это не коллективизация, а полное насилие и тиранство. Когда население не желает идти в колхоз, начинают применять всякие меры — хлеб забирают без всякого, землю тоже, — пугают, если не пойдешь, то мы тебя сошлем в отдаленное место. Нам пишут вот такие товарищи ошиблись и мы их предупреждаем исправить свои ошибки, а мы крестьяне приветствуем наших товарищей, которые сознали это. Имел больше хлеба и отдавал хлеб государству не до революции, а до вашей пятилетки, которая наделала кулаков, черт знает сколько. Все тюрьмы переполнены, не хватает места, сейчас такой холод, находится на дворе, растеряли сеялки и т.д., а власть гордится.

Разделили деревню на 2 лагеря и открыли полный террор. И везде звонят — мы нажимаем на кулака. Ведь тут и дураку понятно, разве кулак не человек. Наша власть сделала так, чтобы не всех сразу уничтожить, а постепенно. В нашем районе была такая коллективизация, заняли 2 поселка в коммуны, их арестовали, отправили в милицию, где продержали несколько дней, разве это не насилие? И какую ведут ожесточенную борьбу с кулаком.

Масса все время шла по течению советского строительства, но с появлением пятилетки течение начало приостанавливаться. По прессе видно, что нужно жать на кулака, но масса видит из практики, что ее жмут и она видит, что жмут ее по всем направлениям, посему она стала под «*кулаками*» понимать всех тех, кто кое-что имеет.

*Писать много бесполезно, но массы стали те, которые были в тот период, когда т. Ленин сказал т. Бухарину: «массы не желают войны, они голосуют ногами против войны и т.д.»*

1930 г. (Анонимное письмо)  
Омский округ, село Знаменское

### **«Русский крестьянин ни перед чем не остановится...»**

Кто они? Повсюду и повсеместно трудовым крестьянством и рабочими, исключая некоторых слепых орудий, разоблачается гнусная линия ком. партии. Под давлением этой линии бедное крестьянство стонет.

Окончательно разоряют крестьянские хозяйства под разными предлогами: штрафуют, продают имущество, грабят, ломают, из домов среди зимы выгоняют бедных, а в коллективы насильно загоняют, т.е. распыленные хозяйства соединяют. Но крестьянство еще не забыло соединения при крепостном праве, не очень давно, как крестьянство освободилось от крепостного права, панов.

Тогда им землю крестьянство обрабатывало, а само голодало, мало того их на собак меняли. Но то были паны из панов, а настоящие паны-палачи и не то еще могут по плану сделать, но крестьянство не хочет плана идиотизма. Ленин говорил: прислушайтесь течения народа; но эти идиоты свои гнусные делишки вырабатывают, все по плану.

Во всех известиях и правдах только и видна наглость и вранье разных шаек головоотяпов, кровожадных обдирал, пожирателей народного труда. Крестьянство настоящие газеты выписывает для обверток и отхожих мест. Не подумайте, что ими увлекаются: на заглавии «Правда», но на факте одно вранье. Вот эта листовка — народный дух и мысли и факты и не мало таких листовок плывет по волнам стихийного океана России, вы, редакции — пристани должны принимать, а вы редактора — капитаны должны направлять.

Вот эта статья раскрывает остальным глаза — кто они? Ясно, что они сынки старых панов, выгнанных из России. За двенадцать лет они набрали шайку головоотяпов из поповских сынков и теперь мстят крестьянству за их разорение. Они теперь разоряют крестьянское хозяйство. Во-первых, крестьянство разделили на классы: буржуи, кулаки, подкулачники, середняки, подсредняки, бедняки и батраки, которыми и маскируют свои гнусные делишки, якобы, пролетарии соединяйтесь!

А тем временем эти царьки натравляют класс на класс, а сами в мутной воде грязь ловят, да насилием в коллективизацию заводят. Но не придется ярмо надеть на крестьян обратно, потому что все крестьянство в одной атмосфере задыхается, а также и наши дети в Красной армии понимают, что их ждет дома голод, холод, безработица, коллектив, т.е. панщина.

Наш брат-крестьянин перенослив и терпелив, как известно всему земному шару, вот за его великие труды, которыми он кормит, одевает всех дармоедов, трутней,

белоручек страны, они ему навязывают свободу, которая носится в портфелях подмышкой. Дай крестьянину работать, как он работал, дай свободу труда вольного производства, отдай ему тот воздух, который отнимаешь у труженика: русский крестьянин ни перед чем не остановится, пока не вырвет свое, вот-вот переполнится чаша терпения тружеников и разорвутся ваши портфели в лоскутья и не будет вам пощады на земле.

Вы страну ведете к полнейшему разорению, посмотрите на факты уничтожения скота, запущение земли, опущение крестьянского хозяйства, а также и всей государственной промышленности: гвоздя нет в государстве, не говоря о других предметах. Насильственная коллективизация окончательно подорвет гнилые нити пятилетки и повлечет к повальной голодовке все классы и нации, исключая одних царьков, варваров. Да здравствует голодовка, да здравствует скорейшая развязка! То ли дело комсомольская молодежь — разврат, пей, полная чаша разложения, гуляй, Ванька, бога нет!

1930 г. Аверьян Забудыга  
УССР, Сухумский округ, с. Мирополье

***«Промчался метеором, а делать ничего не сделал»***

Мы, крестьяне, служащие и трудящиеся, заключенные и находящиеся в лагерях и ссылке в далекой Сибири, просим Вас, как бывшего сосланного, прислать сюда комиссию тов. Сольца\* для разгрузки тюрем, колоний и лагерей, т.к. бывший здесь т. Крыленко\*\* промчался метеором, а делать ничего не сделал. Политика его в том, чтобы человека исправить тюрьмой и ссылкой на десятки лет, ошибочна. Это не исправление, а развращение и гибель.

Мы требуем и трубим во всех газетах об освобождении узников капитала, а своих братьев сажаем в тюрьмы на десятки лет за не сданные 800 грамм хлеба и 5 мер картошки. Скажите, что это, преступление или красный террор?

---

\* Сольц А.А. — в те годы являлся член Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

\*\* Крыленко Н.В. — член ЦКК ВКП(б), с 1931 года нарком юстиции РСФСР.

Тов. Калинин, вы сами страдали при царском режиме от несправедливости царской власти и не должны допускать этого произвола при Советской власти.

Все ждали майской амнистии, что мол, власть одумается, но глубоко ошиблись в пролетарской власти.

Еще раз просим вас прислать комиссию тов. Сольца.

1930 г.

Т. Семенов и др.

***«На бумаге только коммунисты, а на деле...  
убийцы социализма»***

Уважаемый тов. Калинин! Главная цель советской власти — создать социализм. Это знает, я думаю, каждый сознательный гражданин свободной республики. Но создать социализм с темной невежественной массой, дело очень трудное. Впрочем это для правильного и активного большевика не является невозможным. Но главное препятствие для социализма исходит или рождается от самих же «творцов» этой идеи. Эти «творцы» на бумаге только коммунисты, а на деле не заслуживают этого имени, а истинное название им вредители, убийцы социализма.

Я простой человек и беспартийный середняк-крестьянин, но сердце обливается кровью, когда видишь, что делают или делается в среде партийцев администраторов, которые проводят коллективизацию села Еголдаева. В нашем селе коллектив организовался еще в 1929 году, в котором записано было из всего количества 900 с лишком хозяйств, 850 хозяйств. Но прошлой зимой администрация правления во главе с председателем т. Никишевым постановило все обобществить вплоть до курицы. Это постановление делалось, конечно, по соглашению с самими ничего не имеющими членами колхоза, — без всякого согласия середняков, которые имеют лошадь с коровой и все то, что приобретено честным святым трудом. Средняки, конечно, не доверяясь их активности по обобществлению во время обобществления стали упираться. Тогда т. Никишевым было приказано: скот брать административным порядком, что привело к тому, что приходили к хозяину лошади, которая если прикована цепью, сшибали как воры замок и уводили на общественный двор. Бы-

вали случаи сопротивления и изрядные побои. Что же, разве такая дорога к социализму?

Я не буду описывать вам прошлогоднюю работу, как она проводилась и каков от этого результат, но скажу кратко, что администрация во главе с Никишевым от урожая, кроме соломы, ничего не дала. Спрашивается, разве это не рождает ненависть к коллективизации?

Теперь коснемся раскулачивания. Это не раскулачивание, а чистый грабеж. Вы может быть возмущаетесь от такого резкого слова, но я прошу успокойтесь, потому что не одних кулаков раскулачивали, а середняков, и это сопровождалось чистым разбойничеством, иначе назвать нельзя. Это делалось ночью, с побоями и насилием. Вот вам начало этого великого дела.

Теперь опишу вам главную мысль моего письма. Во время праздника Пасхи партиец и делегат Всероссийского съезда Иван Евстафьевич Ковылин с папироской в зубах и в шапке при совершении церемонии вошел в церковь. Его, конечно, верующие пугнули из церкви как следует.

Ну вот, тов. Калинин, я немного описал вам все мерзости наших партийцев потому, что все равно вы их не поймете и мало, что от этого получится, так как это не первое письмо и даже наезжали правильные коммунисты из ЦИКа и тов. Никишев все «замазывал» и на дорожку обратную успокаивал. А «бедный» крестьянин стонет. И вот от этой мерзости теперь от нашего колхоза осталось только не более около сотни хозяйств и то не рабочие; работники все выписались. Которые не выписались, их земли лишили, и что получится дальше — неизвестно. Хотя я пишу чистейшую правду, но фамилии не поставлю потому, что из нашего села много сидят в тюрьме «невинных мучеников», которые попали во время этой мерзости. Если хотите узнать правду, то поверите безусловно моему письму и без подписи, а нет то и подпись не подействует. Прошу закрепить наш колхоз.

С товарищеским приветом М. С. В.

Гр-н с. Еголдаево,  
Рязанского р-на,  
Рязанского округа  
1930 г.



## «Местный актив стал безобразить»

Дорогие наши работники и борцы за социализм и за свободу, пишу я Вам о том, что творится по нашему району.

Посевная кампания у нас не готовится: все крестьяне подали заявление по всему району к выходу из колхозов. Причины таковы: не было разъяснительной работы среди населения. Не хотят наши уполномоченные разъяснить. Мужики села Каменки просят, чтобы собрали собрание и зачитали новый устав. Пред. райисполкома Зайкин собрание собрать не разрешает, а мужики ходят дураками и не знают за что браться.

В деревне Федоровке Каменского с/совета из артели «Красный мужичок» 300 заявлений подали к выходу. Причины таковы, что Федоровка и Чичкановский поселок писались на общую обработку земли, чтобы испытать сами себя, могут ли они ладить в артели или нет. Но когда записались тогда приехал председатель с/с Ушаков в деревню Федоровку, собрал собрание, и на свою власть перевел СОЗ в артель. Смешали все имущество лошадей, скот, коров, овец, свиней, курей, гусей, постройки, жилье и т.п. В это время половина несознательных крестьян истребила скот.

Наш местный актив стал безобразить. Запрягут лошадей самых лучших, выпьют изрядно, гармошку возьмут и давай гонять лошадей. Пена шапкой валится с них и пар столбом. Придут к середняку: «Даешь вина, а не дашь, то ожидай для себя 58-ю статью». Были жалобы, заявления в с/сов. и РИК, на это пред. РИКа не обратил внимания. Пред. с/совета тоже каждый день пьяный и всем угрожает: «Я, мол вас теперь поверну». Уполномоченный Чичкановского поселка Друшкин не перестает гулять. Вот вам, товарищи, как подходят к социализму. Ввиду этих беспорядков ваши крестьяне подали заявления к выходу из артелей *и вот накануне сева, а к севу никто не готовится*. Прошу компартию уладить по нашему району такое безобразие — к сему член райисполкома Вячина А.

1930 г. Вячина Анна Макаровна  
Тамбовский округ, Ржакский район,  
Каменский с/с

## **«Баптисты ведут контрреволюционную работу...»**

Тов. Калинин! Мы уполномоченные МК ВЛКСМ\* по хлебозаготовкам сообщаем, что в Рязанской губернии в Кораблинском районе, дер. Фролово, баптисты ведут контрреволюционную работу, призывают народ опомниться от соввласти. Сегодня баптистская молодежь вместо демонстрации распевает на дому во всеуслышание свои гимны.

Организация заметно растет — из одного баптистского дома выросло 25 домов. Нас удивляет, почему власти разрешают баптистам агитировать, устраивать сборища, ведь они мешают работать колхозу и проводить культработу. На общее собрание являются с запрещенными книгами. Население им сочувствует, с каждым днем их ряды пополняются, в каждой деревне имеются кружки баптистов, чего в 29 году не наблюдалось, организуют крещение в реке, куда сбегаются все деревни. Если кто задает вопросы, называют сатаной и мертвыми душами. Крестьяне удивляются на какие средства существует организация, в которой никто не работает; предполагают, что Америка им помогает, организатор баптистов бывший жандарм Гуркин Петр Васильевич...

Просим принять срочные меры к ликвидации баптистов, которые вредят строительству.

1930 г. Уполномоченные МК ВЛКСМ  
Стражникова, Апарин

## **«Свобода кажется каким-то смешным словом...»**

Зная заранее, что у вас работы по горло, все же надеюсь на то, что уделите немного внимания и прочтете мое послание из глухой деревни, где ваши распоряжения доходят редко и искажаются невероятно лицами или недостойными звания соработниками, или благодаря неумению проведения линии правительства. Что творилось и творится в деревнях вам мало известно и газеты часто искажают, неправильно освещают факты, замазывают то, что никуда не годится.

---

\* Московский комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи.

Я много побывал в деревнях, слышал и видел, как крестьяне не только середняки и кулаки, а и бедняки проклиняют тот час, когда пришла советская власть и принесла распри, насилия, голод, грабежи, пожары. Свобода кажется каким-то смешным словом, когда миллионы крестьян голодных, сосланных, оборванных, ограбленных, находятся в тюрьмах, в лесных землянках, в ссылках или других местах, или вернее по всему Союзу разбросанных ни за что, ни про что. А что происходила обираловка, так я вам приведу из тысячи примеров только несколько:

Председатель Меландовского об-ва обирая кулаков накупил себе мягких перин, подушек, золотых вещей, шуб и в завершении всего с радости пьянствовал неделю и, развлекаясь, выбил у жены все зубы, которая ездила вставлять их в Архангельск. Очень красиво! А теперь сего мужа только перевели на другую работу.

Председатель Котовского сельсовета Будрин, обирая и пропивая имущество кулаков, до кальсон включительно, понабрал себе кое-что и своим родственничкам, некоторые вещи и в продажу не поступали, а пропали без вести. Себе взял швейную машину, а когда беднячка просилась в пай, так не принял. Отобрали хлеб в общественный амбар и половину стгноили.

Член сельсовета Некрасов А.С. купил себе кулацких шуб, перину за 33 руб., костюмов и прочих вещей. Все участники комиссии понакупили себе. Отбирали последнюю корову, лошадь и весь хлеб, а индивидуально обложенный налог увеличивали самовольно со 100 руб. на 300 — 500 руб. и описывая продают имущество. О сплошной коллективизации и помину нет, а людей с детьми выселяют в бани или на все четыре стороны (как в Меландове и других об-вах). Сын лишенца и у него за счет отца забирают все за то, что он сын лишенца.

Так ли гласят распоряжения соввласти и куда все это годится? И вы хотите, чтобы все шло нормально при тех порядках, что творятся в деревнях? Все молчат, нельзя ни слова сказать, в хлебе нужда, а его гноят, недостача во всем всякая самодеятельность, инициатива пропала.

В колхоз гонят насильно, а кто не пойдет угрожают выселением. Все лучшие земли и сенокосы в деревнях отнимают. А кто же пойдет в колхоз? Беднячек за 1 1/2 вер. гонят в поля другой деревни и дают по речкам сенокос за 30 верст. Если и в дальнейшем так будет продолжаться, то очень печальный будет конец, а кое-где уже это сказывается.

За все эти художества нужно бы сделать не переводы с места на место, а привлечь за подрыв соввласти и вредительство разобратся.

Необходимо, чтобы завоевать сочувствие соввласти в деревне (а его до сих пор не было), устранить разжигание страстей, сделать налоги со всех по заработку, не рвачески, не давать заниматься отборами, грабежами, запугиванием, давать свободно высказываться и за каждое слово, неосторожно сказанное, не сажать мужика в тюрьму и не ссылат, насильно не гонять на работу. Под палкой немного наработаем. Сажать на место председателей с/советов людей более или менее могущих здраво рассуждать, а не мальчишек, как в Котовском с/сов. председатель 16 лет, секретарь 14 лет. Что от таких можно ждать? Не гнать насильно в колхозы и не запугивать, не отбирать всю землю колхозам. Не от радости крестьяне говорят, лучше петлю на себя наложить, чем идти в колхоз.

Любимый и свободный труд первое условие счастья, а не подневольный, как у помещиков труд. А печать — зеркало отражает жизнь неправильно — прикрашивает и замазывает истинное положение вещей.

Товарищи, взгляните на деревню и всех грабителей, отбирающих в свою пользу, наживающихся и обставляющих свои квартиры, как буржуи и одевающих в буржуйские шубы и золото своих жен, пьянствующих с радости, благодаря хорошему заработку. Где же справедливость и когда будет положено всему конец? Те буржуи, что понабрали себе золото, шубы, швейные машины, костюмы теперь не желают даже в колхоз вступить, или вступают, так работать не хотят и поплевывают на все. Можно бы привести из окружающей жизни и работы тысячи ненормальностей еще похуже, но вам наверное и так кое-что известно, хотя и далеко находите от глухих уголков деревни. А пишу вам все правильно и я крестьянин ниже среднего. А здесь в сельсовете сидят такие, что ничего разъяснить или сказать не могут, а прямо говорят — *не рассуждать*. Эх, жизнь! И так говорят повсюду в деревнях. Даже сами коммунисты только втихомолку и у себя дома недовольны. *Нельзя говорить, что думаешь*.

1930 г. Тетерин И.  
крестьянин д. Меландова

## *«Нам давались неправильные указания»*

В 1930 году я вступил в комсомол. В период коллективизации райком комсомола направил меня работать в штаб-комсод. Это было комсомольское поручение, работали мы бесплатно. В комсоде нас было пять человек, наша задача была — вовлечение населения в коллективное хозяйство, сбор денег на налог, страховку, самообложение, распространение займа, а также хлебозаверстка, работа была кропотливая, опасная, она требовала уравнищенности, справедливости, чтобы не принести горя людям.

Вступая в колхоз, хозяин должен был сдать свой скот рабочий и гужевой, сельхозинвентарь, оставив себе одну корову, птицу, свинью. Кулаков, которые не вступали в колхозы, раскулачивали, их скот и инвентарь обобществляли и сдавали в колхоз. Кулаку разрешалось лишь взять пару лошадей, или волов, подводу, плуг и 2 бороны, и с этим их выселяли в Сибирь или Казахстан, чтобы они там занимались хлеборобством. Явных саботажников, вредителей, врагов колхозно-советского строя, судили или без суда выселяли на Соловки, ничего не разрешали им брать с собой. Те кулацкие хозяйства, которые добровольно вступали в колхоз и сдавали свое хозяйство, — тех не трогали, даже ставили на соответствующие руководящие посты — бригадирами, завхозами, учетчиками, бухгалтерами, зав. складами, а некоторые из богачей впоследствии были председателями колхозов, сельских Советов.

В штабах-комсодах у нас работали коммунисты, комсомольцы, активисты. Они честно, без перегибов, выполняли свой долг перед партией, народом. Но перегибы были. Это из вышестоящих органов нам давались неправильные указания. Вот, например, к нам в село Ивановку Сальского района Ростовской области приезжал из ЦК Пятаков\*, он давал указания, чтобы мы законтрактовали у населения лошадей, коров, у кого они есть, и сдали их на приемный пункт. Это было сделано специально, то есть дано такое указание, чтобы создать у населения недовольство, вражду и уличные драки, которые возникали и часто оканчивались смертельно. Наш штаб-комсод не выполнял это указание, мы считали его вредительским. Я Пятакову сказал, что неправильно будет лишить крестьян-бед-

---

\* Пятаков Г.Л. — член ЦК ВКП(б), ВЦИК и ЦИК СССР.

няков, единоличников лошади, коровы — с чем же они будут жить? Пятаков посмотрел на меня лукаво и сказал: «Ты еще молодой так рассуждать, выполняй мое указание». И с тем он ушел в другие штабы-комсоды.

Мы не делали этого, но от нас каждый день сельский Совет требовал сводку: сколько законтраковали лошадей, коров. В нашей сводке были одни нули, нас ругали, обещали недоброе, в стенгазету помещали нас в галоше, на черепаше, затем вручили нам знамя из рогожи, обмокнутое в деготь и приказали нести его над головой, чтобы деготь лился на голову. Но это истязание продолжалось недолго. Крестьяне жаловались в ЦК, и оттуда было указание возвратить тем у кого забрали лошадей, коров, однако их они уже не могли найти, они куда-то исчезли с базы приемного пункта, который находился в другом селе за 10 километров.

Сейчас многие неправильно истолковывают те события. Обеливают кулаков, богачей, а бедняков охаивают, складывают на них всю вину. Это неправильно, в маску бедных роились кулацкие провокаторы, подстрекатели бунтов, они специально грабили бедных, создавали у них недовольство правительством, активистов натравливали на рукопашные схватки, уличные палочные бои. Это было, и в этом вся вина была врагов колхозного строя и Советской власти, ведь эти элементы поджигали склады, амбары, скотные дворы, тракторы, комбайны, молотилки, отравляли животных, воду в колодцах, творили другие гнусные, вредные дела.

Сейчас пишут, что комсодчики и комсомольцы вскрывали ямы с закопанным зерном и зерно, мол, забирали себе, это крайнее вранье, зерно действительно мы находили в ямах у кулаков, оно гнило, а люди от голода умирали. Разве это было не вредительством со стороны богачей? Зерно, которое мы находили в ямах, мы сдавали в сельский Совет, и его раздавали голодающим беднякам. Соленья, овощи, моченые фрукты тоже раздавали бедным.

Некоторые говорят теперь, что комиссии бедноты сами и устанавливали, кто принадлежит к какому классу: кулацкому, зажиточному, середняцкому и т.д. Это неверные предрассудки. Такую классность устанавливали в районе, области, оттуда давали списки комсодам, чем мы и руководствовались. Штабы-комсоды были лишь исполнителями и проводили свою работу под строгим контролем.

Я допускаю, что так было и в других местностях, ведь указания были даны всем республикам, областям из центра. Может, где и допускались мелкие перегибы и нарушения, но это не главное.

1989 г. А. Торопов  
с. Сальск, Ростовская область

***«Совсем тогда не дорожили достоинством  
крестьянина...»***

Когда началось раскулачивание и массовая коллективизация, я тогда учился в сельскохозяйственном институте. Припоминаю, как в наш тогда действовавший Ново-Полтавский совхоз-сельхозинститут Николаевской области, в один день, из окрестных деревень согнали труженников села, так называемых «кулаков». Освободили актовый зал, занесли для подстилки солому и всех разместили на полу, в ожидании их отправки от ж.д. станции Ново-Полтавка в далекую Сибирь...

Больно было смотреть на этих людей, некоторых из них мы знали в лицо, которые не раз обращались за агрономическими советами в наш институт. Снабжали их литературой. В то время в Москве издавался популярный журнал «Сам себе агроном».

Говорят, пана видно по халявам. Но ведь эти люди не были панами, а настоящими сельскими труженниками, имевшими десяток лошадей и несколько пар волов. В каждой большой семье насчитывалось 8 — 10, а то и больше человек, а иначе, как можно было обеспечить все посевные работы даже при 7 — 10 десятинах пахотной земли. Все работали от мала до велика, от зари до зари.

Так называемых «кулаков» тогда обвиняли в том, что они противились проведению коллективизации. Фактически же противились тому, как молниеносно начали разрушать сложившиеся за многие годы хорошие хозяйства, благодаря которым Россия не только себя обеспечивала хлебом и другими продуктами, но и кормила чуть ли не всю Европу...

Имелось в виду, что принудительным объединением всех труженников села в колхозы и передачей им имущества кулаков, легче и быстро будет проводиться работа по заго-

товке зерна и других продуктов. Но это быстро дало себя знать — привело к упадку производства зерна и других продуктов и вызвало в 1932 — 1933 гг. страшный голод.

В связи с многими перегибами, в 1930 году вышло письмо за подписью Сталина «Головокружение от успехов». Воспользовавшись этим, в один-два дня почти все наспех созданные колхозы распались. Разобрали по домам принадлежавшее каждому свое имущество.

После этого еще с большей ожесточенностью начали расправляться с «кулаками» и зажиточными середняками — будто по их вине начался массовый выход из колхозов.

Работая тогда агрономом Мостовской МТС\* Доманевского района Одесской области (ныне Николаевской области) наблюдал, как принудительно начали опять загонять всех в колхозы. Долго не желавшие отдельные хозяйства вступить в колхозы, всякими способами притеснялись — принуждая их вступить в колхозы.

Как видно совсем тогда не дорожили достоинством крестьянина, определяющего благополучие общества. Сегодня, как никогда актуальны слова, сказанные в далекие годы Николаем Некрасовым: «Живи, Отечество, спокойно, пока крестьянин в поле есть...».

Считаю необходимым установить на ВДНХ в Москве, в Киеве и других местах памятный монумент о трагических днях раскулачивания и начала уничтожения крестьянства.

1989 г.

Шойхет А.К.

г. Одесса

агроном, участник Великой Отечественной войны

---

\* Машинно-тракторная станция.



---

## РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

---

### ИЗ ПОЧТЫ АВТОРА (1989 год)

XX век принес российской деревне неисчислимые тяжкие испытания и потрясения. Катастрофические голодные годы: 1901, 1911, 1921, 1932—33, 1946. Люди тогда вымирали миллионами, пришли в запустение многие села, деревни, хутора. Революции 1905 и 1917 годов, первая мировая и гражданская войны, раскулачивание, Великая Отечественная война, послевоенная разруха и напряжение всех сил для создания современной армии. Только на разработку атомного оружия уходило более половины валового внутреннего продукта. Крестьяне жили исключительно за счет своего огорода и подворья. Вся продукция колхозов и совхозов направлялась на оборону, на нужды промышленности и науки. Огромный ущерб селу нанесли позднее хрущевские реформы, особенно подъем целины и ликвидация так называемых неперспективных деревень.

Казалось, что после всего этого нашему сельскому хозяйству не подняться на ноги. Но после каждого потрясения благодаря неиссякаемой жизненной силе крестьянской природы, вековым традициям общинности и самопожертвования село возрождалось, двигалось по пути прогресса. В 1970-е годы в СССР был создан довольно мощный фундамент аграрно-промышленного комплекса. Какие бы сейчас ни шли разговоры и пересуды, зачастую построенные на голословных утверждениях, о «застое», «колбасных электричках» и т.п., сельское хозяйство Советского Союза в начале 80-х годов вышло на такой рубеж развития производительных сил, за которым должен был последовать качественный скачок в сельскохозяйственном производстве, взлет материального благополучия, и вообще должен был

наступить подлинный перелом — разумеется, в лучшую сторону — всего уклада сельской жизни.

Обратимся к некоторым фактам и цифрам. В 1981 году число совхозов, колхозов, аграрных межхозяйственных предприятий и организаций в целом по стране составило 57,6 тысячи. Это были в основном современные предприятия, с развитой материально-технической базой. Так, наши птицефабрики мало в чем уступали аналогичным западным, и страна практически полностью обеспечивалась яйцами и мясом птиц. Комплексная механизация и автоматизация сельскохозяйственного производства все шире охватывали аграрную сферу народного хозяйства. В среднем на один колхоз приходился 41 трактор (в физических единицах), а в совхозах и того больше — 56. А всего на полях страны в это время работало 2 миллиона 598 тысяч тракторов, 741 тысяча зерноуборочных комбайнов, 1 миллион 653 тысячи грузовых автомобилей.

Не будем утомлять читателей статистическими выкладками. Обратимся к конечному результату, ради чего трудились колхозники, рабочие совхозов, все крестьяне Советского Союза. В 1981 году среднее потребление на каждого жителя страны составило 57 килограммов мяса, 305 — молока и молочных продуктов, 245 штук яиц, 98 килограммов овощей и бахчевых культур, 40 килограммов фруктов и ягод (без учета переработанных на вино). В 2—3 раза больше, чем потребляет сегодня!

Эти данные взяты из официального источника: юбилейного статистического сборника «Народное хозяйство СССР. 1922 — 1982». Отклонения показателей от фактических объемов не превышают  $\pm 1,5\%$ . Так что эти цифры вполне правдивые и реальные.

Но уже к середине 80-х годов стало вполне очевидным, что мощный аграрно-промышленный потенциал используется неэффективно, не обеспечивает растущие потребности советского народа. Жизненно необходимым становилось коренное преобразование не только аграрных, но и всей системы экономических отношений. Административно-командное руководство сельским хозяйством явно изжило себя, стало главным тормозом дальнейшего прогресса на селе. Однако в годы брежневского правления об этом не могло быть и речи.

В марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС был избран 54-летний М.С. Горбачев. С его приходом к

верховой власти в народе появилась надежда на благоприятные перемены во всех сферах общественно-политической и социально-экономической жизни. Действительно, новый руководитель сразу же заявил о своих намерениях вывести страну из застоя, приступить к серьезным реформам. Особое внимание Горбачев собирался уделить сельскому хозяйству. Родом он из крестьянской семьи. В 1955 году окончил юридический факультета МГУ, в 1967 году экономический факультет Ставропольского сельскохозяйственного института. Видимо, Горбачев всерьез задумался о новой аграрной политике, и началась интенсивная подготовка Пленума ЦК КПСС, посвященного этому важнейшему вопросу. По всей стране развернулась творческая теоретическая и практическая работа по поиску магистральных путей развития сельского хозяйства, всего агропромышленного комплекса.

Автор этих строк в те годы работал в аграрном секторе Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС. Для сотрудников института были доступны практически все материалы, в том числе и по аграрной тематике. Они часто выезжали в командировки в разные районы страны, изучали не только теорию, но и практическую сторону дела.

Не помню точно когда, но где-то в январе 1989 года меня вызвал директор ИМЛ академик Г.Л. Смирнов и попросил срочно подготовиться к ответственной местной командировке. Естественно, у меня возник вопрос: «В чем заключается моя подготовка?» Георгий Лукич ответил кратко, без лишних комментариев: «Будешь работать в группе по подготовке доклада Михаила Сергеевича Горбачева на предстоящем пленуме партии по сельскому хозяйству. Все необходимые архивные и аналитические документы, литература, статистика будут предоставляться по первому требованию и без ограничений».

Через час я уже был дома. А еще через полчаса подъехала черная «Волга». За считанные минуты машина домчала меня в Волынское, в офис Центрального комитета, что был напротив ближней дачи Сталина. Признаться, не доводилось ранее работать вне стен института, да еще как на казарменном положении. Каждому из участников рабочей группы был предоставлен отдельный двухкомнатный номер со всеми удобствами. Мебель была как во всех цеховских заведениях — казенная, неуютная.

Началась работа. Рабочую группу возглавлял Валерий Иванович Болдин, известный ученый-аграрник. Позднее он стал руководителем аппарата президента СССР, а в 1991 году был обвинен в заговоре против Горбачева. Какая же была тогда обстановка? Самая творческая и демократическая. Мы на равных, без оглядки на ученые звания и партийные посты, обсуждали каждое положение, каждый факт, формулировку, вывод доклада. Много споров и дискуссий развернулось вокруг исторической части, особенно по теме раскулачивания. Замечу, что первоначально предполагалось обойти эту проблему, умолчать. Но факты, документы, научные исследования, народная молва, наконец, необходимость торжества истины и справедливости возобладали.

Когда доклад был подготовлен, нам сообщили, что будет выездное заседание Политбюро, придет сам Горбачев. Нас попросили на это время не выходить из здания, отдыхать в своих апартаментах. Почти весь день прошел в состоянии нетерпеливого ожидания. Наконец, появился Болдин и собрал нас в конференц-зале. Каждому была вручена стенограмма заседания Политбюро. Нас предупредили, что выходить из зала с документом или делать выписки в свои рабочие тетради запрещено. Меня больше всего интересовала реакция «вождей» на историческую часть, и прежде всего на оценку политики «ликвидации кулачества как класса». Как я и ожидал, мнения членов Политбюро по этому вопросу разделились. Часть из них стояла за осуждение этой политики. Другие считали, что «кулаки» действительно были «врагами народа» и потому положение об осуждении раскулачивания из доклада надо изъять. Однако сам генсек поддержал тех, кто выступал за преодоление догмы.

Вот как окончательно в докладе была сформулирована оценка политики «ликвидации кулака»: «Оценивая события тех лет, мы обязаны сказать и о человеческой трагедии. Она состояла в том, что в борьбе с кулаком фактически применили насилие по отношению к огромной массе крестьян-середняков и даже бедняков. Миллионы крестьян с семьями были оторваны от земли, родных мест, бедствовали и погибали в лагерях и ссылках». Это была первая в советской истории объективная оценка политики раскулачивания на официальном уровне.

В целом, на пленуме была определена научно обоснованная, вполне реальная и прогрессивная *новая аграрная*

*политика.* Тем самым открывалась широкая дорога самым разнообразным формам хозяйствования — колхозам и совхозам, агрофирмам и агрокомбинатам, личным подсобным хозяйствам, агроцехам промышленных, строительных и других неаграрных предприятий, кустарным промыслам и т.д. Особое внимание уделялось семейно-индивидуальной трудовой деятельности крестьян. Был намечен путь всемерной демократизации хозяйственной жизни, которая позволила бы в корне преобразовать структуру колхозов на основе превращения их в кооперативы кооператоров.

Главным направлением перестройки экономических отношений на селе была избрана аренда. Тем более что в этом плане имелся богатый опыт за годы НЭПа. Ни о какой передаче земли в частную собственность не было и речи. Намечались крупные меры по обеспечению перехода всего сельского хозяйства на рельсы научно-технического прогресса: интенсивное использование новейших достижений биотехнологии, селекции, агрохимии, всего того, что должно значительно повысить продуктивность сельского труда. На 1989 — 1995 годы планировалось также осуществить целевую программу социального переустройства села. Намечался значительный рост работ по жилищному и дорожному строительству, комплексной застройке поселков и деревень.

Советский народ в то время словно ожил, все ждали перемен к лучшему. Конечно, не все думали и вели себя одинаково, были разные точки зрения и на прошлое села, и на будущие пути его развития. Однако все были единодушны в том, что нам нужен рывок, переход на более высокую ступень производства и материального благосостояния населения.

Не получилось... Хороша была программа, все ее поддерживали. Но что же произошло? На мой взгляд, ответ на этот вопрос снова надо искать в исконно исторических корнях и традициях России. Не буду вдаваться в конкретные примеры, они общеизвестны. Но каждый взлет Российского государства, радикальные перемены начинались с укрепления его державных устоев, всех институтов государственной власти. Это понял и сделал первые шаги по воплощению в жизнь Ю.В. Андропов. Но этого не осознал и поступил наоборот «архитектор перестройки» Горбачев. Он «разболтал» великую державу, допустив сверх разумных пределов демократизацию и гласность. Практи-

чески выпустил из рук «вожжи» государственного управления. В результате эти, в общем-то обнадеживающие процессы превратились во вседозволенность, безнаказанность, анархию. СССР раскололи на «удельные княжества» со своими «царьками», национальное богатство было разграблено и растащено по всему миру.

На село накинудись перекупщики, мошенники, спекулянты. В итоге в XXI век российская деревня входит разрушенной и обескровленной. Пляски под дудку Международного валютного фонда, массированное вторжение западных не очень-то качественных продуктов питания, непонятная народу «фермеризация» отбросили наше село во времена гражданской войны, всеобщей разрухи. Снова происходит «великий перелом». Но нельзя же ломать, крушить созданную многолетним трудом аграрную структуру, замыкать ее в рамки индивидуального крестьянского хозяйства. Общинность, коллективизм есть становой хребет российского крестьянства. Даже Сталин знал и учел это, создавая колхозы. То ли без понятия, то ли со злым умыслом современные «реформаторы» упорно дробят нашу деревню на кусочки, пытаются отнять, передать в чужие руки землю, лишить ее подлинного хозяина.... А ведь горький опыт коллективизации и раскулачивания должен бы научить, что земля чахнет, приходит в запустение, когда она лишается тех, кто действительно заботится о ней.

Конечно, в 1930-е годы была иная ситуация. Колхозы являлись, что ни говори, общинной структурой. На колхозной земле продолжали трудиться крестьяне, чьи предки освоили ее много веков назад. Более того, 7 июля 1935 года совет народных комиссаров СССР принял судьбоносное постановление «О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей». В соответствии с постановлением никто не имел права посягать на колхозную (общинную) землю. И этот документ пока еще никто не отменял!

Если давать общую оценку событиям последних лет и происходящим сейчас в российском селе, то можно с полным основанием утверждать, что произошел «новый великий перелом», произошло «новое раскулачивание» крестьян, пусть не индивидуальных, а объединенных в коллективы.

Вот из всего этого и надо извлекать уроки, о чем говорят также письма, публикуемые в данном разделе книги.

Эти письма пришли в адрес редакции газеты «Сельская жизнь» после того, как в марте 1989 года были опубликованы четыре моих очерка под общим названием «Коллективизация: ее пути и уроки». Их публикация совпала с работой Пленума ЦК КПСС по вопросу новой аграрной политики. Естественно, читатели свои суждения, оценки, воспоминания о «о великом переломе» 1930-х годов увязывают с современностью. Они размышляют о состоянии села конца 80-х годов, о перспективах его развития.

С той «перестроечной» поры минуло более десяти лет, и на рубеже веков произошли большие перемены как в стране, так и в сознании людей. Что-то изменилось и во взглядах автора этой книги, да и — думаю — многих читателей газеты «Сельская жизнь». Но убежден, в одном вряд ли можно сомневаться и колебаться. А именно: любой «перелом» для крестьянства и всего российского народа трагичен и пагубен, наносит государству неисчислимы бедствия. Ведь отчуждение векового хозяина от земли, продажа (передача) ее в чужие руки, тем более иностранцев, разрушает тысячелетние устои сельской жизни, животворную связь времен и поколений хлеборобов. Общинность и коллективизм являются единственной магистральной дорогой в жизни и судьбах российского крестьянства, и любая индивидуализация — будь то насаждение столыпинских хуторов и отрубов, или нынешняя «фермеризация» — непонятна и чужда нашему крестьянину. Только сам наш многонациональный народ должен определять свою судьбу (наказы с мест, референдум, крестьянский съезд), а не какой-то царь, генсек или президент Всея Руси.

\* \* \*

Думается, что сегодняшнему читателю интересно ознакомиться с текстом всех моих четырех статей, опубликованных весной 1989 года.

Из всего массива поступивших тогда читательских писем-откликов на их публикацию здесь отобраны наиболее характерные и пропорционально отражающие основные точки зрения, взгляды. В максимальной степени сохранен стиль писем, поэтому исправлена лишь часть орфографических ошибок (это касается и остальных разделов книги). Адреса приведены в соответствие с административно-территориальным делением СССР в 1980-е годы.

# КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, ЕЕ ПУТИ И УРОКИ

## С чего начинали после Октября

Обновление нашего общества нерасторжимо связано с мучительным, порой неоднозначным переосмыслением многих исторических событий. Набатно, тревожно звучит сейчас вопрос о состоянии сельского хозяйства, о людях деревни и о самой деревне. И ответить на него не так просто.

Время зовет к оценке и переоценке всего того, что при Сталине трактовалось как реализация ленинского кооперативного плана. Но что было в нем ленинского? Через частокол бюрократических, командно-административных рогаток пробиваются новые ростки — утверждается хозяин на земле, возрождается и пробивает дорогу аренда, крестьянин вновь учится торговать. А ведь совсем недавно это считалось «кулацким» уделом. Впрочем, и теперь непросто расставаться с мифами, догмами, наконец с уже ставшим привычным укладом жизни, со всем тем, что насаждалось и культивировалось не один десяток лет.

Вот почему так важно сейчас вспомнить исторические уроки. И не просто вспомнить, а и учесть их. Как получилось, что в 20-е годы деревня кооперировалась, торговала, росла, пусть и непросто, но все же шла к зажиточной жизни, а после «великого перелома» наступили топтание на месте, «раскрестьянивание»? В чем причины? Призвав на помощь документы, факты, цифры, попробуем взглянуть на некоторые вехи нелегкого пути нашей деревни в 20 — 30-е годы. О них и пойдет речь в предлагаемых очерках.

Прежде всего надо вспомнить, с чего мы начинали. Одним из первых актов Великого Октября было установление новых земельных отношений. 26 октября (8 ноября) 1917 года II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по предложению В.И. Ленина принял Декрет «О земле». В нем были учтены требования 242 крестьянских наказов не только об отмене частной собственности на землю, но и уравнительном ее распределении по трудовой или потребительной норме. Хотя уравнительный характер не соответствовал большевистской программе, В.И. Ленин поддержал его, поскольку он выражал волю крестьян.



Крестьяне получили около 150 млн. гектаров помещичьих, монастырских, казенных и прочих земель. Раздел земли между крестьянскими хозяйствами шел двумя путями. В одном случае прежние земельные наделы крестьян не перераспределялись. К ним земля или прирезалась или, наоборот, отрезалась до установленной нормы. В другом случае осуществляли «черный передел», когда все надельные, конфискованные, арендованные и т.д. земли объединялись в единый распределительный земельный фонд, который затем делили между крестьянскими хозяйствами. Как правило, пахотные земли распределялись по числу едоков (потребительная норма) или по числу трудоспособных в крестьянской семье (трудова́я норма), а сенокосные и другие угодья в большинстве случаев делились по количеству скота.

Установление новых земельных отношений, избавление крестьянства от феодальных пут землепользования, всемерная помощь со стороны государства создавали благоприятные предпосылки для развития сельского хозяйства. Став хозяином земли, крестьянин был кровно заинтересован в развитии хозяйства, подъеме производительности труда.

Правда, в годы гражданской войны, когда сложились чрезвычайные условия, органами Советской власти были приняты и чрезвычайные меры, проводилась политика «военного коммунизма». С ее помощью ставилась цель мобилизовать все ресурсы народного хозяйства на защиту молодой Советской республики. Но скоро стало ясно, что продолжение уже в мирных условиях запрета на торговлю, изъятие у крестьян, как тогда говорили, всех «излишков» продукции нарушало нормальные экономические связи между промышленностью и сельским хозяйством, создавало угрозу политической основе Советской власти — союзу рабочего класса и крестьянства (повстанческое движение на Тамбовщине, Кронштадтский мятеж и т.д.). Возникла жизненная необходимость кардинально изменить экономическую политику.

Ключ к пониманию ленинской политики по отношению к крестьянству надо искать не в тех позднейших толкованиях его работ, которые давал Сталин, а в изучении развития самой ленинской мысли. Владимир Ильич подчеркивал: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед

неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» (ПСС, т. 45, с. 78).

В марте 1921 года состоялся X съезд РКП(б), который провозгласил курс на проведение новой экономической политики. Сущностью нэпа было укрепление союза рабочего класса и крестьянства на экономической базе, установление тесной связи социалистической промышленности с мелкотоварным крестьянским хозяйством. Предполагалось, что государство, отменив продразверстку и установив значительно меньший по размеру продовольственный налог, будет развертывать прямой обмен продуктов промышленности на продукты крестьянского хозяйства, допуская оборот лишь в «местном масштабе». Однако уже летом 1921 года обмен начал выходить за рамки местного оборота, все шире развивалась товарно-денежная форма, купля-продажа. В октябре того же года В.И. Ленин писал: «Оказалось: жизнь **сорвала** товарообмен и поставила на его место **куплю-продажу**» (ПСС, т. 44, с. 471). Внимательно исследуя первые шаги новой экономической политики, Владимир Ильич пришел к выводу, что «торговая смычка» является наиболее эффективной формой экономической связи между миллионами товаропроизводителей (крестьянских хозяйств) как между собой, так и с социалистической промышленностью.

Важно подчеркнуть, что выдвигая требование — учиться торговать, В.И. Ленин имел в виду не только искусство реализовать произведенную продукцию. Вопрос ставился гораздо глубже. Признание получали товарное производство, конкуренция, деньги при социализме, необходимость развития товарно-денежных отношений, то есть речь шла об овладении всеми экономическими рычагами. В этой связи В.И. Ленин поставил «две главные задачи, составляющие эпоху». Первая заключалась в переделке аппарата, который остался от прежних времен, о сломе сложившейся еще в годы «военного коммунизма» жестко централизованной командно-мобилизационной системы управления и организации общественного производства, изменения методов партийного руководства. Вторую задачу В.И. Ленин неразрывно связывал с принципиальной перестройкой «в культурной работе для крестьянства». «А эта куль-

турная работа в крестьянстве, как экономическая цель, — писал он, — преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» (ПСС, т. 45, с. 376).

Давайте задумаемся в это ленинское положение — о чем оно? Кажется, ясно: вставать на социалистические рельсы надо путем кооперирования, то есть объединения всех сил и потенциалов. Здесь совершенно четко видно, что не надо строить социализм путем «изничтожения» несоциалистических классов в обществе и укладов в экономике, как это было сделано позже, когда с радостью сообщалось об уничтожении частных торговцев, «кулаков» и т.д.

«Военный коммунизм» уже показал, что попытки решать поставленные цели, пусть и благородные, за счет других слоев общества таят смертельную опасность. Вот почему Ленин и призвал к умению соединять интересы всех классов в единое русло. В последних работах Владимира Ильича, составивших его политическое завещание, красной нитью проходит мысль о необходимости консолидации сил всех классов и социальных слоев общества во имя его будущего.

Но какой консолидации? Понятно, что многообразные интересы представителей многоукладного народного хозяйства не совпадают. Крестьянин старается продать свой хлеб подороже, а кооперация или государственные заготовители купить у него подешевле. У каждой стороны свой интерес. Это уже потом, в конце 20-х годов, когда в стране всюду применялись чрезвычайные, насильственные меры при хлебозаготовках, крестьян заставляли отобранный у них хлеб грузить на подводы, формировать «красный обоз» и с песней под гармошку везти его на ссыпной пункт, якобы добровольно и с радостью. А в реальной жизни экономические отношения отнюдь не отличаются вселенской любовью и братством. Здесь диктует свою железную волю закон стоимости, проявляющий себя как в капиталистической, так и в социалистической экономике. Каждая из противоположных сторон должна возместить свои затраты да получить вдобавок и прибыль. А экономический закон — вещь такая, которую отменить декретом нельзя. Следовательно, нужно считаться с ним, ладить с реальностью.

Новая власть должна была налаживать отношения с крестьянством, которое составляло более 80 процентов

населения России. В.И. Ленин призывает «не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления» (ПСС, т. 44, с. 222).

Совсем не случайно в последних работах В.И. Ленина нет ссылок на угрозу «кулацкой опасности», да и само слово «кулак» ни разу не упомянуто. Это после смерти В.И. Ленина Сталин и его единомышленники доведут до абсурда выдуманную опасность индивидуального крестьянского хозяйства, рыночных отношений. А между тем В.И. Ленин писал по этому поводу четко и определенно: «Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина? его «свободная торговля»? Нет». И здесь же высказал мысль, имеющую чрезвычайно важное значение для определения принципов взаимоотношений с крестьянством: «Старательный крестьянин как «центральная фигура» нашего хозяйственного подъема» (ПСС, т. 43, с. 382).

### **20-е годы: тяга крестьян к кооперации**

За многие десятилетия в нашем сознании прочно укрепилась мысль, что к концу 20-х годов сельское хозяйство зашло в тупик, выдохлось и неспособно было двигаться вперед. В доказательство приводились такие, казалось бы, неотразимые аргументы: «кулак» креп и богател, а значит, не сегодня завтра пошел бы войной на трудящихся. И если бы Сталин вовремя не подоспел со сплошной коллективизацией, то угроза социализму оказалась бы смертельной.

Попробуем разобраться, где правда, а где кривда и какое суждение по этим вопросам вынесла сама история. Что же все-таки от лукавого в приведенных выше аргументах? А вот что. Сторонники их как бы не замечают революционного изменения социально-экономической обстановки в стране после 1917 года. Для них крестьянство по-прежнему остается только мелкобуржуазным классом с раздвоенной натурой. С одной стороны, он вроде бы стремится трудиться, а с другой — закабалить. И, не уставая, порождает капиталистические отношения, самих

капиталистов — носителей этих отношений, то есть «кулаков», лавочников и других классово чуждых элементов. А ведь как хотелось бы иметь «чистое» общество, чтобы все были середняками, чтобы никто не ходил на рынок, а получал причитающуюся ему долю в общественном амбаре и т.д. При этом словно забывают или не хотят замечать, что земля национализирована, а политическая власть находится в руках рабочего класса, опирающегося на союз с крестьянством. Земледелец, получив в свое пользование землю, а с переходом весной 1921 года к нэпу и право распоряжаться произведенным продуктом, становился реальным хозяином земли.

Переход от продразверстки к продналогу не замедлил дать первые хорошие результаты в экономике. В то же время земледельцам становилось ясно, что в одиночку развивать хозяйство трудно. Выражаясь научным языком, по мере роста производительных сил деревни, углубления общественного и внутриотраслевого разделения труда объективно вызревала необходимость его кооперирования. Таков непреложный закон экономического развития. В.И. Ленин приходит к мысли, что в этих условиях возрастает «гигантское значение кооперации» (ПСС, т. 45, с. 370).

Почему вдруг кооперация, считавшаяся до этого капиталистическим учреждением, становится важнейшим инструментом социалистического строительства? Напомним, сельское хозяйство нашей страны в начале 20-х годов представляло собой миллионы мелкотоварных крестьянских хозяйств. Экономические связи между собой и с другими отраслями народного хозяйства они осуществляли в основном через рынок. Вот почему в первую очередь возникла потребность в таких формах объединения, которые обеспечивали бы сбыт продукции, кредитование, закупку промышленных товаров. Развитие сбытоснабженческой и кредитной кооперации укрепляло единоличное производство, крестьянин получал экономическое подтверждение своим правам труженика и хозяина на земле.

Вместе с тем сбытоснабженческая и кредитная кооперация создавали основу для развития простейших производственных кооперативов. Без денег, без кредита невозможно представить развитие машинных, мелиоративных, семеноводческих и других товариществ, которые охватывали бы уже производственную сферу крестьянских хозяйств.

Хочу подчеркнуть один важный момент. В.И. Ленин имел в виду использование всех видов кооперации на сугубо добровольной основе. В статье «О кооперации» он дал развернутую программу развития нашей деревни на основе кооперативного движения. Идеи ленинской статьи составили основу резолюций «О кооперации» и «О работе в деревне» XIII съезда РКП(б), состоявшегося в мае 1924 года.

Новый этап в разработке аграрной политики партии определила состоявшаяся в апреле 1925 года XIV конференция РКП(б), где речь шла о дальнейшем углублении и практическом воплощении ленинских идей, выдвинутых в статье «О кооперации». С докладом на конференции выступил председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков. Для понимания обстановки, для оценки действительного соотношения и расстановки сил в обществе это выступление имело очень существенное значение. «На мой взгляд, — подчеркнул А.И. Рыков, — нет никакой надобности ставить административные препоны развитию производительных сил деревни в отношении найма труда в сельском хозяйстве и земельной аренды. Владея главнейшими рычагами нашей экономики, укрепившись на основных командных высотах ее, имея в руках рабочего класса политическую власть, нам не опасно развитие буржуазных отношений в деревне. Но наряду с этим — и в этом главное — необходимо создать обстановку, максимально благоприятствующую развитию производительных сил в области сельского хозяйства... Административными мерами с частным капиталом мы теперь не должны бороться. Взаимоотношения между государством и частным капиталом складываются на основе экономического соревнования, конкуренции».

Конференция приняла ряд решений по развитию сельскохозяйственной кооперации, всего аграрного сектора экономики. Всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, предоставлялось право участвовать в кооперации, облегчались условия применения наемного труда и аренды земли и т.д. Партийным и советским органам на местах запрещалось административное вмешательство в кооперативную работу. Результаты такой политики скоро стали воплощаться в реальные дела. Если в 1924/25 году сельскохозяйственная кооперация объединяла 24 процента крестьянских хозяйств, то в 1927-м — уже 32. Год от года это движение набирало силу на сугубо добро-

вольной основе. Оно охватило все республики и районы страны. С 1927 по 1929 год число разного рода кооперативов увеличилось в 2,5 раза. Накануне «великого перелома» к сельскохозяйственной кооперации приобщилось уже свыше 55 процентов крестьянских хозяйств.

На базе кооперации неуклонно расширялись и укреплялись экономические связи города и деревни. Если в 1922/23 г. государство и кооперация заготовили 84,8 млн. пудов хлеба, в 1923/24 г. — 310 млн. пудов, то в 1924/25 г. — 323 млн. пудов. В свою очередь, с каждым годом увеличивалось снабжение деревни промышленными товарами. Например, в 1923/24 г. крестьянство приобрело машин на 18 млн. рублей, а в следующем — на 33 млн. рублей. Таким образом, крестьянские деньги, задействованные в кооперативных учреждениях, не омертвлялись, не поглощались лишь в сфере личного потребления, не лежали в «кубышках», а объединялись с ресурсами государства в производственных целях. Скажем, за 1924/25 г. и 1925/26 г. в стране было построено 304 новых и отремонтировано 725 старых маслодельных заводов. На это строительство было израсходовано свыше 8 млн. рублей, из которых самой кооперацией (системой Маслоцентра) вложено 43 процента денежных средств. Таким же образом развивалась производственная база Союзкартофеля, Льноцентра и других кооперативных объединений. Это поучительный пример того, как можно использовать накопления крестьян, обеспечивая сочетание их интересов с интересами государства в целом.

Жизнь подтверждала ленинское положение о том, что «кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (ПСС, т. 45, с. 370).

Важную роль в подъеме сельского хозяйства сыграло развитие арендных отношений. Если уравнительное, подушное землепользование выражало вековую мечту крестьян о справедливости и равноправии, то аренда давала возможность с наибольшей выгодой использовать землю, другие средства производства. Действительно, арендовали землю те

крестьяне или кооперативы, которые могли ее хорошо обработать, получить больше продукции, следовательно, и дохода. И, наоборот, сдавали в аренду те, которые не имели возможности или не хотели трудиться с полной отдачей.

Напомним, что вначале вместе с отменой права частной собственности на землю была отменена и земельная аренда. Однако последующее развитие событий внесло свои изменения. В принятый 22 мая 1922 года закон «О трудовом землепользовании» был включен специальный раздел, который назывался «О трудовой аренде земли (временная переуступка прав на землепользование)». По нему разрешалась сдача в аренду всей земли или ее части теми хозяйствами, которые в силу определенных обстоятельств не могли ее обрабатывать.

В интересах развития производства надо было решительно ломать психологический барьер на пути к арендным отношениям, считавшимся пережитком капитализма. Дело в том, что сторонники «военного коммунизма» полагали аренду несовместимой с социализмом. Вопреки этому выдающийся ученый-аграрник Н.Д. Кондратьев считал: «Необходимо установить на практике политику добжелательного отношения к трудовой аренде».

XIV конференция РКП(б) приняла решения, направленные на дальнейшее расширение и углубление арендных отношений. В соответствии с ними значительно облегчались условия аренды земли. В мае 1925 года III съезд Советов СССР постановил «строго соблюдать право свободного выбора форм землепользования согласно земельному кодексу, не ставя административных преград на отруб и хутора», «разрешить сдачу в аренду отдельным землепользователям участков государственных фондовых земель на срок свыше 12 лет». Было разрешено сдавать в аренду и средства производства. Крестьянские хозяйства, имевшие рабочего скота, машин и орудий больше, чем необходимо, получили право за натуральную и денежную плату сдавать их в аренду. В 1925 году доля крестьянских хозяйств, арендовавших землю, выросла до 6 процентов. Площади земель, находившиеся в аренде, достигли 7 млн. десятин.

Развитие арендных отношений позволило более эффективно использовать землю, сельскохозяйственные орудия и инвентарь, в конечном счете служило усилению экономического роста деревни, всего народного хозяйства в целом.



Говоря о кооперации и аренде, сыгравших важную роль в подъеме нашего сельского хозяйства в 20-е годы, нельзя умолчать о контрактации. Через контрактацию в годы нэпа крестьянство все более втягивалось в планомерную организацию производства и сбыта сельскохозяйственных и промышленных и промышленных продуктов. Государственные, кооперативный органы или промышленные предприятия брали обязательства по снабжению крестьянских хозяйств сортами семенами, машинами, промышленными товарами, оказанию агрономических и ветеринарных услуг. Для этого им выдавали денежные ссуды. Крестьяне, в свою очередь, брали обязательства засеять определенную площадь и сдать (продать) произведенную продукцию в установленные сроки, по заранее обусловленным условиям и ценам.

В 1928/29 г. в контрактации участвовало уже свыше трети крестьянских хозяйств, ею охвачено было около 24 млн. гектаров посевов зерновых и технических культур. В целом по стране по всем культурам посевные площади под урожай 1930 года были законтрактованы более чем на 70 процентов, удельный вес полученной по контрактации продукции поднялся в эти годы с 40,3 до 77,8 процента. Контрактация 1929/30г. обеспечила поступление государству в планомерно-организационном порядке до 85 процентов всей заготавливаемой в деревне продукции. В постановлении Совнаркома СССР от 7 октября 1929 года «О контрактации продуктов сельского хозяйства» отмечалось: «Контрактация продуктов сельского хозяйства за последние два года росла чрезвычайно быстро и распространилась почти на все сельскохозяйственные культуры. Контрактация вызывает подъем сельского хозяйства, рост посевных площадей, расширение посевов технических культур, рост урожайности и т.д. Контрактация способствует обобществлению сельского хозяйства: на основе контрактации возникают производственные объединения, укрепляются старые коллективные хозяйства и образуются новые».

И не вина крестьян, что все это в последующие годы было утрачено, а точнее сметено командно-административной системой, принудительным режимом заготовок сельскохозяйственной продукции, который никак не заинтересовывал тружеников земли в увеличении ее производства.

Итак, в 20-е годы набирали силу, росли вширь и вглубь кооперация, аренда, контрактация. Крестьянин привыкал хозяйствовать в новых условиях, учился экономно и рачительно распоряжаться своим трудом, торговать с государством, кооперацией, друг с другом. Делал обычное крестьянское дело. Обретали материальную силу извечные его мечты и надежды на лучшую долю.

Уже к середине 20-х годов сельское хозяйство по многим показателям достигло довоенного уровня, а в дальнейшем и заметно превысило его. Крестьяне восстановили разоренные войнами хозяйства, осваивали земли, переданные им Советской властью. Посевных площадей в стране к концу 1926 года стало на 5,3 млн. гектаров больше, чем в 1913 году, а в 1928 году — на 8 млн. гектаров. Росли, хотя и медленно, сборы урожая. Средняя урожайность зерновых культур в 1909 — 1913 гг. составляла 6,9 центнера с гектара, в 1922 — 1925 гг. она составила 7,6 центнера. В 1925 году хлеба в стране было произведено на 1,7 млрд. пудов, или в 1,6 раза больше, чем в 1920 году.

Улучшилось положение дел в животноводстве. К середине 1925 года поголовье скота превзошло дореволюционный рубеж. Для наглядности — небольшая таблица роста численности скота всего за три года (в тысячах голов):

	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы и козы
1924	24980,4	57689,9	98388,9
1925	26439,8	60780,8	114502,2
1926	28771,6	64074,0	121671,0

Ежегодный прирост сельхозпродукции составлял в среднем около 10 процентов. Подъем крестьянских хозяйств привел к довольно заметному оживлению внешней торговли. В годы нэпа страна вывозила за границу зерновые (пшеницу, рожь, ячмень, овес, кукурузу и т.д.), мясо, масло коровье, птицу, яйца и т.д. Причем объемы экспорта неуклонно росли. Например, пшеницы в 1925 г. вывезли 24 млн. пудов, а в 1926 г. — уже 64, ячменя соответственно — 30 и 44 млн., кукурузы — 5 и 26 млн. и т.д.

Нет ничего удивительного в том, что росло и благосостояние крестьян. Если принять условно за единицу уровень питания в 1923 году (это был год, когда наши хозяйства, встав на рельсы новой экономической политики, уже заметно оживились), уже в 1926 году — всего за три года — среднелюдовое потребление сельским жителем мяса увеличилось почти в 2,5 раза. Почти вдвое больше крестьяне стали потреблять молока и молочных продуктов, втрое — сала, в 1,5 — масла коровьего. На одну душу в год приходилось более 40 килограммов мяса. Конечно, по современным меркам это был невысокий уровень, но все же людовое потребление мяса в среднем за год выросло на добрый десяток килограммов.

Вот такие плоды стал давать раскрепощенный крестьянский труд. И закономерно возникает вопрос, который волнует сейчас всех: почему тогда, на рубеже 20 — 30-х годов, сталинское руководство совершило «революцию сверху», насильственно и скоропалительно провело сплошную коллективизацию? Почему экономические методы хозяйствования были подменены репрессивно-мобилизационными? И как же получилось, что вместо обещанной крестьянам зажиточной жизни к ним применили не поддающееся здравому смыслу насилие, повели дело к отторжению от земли, а в конечном счете к «раскрестьяниванию», запустению деревни? И к вынужденным закупкам хлеба и мяса за рубежом, ставящим нас в униженное положение? Об этом пойдет речь далее.

### **Кого и почему напугал «кулак»?**

*Казалось бы, новая экономическая политика, открывшая широчайшие перспективы, была принята, по ленинскому выражению, «всерьез и надолго». Однако большинство в руководстве партии и государства не поняли сути ленинской коренной перемены точки зрения на социализм. Одни категорически отвергали поворот в экономической политике, другие восприняли его как временное, буквально на несколько лет, отступление перед капитализмом. После смерти В.И. Ленина высшее руководство страны, отягощенное внутренней борьбой, не довело идеи и практику нэпа до логического завершения. С его пути не были устранены иллюзорные представления о социализме. Не были в полной мере изжиты и*

*«военно-коммунистические» методы его построения. Все это, вместе взятое, и образовало пути «военного коммунизма», которые вначале сдерживали новую экономическую политику, а в конце 20-х годов попросту ее уничтожили.*

*Попробуем разобраться, почему это произошло.*

Образ социализма веками складывался и в народной утопии, и в научном представлении как некая система идеально выраженных целей и способов ее достижения. И еще не было исторической практики, чтобы на ее оселке выверить истинность тех или иных положений. Даже после Октября предполагалось, что социалистическая революция должна победить в нескольких, если не во всех, странах. Представлялось (а в первые годы Советской власти делались практические шаги), что социалистическое общество — это общество полного равенства, бесклассовое, с единой общенародной собственностью, общество без рынка, товарно-денежных отношений и т.д. Однако объективный ход развития исторических событий показал, что не во всем идеальное совпадает с реальным. Социализм нам пришлось строить в одиночку, а следовательно, надо было по-иному оценивать расстановку классовых сил внутри страны и на мировой арене, пересматривать место классов, их роль и значение в социалистическом строительстве.

Но этого, несмотря на указания В.И. Ленина, не произошло. После смерти Владимира Ильича мало чего изменилось во взглядах на крестьянство. Оно по-прежнему рассматривалось как мелкобуржуазный класс, постоянно порождающий капитализм, а потому — исторически переходящий. Из таких представлений вытекали политические и социально-экономические меры. При этом словно забывали, что социалистическое общество предстояло строить в стране, в которой подавляющее большинство составляло крестьянство.

Еще одно соображение. В.И. Ленин назвал «старательного» крестьянина центральной фигурой земледелия. В 20-е годы политика по отношению к этой центральной фигуре так и осталась противоречивой. С одной стороны, принимались все меры к подъему индивидуального крестьянского хозяйства, звучали призывы к всестороннему его развитию, а с другой — стоило только крестьянскому хозяйству добиться каких-либо достижений, более или

менее прочно стать на экономическую почву, как тут же оно зачислялось в разряд кулацких. А отсюда запрет на продажу сложных сельхозмашин, ограничение в кредите, непомерно высокие налоговые ставки, общественное презрение и т.д.

Вот что писал тогда в газету «Беднота» крестьянин села Пушкино Калужской губернии Н.И. Козлов: «Можно ли считать «буржуем» крестьянина, имеющего от 2-х до 4-х коров, 2 — 3 лошади и приличный дом? Вопрос довольно растяжимый. Если он сам и его семья занимаются в хозяйстве личным трудом, то одно уже это — доказательство, ограждающее его от клички «буржуй». Если у него к настоящему времени такое состояние хозяйства дошло после многолетнего и упорного труда и вылез он из землянки в приличный дом, то разве Советская власть не стремится к тому, чтобы каждый крестьянин имел бы по 2 — 3 лошади и коровы, исправно, без нытья, платил бы налоги... Но если уж после этого будешь «буржуем», слышать нападки и насмешки, то тогда непонятно, зачем весь этот шум и гвалт, газетный и брошюрный: «поднимайте сельское хозяйство, вводите травосеяние, увеличивайте скотоводство, улучшайте жизнь крестьянина» и тому подобное? Послушаешь, — начнешь улучшать, к новому ведению хозяйство приспособлять, получил что-нибудь лишнее, — ан, глядь, в «буржуи» попал. Тогда лучше уж сидеть опять на трехполке, на сохе да на кляче, с коровкой на дворе, а с водичкой на столе. На душе будет спокойно, никто не потревожит».

Другой крестьянин писал, что «в деревне теперь маломальски мощным хозяевам нет никуда выхода. Вся злоба вымещается на них. У них и скотину побьют, и огород поломают, хлеб потопчут, овощи нарушат, скирды раскидают, а в праздники окна побьют и самого избьют».

Вроде бы и давно это было. А вот выдержка из статьи в газете «Правда» от 30 января... 1989 года: «Сейчас лентяи остервенело клюют арендаторов и подрядчиков: как это так? По пятьсот рублей на руки за месяц! А мне сто с небольшим? Социализм гробите! Кулака возрождаете! Мы еще поглядим! Мы вам покажем перестройку! И кое-где «показывают». Портят машины, ломают и жгут постройки, прогоняют с участков».

Возвращаясь к 20-м годам, заметим, что лозунги «военного коммунизма» — сделать всех равными (в т.ч. бед-

няков подтянуть до уровня середняков, а середнякам не давать возможности экономически расти еще выше) вошли в острое противоречие с объективными законами экономического развития. Практическая реализация «уровнировки» тормозила экономический прогресс не только в деревне, но и отрицательно влияла на рост народного хозяйства в целом. Ведь ясно, что хозяйства, характеризующиеся более высокой товарностью производства, обладают значительными возможностями для ведения расширенного воспроизводства, увеличения фонда накопления. Нарушение, тем более насильственное изменение структуры и пропорций высокотоварных крестьянских хозяйств отрицательно сказывалось на росте национального дохода, а следовательно, на развитии индустрии. Наглядно это проявилось в конце 20-х годов, когда многие крестьяне, не выдержав налогового и административно-судебного пресса, стали покидать землю, свертывать хозяйство, мотивируя тем, что они перейдут в разряд бедняков и им будет легче.

Ученый-аграрник той поры Н.Д. Кондратьев говорил: «Я считаю, что нужно признать, что богатеющий мужик вовсе не является таким, которого мы берем под надзор, и является творческой фигурой... Если под кулаком нужно понимать всякого мужика, который может продавать, то не жалуйтесь, если он не продает, когда может. Ведь это же демагогия, когда говорят, что мы покровительствуем бедноте, а потом жалуются, что деревня ничего не продает. Беднота потому ничего не продает, что у нее нет ничего».

«Военно-коммунистическая» практика отношений с крестьянством противоречила той политике, о которой говорил В.И. Ленин: «При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство. Все, что мы можем сделать для его поощрения, мы обязаны сделать» (ПСС, т. 43, с. 84).

В соответствии с законами общественного воспроизводства не конкретный Тит Иванович ввиду исключительно «отвратительных» качеств его природы становится «кулаком», а в целом, по мере своего развития, крестьянские хозяйства неизбежно перемещаются на различные уровни экономической мощности. Такова «железная» ло-

гика экономических законов. Вины здесь наших крестьян 20-х годов ничуть не больше, чем вины тех или иных колхозов, ферм, звеньев, арендаторов конца 80-х годов, которые вышли в передовики, добились хороших хозяйственных результатов.

Тень «кулацкой опасности», оставшаяся со времен продразверстки, так и не была развеяна в годы нэпа. В середине 20-х годов ее сгущали представители так называемой «новой оппозиции». На XIV съезде партии Л.Б. Каменев расценил облегчение аренды земли, льготные условия найма рабочей силы как «уступку кулаку», как «кулацкий уклон». Г.Е. Зиновьев выдвинул лозунг: «Кулацкий уклон есть кулацкий уклон, и этому кулацкому уклону нужно показать большевистский кулак!». Сталин в то время не поддерживал такой позиции. Но тем не менее «кулацкую опасность» он тогда рассматривал как некий сказочный джинн в бутылке. Только этим джинном был не «кулак», а отношение к нему. Вот что говорил об этом Сталин: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия, — к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только, — и мигом разденут кулака». Этого джинна Сталин выпустил потом, в декабре 1929 года, призвав к «ликвидации кулачества как класса».

Важно понять, каким же был на самом деле «кулак» — или это «смертельный враг», или... В толковом словаре В. Даля говорится, что кулак — это перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле. Основное его занятие состоит в перекупке, барышничестве. Действительно, до революции этот особый слой крестьянства, сделав на финансовых операциях накопления, скупал землю, занимался ростовщичеством, эксплуатировал труд безземельных мужиков.

После Октябрьской революции, как известно, частная собственность на землю была упразднена, она поступила в уравнительное пользование. Причем переделы земли проводились регулярно, все крестьяне без исключения получили равное отношение к земле. Как писал В.И. Ленин, «уничтожить классы — это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества, это значит — все граждане имеют одинаковый

доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее» (ПСС, т. 24, с. 363). Национализация земли в корне подорвала основы существования эксплуататорских отношений в деревне, т.е. возможности неоплаченного присвоения продуктов прибавочного труда.

В начале 20-х годов были установлены такие ставки налогового обложения, которые позволяли получать государству и абсолютную, и дифференциальную ренту. Продналог выражал принципиально новые производственные отношения в аграрной сфере, которые складывались в результате национализации земли и установления в основном единоличного землепользования. О гибкости этой системы говорит такой пример. По зерновым культурам в 1921 — 1922 гг. налог составлял с десятины (если в крестьянском хозяйстве на едока приходилось 1,6 — 2 десятины пашни) при урожайности до 25 пудов — 2 пуда (8 процентов к урожаю), при урожайности 45 — 50 пудов — 4,5 пуда (9 процентов), при урожайности 70 пудов и выше — 7 пудов (10 процентов). Соответственно уменьшался налог, если в хозяйстве на едока приходилось, скажем, менее 0,5 десятины пашни.

После революции середняки и бедняки, составлявшие от общего числа крестьянства 96 процентов, пользовались 94,5 процента всей земли, а у крестьян, причисленных к кулакам (примерно 4 процента), было в пользовании 5,5 процента земли. Это говорит о примерном равенстве всех крестьянских слоев при пользовании землей, что явилось прямым следствием аграрной политики Советской власти. Не меняет картины и поправка на аренду. По всему Советскому Союзу в середине 20-х годов 67 процентов всех арендующих хозяйств приходилось на середняков, а на долю «высшей группы» крестьянских хозяйств приходилось 13 процентов арендаторов с концентрацией 30 процентов всего арендного фонда. Таким образом, из системы отношений к земле, главному средству производства в сельском хозяйстве, никак не вытекала политическая угроза от «кулака».

Но, может быть, она крылась в трудовых отношениях, в беспощадной эксплуатации наемной рабочей силы? Начнем с того, велика ли была армия наемных работников. По данным статистики тех лет, в 1926 — 1927 гг. во всех категориях индивидуальных крестьянских хозяйств



среднегодовое число работающих по найму составляло 1045,1 тысячи работников, в 1929 — 1930 гг. — всего лишь 420,1 тысячи. И это примерно на 25 млн. крестьянских хозяйств. Да и само число крестьянских хозяйств, применявших наемный труд, было не так уж большим. Например, в 1925 году привлеченная рабочая сила использовалась всего лишь в 1,9 процента крестьянских дворов. Подчеркнем, что по выборочным обследованиям наибольшее количество наемных работников (батраков) приходилось на середняцкие хозяйства — более 75 процентов, в зажиточных хозяйствах использовалось 15 процентов батраков от их общего числа и в бедняцких — несколько более 9 процентов.

### **И снова переход к «чрезвычайщине»...**

В соответствии с принятым в декабре 1928 года ЦИК СССР законом «Общие начала землепользования и землеустройства» наемный труд в крестьянских хозяйствах допускался при условии, что трудоспособные члены хозяйства принимают участие в работе своего хозяйства, а наемный труд имеет лишь подсобное значение. Это, так сказать, количественные ограничения в применении наемного труда. А качественные? Вместо цифр обратимся к документам и приведем несколько выдержек из постановления ЦИК и СНК СССР «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах»:

«Наниматель обязан при найме заключить с рабочим (работницей) или действующим от его имени профессиональным союзом письменный трудовой договор. В письменных трудовых договорах должны быть указаны а) основные работы, на которые нанимается работник; б) срок найма; в) размеры, виды и сроки выплаты заработной платы; г) дополнительные условия, устанавливаемые сторонами». «В отдельные периоды напряженных сельскохозяйственных работ (в страдную пору) по соглашению нанимателя с профессиональным союзом допускается удлинение рабочего дня, однако не более чем на два часа сверх нормального рабочего дня (восьмичасового для взрослых рабочих и шестичасового рабочего дня — для несовершеннолетних от 16 до 18 лет). При удлинении рабочего дня заработная плата повышается не менее чем на

одну треть по сравнению с заработной платой, установленной за нормальный рабочий день» и т.д.

За нарушение законодательства о труде и социальном страховании наниматель нес административную или уголовную ответственность. Надзор за соблюдением этого закона вели сельские Советы и Инспекция труда. Причем в 1929 году правительство приняло ряд дополнительных мер по увеличению штатов Инспекции труда, усилению судебного воздействия на нанимателей, улучшению с их стороны страхования, питания, медицинской помощи наемным работникам.

И, наконец, еще один штрих к портрету «кулака». В конце 20-х годов, незадолго до «великого перелома», на одно «кулацкое» хозяйство в среднем приходилось 1,7 коровы, 1,6 головы рабочего скота. По этим показателям «кулаки» стояли ненамного выше середняков. Например, на одно середняцкое хозяйство приходилось 1,2 головы рабочего скота и столько же коров. Более существенной оказалась разница между этими категориями крестьянских хозяйств по стоимости средств производства. Это объясняется тем, что к «кулакам» относили сельских жителей, имеющих и арендующих мельницы, маслобойни, просорушки и тому подобные предприятия переработки.

Весьма любопытным является одно из высказываний А.И. Микояна. В июне 1929 года на VII сессии Всесоюзного совета колхозов он говорил: «В области политики бедняк всегда с нами, и середняк идет с бедняком против кулака. Но когда стоит вопрос о том, как посеять, как вспахать и т.д., то середняк пойдет не к бедняку спрашивать об этом, потому что у бедняка хозяйство хуже, чем у него. Он больше смотрит туда, где хозяйство поставлено хорошо, где кони прекрасные, коровы хорошие и хороший урожай».

Таков в общих чертах экономический портрет «кулака». Естественно, возникает вопрос — соответствует ли известная всем нам легенда о кулаке реальной действительности? Был кулак или его не было? Конечно, крупной сельской буржуазии не было. Но были крестьяне, пользовавшиеся большими земельными площадями и применявшие наемный труд. Какая-то часть их не приняла нововведений в деревне, сопротивлялась им. Однако в разряд «врагов народа» попадали и совсем другие люди.

Пожалуй, лучше всего о «кулаке» сказано в «Поднятой целине» М. Шолохова. «Этот Бородин, по улишному

Титок мы его зовем, вместе с нами в восемнадцатом году добровольно ушел в Красную гвардию. Будучи бедняцко-го рода, сражался стойко... И ты понимаешь, товарищ рабочий, как он нам сердце полоснул? Зубами, как кобель в падлу, вцеплялся в хозяйство, возвернувшись домой. И начал богатеть, несмотря на наши предупреждения. Работал день и ночь, оброс весь дикой шерстью, в одних холстинных штанах зиму и лето исхаживал. Нажил три пары быков и грызь от тяжелого подъема разных тяжестей, и все ему было мало! Начал нанимать работников, по два, по три. Нажил мельницу-ветрянку, а потом купил пятисильный паровой двигатель и начал ладить маслобойку, скотиной переторговывать... Мы вызывали его неоднократно на ячейку и в Совет, стыдили страшным стыдом, говорили: «Брось, Тит, не становись нашей дорогой Советской власти поперек пути. Ты же за нее страдаец на фронтах против белых был...» — Нагульнов вздохнул и развел руками. — Что можно сделать, раз человек осатанел? Видим, поедает его собственность! Опять его призовем, вспоминаем бои и наши общие страдания, уговариваем, грозим, что в землю затопчем его, раз он становится поперек пути, делается буржуем и не хочет дожидаться мировой революции.

...Титок нам отвечает: «Я сполняю приказ Советской власти, увеличиваю посев. А работников имею по закону: у меня баба в женских болезнях. Я был ничем и стал всем, все у меня есть, за это я и воевал. Да и Советская власть не на вас, мол, держится. Я своими руками даю ей что жевать, а вы — портфельщики, я вас в упор не вижу».

Такая, как у Нагульнова, «политика» по отношению к крестьянству не могла не отразиться на практике социалистического строительства. Земледельцу отводилась роль безропотного исполнителя верховных предначертаний. Вопреки ленинскому завету: «не смей командовать!» им все более и более начинали не только командовать, но и всячески помыкать. Так было уже в середине 20-х годов. Однако попытки «проскочить» закономерные этапы зрелости социалистических отношений, ускоренного развития промышленности за счет крестьянства привели к экономическим трудностям конца 1925 — начала 1926 года. Тогда пришлось скорректировать основные народнохозяйственные пропорции, снизить темпы индустриализации. Опыт был учтен. Первый пятилетний план, приня-

тый XVI конференцией ВКП(б) и утвержденный V съездом Советов СССР в начале 1929 года, был сверстан на основе постепенного ускорения индустриализации и кооперативного движения в деревне, широкого применения экономических, хозрасчетных методов, пропорционального, сбалансированного развития всех отраслей народного хозяйства.

Зимой 1927/28 г. в стране вновь разыгрался хлебозаготовительный кризис. Анализ причин был в центре внимания апрельского и июльского (1928 г.) Пленумов ЦК ВКП(б). На этих Пленумах выявились коренные расхождения в позициях группы Н.И. Бухарина и окружения Сталина. Сторонники Бухарина усматривали причины «хлебного кризиса» в несовершенстве экономического механизма хозяйствования, в частности в перекосах ценовой политики. Соответственно они предлагали методы выхода из кризисной ситуации — экономические. Сталин кризис хлебозаготовок объяснял в основном «кулацкой» стачкой, тем, что «растет и богатеет деревня» и что «три года урожая не прошли даром» и т.д. Во время командировки в Сибирь в начале 1928 года он настоял на применении чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовительной кампании.

Окончательное определение позиций по вопросам судеб крестьянства произошло в апреле 1929 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). На Пленуме с изложением своих взглядов выступили Н.И. Бухарин и А.И. Рыков. Главное направление развития сельского хозяйства, по мнению Бухарина, заключалось в сочетании колхозно-совхозного строительства с подъемом индивидуального хозяйства при систематическом его кооперировании. А.И. Рыков внес предложение в течение 1,5 — 2 лет принять ряд мер по оздоровлению экономики деревни. В частности, он считал необходимым временно пойти на закупку за границей хлеба. Против Бухарина, Рыкова и их сторонников с резкой критикой выступили Сталин, Ворошилов, Андреев, Орджоникидзе, Жданов, Шкирятов и другие. Взгляды группы Бухарина были расценены «как несовместимые с генеральной линией партии». Большинство поддержало Сталина.

Таким образом, в 1929 году к руководству партией и страной пришло окружение Сталина, сторонники и последовательные проводники «военно-коммунистических»

методов построения нового общества. В основе их теоретических воззрений лежали упрощенные, порой вульгарные представления образа социализма. Задачи далекого будущего — единая общенародная собственность, бесклассовое общество, отсутствие товарного производства и т.д. — ставились в повестку текущего дня, научно обоснованные решения подменялись надуманными, волевыми акциями. Стержнем партийной и государственной политики стал выдвинутый Сталиным тезис об обострении классово-вой борьбы по мере продвижения по пути социализма. Руководство страны взяло курс на коренной пересмотр планов первой пятилетки. В августе ЦК ВКП(б) принял несколько постановлений об увеличении программы по машиностроению, стали, цветным металлам, химической промышленности и т.д.

Конечно, волевое решение, идущее вразрез с научно обоснованными, реально подкрепленными решениями, уродовало воспроизводственную структуру народного хозяйства. Забегая вперед, скажем, что после 1929 года в промышленность, транспорт, строительство было вложено 41,6 млрд. руб. вместо 22 млрд. руб. по плану. Было заложено огромное количество новостроек, завершить которые в срок не удалось.

Для выполнения непомерно раздутых планов индустриализации требовались огромные средства. Где их взять? Взоры сталинского руководства обращаются к деревне. Для выполнения социально-экономической утопии сталинского толка нужен был хлеб, очень много хлеба. Если в 1928 году для обеспечения всех потребностей государства было необходимо 687 млн. пудов (заготовки дали 672 млн. пудов), то в 1930 году требовалось уже 1,5 млрд. пудов хлеба, что при нормальных взаимоотношениях с крестьянством обеспечить было невозможно.

В течение 1928 — 1929 годов стали предприниматься попытки разрешить эту проблему путем повсеместного применения чрезвычайных мер, силового давления на более крепкие экономически крестьянские хозяйства. В этот период Сталин выдвинул лозунг, основной смысл которого заключался в том, что хлеб в деревне есть, надо уметь его взять. Были включены все рычаги нажима на крестьянство. На первое место выдвинулись административно-репрессивные меры: разверстка сдачи хлеба по хозяйствам, запрещение свободной торговли, конфискация хлеба и

широкое применение 107 статьи Уголовного кодекса (за сокрытие и спекуляцию хлебом), заградительные отряды между отдельными районами и т.д. В принудительном порядке разверстывался заем, широко стало применяться повышенное самообложение. Были введены процентные надбавки и индивидуальное обложение. К уплате налога с процентной надбавкой было привлечено от 10 до 12 процентов крестьянских хозяйств. Индивидуальным обложением вначале было охвачено 2 — 3 процента крестьянских хозяйств.

Все хозяйства, уплачивающие процентные надбавки и обложенные в индивидуальном порядке, считались зажиточно-кулацкими. Среднегодовой доход большинства таких семей (а это примерно 6 — 7 человек) колебался от 400 до 600 рублей и незначительно — свыше тысячи рублей. Велико ли это «богатство»? Заметим для сравнения, что в 1928 году среднегодовая зарплата рабочих и служащих в промышленности составила 843, а в строительстве — 996 рублей. Н.И. Бухарин отмечал в этой связи, что наша деревня в основной своей массе нищая. Когда были разработаны и доведены до исполнения «признаки определения кулацких хозяйств», число индивидуально обложенных крестьянских хозяйств еще более возросло. По этим признакам к «кулакам» относились крестьянские хозяйства, использующие в той или иной степени наемный труд, имеющие в своем хозяйстве просорушку, шерстобитку, занимающиеся торговлей и т.д.

После временного ослабления летом 1928 года «чрезвычайщины», во второй половине 1929 года она вновь усиливается. Стали широко применяться такие методы, как лишение избирательных прав («лишенцы»), общественный бойкот, т.е. у не сдавших хлеб крестьян заколачивали колодцы, детей не пускали в школу, им запрещалось покупать товары в кооперации и т.д. Такая политика вызвала протесты со стороны крестьян. Часть из них стала сокращать посевы, свертывать хозяйственную деятельность, а часть вообще «раскрестьянивалась» и уезжала в города. В ряде районов страны произошли довольно крупные волнения. Продолжение силового давления на крестьян обостряло политическую обстановку. Применение чрезвычайных мер не дало ожидаемого экономического эффекта. Экспортные возможности не увеличивались, вывоз хлеба в 1929 году дал всего лишь 22,5 млн. рублей.

Сумма чрезвычайно незначительная, чтобы как-то существенно повлиять на успех задуманных планов. Стало ясно, что в отношениях к крестьянству, в отработке «механизма перекачки» средств из деревни сталинскому руководству понадобится далекий от экономических законов кардинальный поворот.

### **Что же сломали в год «великого перелома»?**

*Еще в июле 1928 года Сталин утверждал, что «мы разрушили бы смычку, если бы стали на точку зрения борьбы и уничтожения индивидуального крестьянского хозяйства, сойдя с ленинской позиции повседневной помощи и поддержки... индивидуальным крестьянским хозяйствам». Прошло немногим более года... И вот 7 ноября 1929 года, в XII годовщину Октября, вышел праздничный номер газеты «Правда» со статьей Сталина «Год великого перелома». Статья начиналась словами: «Истекший год был годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства». В деревне, утверждал Сталин, «великий перелом» заключался в том, что «крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами» и что «наше молодое крупное социалистическое земледелие (колхозное и совхозное) имеет великую будущность, что оно будет проявлять чудеса роста». Причем «чудеса» были им обещаны не в далекой перспективе, а в ближайшее время. «...Если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том,— заверил Сталин,— что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире».*

Послушаем, что о путях развития деревни при Советской власти говорили выдающиеся наши ученые-аграрники.

А.В. Чайанов: «Деятельность сельского хозяина носит настолько индивидуальный местный характер, настолько обусловлена особенностями каждого клочка эксплуатируемой поверхности, что никакая руководящая извне воля не сможет вести хозяйство, если оно сколько-нибудь интенсивно...». А вот что говорил по этому поводу Н.Д. Кондратьев: «...Желания у людей могут быть самые разнообразные, но цели, которые человечество достигает, это те цели, которые осуществимы, и думать поэтому, что изве-

ственным курсом политики, известным курсом мероприятий можно обеспечить или нельзя обеспечить рост производительных сил, это — думать, что надстройкой можно определить судьбы производительных сил. Это утопическая установка».

Так полагали крупнейшие мировые авторитеты в аграрной науке. Но Сталин и его окружение думали по-другому. Их мысли были просты и прямолинейны, на том же уровне «чрезвычайщины». Видя, что выжать из индивидуального крестьянского хозяйства ничего больше не удастся, замыслили создавать сельскохозяйственные фабрики по образу и подобию промышленного производства, а крестьянина из самостоятельного товаропроизводителя превратить в безликого исполнителя определенных трудовых операций.

В ноябре 1929 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором была поставлена задача проведения сплошной коллективизации. Для разработки мер по ее развертыванию 5 декабря 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию во главе с Я.А. Яковлевым. Комиссия подготовила проект постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации», который с поправками Сталина утвержден 5 января 1930 года.

Было установлено, что в трех важнейших зерновых районах — на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге — коллективизация может быть в основном закончена осенью 1930 года или весной 1931 года. Коллективизация других зерновых районов — Украины, Центрально-Черноземной области, Сибири, Урала, Казахстана — может быть в основном закончена осенью 1931 года или весной 1932 года. Для остальных районов страны темпы коллективизации не устанавливались. Для обеспечения высоких темпов коллективизации в деревню послали многие тысячи уполномоченных из партийных, советских, военных работников, в городах на промышленных предприятиях создавались специальные бригады помощи коллективизации.

В январе-феврале создание колхозов достигло наибольшего размаха. И в центре, и на местах развернулась борьба за темпы, сжатые сроки. 15 января 1930 года «Правда» опубликовала сводку, в которой сообщалось о том, что «рабочие Таганрогского завода им. Сталина, пославшие в Азовский район свои бригады, обратились к хлеборобам с призывом коллективизироваться на 100 процентов к



15 января. Азовский район выполнил это к 12 января». Председатель Горицкого райисполкома Кимрского округа телеграфировал своему начальству: «21 февраля, ровно в 12 часов дня, весь наш район будет коллективизирован. Высылайте представителя на торжественное заседание». Под давлением сверху процент коллективизации рос стремительными темпами.

Зимой 1930 года деревня напоминала пасеку, куда вторгся медведь. Центр, по существу, потерял контроль над обстановкой. Задуманные планы порой превращались в трагикомические акты. Например, в деревне Вандышево Кимрского округа был обобществлен весь лук и чеснок, включая и тот, который находился на кухне крестьянок. Это проводилось под видом мобилизации семенных фондов. Бедняки и середняки, выражавшие сомнение насчет целесообразности таких мероприятий, объявлялись классовыми врагами, агентами кулака, подкулачниками, подвергались аресту, лишению голоса и даже высылке. В результате в деревне вновь обострилась обстановка, нарастали волнения крестьян.

Пришлось принимать срочные меры. 2 марта 1930 года была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он всю вину за сложившуюся обстановку переложил на местных работников. В принятых ЦК ВКП(б) документах намечались конкретные меры по выправлению положения. Прилив в колхозы сменился отливом. Если к 10 марта коллективизация достигла 58 процентов, то к октябрю в колхозах осталось не более 21 процента крестьянских хозяйств.

С учетом зимне-весеннего опыта 1930 года начали совершенствовать тактику и методы проведения сплошной коллективизации, стали применять меры экономического давления, например ужесточение налоговой политики по отношению к единоличникам. 2 сентября 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление о налоговой реформе. Изменения в налоговом обложении шли по линии выделения особой и построенной на льготных основаниях системы обложения колхозов и колхозников. А для крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, был расширен перечень признаков для обложения в индивидуальном порядке. Причем этот перечень мог быть расширен облисполкомами с учетом местных условий. Все эти хозяйства были привлечены к обложению в индиви-

дуальном порядке и лишены каких бы то ни было льгот. Затем индивидуальное обложение распространили и на те единоличные крестьянские хозяйства, которые никак не могли попасть в разряд «кулаков» по своему имущественному положению, но занимались торговлей или не выполняли своих обязательств перед государством. Начиная с 1931 года, для всех единоличных хозяйств повышаются как нормы доходности отдельных сельскохозяйственных культур, так и обложение неземледельческих доходов и доходов от продажи продукции на рынке. О том, как дифференцировались платежи между колхозами и различными социальными группами в деревне, дает наглядное представление следующая таблица данных за 1931 год:

	Абсолютная сумма	В % к итогу	В среднем на двор
1. Колхозы	80 млн. руб.	16,5	5 руб. 69 коп.
2. Колхозники	37 млн. руб.	7,6	2 руб. 94 коп.
3. Единоличные хозяйства	300 млн. руб.	61,7	30 руб. 80 коп.
4. Хозяйства, отнесенные к кулацким	69 млн. руб.	14,2	313 руб. 64 коп.

Как видно, единоличник должен был платить налог, более чем в десять раз превышающий налог колхозника. Это уже было серьезным побуждением для вступления в колхоз. И, начиная с 1931 года, процент коллективизации стал расти. К середине 1931 года было коллективизировано 52,7 процента крестьянских хозяйств, в 1932-м — 61,5, в 1933-м — 65,6, к середине 1934-го — 71,4 процента. К концу 30-х годов удельный вес единоличных хозяйств в посевных площадях сократился до одного процента, в колхозы было объединено 96,9 процента крестьянских дворов.

Итак, установка Сталина, выдвинутая им еще в 1928 году: «Нажать всю на развитие крупных хозяйств в деревне типа колхозов и совхозов, стараясь превратить их в хлебные фабрики для страны...», была реализована. Но какой ценой и за счет чего? Ответ на этот вопрос — в

лозунге Сталина, выдвинутом им в конце 1929 года. Тогда, в декабре, в Москве состоялась Всесоюзная конференция аграрников-марксистов. В принятой на ней резолюции содержался суровый призыв к беспощадному разгрому «всех реакционных буржуазных и мелкобуржуазных теорий», провозглашалась линия на создание «крупнейших обобществленных хозяйств, организацию «совхозов-гигантов». В центре внимания была речь Сталина, в которой он провозгласил переход «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». «Теперь, — пояснил он, — раскулачивание представляет... составную часть образования и развития колхозов».

Так была объявлена война крестьянскому хозяйству, против которой немногим более года назад выступал не кто иной, как сам Сталин.

Теперь же со страниц газет прозвучал призыв «объявить не на жизнь, а на смерть войну кулаку и смести его с лица земли». Началось беспрецедентное по своим масштабам и глубине насильственное «перепахивание» социальной и экономической структуры деревни.

В чем же все-таки суть «великого перелома»? Традиционно уже много лет утверждается — в замене индивидуальной формы сельскохозяйственного производства групповой, коллективной. Это верно, но отчасти, поскольку такое утверждение отражает лишь одну из граней «великого перелома». Главное в другом. Содержание коллективизации было раскрыто уже в те годы. В передовой статье одной из центральных газет «О ликвидации кулацких хозяйств» содержался такой тезис: «Город через организацию крупного сельского хозяйства, через коренное изменение общественных отношений производителей к средствам производства в сельском хозяйстве решительно повел деревню по пути преодоления противоположности между городом и деревней».

Вот в чем дело! Не через совершенствование экономических отношений с мелкотоварным крестьянским укладом, а через коренную ломку производственных отношений этого уклада, отделение работников от средств производства. Таким образом крестьяне лишались своего статуса как товаропроизводители и становились частью совокупного работника в масштабах всего народного хозяйства, а их средства производства огосударствлялись.

Вполне естественно, что процесс отделения работников от средств производства не мог быть осуществлен на сугубо добровольной основе. Объективно возникла потребность в аппарате принуждения. Причем не нужно думать, что для этого необходимы люди с наганами. Это тоже было, но явление гораздо сложнее. Механизм отделения работников от средств производства включает в себя меры прежде всего экономические, политические и административные.

Сам этот процесс начался в январе 1928 года, когда Сталин во время поездки в Сибирь ввел чрезвычайные меры. Уже тогда началось и раскулачивание, и «самораскулачивание». Бесперспективность «чрезвычайки» постепенно привела сталинское руководство к решению ликвидировать верхний слой крестьянских хозяйств, а остальную часть крестьян объединить в контролируемые и управляемые из центра социально-экономические структуры. Вначале верхним слоям крестьянских хозяйств закрыли дорогу в колхоз. Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) призвал развить «решительное наступление на кулака, всячески преграждая и пресекая попытки проникновения кулаков в колхозы». И, наконец, Сталин подал команду приступить к ликвидации кулачества как класса.

В комиссии Я.А. Яковлева была образована подкомиссия в составе К.Я.Баумана (председатель), Г.Н. Каминского, И.Е. Клименко, Т.Р. Рыскулова, которой поручили подготовить конкретные предложения об отношении к «кулачеству» в районах сплошной коллективизации. Подкомиссия, руководствуясь сталинским лозунгом, пришла к выводу, что уже недостаточно просто ограничиться запрещением допуска «кулаков» в колхозы или их исключением. Она предложила репрессивные меры: арестовывать или выселять кулаков, активно сопротивляющихся социалистическим порядкам и ведущим контрреволюционную подрывную работу; выселять или переселять тех кулаков, которые отказываются подчиняться порядкам сплошной коллективизации; использовать большинство кулацкого населения как рабочую силу без предоставления избирательных прав. В проекте постановления ЦК ВКП(б), подготовленном комиссией Я.А. Яковлева, был поставлен вопрос о немедленной экспроприации крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, в районах сплошной коллективизации.

Таковы были общие решения. Для выработки более конкретных форм и методов «ликвидации кулачества как класса» 15 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) образовало комиссию во главе с секретарем ЦК ВКП(б) В.М. Молотовым. Состав комиссии был расширен до 21 человека, затем в нее включили еще пять представителей. Среди них были А.А. Андреев, С.А. Бергавинов, И.М. Варейкис, Ф.И. Голощекин, И.Д. Кабаков и другие. Комиссия сразу же приступила к работе. Уже к 26 января 1930 года был подготовлен проект постановления ЦК и передан в Политбюро. 30 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Не мешкая, в тот же день оно было передано по телеграфу всем местным партийным организациям для исполнения.

### **Так была запущена машина «раскрестьянивания»**

Беззаконие уже творилось повсеместно, а только в феврале ЦИК и СНК СССР вдогонку издали постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Этот документ создавал видимость законодательного оформления сталинской политики.

В соответствии с указаниями, содержащимися в этих и других документах, в районах сплошной коллективизации отменялась аренда земли, запрещалось применение наемного труда, у «кулаков» конфисковывались средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, денежные средства и т.д. Причем право принимать меры борьбы против «кулаков» предоставлялось краевым и областным Советам. Все «кулаки» были распределены на три категории. К первой категории отнесли так называемый контрреволюционный актив, организаторов террористических актов и антисоветских мятежей. Ко второй причислялись «кулаки», имевшие экономически мощные хозяйства, жившие за счет эксплуатации чужого труда и активно выступавшие против коллективизации. И, наконец, к третьей категории относились «кулаки», владевшие менее мощными хозяйствами, но также эксплуатировавшие чужой труд.

На места была спущена и квота — 3—5 процентов всех крестьянских хозяйств. Для проведения ликвидации «кулаков» в краях, округах, районах и сельсоветах должны были создаваться специальные комиссии, в задачу которых входило установление «категорий кулацких хозяйств», составление и проверка списков хозяйств, подлежащих раскулачиванию, строгий учет и сохранность имущества раскулаченных и передача его в неделимые фонды колхозов или финансовым органам. Однако на практике дело чаще всего обстояло так: из района приезжал в деревню уполномоченный, собирал работников сельсовета, бедняцкий актив, спешно составлялись списки раскулачиваемых... и начиналась работа.

Выявление и удаление «кулаков первой категории» возлагались на органы ОГПУ. Всех отнесенных к первой категории без суда и следствия по решению «троек» арестовывали, направляли в места заключения или расстреливали. Зачисленных в списки второй категории «кулаков» вместе с семьями выселяли в отдаленные районы страны. Отнесенных к третьей категории лишали права надела в пределах своего места жительства, отводили запольные участки. Но так как свободных земель практически не было, то их чаще всего переводили во вторую категорию со всеми вытекающими из этого последствиями.

Практически под раскулачивание шел гораздо более широкий круг сельских жителей. Под него попадали так называемые «лишенцы», т.е. лишённые избирательных прав, а среди них служители культа, торговцы и т.д. Например, съезд колхозников Лихославльского района Тверской области призвал всех колхозников, бедноту, батрачество и середняков приложить все усилия к тому, чтобы к весне 1930 года в районе не осталось ни одного кулака, ни одного попа, нэпмана и торговца.

Весной 1931 года началась новая волна раскулачивания. Для руководства и контроля за ее осуществлением была образована специальная комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР А.А. Андреевым. Особое место в ее работе занимали вопросы выселения и использования «кулацких семей». Основными районами их поселения являлись северный край, Урал, Сибирь и Казахстан, на долю которых приходилось почти 90 процентов общего числа выселенных крестьянских семей. Там они размещались в так называемых спецпоселках, своеобраз-

ных концлагерях. Спецпоселенцев использовали на самых трудных работах в шахтах, рудниках, лесоразработках и т.д. Очень широко использовался детский труд.

Борьба с «кулаком» продолжалась в течение всех 30-х годов. Правда, в 1933 — 1934 годах уже не было таких массовых репрессий, в основном шла «очистительная» работа под руководством политотделов МТС. Более значительная волна раскулачивания, вернее, не раскулачивания, а выявления «кулацких банд», прокатилась в 1937 году. Однако диапазон репрессий против крестьянства не ограничивался лишь раскулачиванием верхних крестьянских слоев. Сюда следует отнести и борьбу с «подкулачниками», судебнo-репрессивные меры против крестьян, не выполнивших обязательств по сдаче государству сельхозпродуктов. Таким образом шло выполнение разверсток рабочей силы на Беломорканал и другие «великие стройки» и т.д. Крупнейшей акцией по «раскрестьяниванию» стало проведение на рубеже 30 — 40-х годов ликвидации хуторов, которых тогда было ликвидировано 816 тысяч под предлогом того, что их сохранение способствует возрождению кулачества. Миллионы крестьян насильственно переселялись на центральные усадьбы, земля оставалась без хозяина.

Чрезвычайно сложно установить, сколько миллионов крестьянских семей было репрессировано в ходе раскулачивания, хотя давалась установка на уровне 3 — 5 процентов. В то же время в партийных документах указывалось, что в некоторых районах процент «раскулаченных» доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав до 15 — 20. Сам Сталин в речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 года отмечал, что на каждые сто дворов в деревне можно было насчитать 4 — 5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, 45 — 50 середняцких, 35 бедняцких дворов и что, «развернув колхозное строительство, мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу». Если учесть, что в начале 30-х годов в нашей стране было около 25 млн. крестьянских хозяйств, а по статистике тех лет в «кулацких» семьях было в среднем около семи-восьми человек (меньше — в семьях середняков и еще меньше в семьях бедняков), то выходит, что к кулацко-зажиточным хозяйствам Сталин отнес более 3 млн. крестьянских дворов, а это более 20 млн. человек. Таким образом, если принять за основу названные цифры, деревня лиши-

лась миллионов трудолюбивых, умелых, преданных своей земле людей. Крестьянская потеря — самая невосполнимая. Крестьян не готовят ни в учебных заведениях, не становятся ими по приказу или постановлению высших инстанций. Крестьян рождает земля — таков извечный закон. Таковы, на наш взгляд, результаты раскулачивания. Хотя — и это надо особо отметить — вопрос о точных цифрах до сих пор остается открытым.

Наряду с «ликвидацией кулачества как класса» важным направлением «раскрестьянивания» стало наступление на единоличника. Оно проводилось и в начале 30-х годов в ходе сплошной коллективизации, но генеральное наступление было объявлено Сталиным в июле 1934 года на совещании членов ЦК ВКП(б), секретарей республиканских, областных и краевых комитетов партии. Основу его составил экономический пресс. Вновь была пересмотрена система налогового обложения с целью укрепления преимущественного положения колхозников перед единоличниками. Налог с единоличных хозяйств стал на 25 процентов выше, чем с хозяйств колхозников. Установленные нормы сдачи по заготовкам продуктов для колхозов были в 1,5 — 2 раза ниже, чем для единоличников. К концу 30-х годов единоличные крестьянские хозяйства как товаропроизводители фактически перестали существовать. Так в ходе коллективизации был ликвидирован целый экономический уклад.

«Раскрестьянивание» велось по всем статьям: от экономических форм и нравственных устоев до прямого физического уничтожения. В ходе «великого перелома» массивным атакам подвергся весь жизненный уклад крестьян: вековые нравственные и психологические устои крестьянской жизни, так называемая «частнособственническая психология», привязанность к своему полю, коню, жилищу предков. Закрывались и разрушались культовые сооружения, осмеивались народные праздники и т.д. Для оправдания тотального террора против крестьянства сталинское руководство пошло на прямой подлог, фальсификацию и политическую провокацию. Вот как об этом писали в «ученых трудах»: «Выступления кулачества против Советской власти и колхозного движения нельзя сводить лишь к разрозненным фактам вредительства, контрреволюционной агитации или террористическим актам. Кулачество боролось, имея своих



идеологов, свою партию, своих вождей. Взамен разбитой партии эсеров («правых» и «левых») образовалась подпольная контрреволюционная кулацкая партия под демагогическим названием «Трудовой крестьянской партии» во главе с Кондратьевым, Чаяновым и др. В борьбе с победоносной социалистической революцией на защиту кулачества выступила контрреволюционная группа правых во главе с Бухариным и Рыковым».

Сталинским руководством был организован разгром блестящей русской советской аграрной науки, уничтожены А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Н.И. Вавилов, тысячи других. В лозунге «Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации» Сталин осуществил насильственное политическое, экономическое и социальное перепахивание всей аграрной структуры общества так, как это соответствовало его модели социализма. Практически борьба шла не только с определенной прослойкой класса крестьян, но и в целом со всем крестьянством, инакомыслящими деятелями в партийно-государственном руководстве, подлинной наукой, со всеми, кто не разделял взглядов сталинского руководства.

Прошло время. История оправдала бывших «врагов народа». Реабилитированы и восстановлены в партии видные деятели партии и государства Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, многие другие. Полностью реабилитированы, в том числе и в научном плане, наши ученые, составившие гордость мировой и отечественной науки, А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Н.И. Вавилов. «Трудовая крестьянская партия», как сейчас доказано, оказалась фальсификацией. Верхом беззакония признаны специально созданные несудебные органы — «тройки», «особые совещания», а также сама практика составления и утверждения списков репрессируемых. Именно такая практика осуществления репрессий применялась в ходе раскулачивания. Но есть одна особенность, которая крайне усугубляет вину организаторов и исполнителей этого преступления. Вина их не только в том, что они развязали войну против своих кормильцев и защитников. Их стократная вина в том, что они, «ликвидируя кулачество как класс», подвергали уничтожению, посылая на верную смерть в спецпоселки, крестьянок с младенцами на руках, вцепившихся ручонками в материнскую одежду детишек, старух и стариков, увечных.

Во имя восстановления справедливости, во имя утверждения гуманной сущности социализма как подлинного народного строя можно с полным основанием утверждать, что несправедливое, жестокое, бесчеловечное раскулачивание было страшным преступлением не только против крестьян, но и против всего нашего народа. Безнаказанность сталинского руководства и их сподвижников на местах за этот произвол открыла «зеленую улицу» всем последующим массовым репрессиям. История требует, чтобы крестьяне, попавшие под раскулачивание и иные репрессии, были оправданы и восстановлены во всех гражданских правах так же, как и все остальные жертвы необоснованных сталинских репрессий.

### Плоды сталинской «революции сверху»

*В конце 1929 года Сталин обещал сделать нашу страну через каких-нибудь три года самой хлебной страной в мире, а чуть позже — наших крестьян самыми зажиточными. Может, действительно жертвы были не напрасны, как об этом тогда писали и говорили? Для правильного ответа надо рассмотреть, что представляла собой созданная в ходе сплошной коллективизации колхозная система. Это были колхозы, но не те, которые начинали появляться еще при жизни В.И. Ленина. Хозяйства «старой» формации, основанные на хозяйственных началах и подлинно коллективной собственности, решительно отбрасывались. Между тем существовавшие в 20-е годы немногочисленные колхозы имели более высокий уровень хозяйствования, а следовательно, и более высокую товарность. Правда, число их было невелико. В 1921 году насчитывалось 16 тысяч ТОЗов, коммун, артелей, в 1928 году — 33,3 тысячи. Коллективизированные хозяйства составили к этому времени 1,7 процента от общего числа крестьянских дворов. Важно отметить, что процент артелей (ее впоследствии сделали единственной формой колхозов) в общем числе коллективных хозяйств был невелик. Крестьяне предпочитали объединяться в ТОЗы.*

И вот «старые» колхозы накануне сплошной коллективизации были объявлены лжеколхозами. В вину им ставили не только участие «кулаков» в руководстве колхозами, но и распределение доходов по паям и внесенному

имуществу; расходование кредитов для укрепления хозяйств членов колхозов, использование также в этих целях машин; сдачу земли в аренду; ведение торговых операций, широкое и постоянное применение наемной рабочей силы. Словом, отвергалось все, что не укладывалось в рамки командно-административного режима.

В годы «великого перелома» была ликвидирована вся кооперативная система в аграрной сфере народного хозяйства. В 1931 году Совнарком СССР постановил «признать необходимым Союз Союзов сельскохозяйственной кооперации ликвидировать». Годом раньше ликвидировали земельные общества.

Иногда и сейчас приходится слышать суждения, что все трудности нашей деревни происходят от «насаждения» колхозов. Исторический опыт показывает, что дело не только в том. Как раз на путях к коллективному земледелию у нашего крестьянства имелся немалый и весьма своеобразный опыт многих десятилетий. Бесценнейшее достояние нашей деревни — сформированные в рамках общин трудовые коллективы, системы землепользования, самоуправления, нравственно-психологических устоев — давали, по существу, готовые изначальные формы для производственного кооперирования. Нашему крестьянству путь коллективного земледелия был особенно близок.

Можно с полным основанием утверждать, что под ширмой сплошной коллективизации сталинское руководство проводило как раз антикооперативную политику. Были упразднены возникшие сначала Колхозцентр СССР и колхозсоюзы на местах. Все управление колхозами перешло к государственным органам как в центре, так и на местах. В соответствии с решениями ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) ЦИК СССР признал «необходимым внесение единства в планирование и руководство сельскохозяйственным производством в масштабе Союза ССР и сосредоточение в едином центре непосредственного управления крупными сельскохозяйственными предприятиями». В этих целях был образован объединенный Народный Комиссариат Земледелия Союза ССР. На него, в частности, возлагалось общее, а в ряде случаев и «оперативное руководство посевными и уборочными кампаниями». Аппарат и функции Наркомзема в течение 30-х годов не раз усложнялись и расширялись. Свернул свою деятельность Всесоюзный совет колхозов. Съезды и конференции колхозников отменя-

лись. Так «железной рукой» были смяты еще не окрепшие, но пробивающие дорогу ростки демократизации в кооперативном движении.

Сформировавшиеся методы администрирования практически пришли на смену экономическим, вытеснили их. Производственные планы колхозов заменили разверсткой государственных заданий, диктуемых из центра. Организация производства в колхозах «от» и «до» была строго регламентирована и централизована. Дело дошло до того, что постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1933 года взяли под контроль даже такие частности: предписывалось «обязательно ввести там, где это еще не организовано, ежедневную чистку лошадей, своевременную расчистку копыт», а контроль и проверку «фактического проведения случной кампании» возложили на парторганизации и сельские Советы.

Особое внимание уделили формированию структуры контрольных органов. Функции районного земельного отдела сводились к составлению и доведению до колхозов многочисленных директив. Созданному аппарату районного уполномоченного Наркомата заготовок поручили устанавливать урожайность и планы заготовок сельхозпродукции. Финансовую деятельность колхозов контролировали соответствующие органы райисполкома и Госбанка. МТС осуществляла контроль за взаиморасчетами натурального и финансового характера. Кроме того, контроль над деятельностью колхозов вели райпланы, отделы народнохозяйственного учета, госстрахи, санинспекции. По каждому виду продукции существовали солидные учреждения: заготзерно, заготскот, заготяйцо, заготплодоовощ, заготпенькоконопля и т.д. И надо всем этим сложным и громоздким сооружением командно-административной системы стоял аппарат партийных органов, а также судебно-репрессивные учреждения. Перед ними колхоз должен был строго в установленное время отчитаться. Отчеты были самые разнообразные: квартальные, декадные, пятидневные. Посылали их в сельсовет, МТС, район, область. Отчитывались о подготовке к весенней посевной кампании, о взмете паров, прополке, темпах сеноуборки, силосования, о ходе случной кампании и т.д.

Отнюдь не экономические, а командно-принудительные отношения складывались и вокруг производимого колхозниками продукта. Собственно, ради этого и созда-

валась вся система. В начале 1933 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили «отменить существующую договорную (контракционную) систему заготовок зерновых культур и установить для колхозов и единоличных хозяйств имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным ценам». В течение года обязательные поставки распространялись и на мясо, молоко, шерсть, картофель, другую продукцию. Не выполнившие задания колхозы подвергались денежному штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательств, и сверх того к этим колхозам предъявлялось требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке.

Обязательная сдача продукции по низким ценам не могла обеспечить нормальное воспроизводство общественного хозяйства колхозов. Потому и не были в ходу слова «продажа продукции». Нет, применяли другие термины — «сдача», «поставки». Только после выполнения годовых обязательств по поставке зерна государству, сдачи зерна в порядке натуроплаты работ МТС и возврата ссуд колхозам разрешалось приступать к засыпке семенных и фуражных фондов, небольшой части страховых фондов. Создание других фондов — для оказания помощи инвалидам, семьям красноармейцев, на содержание детских яслей — запрещалось. И лишь после всего этого остатки продукции разрешалось распределять между колхозниками по трудодням. Понятно, что при таких раскладах на трудодни, как обычно, мало чего оставалось.

Окончательное оформление системы «разверстки» и «обязательных поставок» завершилось в начале 1940 года. Обязательные поставки колхозами мяса, молока, шерсти и т.д. в зависимости от поголовья общественного скота заменялись принципом погектарного исчисления. Было установлено, что, «начиная с урожая 1940 года, колхозы привлекаются к обязательным поставкам государству зерна, риса, картофеля, овощей, семян масличных культур и семян трав — с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами». Причем в размер пашни, по которой исчислялись обязательные поставки, включались не только существующие, используемые колхозные поля, но и огороды, а также новые земли, подлежащие по государственному плану освоению в будущем.

Вместо исчисления обязательных поставок молока по поголовью коров вводилась система поставок молока с каждого гектара земельной площади, в том числе садов, огородов, лугов и т.д.

Превращение колхозов в специфический механизм для присвоения государством результатов труда крестьян шло и по другим направлениям. Принимались меры к тому, чтобы лишить колхозы средств производства, оставив их лишь своеобразными источниками живого труда. Например, были огосударствлены действовавшие и строившиеся машинно-тракторные станции (МТС). Первоначально они создавались как акционерные предприятия на паях государства, колхозов и сбыто-снабженческой кооперации, с привлечением средств крестьянского населения. Затем из колхозов были изъяты имевшиеся у них тракторы и все сложные сельхозмашины. Фактически колхозы были лишены возможности покупать машины, создавать собственную материально-техническую базу. Так от колхозов отчуждались средства производства и произведенный продукт, они превращались в источник ресурсов, которым владел и распоряжался верхний эшелон партийно-государственной бюрократии.

Вся тяжесть созданной системы падала на непосредственных производителей материальных благ — колхозников и оставшуюся неколлективизированную часть крестьянства, единоличников. Трудно да и невозможно дать полную картину всего того, что вынесло наше крестьянство в те 30-е годы. Приведем лишь несколько примеров, они достаточно достоверно и красноречиво отражают суровую, драматическую действительность тех лет. Оплата труда носила не прямую форму денежных и натуральных расчетов, а весьма опосредованную, которую называли трудоднем. В трудодне — в народе его называли «палочкой» — растворялось и количество, и качество труда. Он отрывал конкретный труд от его конечных результатов. Именно по количеству трудодней судили о колхознике, о его вкладе в колхозную копилку. Вдумаемся в такое положение вещей. Трудодень не мог стать в силу своего мизерного экономического веса, а то и вообще лишенного такового, действенным стимулом к труду. Денег на трудодни практически не выдавали. Например, в Тульской области в 1937 году почти половина колхозов совершенно не выдавала денег на выработанные трудодни,

другие колхозы выдали по 20 копеек. Платили натурой, в основном зерном.

Лишенный экономического веса трудодень превращался в норму контроля трудовой повинности. В 1939 году за подписью секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина и председателя СНК СССР В. Молотова было опубликовано постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Этим постановлением установили для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум трудодней в году — от 60 до 100. Как тут не вспомнить о барщине! Все делалось для того, чтобы у крестьянина изъять не только произведенный им в общественном хозяйстве прибавочный, но и практически весь необходимый продукт.

В начале 50-х годов Сталин предложил повысить на 40 млрд. рублей налоги, которые платили колхозники и колхозы. И это в то время, когда за всю сданную и проданную продукцию они получали в год чуть больше 26 млрд. рублей! В этом и состояла вся суть сталинской аграрной политики. Поэтому всякие рассуждения о так называемых перегибах при ее проведении, будь то раскулачивание или налоговая система, лишены всякого основания. Перегибы — это отклонения от какой-то нормы. В этом случае норму составляли как раз сами перегибы.

Обязательными поставками зерна и сельхозпродуктов облагались посеы на пришкольных земельных участках, а также... хозяйства детских домов. Хотя в июле 1933 года отменили это положение, однако посеы, находящиеся в пользовании учителей, привлекались к обязательным поставкам наравне с единоличниками.

Одним из основных каналов выкачивания средств из деревни были всевозможные налоги, которые год от года неуклонно росли. Если в 1931 году сельскохозяйственный налог с колхозников и единоличников составил 381 миллион рублей, то в 1934-м — 564 млн. рублей. Кроме того, с каждого сельского подворья взимался культжилсбор. Его сумма в 1934 году составила 762 млн. рублей против 245 млн. руб. в 1931 году. Единоличные хозяйства, помимо всего этого, были обложены и единовременным налогом. Но это еще не все. Было введено обязательное окладное страхование строений, животных и т.д. Кроме того, крестьян обязали страховать посеы от ливней, бурь, заморозков и т.д. Помимо окладного обязательного стра-

хования, было и добровольное страхование сельхозкультур, животных и средств транспорта.

Важным каналом изъятия у крестьян денежных средств являлось, как говорят, «добровольно-принудительное» размещение различных займов. Существовал и такой канал изъятия средств у крестьян, как самообложение сельского населения. По самообложению хозяйства колхозников уплачивали от 5 до 15 руб., а единоличники — 60 процентов оклада сельхозналога, при иных условиях — 200 процентов. Беспрецедентным шагом сталинской налоговой политики стал закон от 1 сентября 1939 года «О сельскохозяйственном налоге». Его стали исчислять со всех возможных и невозможных источников дохода крестьянского двора. Были определены средние нормы доходности. Причем доходности не фактической, а теоретической, исчисляемой финагентами. Например, по РСФСР доходность с одной сотки приусадебного участка картофеля определялась в 120 рублей, зерновых — в 40, садов и ягодников — в 160 рублей. Доходность с коровы определялась в 3500 руб., овцы и козы — в 350, свиньи — в 1500 рублей. И так по всем статьям. Для иллюстрации проведем условную прикидку дохода колхозного двора, имеющего корову, несколько овец, свинью, небольшой сад, посеvy картофеля. Все это давало «мифический» доход в несколько тысяч рублей. Если налоговый агент насчитывал размер облагаемого дохода хозяйства в год свыше 8000 руб., то колхозник должен был уплатить 1200 руб. да плюс 30 коп. с каждого рубля дохода свыше 8000 рублей. А с единоличников сумма налога увеличивалась на 100 процентов.

Наряду с денежной повинностью колхозники и единоличники облагались и натуральным налогом. В течение 1933 года обязательные поставки, имеющие силу налога и подкрепленные репрессивными мерами, были распространены, помимо зерновых культур, на мясо, молоко и масло, шерсть, картофель, подсолнух и другие сельхозпродукты. Причем к обязательной поставке мяса государству привлекались все колхозные дворы и единоличные хозяйства независимо от их имущественного положения и от наличия в этих хозяйствах скота и птицы. В сельских Советах составлялись поименные списки всех без исключения единоличных хозяйств и колхозных дворов. Затем эти списки представлялись районной конторе Заготскота или Главмяса, которые проверяли правильность их со-



ставления и представляли на утверждение районного уполномоченного комитета по заготовкам. После этих процедур выписывались обязательства на каждое в отдельности единоличное хозяйство и колхозный двор, которые вручались главам крестьянских семей председателем сельсовета под расписку. Райисполкомы в определенное время проводили сплошную проверку вручения обязательств и сообщали об этом вышестоящим инстанциям. Колхозным дворам и единоличным хозяйствам «предоставлялось право» выполнять свои обязательства по поставке мяса государству любым видом скота и птицы обязательно в живом виде.

На не выполнивших в срок своих обязательств крестьян сельский Совет составлял списки двух видов. В первый включали все хозяйства, не выполнившие квартальных обязательств, во второй — те, которые имеют только одну корову или телку без всякого другого скота. По первому списку сельсовет немедленно налагал и взыскивал штрафы с хозяйств единоличников и колхозников, не выполнивших обязательств. На основании этого же списка сельсовет производил немедленно бесспорное изъятие скота в размере всей годовой невыполненной части обязательств у единоличных хозяйств, а также у тех колхозных дворов, у которых, кроме коровы или телки, есть другой скот или птица. Второй список сельсовет передавал райисполкому на утверждение. Райисполком обязан был рассмотреть этот список в пятидневный срок. Сельсовет не позднее 48 часов по получении постановления райисполкома об изъятии скота под расписку уведомлял колхозные дворы, что в случае непогашения или недовыполненной части обязательства в течение месяца со дня извещения у них будет изъята в бесспорном порядке корова или телка. Так оно и делалось: корову или телку уводили со двора, передавая ее потом в Заготскот и Главмясо.

Но так поступали с теми, у кого был хоть какой-то скот. А у кого ничего не было на подворье? «В случае отсутствия скота или птицы, — указывалось в регламентирующих документах, — у хозяйства, не выполнившего в срок своего обязательства, одновременно со взысканием денежного штрафа этому хозяйству устанавливается новый срок сдачи в следующем квартале. При повторном невыполнении обязательства во вновь установленный срок виновные (в чем виновные?! Что у крестьянина нет животины на

дворе? — Н.Т.) подвергаются вторичному денежному штрафу в размере рыночной стоимости всего несданного мяса и привлекаются к судебной ответственности».

В начале 1940 года окончательно отменяются договоры контрактации, сохранившиеся по некоторым сельхозпродуктам, сельское хозяйство целиком переводится на рельсы обязательных поставок. Колхозные дворы и единоличные хозяйства обязывались сдавать даже шкуры скота, получаемые от убоя и падежа. Помимо денежных и натуральных повинностей, крестьяне несли еще и трудовую. Их в обязательном порядке привлекали к лесозаготовительным работам, дорожному строительству и т.д.

Так на рубеже 30 — 40-х годов окончательно сформировалась жестко централизованная командно-административная система в аграрной структуре нашей страны.

Не будем в полной мере раскрывать последствий принудительной сплошной коллективизации, которые имели место на всем протяжении 30-х годов. Приведем лишь для наглядности табличку: 1928 год — это год, предшествующий «великому перелому», а 1932 год — это год, когда «великий перелом» в деревне уже свершился.

	1928 г.	1932 г.	в % рост (+), снижение (—)
Вся посевная площадь, млн. га	113,0	134,4	+19
Валовой сбор зерновых, млн. Т	73,3	69,9	—5
Урожайность, ц/га	7,9	7,0	—13
Производство мяса, млн. т	4,9	2,8	—43
Производство молока, млн. т	31,0	20,6	—33

Особенно сильно пострадало в годы сплошной коллективизации животноводство. Численность лошадей в стране уменьшилась с 32,6 млн. голов в 1929 году до 14,9 млн. голов в 1935 году. Примерно вдвое сократилось поголовье крупного рогатого скота. «Великий перелом» так и не на-

ступил: валовая продукция сельского хозяйства в 1936 — 1940 годах, по существу, оставалась на уровне 1924 — 1928 годов, а средняя урожайность оказалась даже меньше.

Иногда приходится слышать такое возражение — дескать, рост сельскохозяйственного производства в 20-е годы не отражает истинного положения вещей, поскольку отсчет ведется от начала нэпа, когда производство имело чрезвычайно низкий уровень. Возьмем другую точку отсчета — 1913 год. Как уже говорилось, к середине 1925 года уровень 1913 года по многим показателям производства сельхозпродукции был не только достигнут, но и превзойден. А что же произошло дальше? Производство мяса и сала, например, в 1940 году составляло 4,7 млн. тонн, в то время как в 1913-м — 5,0 млн. тонн. Примерно равными оказались уровни производства яиц и других продуктов. Шерсти в 1913 году было произведено 192 тыс. тонн, а в 1940-м — только 161 тыс. тонн.

И еще данные. По ряду показателей колхозы значительно отставали от личных подворий крестьян. Например, в 1940 году удельный вес колхозов, совхозов и других государственных хозяйств в производстве мяса составлял всего лишь 28 процентов, молока — 23, яиц — 6, картофеля — 35, овощей — 52, зерновых культур — 88 процентов и т.д., хотя в пользовании общественных хозяйств находилось 99,1 процента посевной площади.

Так ради чего была проведена сплошная коллективизация и была ли она жизненно необходимой? Конечно, так или иначе со временем мелкотоварное крестьянское хозяйство неизбежно пришло бы к крупным формам общественного производства, хотя не везде. В ряде случаев оно бы по-прежнему могло эффективно хозяйствовать и в рамках малых экономических форм, например в семейно-трудовых. Но сплошная коллективизация означала попытку «проскочить» ступени зрелости сельской экономики, «обмануть» законы общественного воспроизводства, проигнорировать интересы самих производителей, т.е. крестьян. В этом и кроется глубинная причина тех трудностей, которые мы сейчас переживаем.

Но в то время с точки зрения сталинского руководства сплошная коллективизация себя оправдала. Во-первых, вместо 80 — 100 млн. центнеров товарного хлеба, заготовлявшегося «в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства», стало ежегодно заготов-

ляться 200 — 300 млн. центнеров. До сих пор живет легенда, что экспорт зерна дал возможность успешно провести индустриализацию. Это одна из самых живучих догм. А как на самом деле? Один пример. Проданные в первой пятилетке 12 млн. тонн зерна дали всего 444,5 млн. рублей. Заметим для сравнения, что экспорт пушнины обеспечил за тот период нашей стране выручку валюты на сумму свыше 300 млн. рублей. Сопоставляя указанную выручку за хлеб с суммой вложений в промышленность, транспорт и строительство — 41,6 млрд. рублей, можно убедиться, что хлебная продажа не сыграла выдающейся роли в индустриализации, на которую так уповало сталинское руководство. Зато в результате изъятия хлеба разразившийся голод унес миллионы человеческих жизней. Тяжкой оказалась плата.

Провалы в сельском хозяйстве сталинское руководство пыталось прикрыть рассуждениями об обострении классовой борьбы, о кознях кулака, который-де сумел организовать саботаж хлебозаготовок и т.п. Конечно, «теория» обострения классовой борьбы была универсальным средством для оправдания любых явлений. Если в чем-то был успех — значит, вовремя разоблачили и уничтожили классового врага, а если провал — значит, враг не разоблачен и продолжает срывать выполнение грандиозных планов.

Но суть не только в этом. Причины провала, топтания нашей деревни на месте заключались и в насильственной ломке, разрушении объективного хода общественно-го воспроизводства, производственных отношений, всего жизненного уклада крестьянства. Это, в свою очередь, вызвало массовое бегство людей из деревни. Только за 1930 — 1932 гг. из деревни в город на постоянное жительство переехало почти 10 млн. человек. Из-за нехватки рабочей силы имелись случаи ликвидации колхозов. Вот почему государство вынуждено было взять под особый контроль перемещение сельского населения в города. В декабре 1932 года постановлением ЦИК и СНК СССР вводилась паспортная система. Однако на сельских жителей, на колхозников паспорта не вводились, они оказались прикованными к своему постоянному месту жительства.

На начальном этапе сплошной коллективизации было принято решение, запрещающее правлениям колхозов ограничивать труд женщин узким кругом работ. Так была

открыта «зеленая улица» позорному для цивилизованного общества явлению, когда женщина ворочала многопудовые грузы, тряслась в пыли и копоти на железном сиденье «Фордзона». И все это преподносилось как величайшее достижение социализма.

Подмена экономической связи работника со средствами производства принудительным механизмом породила такое невиданное для крестьянского хозяйства явление, как равнодушие к хлеборобскому труду, падение дисциплины. Всегда в крестьянском понятии леность, отлынивание от обычного хлеборобского дела означали выпадение из естества, а по существу, из жизни. Земледелец, уклоняющийся от борозды, всегда сравнивался в деревне с человеком, лишенным рассудка, безумцем. А во многих колхозах на работу выходило от 25 до 50 процентов колхозников.

Принудительный труд никогда и нигде не был производительным. Колхозники сами об этом говорили, и не кому-нибудь, а приближенным Сталина. Украинские крестьяне прямо признались Ворошилову: «Эх, если бы мы работали, ну, скажем, половину того, что раньше делали, то завалили бы всех хлебом и не знали бы, куда его девать!»

Но, несмотря ни на какие жестокие меры, наше крестьянство не потеряло веру в будущее социалистического пути деревни. И в 30-е годы многие колхозники работали с полной отдачей сил, так, как им предопределено самой крестьянской привычкой к беззаветному труду, привязанностью к своим полям. Пока колхозник верил в будущее, и на колхозных полях звучали песни. Он долго ждал того часа, когда ему будет возвращено его настоящее положение хозяина земли.

### **Опыт истории многому учит**

Сейчас, как никогда раньше, наш взгляд обращен к опыту и сложностям развития деревни в 20 — 30-е годы. И не ради праздного любопытства. Жизнь заставила нас задуматься над тем, что мы построили и как мы строили. Таков закон диалектики, что качественный скачок вперед нуждается в обстоятельном анализе прошлого, требует с высот достигнутого оценить это прошлое.

Многое сейчас переосмысливается и в аграрных отношениях. Меняются взгляды на провозглашенные тогда «истины», вроде так называемой «теории» обострения классовой борьбы по мере строительства социализма, служившей для оправдания жестокого произвола против своего народа. Люди ищут ответы, скажем, на волнующий всех нас вопрос, почему взлеты 20-х годов сменились трагедиями крестьянства в 30-е годы? Вопросов много, много и ответов. И это хорошо. Хорошо и то, что они неоднозначные, как было в недавнем прошлом.

Мысленно окидывая более чем семидесятилетний путь нашего исторического развития, сопоставляя неоднократно выдвигавшиеся программы подъема сельского хозяйства с конечными результатами их выполнения, вообще с тем состоянием, в котором оказалась сейчас наша деревня, невольно задаешься таким вопросом. Почему получилось, что, обладая самым мощным в мире агропотенциалом, имея необыкновенно трудолюбивое крестьянство, ставя благородные задачи и цели, мы не смогли осуществить задуманное в той мере, в которой оно необходимо нашему народу? Суждения разные. Одно время утверждали, что вся беда — в мелкотоварном крестьянском хозяйстве, которое исчерпало свои возможности, а посему надо немедленно всех крестьян объединить в колхозы, уничтожив одновременно злейших врагов — «кулаков». Объединили и уничтожили. А это не дало ожидаемых результатов. Теперь раздаются голоса: вернуться «на круги своя», т.е. провести «деколлективизацию».

В какой-то степени доля истины есть в обоих этих противоположных суждениях. Но главное, на наш взгляд, заключается в другом. После смерти В.И. Ленина партийно-государственное руководство страны отступилось от его указания, что крестьянин есть «полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежнейший союзник его, родной брат...» (ПСС, т. 39, с. 278). Вместо ленинской политики, направленной на то, чтобы «сомкнуться с крестьянской массой», уже в 20-е годы стали осуществлять политику раскола крестьян на враждебные слои. Крестьянство стали рассматривать как объект, источник осуществления намеченных планов. Созданное В.И. Лениным рабоче-крестьянское правительство к концу 20-х годов стало как-то и неудобно так называть — с добавкой «крестьянское». Выпестованная Сталиным социально-политическая сис-

тема отторгла крестьянство как равноправного союзника в строительстве социализма. В массовое сознание усиленно внедрялась мысль о мелкобуржуазности класса крестьян, о живучести его частнособственнических инстинктов, о второстепенности и преходящем характере кооперативной собственности.

В конце концов само понятие «крестьянин» почти исчезло из повседневного оборота, а термин «колхозник» кое-кто пытался превратить просто в обидную кличку для сельских жителей. Быть не только крестьянином-единоличником, но и колхозником стало стыдно. Люди, выросшие в деревне, любящие сельский труд, стали правдами и неправдами выпроваживать (и до сих пор выпроваживают) своих детей из родовых гнезд, лишая их жизненных корней. Попытки земледельцев жить получше, побогаче рассматривались как стремление «окулачиться». И этому в немалой степени способствует, к сожалению и до сих пор, во многом неоправданная, несильно внедренная в массовое сознание легенда о так называемом «кулаке». К сожалению, до сих пор наши ученые не дали этому явлению четкого и обоснованного толкования. Так и живет сталинский миф о «кулаке», сея зерна сомнения в души наших современников-арендаторов.

Надо сказать, что крупной сельской буржуазии в качестве капиталистического класса, противостоявшего социалистическому выбору народа, у нас в стране не было. Этот класс был разгромлен в основном еще в 1918 году. Была ликвидирована и объективная основа его существования, т.е. частная собственность на землю. Вне сомнения, что суждения о так называемом «кулаке» как злейшем враге народа есть мировоззренческий и психологический пережиток сталинщины, хотя нельзя отрицать, что были среди зажиточных крестьян и люди, не принявшие революцию. Но разве не было их среди рабочих, а тем более — представителей интеллигенции?

Теперь во главу угла ставится вопрос о возрождении крестьянства во всем многообразии проявления его качеств: и как труженика, и как сельского жителя, любящего свою землю. Человек — это главная производительная сила.

Неравноправные отношения с крестьянством и логически, и исторически определялись незавершенностью процесса превращения земли в общенародное достояние, за-

кончившегося, как известно, огосударствлением не только индивидуальной крестьянской, но и кооперативной форм собственности. А ведь еще «Крестьянский наказ о земле» (составная часть «Декрета о земле», принятого Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 года) предусматривал, что земля «обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней». Однако уже в «Гражданском кодексе РСФСР», принятом ВЦИК 11 ноября 1922 года, было зафиксировано: «Земля является достоянием государства...». И когда сталинское окружение узурпировало государственную власть, оно сочло возможным по-своему распорядиться и земельными отношениями. Ненормальность этого положения сказывается и до сих пор. Спрашивается: разве могли бы мелиораторы так вольно обращаться с сельхозугодьями, а энергетики затопить громадные просторы плодородных угодий, будь земля не в бесконтрольном распоряжении государственных органов, а под контролем народа? Полномочные представители народа не позволили бы так бесхозяйственно обращаться с общенародной собственностью. А так получилось, что земля как собственность государства была растащена по его структурам, министерствам, ведомствам и т.д.

Весь наш опыт свидетельствует о том, что не было фатальной неизбежности проведения коллективизации по-сталински. Последовательное осуществление аграрной политики, завещанной В.И. Лениным, гарантировало бы надежный и динамичный прогресс нашей деревни, ее расцвет и подъем, выход на лидирующие позиции в мировом хозяйстве уже к 40-м годам.

И дело здесь не столько в формах организации труда и производства, речь не идет о предпочтении колхозу семейно-трудового крестьянского хозяйства или наоборот. Уроки прошлого учат, что надо восстановить в полной мере и объеме равноправные отношения вообще сельского хозяйства и промышленности, крестьянства и других классов и слоев нашего общества, деревни и города. Восстановить так, как учил В.И. Ленин, — на экономической основе, соблюдая эквивалентный обмен. А тем самым восстановить и доброе чувство принадлежности человека к крестьянскому роду-племени. Тогда сам по себе отпадет вопрос, как относиться к колхозам и совхозам. Коль они выгодны и обществу, и самим крестьянам, коль они эффективно хозяйствуют, постановка вопроса о их целесообразности просто



теряет смысл. Деятельность таких колхозов и совхозов, разумеется, надо всячески одобрять и поддерживать.

Надо учесть и другое: достоинства кооперативного движения не замыкаются лишь в рамках этих структур. Кооперативный путь развития имеет богатую историю. Опыт здесь был накоплен огромный. Приведем лишь один пример, который не без основания может быть полезен и сейчас. В августе 1924 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О сельскохозяйственной кооперации», сыгравшее огромную роль в подъеме нашего сельского хозяйства. В нем говорилось: «Всем гражданам Союза ССР, занимающимся сельским хозяйством или связанными с ним промыслами и пользующимся правом избирать в советы, предоставляется право образовывать кооперативные объединения (товарищества, артели и коммуны) в целях: совместного ведения сельскохозяйственного производства и подсобных в нем предприятий; снабжения своих хозяйств необходимыми средствами производства — орудиями, семенами, удобрением, племенным материалом и т.п.; переработки и сбыта продуктов сельскохозяйственного производства; производства земельных улучшений (мелиорации); приобретения, устройства и использования машин, электрификационных и т.п. технических сооружений, применяемых в сельском хозяйстве и крестьянском обиходе; других мероприятий, направленных к улучшению сельского хозяйства».

Раскрытие всего арсенала кооперативного движения неотделимо от развития предприимчивости, хозяйственной самостоятельности, экономической и правовой грамотности крестьян. Чтобы не по приказу бригадира колхоза ходить на выполнение той или иной работы, где, кроме послушания, ничего не требуется. А все это в свою очередь предполагает возрождение и неуклонное проведение в жизнь ленинских принципов отношений с крестьянством: инициатива «снизу» и поддержка «сверху», материальный и моральный интерес, постепенность преобразований, добровольность. Исторический опыт показывает, что «декретирование» сверху не оправдало себя. Казалось, будто из центра виднее, что нужно крестьянину. Инициатива снизу, от самих крестьян, не признавалась. И вот сейчас мы пожинаем плоды забвения ленинских принципов отношений с крестьянством.

Сейчас иногда ставят вопрос о расформировании или слиянии с другими хозяйствами убыточных, плохо работа-

ющих колхозов, совхозов. Вряд ли можно согласиться с таким предложением, которое, по существу, ведет к деформации сложившегося производственно-технического потенциала, накопленного в сельском хозяйстве. Вопрос должен решаться на путях коренного изменения производственных отношений. Причем такого изменения, которое позволит многократно увеличить отдачу накопленного потенциала. А для этого нужны совместные поиски и решения одновременно и «верхов» и «низов», т.е. самих крестьян.

Хотелось бы отметить и еще один факт. Сейчас большие усилия предпринимаются по развитию арендного подряда. На этом пути поднимается производство, растут доходы арендаторов. Но опыт прошлых лет свидетельствует, что односторонний подход к этому процессу может завести в тупик развитие арендных отношений. И вот почему. Процесс этот диалектичен. Рост денежных доходов арендаторов — не самоцель. Одновременно с развитием арендных отношений необходимо развивать и повышенные потребности крестьян. Да не только личные, а и производительные. Что греха таить, десятки лет наши крестьяне приучались к самому примитивному уровню потребностей. Достаточно вспомнить стеганый ватник и кирзовые сапоги, ставшие поистине униформой сельских жителей в не таком уж далеком прошлом. Сейчас стоит задача не только удовлетворять самые необходимые социальные потребности в жилье, обстановке и т.д. Нужно формировать потребности сельского жителя на уровне мировой культуры — как материальные, так и духовные. Тогда и стимул в развитии арендных отношений, получении высоких доходов не потеряет своей «пробойной» силы и не захиреет. Вместе с тем круг потребностей не может ограничиться лишь личным потреблением. Нашим крестьянам надо прививать вкус и открывать возможность для возвышения производительных потребностей. Надо поставить дело так, чтобы любой арендатор мог получить доступ к самым передовым достижениям науки и техники и захотел стремиться к этому. Надо сделать так, чтобы его накопления работали, а не оседали в «кубышке».

Опыт 20-х годов имеет не только общее, установочное значение. Надо полагать, что с полным успехом можно использовать и некоторые конкретные формы хозяйствования, например контрактацию. Один из способов соеди-

нения личного и коллективного интереса с общественным представляется на путях возрождения и метода контракции, который широко распространялся в первые годы Советской власти. Безусловно, изменились экономические и научно-технические условия. Но суть не столько в типах и формах контракции, сколько в самом методе. Контракция позволяет сбалансировать общественные потребности с наличным производственно-экономическим потенциалом сельского хозяйства, оптимально сочетать общественные, коллективные и личные интересы.

Большим вопросом арендаторов является материально-техническое снабжение. А ведь именно в 20-е годы неплохо функционировало акционерное общество «Сельхозснабжение». Оно имело на местах свои отделения, которые творчески, без излишнего бюрократизма занимались снабжением сельского хозяйства средствами производства. В те же годы широкое признание получили товарные биржи как особые посреднические учреждения, связанные с рыночными формами обмена. Кстати, биржи не только фиксировали цены, но и активно влияли на их уровень, следя за конъюнктурой рынка. В первый период нэпа особой популярностью пользовались оптовые ярмарки.

Словом, нашим колхозам и совхозам, сельским арендаторам есть чему поучиться у прошлого. Ленинский призыв «учиться торговать» не исчез бесследно. Нашим историкам есть что сказать крестьянам. Нужна активизация научной мысли.

В 20-е годы бурными темпами росла сельская индустрия. Причем росла и в индивидуальном секторе, и в обобщественном. В индивидуальном секторе в ходе раскулачивания мельников, владельцев маслобоен, сыроварен и т.д. она была практически уничтожена. Колхозы старой формации имели по несколько промышленных предприятий. В основном это были мельницы и крупорушки, маслобойные заводы, маслодельные и сыроварные заводы, кирпичные заводы, кузницы и ремонтные мастерские. Закономерно, что доходы таких колхозов росли и умножались, потому более быстро поднимались именно те колхозы, которые имели промышленные предприятия. В ходе сплошной коллективизации этот вид хозяйственной деятельности колхозов в значительной степени был свернут. В научных разработках конца 20-х годов отмечалось, что «путь

развития нашей колхозной системы лежит через превращение чисто сельскохозяйственных коллективных предприятий в сельскохозяйственно-промышленные социалистические организации, в агроиндустриальные комбинаты с широким развитием переработки сельскохозяйственной продукции». На долгие годы эта разумная мысль была отвергнута.

И еще об уроках прошлого. Сейчас обходят полным молчанием такую проблему, как наем рабочей силы. А ведь не за горами то время, когда растущее арендаторство потребует привлечения рабочей силы со стороны для выполнения каких-то трудовых операций в пиковое время, например, уборки урожая. Оснащение сельского хозяйства передовой техникой, применение прогрессивных технологий потребует привлечения и высококвалифицированных специалистов. Все это вызовет повышенное внимание к проблеме взаимоотношений арендатора с привлеченной (наемной) рабочей силой. В 20-е годы здесь был накоплен значительный опыт, разработано эффективное законодательство.

Настала пора перейти от беспощадного бичевания так называемых «кулаков» к изучению опыта их хозяйствования. Гораздо разумнее — больше извлечь из истории пользы, нежели без конца заострять внимание на классовой борьбе. Как, каким образом крестьянское хозяйство поднималось из пепла, как оно добивалось эффективных результатов? Разве это не важно!

Заканчивая наш рассказ, можно с полным основанием утверждать, что изучение и применение на практике отечественного опыта хозяйствования на селе является таким же эффективным и вполне осязаемым материальным фактором возрождения и обновления нашего сельского хозяйства, как, скажем, развитие материально-технической базы. Здесь пока снимаются самые первые, самые зыбкие слои, под которыми обнаруживаются поистине драгоценные уроки прошлого.

Действие дубины, которой Сталин ударил по крестьянству, стало вопреки его замыслам развиваться по законам диалектики; как писал великий русский поэт Н.А. Некрасов: «одним концом по барину, другим — по мужику».

Так или иначе, а на смену опережающим темпам индустриального роста за счет аграрного сектора должна прийти оптимизация всех народнохозяйственных структур. Тяжелое

положение, в котором оказалась сейчас наша экономика, во многом является результатом не только прямого воздействия свершенного «великого перелома» в деревне, но и в определяющей степени канонизированием принципов экономической и социальной политики. Проблема сельского хозяйства из отраслевого, потребительского характера в современных условиях переросла в проблему судьбоносную для перестройки, для будущего нашего общества.

Колоссальный агропотенциал, которым мы обладаем, позволяет выйти на передовые рубежи не только на внутреннем рынке, во внутреннем потреблении, но и в лидеры в мировом экспорте сельскохозяйственной продукции. Специфика сельскохозяйственного производства, включающая действие природных сил в отличие от промышленного, дает возможность совершить количественный и качественный рывок в течение, предположим, одного агробиологического цикла. Для этого необходимо революционное преобразование общественно-экономических форм функционирования аграрной сферы, ее сбалансированности со всеми другими секторами народного хозяйства.

Николай Тепцов,  
*кандидат экономических наук*

### ***Письма-отклики***

#### **Уважаемая редакция газеты «Сельская жизнь»!**

Наконец-то вы (первыми) напечатали, наверное, главные статьи вашей газеты о нашей жизни. Я имею в виду материалы кандидата экономических наук Н. Тепцова «Коллективизация: ее пути и уроки».

Да, этот материал наиважнейшим признал, видимо, не только я один. Особенно меня порадовал такой вывод т. Тепцова: «История требует, чтобы крестьяне, попавшие под раскулачивание и иные репрессии, были оправданы и восстановлены во всех гражданских правах, также как и все остальные жертвы необоснованных сталинских репрессий».

Такое заявление является похвальным и для т. Тепцова и, конечно, для газеты, ибо такого заявления еще не было, а ждут его все, кто еще помнит те варварские зло-

деяния по «раскрестьяниванию» крестьянства, кто подпал под это «раскрестьянивание» — раскулачивание, а точнее, уничтожение миллионов крестьян как людей.

Да, справедливость требует, чтобы они были оправданы и восстановлены во всех гражданских правах. Такой акт совершенно необходим на данном этапе и срочно, прямо сейчас, прямо этой весной. Если такое решение будет принято, то и сельское население да и горожане, поймут, что «раскрестьянивание» не только осуждено, но поймут, что крестьянин может вздохнуть полной грудью и взяться за работу своих дедов — крестьян на земле с уверенностью, что нового раскулачивания никогда не наступит. Не эта ли боязнь сдерживает местных колхозников брать аренду, организовывать фермерство, семейный подряд? Да-да, наряду с другими причинами, эта боязнь является, может быть, одной из главных.

Вот я и предлагаю газете: срочно поднять голос перед всеми вышестоящими инстанциями о необходимости принятия такого решения. Уверен, этот акт укрепит в людях веру в перестройку, гласность, веру в справедливость, и тогда гораздо большее количество людей пойдут в сельское хозяйство.

Вы можете спросить, пойду ли я сам в сельское хозяйство? Пошел бы, с удовольствием, да, может быть, и пойду, хотя мне уже 67. Мало будет пользы от меня, хотя закваска-то у меня крестьянская. Сельское хозяйство знаю не по маслу на куске хлеба. Когда-то и меня самого пацаном выгоняли «знаменитые тройки» из двух домов — вначале из дома приемного отца, а потом и из дома родного отца, хотя никогда никакими кулаками они не были. Намным трудом они не пользовались, хозяйство было с одной лошадью и одной коровой, а дом родного отца крытый даже соломой, а в доме — детей пяток да ягнята с поросятами, и теленок. Вот и кулаки!

Товарищи, срочно давайте добиваться принятия указа о реабилитации крестьянства!

С уважением

Болдырев Семен Емельянович

ветеран труда и войны, член КПСС с 1950 г.

Куйбышевская обл., г. Тольятти

16 апреля 1989 г.

## Уважаемая редакция газеты «Сельская жизнь»!

Я молодой человек, но очерки ученого Н.В. Тепцова «Коллективизация: ее пути и уроки» меня столь же глубоко взволновали, как и ветеранов — очевидцев и участников событий тех далеких лет. Поэтому хотел бы поделиться с вами своими мыслями и чувствами, которые навеяла на меня публикация.

В майские праздники я приехал на Тамбовщину погостить. Как обычно, за столом собрались родные и близкие мне люди. Подняли тост за встречу, затем за моих родителей, за дедушку и бабушку. Вдруг мама мне и говорит: «Сынок, ты, наверное, не читаешь деревенских газет. А вот тут в «Сельской жизни» словно про нас прописано, о том, что испытала в коллективизацию и наша семья, твои дедушка и бабушка. Газеты эти я сохранила, очень интересные. Мы-то многого не знали, когда тебе рассказывали про дедушку с бабушкой. Да и что могли знать, коль были малыши. Почитай!»

После обеда я прошел в горницу, взял газеты и... пока не дошел до последней строки, не отрывал от них глаз. Вечером мы вновь вернулись к разговору о наших родовых корнях. Кто были предки, откуда они пришли в тамбовские края, чем занимались, какая им выпала доля?

На другой день, все еще находясь под впечатлением прочитанного и услышанного, вышел прогуляться по окрестностям родного села. Вы знаете, как будто во мне подменили душу. Смотрел на зеленеющие поля, перелески, на речку Челновую, а передо мной, как в кино, всплывали картины далекого прошлого, протянулась какая-то необъяснимая нить времен и поколений. Впервые в жизни так остро я ощутил свою неразрывность, единство с предками и моими будущими продолжателями рода.

Вернулся в Москву. Нахлынули житейские заботы, но эти чувства меня не покидали. И тогда решил написать вам, рассказать о своих впечатлениях, о судьбе деда и его семьи, как бы дополнить очерки Н.В. Тепцова живым материалом.

Как вспоминали мои родители, старики-односельчане говорили им, что в далекие времена в наших местах было Дикое поле. А так оно называлось потому, что здесь проходили бесконечные набеги кочевников. Селиться земледельцу было опасно, и богатая черноземная степь оста-

вась в первозданном, диком виде. Прошло время, наступило затишье. И тогда в эти края пришли люди, осели на земле, стали пахать, убирать урожай, строить жилье, возводить храмы. Крестьяне были зажиточными, благодаря их трудолюбию и плодородным землям.

Дед мой, Ведищев Егор Иванович, родился в 1892 году в селе Ново-Юрьево на Тамбовщине. Места здесь чудесные. Неподалеку протекают реки Лесной Воронеж и Польной Воронеж. По преданиям, на их берегах нередко сходились в жестокой схватке русские воины и дикие орды степняков. Всколмленная степь, дубравы по балкам и урочищам, речки и озера неповторимы по своей красоте.

На одном из таких холмов стояла ветряная мельница, которой владел мой прадед. С осени и до весны к ней тянулись крестьянские подводы с зерном. Прадед в такое время постоянно жил на мельнице, молот крестьянский урожай. Его очень уважали за степенность и рассудительность. А сыну своему Егорке он наказал быть грамотным, говоря, что мало иметь старательные руки, к ним должна быть приложена и умная голова. Егорка, мой будущий дед, его не подвел. Он окончил приходскую школу с отличием, получил похвальную грамоту. Особенно ему удавалась арифметика.

Егор Иванович пошел по стопам своего отца. Прадед отдал в наследство своим четверым сыновьям мельницу, но трое из них отказались от нее, и она перешла к моему деду. Мельничное хозяйство довольно сложное, но дед был мастер на все руки, он очень хорошо справлялся с обязанностями мельника. В 1919 году женился на сельской красавице Евдокии Алексеевне Лихачевой. Местный учитель даже поговаривал, что великий русский поэт Н.А. Некрасов, хотя и не бывал в наших краях, но образ русской женщины списал с натуры — с Евдокии. Родились у них пять сыновей и шесть дочерей. Такой многодетной семье доходов от мельницы было маловато, и дед завел неплохое крестьянское подворье. У него были лошадь, коровы, овцы, разная птица.

Когда в 1929 году началась коллективизация, Егор Иванович в колхоз вступать не хотел. За что и поплатился. Пришла специальная бригада по раскулачиванию из пяти человек. Говорят: «Не хочешь добром, тогда будет по-плохому». Дед им ответил: «Я батраков не эксплуатировал, в хозяйстве работал сам да мои дети. Почему все это должен отдать неизвестно кому?» После таких слов начался в пря-



мом смысле вандализм. Прежде всего увели скот со двора, сломали все хозяйственные постройки. Дело дошло до того, что в доме выломали все рамы, сняли с петель двери, оторвали от пола доски, даже хлебные караваи вынули из печи и все это унесли с собой. И уж совсем непонятно для чего принялись крушить ветряную мельницу.

Егор Иванович был грамотным мужиком, читал газеты и книги. И тогда решил он обратиться со своей бедой к Н.К. Крупской. Не знаю, почему именно к ней. Видимо потому, что она была женой В.И. Ленина. А Ильича дед уважал за нэп, за то, что тот отменил продразверстку и разрешил крестьянам вести свое хозяйство. Егор Иванович написал письмо Надежде Константиновне. Но как умудренный жизнью человек посчитал, что лучше передать его лично, а не пересылать почтой.

Быстро собравшись, поехал он в Москву. Крупская его приняла и долго с ним беседовала. Егор Иванович рассказал о своем житье-бытье, о безобразиях, что творились в селе. По словам деда, Надежда Константиновна очень внимательно выслушала, а потом сказала: «Таких, как вы, кулаками нельзя считать. Поэтому все должно быть возвращено, а разгром дома — остановить». Крупская вызвала секретаря и поручила ему подготовить и отослать местным властям распоряжение о прекращении насилия в отношении Ведищева Егора Ивановича.

Дед высказал опасение, что это распоряжение местные власти ему не покажут, и все останется по-старому. Тогда Надежда Константиновна дала указание секретарю составить документ в трех экземплярах. Дед получил один экземпляр в собственные руки и с этой важной бумагой вернулся домой. Зная, что активисты не простят ему такой дерзости, он попросил жену, Евдокию Алексеевну, пойти с этим документом в сельсовет.

Как и следовало ожидать, сельсоветчики встретили ее враждебно, со словами: «Ну что, кулацкое отродье, съездили, пожаловались? Лучше с государством рассчитайтесь!» Моя бабушка ответила: «Я у государства ничего не брала, а вот государство меня оставило без ничего, у меня один крест остался».

И хотя им ничего не возвратили, но до поры до времени оставили в покое...

В 1932 году началась новая волна насилия. В хозяйстве деда выгребли подчистую весь хлеб. Есть было нечего, дети

были голодными, собирали и ели крапиву, щавель, лебеду. В 1933 году от истощения в семье умерли двое детей — девочка семи лет и пятилетний мальчик.

Шли годы. Страсти постепенно улеглись. Егор Иванович работал в колхозе по наладке мельниц, у него ведь были золотые руки. Но старая неприязнь к нему со стороны местных властей осталась. Председатель колхоза всегда говорил ему, даже в присутствии народа: «Хотя мы едим и пьем вместе, я на тебя продолжаю держать камень за пазухой, потому что ты умнее меня, лучше меня. Зато я могу тебя упрятать за решетку в любое время».

И угрозу свою он исполнил. Однажды к Егору Ивановичу, как к хорошему мастеру по мельничным делам, приехали председатели двух соседних колхозов. Они уговорили его поставить мельницы в их хозяйствах. Дед согласился и уехал в эти колхозы на работу. Прошло несколько месяцев. Егор Иванович попросил одного из своих заказчиков отпустить его домой на рождество, навестить семью. Тот дал ему лошадь, и дед отправился в Ново-Юрьево. Вдруг на околице села его встречает работник сельсовета и приказывает проехать с ним. На вопрос деда: «Зачем?» — он в ответ: «Ты арестован!» — «За что?» — изумился Егор Иванович. Сельсоветчик в ответ: «На месте скажут».

Дед попросил заехать домой попрощаться. Ему милостиво разрешили. Егор Иванович успокоил родных, сказав, что это недоразумение. Однако в сельсовете рассудили по-другому. Там ему сказали, что он арестован за недоимки прошлых лет (самообложение, налог, страховка). На самом деле дед аккуратен за все платил. Но разговор был коротким — под стражей он был отправлен в район. Там Егора Ивановича судили уже как «врага народа». Приговор был суровым: пять лет строгого режима.

Отбывать ссылку деда отправили в Красноярский край. Он был крепким, здоровым мужиком. Все думали, что Егор Иванович осилит невзгоды, вернется домой живым и невредимым. Однако вскоре от него перестали приходиться письма. Родные забеспокоились и стали ходить по инстанциям, выяснять его судьбу. Но никто не давал информацию, официального ответа на многочисленные запросы не получали. И лишь случайно, через знакомых удалось выяснить следующее. Егор Иванович пробыл в ссылке около года. В 1943 году он умер в далеком сибирском краю...

Отношение к Егору Ивановичу Ведищеву, моему деду, было жестоко несправедливым, как и ко многим его односельчанам, таким же великим русским труженикам. В наше время его реабилитировали, справедливость вроде бы восторжествовала. Но вот я, его потомок, постоянно задаю вопрос: не будь такого безумного раскулачивания и необоснованных репрессий, на какой высоте находилась бы сейчас наша страна? Уверен, США и другие западные страны были бы далеко позади нас. Ведь с такими людьми, как мой дед, можно было бы построить самую могучую державу в мире. И Советский Союз обогнал бы весь мир не только в космосе, ядерном оружии, но и в материальном благополучии, духовном росте своего народа.

Как представитель молодого поколения, бесконечно благодарен автору Н.В. Тепцову за его очерки «Коллективизация: ее пути и уроки», газете «Сельская жизнь» за то, что она их опубликовала. Нам есть о чем призадуматься, есть о чем рассказать своим детям и будущим внукам.

С уважением

Василий Васильевич Копылов

18 июня 1989 г., Москва

### **Уважаемая редакция!**

Прочитал в газете «Сельская жизнь» публикации кандидата экономических наук Н. Тепцова под названием «Коллективизация: ее пути и уроки». Эти публикации выдержаны в бухаринском стиле. Это от начала и до конца памфлет и пасквиль на коллективизацию и на роль И.В. Сталина в ее осуществлении. Автор на основании своих «исследований» и умозаключений пытается опровергнуть то, что уже доказано самой жизнью и историей развития нашего социалистического государства. Что коллективизация показала свою великую жизненную силу в период строительства социализма, в трудные годы Великой Отечественной войны и в период восстановления и развития народного хозяйства нашей страны.

Автор публикаций по-бухарински ратует за то, что не надо было трогать кулака. При этом несколько раз ссылается на В.И. Ленина, что якобы В.И. Ленин терпимо относился к кулаку. Нам же достоверно известно, что в трудах

В.И. Ленина, где речь шла о кооперации («Очередные задачи Советской власти», «О кооперации»), нигде не упоминается о каком-либо союзе с кулаком. Часто делается ссылка, что В.И. Ленин был так добр и терпелив, не допускал жестких мер. Да, он был добр и терпелив к тем, кто ошибался, но мог быстро исправить свои ошибки. Но он был непримиримым к тем, кто своими действиями явно вредил Советской власти. Давайте вспомним первый правовой декрет Советской власти, подписанный В.И. Лениным: «Саботажников и спекулянтов расстреливать на месте». Кулак же, как известно, был первый саботажник.

Но что особенно горько и обидно читать, так это то, что автор публикаций в категорической форме требует реабилитации и установки памятников бывшим кулакам. А сотни тысяч коммунистов и активистов, истинные патриоты, которые пали смертью от кулацких пуль, борцы за укрепление Советской власти — на них наплевать и забыть, выходит так?

Вот какими публикациями мы и воспитываем в нашей молодежи высокий советский патриотизм, беспредельную преданность Родине, делу социализма.

И за что особенно обидно нам, людям, которые являемся еще живой историей, так это упрек за якобы наше нежелание сказать народу правду. А именно в последнее время принято все уродливые явления и деформации сельского хозяйства, как и всего социализма, валить на И.В. Сталина.

На самом же деле все это стало происходить в начале 60-х годов, во время правления Н.С. Хрущева, когда была принята третья Программа КПСС — Программа строительства коммунизма. Когда Хрущев провозгласил авантюристические лозунги: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме», «Догоним и перегоним США по производству продукции на душу населения». Пели песни «Будет Родина с хлебом целинным», а сами куску хлеба были рады. Чтобы купить буханку белого хлеба, надо было иметь справку от врача, что есть заболевание желудочно-кишечного тракта. Впервые было введено нормирование в продаже хлебобулочных изделий, сахара, крупы, муки и других продуктов, что и привело к банкротству Хрущева и его позорной отставке...

А в период правления Л.И. Брежнева, в конце 70-х — начале 80-х годов было создано РАПО, вследствие чего получилось так, что один с сошкой, а семеро с ложкой. Вот здесь мы окончательно были лишены хозяина земли.

В настоящее же время у нас происходит падение внутрирыночных отношений. К тому же мы начали просить милостыню, протягивая руку за зерном к США, Канаде, Австралии и расходуя при этом львиную долю золотого запаса страны. Что и привело к резкому падению всей экономики страны.

Такова вот настоящая правда, а мы все ищем какие-то другие причины. Поэтому редакции газеты и следовало бы поручить исследователям изучить причины нашего глубокого падения сегодня и сказать народу правду на страницах Вашей газеты.

С уважением  
ветеран войны и труда Лысенко Михаил Петрович  
Украинская ССР, Черниговская область,  
Коропский район, с. Черешенки  
27 марта 1989 г.

### **Добрый день — вечер — ночь!**

С уважением к Вам, т. Н.Тепцов!

От имени рабочего маленького городишка Городня Черниговской области, Аладько Алексея Николаевича, большое спасибо Вам за статью в *моей* газете «Сельская жизнь» «Коллективизация: ее пути и уроки».

Знаете, на самом деле Вы смелый человек. Вам повезло написать это. Миллион раз Вам спасибо! Согласен на 100%, но... Не могу согласиться со многим. Перестройку нужно делать, но мое многоточие много значит!

Поймите нас правильно, *мы* живем в глуши, имеем радио, телефон, телевизор, носят газеты. Но статья Ваша не может изменить положения в районе... Тяжело очень!

На посты сейчас ставят не «крестьянина», а тех, кто нравится. Земля — жизнь! Ее нужно беречь как руки, ноги, глаза... Мы всё губим! Кому жаловаться?!

Если можно попросить Вас, передайте большой привет от рабоче-крестьянской руки т. Горбачеву. Все правильно, низы руководящие нужно «пошевелить» — раскатать, а то они застоялись. А хлеб будет, мы поможем!

Семья Аладько  
Украинская ССР, Черниговская область, г. Городня  
12 марта 1989 г.

## Уважаемая редакция газеты «Сельская жизнь»!

По поводу статьи «Коллективизация: ее пути и уроки». Эта публикация носит антинаучный и антиреволюционный характер, является очередной и явной фальсификацией героической истории построения социализма в нашей стране, ревизией линии большинства нашей партии, нашего народа. Это — очередной антисоциалистический документ.

Коллективизацию сельского хозяйства нужно было проводить не с кулачеством, а в борьбе с ним, ликвидировав (уничтожив) его как класс. При той обстановке, когда внутривластная ситуация в стране обострилась в результате оппортунизма в рядах нашей партии во главе с Бухариным и др., когда существовало враждебное окружение нашей страны капиталистическими державами, которые вынашивали планы военного нападения на СССР, другого пути строительства социализма в деревне не было. Был бы жив В.И. Ленин, и он пошел бы именно таким же путем. Если бы мы вступили в войну с фашистской Германией при наличии нэпманов в городе и деревне, то мы бы очень быстро проиграли войну — у нас не было бы тыла и надежного фронта.

Величие Сталина состоит в том, что он сумел отстоять ленинизм, разоблачив троцкизм и другие всякие уклоны и группировки в партии. Он сумел уничтожить последний реакционный класс эксплуататоров в деревне — класс кулаков, и на этой основе создать колхозы и совхозы.

Так что автор публикации т. Тепцов целиком и полностью стоит на *антиленинских* и *антисталинских* позициях, на позициях отрицания колхозов и совхозов и фальсификации истории нашей партии и нашего народа.

С уважением

М. Гитинов, пенсионер

Дагестанская АССР, г. Махачкала

16 марта 1989 г.

## Уважаемая редакция газеты «Сельская жизнь»!

Меня очень заинтересовала статья кандидата экономических наук тов. Тепцова «Коллективизация: ее пути и

уроки», где автор очень хорошо и правдиво описал те налоги, которые мы раньше платили, все это правда.

Я сам все это испытал в своей жизни. Мне 62 года, всю жизнь прожил в селе. Но автор статьи не знает или не хотел написать о выкачивании денег, как он выразился, с сельских жителей. Приведу выдержку из его статьи: «Одним их каналов выкачивания денег, то есть средств, из деревни были всевозможные налоги, были введены обязательные оклады страхования, страхование строений и животных». Стоп! А разве автор не знает, что мы и поныне этот налог платим, он не изменился и по сей день. Далее автор пишет: «Важным каналом изъятия денежных средств являлись, как говорят, различные займы». Это правда, эти займы и сейчас у нас, ветеранов, валяются в сундуках. Государство вот уже 35 лет не может с нами рассчитаться, потому что привыкло брать без отдачи. А какие крохи отдадут, это для нас что капля в море, а остальные только обещают, но, как говорят, обещанного три года ждут, а мы уже ждем 35 лет и вряд ли в нашем возрасте дождемся.

Еще пишет автор о том, что существовал и такой налог изъятия средств, как самообложение. Хочу поправить автора: не существовал, а и поныне существует, и сельское население уже привыкло платить, как раньше платили оброк. Поэтому и хотелось бы спросить: а многое ли изменилось? Если что отменили, то другое применили. За продукты питания и другие промышленные товары, против горожан мы, сельские жители, платим дороже. Выходит так, что одной рукой что-то дали, то другой забрали.

Уважаемая газета «Сельская жизнь»! Поймите меня правильно, это не плач, а крик души в ответ на все несправедливости, которые испытывали и испытывают сельские жители.

У нас много пишут о спутниках, уже запустили более двух тысяч, не считая других космических кораблей, а села и деревни развалили или просто стерли с лица земли. Вопрос, куда мы идем и к чему? А взять ежегодные повышения цен или пустые полки магазинов, или такой налог как налог за бездетность. Почему правительство диктует людям свою волю: или женись и имей детей, или плати денежки. Ведь этот налог узаконил Маленков\* и его спод-

---

\* Г.М. Маленков — в 1953—1955 гг. председатель Совета Министров СССР.

вижники. Почему до сих пор не отменяются диктаторские налоги, почему они действуют в настоящее время, время гласности и перестройки?

Люди многого ждали от пленума коммунистов, который недавно закончился, а вот об этом, то есть об отмене несправедливых налогов никто и слова не сказал. Вот когда бы люди поверили всей душой в справедливость, о которой говорят и пишут очень много.

Да вряд ли это делу поможет, хотя много вам пишут о несправедливости. Либо эти письма не читают, а если и читают, не могут ничего ответить. А мне бы хотелось, чтобы кто-то ответил на те вопросы, которые я поставил. Не знаю только, опубликуете вы это письмо или нет, вам ведь тоже нелегко на все ответить.

С уважением  
Хорошков В.М.  
Тамбовская область,  
Мичуринский район, с. Круглое  
*23 марта 1989 г.*

### **Уважаемый товарищ Н.Тепцов!**

Вы очень добросовестно поработали над своей статьей «Коллективизация: ее пути и уроки», опубликованной в газете «Сельская жизнь». А потому и представили обширный и убедительный материал — он поможет понять многое. Я готов подписаться под Вашей статьей — в ней правда, хотя и очень горькая для нас.

И узнал я эту правду не только из Вашей статьи и других, менее подробных публикаций. Мне это известно как соучастнику тех неблагоприятных, а вернее преступных дел, которые совершались в сельском хозяйстве. В период коллективизации я был секретарем сельского совета большого сибирского села (в нем я жил до 17 лет). В более поздние годы был директором МТС в Нечерноземье, как посланец Москвы, т.е. был соучастником этих преступлений, выполняя дикие команды сверху.

Начал я понимать это, когда участвовал в претворении в жизнь «сталинского плана преобразования природы», автором которого был Лысенко и с которым дове-



лось мне сражаться. Вот с этих пор я и работаю над «сельхозцепочкой»: «экономика — урожайность — плодородие — удобрение — технология», а в результате пришел к однозначному выводу: основная причина всех наших сельскохозяйственных бед одна, а не те, которые приводились и приводятся (а их огромное число), — она в порочности технологии земледелия, навязанной нашему сельскому хозяйству сельхознаукой. Эта технология убивает «живое вещество, создающее почву и ее плодородие» (В.И. Вернадский).

Данный вывод проверен мной в течение 12 лет опытными работами по двум технологиям: общеприменяемой (она узаконена) и опытной. Вот эти результаты в цифрах:

	Общеприменяемая	Опытная
1. Себестоимость зерно картофель силосные	35,0 коп/кг 11,8 коп/кг 3,0 коп/кг	6,0 коп/кг 1,0 коп/кг 0,4 коп/кг
2. Плодородие	уменьшается	ежегодно увеличивается гумус на 0,5%
3. Урожайность зерно силосные картофель	0,4 кг/кв. м 3,0 кг/кв. м 2,2 кг/кв. м	1,88 кг/кв. м 28,0 кг/кв. м 11, 5 кг/кв. м

Как понятно из Вашей статьи — Вы равнодушный человек, а потому призываю Вас работать и над последующими звеньями «цепочки» так, как Вы поработали над первым ее звеном — экономикой. Я готов помочь Вам в этом — приезжайте.

Ушаков В.П.

Московская область, Солнечногорский район,

д. Трусово

13 марта 1989 г.

## Уважаемая редакция!

Направляю письмо со своей точкой зрения на выступление кандидата экономических наук Н. Тепцова на тему: «Коллективизация: ее пути и уроки». Буду искренне признателен, если вы без изменения содержания, опубликуете мое письмо:

«Коллективизация, ее пути и уроки». Под таким названием в марте с. г. в четырех номерах газеты «Сельская жизнь» был опубликован материал кандидата экономических наук Н. Тепцова, носящий явно тенденциозный характер, о чем свидетельствует подтасовка цитат из работ В.И. Ленина, искажение ленинской позиции к кулачеству, как классу, активно возникавшему в условиях новой экономической политики.

Как ни странно, этот огромный материал посвящен не столько коллективизации, сколько прославлению кулацкого производства, кулачеству как центральной фигуре крестьянского хозяйства, доказательству того, выражаясь словами автора, «что не было фатальной неизбежности проведения коллективизации», что «настала пора перейти от беспощадного бичевания так называемых «кулаков» к «изучению опыта их хозяйствования».

Через все рассуждения вокруг коллективизации красной нитью проходит отождествление «кулака» и «кулачества» со всем крестьянством, а так называемое раскрестьянивание преподносится как последствия раскулачивания, ликвидации кулачества как класса.

Свой пасквиль на аграрную политику партии, связанный с периодом коллективизации, Н. Тепцов прикрывает авторитетом В.И. Ленина. Чтобы как-то обосновать свою фальшь, придать изложенному «весомость» и «убедительность», он, обращаясь к читателю, без зазрения совести позволяет себе заявить: «Совсем не случайно в последних работах В.И. Ленина нет ссылок на угрозу «кулацкой опасности», да и само слово «кулак» ни разу не упомянуто. Это после смерти В.И. Ленина Сталин и его единомышленники доведут до абсурда выдуманную опасность индивидуального крестьянского хозяйства, рыночных отношений».

В том, что это явная ложь, клевета на В.И. Ленина и действительность 20 — 30-х годов легко убедиться, если внимательно прочитать ленинские работы, посвященные новой экономической политике, анализу ее проведения в

жизнь в 1921—22 годы, если добросовестно, без фальсификации и подтасовки проанализировать процессы «коллективизации, ее путей и уроков».

Вот что, например, говорил В.И. Ленин в своем докладе о замене разверстки натуральным налогом на X съезде РКП(б) 15 марта 1921 года: «Если мы говорим о свободе оборота, то это означает индивидуальный товарообмен, т.е. значит поощрять *кулаков*. Как же быть? Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что *кулачество* из данного строя будет вырастать еще больше чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло».

Это — что касается ложного утверждения Н. Тепцова о том, что у В.И. Ленина «само слово кулак» ни разу не упомянуто». Н. Тепцову, как кандидату экономических наук, должно быть известно, что В.И. Ленин никогда вопросы социалистической революции, строительства и победы социализма не рассматривал вне связи рабочего класса и крестьянства, их союза, взаимоотношений, взаимодействий на этом пути. В докладе о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 года В.И. Ленин особо подчеркивал: «Главным вопросом для нас остается, — и в течение долгого ряда лет неминусемо останется — правильное установление отношений между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов».

Через полгода после объявления новой экономической политики, 29 октября 1921 года В.И. Ленин, выступая с докладом о новой экономической политике на VII Московской губпартконференции, сказал:

«Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения...»

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет Вас!

Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти, наконец, в наступление».

Разве эти ленинские положения не ориентируют в сторону опасности усиления капитализма и ослабления

позиций социализма? С этой точки зрения В.И. Ленин говорил: «Само собой разумеется, что усиление капиталистических отношений уже само по себе есть усиление опасности». Это и есть ответ на клевету Н. Тепцова о том, что «в последних работах В.И. Ленина нет ссылок на угрозу «кулацкой опасности». Надо при этом иметь в виду, что «кулацкая опасность» с точки зрения прочности союза рабочих и крестьян в деле строительства социализма была опаснее всех «опасностей».

Если В.И. Ленин НЭП считал сравнительно кратковременной мерой отступления в сторону усиления капиталистических отношений для перегруппировки сил, чтобы перейти в наступление, то вряд ли надо искать у него еще какие-то особые слова, подходы и т.п. о «кулацкой опасности». Она по Ленину нарастала в условиях НЭПа. И не случайно еще в марте 1921 года, обращая внимание на ограничительные экономические меры против кулака, он говорил: «...Не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами сверху. Если ты можешь дать крестьянству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты».

Разве В.И. Ленина не волновали опасности ускоренного развития капиталистических отношений в условиях НЭПа? Как видно из сказанного, не только волновали. Но он и давал предельно четкие ориентации о способах и методах перегруппировки сил для перехода в наступление по всему фронту, наступления, рассчитанного на победу социалистических производственных отношений не только в городе, но и в деревне.

Извращая учение В.И. Ленина, реальную действительность 20 — 30-х годов, спекулируя на трудностях классовой борьбы в период коллективизации, Н. Тепцов довел свои измышления до выводов о том, что коллективизация была преждевременной, раскулачивание — «неправедным» и т.п. К этому он шел целенаправленно, не считаясь с реальностями теории и практики строительства социализма в одной стране, в условиях капиталистического окружения, в обстановке внутренней и международной классовой борьбы.

Прежде чем опозлать пройденный путь социалистических преобразований в деревне, начинать свой паск-

виль подтасовкой и фальсификацией, злоупотреблять так называемой «реабилитацией», кандидату экономических наук Н. Тепцову следовало бы обратиться к трудам Ленина, а также к материалам XV, XVI, XVII съездов и пленумов ЦК партии; проанализировать те положительные изменения, которые, несмотря ни на какие «козны» кулацких и других враждебных элементов, заметно входили в жизнь и быт города и деревни, улучшали жизнь советских людей. И «слезы» по «кулаку» вряд ли уместны. Тем более абсурдны призывы к изучению его опыта.

Бывший кулак или его «наследник» не признает этого, ибо это не устраивало и не устраивает его. Разве он мог и может согласиться с тем, что бывший бедняк (а их было большинство) становился зажиточным, приближаясь к уровню жизни «кулака-миroeда»? Основную массу крестьянства перемены к лучшему устраивали.

История же такова, что в результате «кулацкой агитации» и «саботажа» в период коллективизации только за 1930 — 1933 годы поголовье скота было сокращено на 17,4 млн. голов лошадей, на 29,5 млн. голов крупного рогатого скота, на 96,6 млн. голов овец и коз, на 8,7 млн. голов свиней, т.е. уничтожено то, что в условиях единоличного крестьянского хозяйства создавалось десятилетиями. От этого кулацкого контртрудара колхозное производство оправилось лишь к 1940 году. Это означало, что за 6 лет колхозное крестьянство в 2,5 раза увеличило поголовье всех видов скота и преодолело урон, нанесенный кулацкими контрвыступлениями и действиями против колхозного строя. В этом и проявилась сила и преимущества колхозного и совхозного производства.

Что касается зерна, то уже в 1933 году его было собрано на 97 млн. центнеров больше чем в 1913 году, и на 171 млн. центнеров больше чем в 1929 году. Рост хлопка, льна, масличных в 1933 году превысил уровень 1913 года почти в 2 раза.

Политика индустриализации и коллективизации, которую нельзя, недопустимо рассматривать изолированно друг от друга, как это сделал Н. Тепцов, обеспечила сравнительно высокие ежегодные темпы роста национального дохода. В 1930–1933 годы они составляли 18,7% вместо 7,3% в 1928 году, и 12,5% в 1925 — 1929 годы. По сравнению с 1925 годом национальный доход в 1933 году возрос в 2,5 раза.

Не следует ли Н. Тепцову поразмышлять над этим? Может быть, это как-то изменит «кулацкую» позицию на социализм, на то, что на самом деле происходило в 30-е годы и почему партия не пошла по бухаринскому пути «самотека», «врастания кулака в социализм».

Думается, что нельзя игнорировать и то, что успехи индустриализации при активной помощи колхозного и совхозного крестьянства позволили сравнительно высокими темпами создавать индустриальную базу сельского хозяйства. Уже в 1933 году оно имело 204,1 тыс. тракторов на 3,1 млн. лошадиных сил. В порядке помощи государства крестьянам было создано 2860 МТС, с вложением в это дело 2 млрд. рублей. Во второй пятилетке в сельское хозяйство было направлено тракторов, комбайнов и грузовых машин в несколько раз больше, чем за годы первой пятилетки. Продукция сельского хозяйства за второе пятилетие (1932 — 1937 гг.) возросла в 1,5 раза при одинаковых темпах роста земледелия и животноводства.

Так что напрасно Н. Тепцов оплакивает ликвидированное в процессе коллективизации кулачество, как класс и призывает к изучению его опыта. «Кулацкая доблесть» уже испытана в 1929 — 1933 годы, когда на грань катастрофы было поставлено многомиллионное крестьянство, судьба социализма. Их «прелесть» пережили поколения тех лет. Вряд ли надо возвращаться к этим «прелестям» нашим детям, внукам и правнукам.

Благодаря колхозному и совхозному производству в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) прочно обеспечивался не только фронт, но и тыл с точки зрения сельскохозяйственного сырья и продовольствия. А разве не заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на крупнейший урон нанесенный войной сельскому хозяйству, колхозы и совхозы уже к 1950 году восстановили довоенный уровень производства по всем продуктам сельского хозяйства, а к 1953 году несколько превзошли его — и по зерну. Производство предметов потребления превысило довоенный уровень в 2 раза. Национальный доход по сравнению с довоенным уровнем возрос на 64%, вместо 38% по плану IV пятилетки (1946 — 50).

Рассматривая коллективизацию с «классических» кулацких позиций, Н. Тепцов не постеснялся кулака отождествить со всем крестьянством, сделать его «центральной фигурой», расценить раскулачивание как процесс раскрестьянивания

и как причину всех нынешних «бед» в сельском хозяйстве. Их же следовало видеть в другом. Прежде всего, в игнорировании опыта колхозов и совхозов, во всякого рода разрушительных волонтаристских мерах 1954 — 1964 годов, когда шла безрассудная распашка целинных и залежных земель, приведшая к колоссальным потерям пастбищных угодий, к выводу из строя значительной части не только распаханых, но и соседствующих с ними земель. Пастбищные угодья доведены до 15% (в США 57%). Это вызвало принудительное и «добровольное» сокращение скота в личном пользовании в деревне и запрещение его в городе.

Не без последствий обошлась общегосударственная акция по ликвидации машинно-тракторных станций и продажи находящейся в них техники колхозам, отбросившая их экономически на несколько десятилетий назад. Многие колхозы не оправились от этой очередной авантюры и до сих пор. В свою очередь это вызвало необходимость укрупнения колхозов, т.к. мелкие колхозы не в состоянии были выкупать технику, реализуемую МТС и государством. В конечном итоге произошло массовое разорение и ликвидация многих тысяч населенных пунктов.

Ликвидация скота в личном пользовании, отмена натуральной оплаты и другие названные «меры» отрывали сельского труженика от земли, деформировали его психологию, по существу ликвидировали колхозный рынок. Не менее чем на 40% сокращены возможности сельского хозяйства по мясу и другим продуктам питания. А в оправдание этих глупостей ведется поиск причин в периоде коллективизации. Кому-то это выгодно. Как же: это самый подходящий момент для того, чтобы очернить прошлое и так сказать реабилитировать явных и скрытых противников социалистических преобразований в деревне в 20 — 30-е годы.

Нет слов, уровень нашего сельского хозяйства отстает от возросшего уровня населения и его потребностей, а также от потребностей народного хозяйства, ибо за годы советской власти население ее 153 млн. человек в 1913 году возросло до 288 млн. человек к 1989 году, значительно увеличились потребности советских людей в связи с ростом их покупательных возможностей.

Максимальное производство зерна достигло лишь 200 млн. тонн. Это в два с лишним раза выше уровня 1929 года, но в 1,5 раза ниже того уровня, при котором страна могла бы

считаться страной высокоразвитого сельского хозяйства. Если применить расчет по одной тонне на человека, то уже в 1989 г. надо иметь производство зерна 288 млн. тонн, через 5 лет — 300 млн. тонн с ежегодным приростом в предстоящем пятилетии не менее чем на 10%.

Вот над этой поистине стратегической задачей следовало бы поработать, ибо здесь ключ к изобилию продуктов питания для населения и сырья для промышленности. И путь к ее решению Н. Тепцову надо искать не в опыте «оплакиваемого» «кулацкого хозяйства», а в далеко неисчерпанных возможностях колхозного и совхозного производства. Этому учит опыт коллективизации, опыт передовых колхозов и совхозов страны, многомиллионной армии сельскохозяйственных рабочих и крестьян, опыт крупнейших достижений сельского хозяйства социалистических стран ГДР, ЧССР, Румынии и других.

И.А. Сапожников — пенсионер, ранее работавший в колхозах, на партийной и советской работе в сельских районах Оренбургской области

Г. Оренбург, ул. Чкалова, д. 6, кв. 167.

17 июля 1989 г.

### **Дорогая редакция!**

С душевным трепетом читаю в газете «Сельская жизнь» статью «Коллективизация: ее пути и уроки» кандидата экономических наук Н. Тепцова. Скажу прямо, если бы меня кто-нибудь послушал, сказал бы, что свихнулась. Признаюсь, этому ученому за каждый абзац выраженной им мысли рукоплещу. Равно как Михаилу Сергеевичу Горбачеву в перестройке. Жаль только, что ученые еще не придумали «средство передачи» душевных порывов людей, горячо поддерживающих перестройку в стране. Все, что описывает кандидат экономических наук, — горькая правда. Это происходило на моих глазах в 1929—30 гг. и все последующие годы. Читала и плакала, и благодарила за правду и открытость, когда автор пишет: «К сожалению, до сих пор наши ученые не дали этому явлению четкого и обоснованного толкования. Так и живет сталинский миф о «кулаке», сея зерно сомнений в души наших современников-арендаторов».



Существовало народное толкование на счет «кулака». «Кулак» потому, что спал на кулаке и зубами чухался\*. Почему зубами? Потому что пальцы, сжатые в кулаки, служили «подушкой» и в борозде, и не желая нарушить сон, какой он себе позволял с двух до трех ночи, остальное время суток — работал!

Может быть, это и есть то самое четкое толкование слова «кулак», которое хотел бы знать Н. Тепцов?

Андреева А.А.

Северо-Осетинская АССР, г. Моздок,

12 марта 1989 г.

Читать в газете «Сельская жизнь» очерки Н.В. Тепцова «Коллективизация: ее пути и уроки» нестерпимо больно, подступает комок к горлу, перехватывает дыхание, выступают слезы. Все это было — было, но мы пережили, выстояли, выжили.

В нашей семье было 9 человек: 5 детей, двое стариков. Отец работал машинистом, а жили мы в сельской местности, и во время коллективизации и нас принуждали идти в колхоз. Говорили так: «Ты рабочий, Степан Иванович, но в колхоз ты должен вступить». В нашем хозяйстве имелись: лошадь, корова, 5 овец, крытый железом дом, надворные постройки. Все у нас отобрали, оставили без куска хлеба. Одежду и постель тоже отобрали, сняли круглое зеркало со стены. Стол и кровати были сделаны руками отца — тоже взяли. А потом нашими одеялами активисты убирали свои постели.

Кто же были эти «активисты»? Голытьба, пьянь, лодыри, а одна — Лиза-активистка была аморального поведения. Те, кто свои полоски-землю продавали, пропивали, работать не хотели. Они же первые вошли в колхоз и первые убежали из него, т.к. в колхозе надо было работать.

Однажды пришла к нам «чрезвычайная бригада» за налогом. Отец был на работе. «Активисты» стали раскрывать крышу с дома. Нас причислили к кулакам и злостным неплательщикам.

---

\* Чухать — выражение читателя, видимо, хотевшего сказать: «кулак» (то есть трудолюбивый крестьянин) так уставал от напряженной работы, что у него в минуты отдыха полностью отключались слух, осязание, обоняние и воспринимал окружающий мир лишь зубами.

Кто же на нашей улице были кулаками? Это работяги — они все умели делать и работали, не считаясь со временем. Успевали помочь в хозяйстве своим отцам и дедам. И никто не имел рабочей силы со стороны. Сами успевали и справлялись. Все имели для себя эти люди: и хлеб, и мясо, масло и парное молоко, да еще и на рынке продавали, и государству сдавали.

С 8-10 лет мы работали в поле: пололи просо, собирали колоски граблями, успевали связать связла\*, которыми скручивали снопы. Чтобы не молотить снопы цепами\*\*, папа сделал «барабан»: лошадь ходила по кругу, а мы сидели на телеге — катались, а потом сгребали солому и мякину в кучи. Поливали ток водою, сметали зерно. С удовольствием ждали того дня, когда отец будет работать в ночную смену, чтоб днем ехать в поле. И лошадь у нас была справная, сбрую с медными пуговицами мы чистили каждую неделю, телега и сани всегда были в порядке. Все уважали отца как хорошего хозяина, и он всегда старался делать людям добро: сделать красивую широкую дугу, сани. Отец был мастер на все руки.

Наши отцы любили землю, пристрастны были к ней и мы. Все люди были здоровые, крепкие, все сыты были. У каждого хозяина во дворе была корова. А сейчас на нашей улице 112 дворов (живем в пригороде), а коров только 3, одна лошадь. И идет человек за 3 — 5 км с бидоном за молоком.

Нет хозяина на земле. Опустели деревни, села.

Горько и обидно нам, еще живущим. Много пережили, ох как много!

С приветом

Е. Верещагина

Тамбовская область, г. Кирсанов

12 марта 1989 г.

### **Уважаемая редакция!**

С большим вниманием прочел статью Н. Тепцова о коллективизации. Я думаю, его статья будет полуправдой,

\* Жгуты из травы и соломы.

\*\* Ручное приспособление для молотбы, состоящие из двух длинных палок.

если свалить все беды только на Сталина. Ведь как крестьян не притесняли, они все-таки жили и были преданы земле. Но вот когда Н. Хрущев объявил, что коммунизм будет построен в 1980 году, и началась «гигантомания», вот тогда-то и начали исчезать поселки и деревни, когда закрыли магазины и школы и начали укрупнять хозяйства. Я сам родился на хуторе Подольском Ставропольского края, тогда в округе исчезли прекрасные хутора, которые находились недалеко друг от друга. Это хутора Подольский, Карл-Маркс, Арарат, Графский и другие. После исчезновения этих и других хуторов постепенно начало ухудшаться снабжение населения. Ведь откуда образовывались крупные города? В основном, в этих городах живут сельские жители.

Мы много говорим о возрождении села, а на практике ничего для этого не делаем. Лично я бы с удовольствием вернулся в село, если бы я мог свободно держать хозяйство, т.е. не искать где-то постоянно зерно, сено, где пасти скот и т.д.; мог бы свободно купить такую нужную вещь, как мини-трактор, инкубатор и др.

Мы много говорим, но мало делаем для крестьян.

С уважением

Гурьев Ю.Г., работаю трактористом

Тюменская область, г. Нижневартовск

*15 марта 1989 г.*

## **Уважаемый Николай Васильевич!**

Пишет Вам экономист по профессии, интересующийся вопросами аграрных отношений в СССР. В настоящее время для этого создаются более благоприятные условия.

Меня заинтересовали Ваши очерки в газете «Сельская жизнь» — «Коллективизация, ее пути и уроки». Проблема сложная и требующая тщательного углубленного исследования. Из всей массы вопросов, которые возникли при чтении очерков, я особо хотел бы выделить два. — Первый. Он имеет непосредственное отношение к Декрету «О земле» (более подробно Вы останавливаетесь на его сути в очерке от 8 марта 1989 г.). Отсылая читателя к содержанию документа, Вы пишете, что согласно Декрету распределение земли между крестьянами должно осуществляться на принципах уравнительности в соответствии

с трудовой или потребительской нормой. И далее: «Хотя уравнильный характер не соответствовал большевистской программе, В.И. Ленин поддержал его, поскольку он выражал волю крестьян».

Мой вопрос состоит в следующем: почему В.И. Ленин как лидер РСДРП(б), а затем РКП(б) столь категорически отрицал принцип уравнильного распределения земли между крестьянами. В ближайшей перспективе трудно было представить, чтобы крестьянин (если исходить из его психологии) сам охотно пошел на общественную обработку земли. И Ленин на это указывает, начиная со своих ранних работ. Значит категорическое отрицание — это догма, взятая откуда-то из прошлого? Откуда, у кого? В апреле 1917 года в заключительном слове по докладу Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) В.И. Ленин говорил: «Коммуна крестьянству вполне подходит. Коммуна — значит полное самоуправление, отсутствие всякого надзора сверху. На это крестьянство должно пойти на девять десятых» (В.И. Ленин, ПСС, т. 31, с. 249). Однако массово крестьянство не пошло ни в коммуну, ни в артель, ни в ТОЗы. Уже в декабре 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин указывает: «Состояние совхозов сейчас в громадном большинстве случаев ниже среднего. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится» (В.И. Ленин, ПСС, т. 42, с. 181).

А несколько ранее: «Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен» (там же, с. 180). В 1923 году Ленин вполне определенно говорит о необходимости развития на селе кооперации.

То есть приходится констатировать, что в вопросе перехода к общественной обработке земли у большевиков в дореволюционный и первый послереволюционный период было явное забегание вперед, попросту утопическое представление. Поэтому для научного исследования крайне важно знать истоки этого процесса и его эволюцию.

Второй вопрос. О национализации земли. До сих пор у меня было мнение, что с принятием Декрета «О земле» произошла национализация земли. Однако в журнале «Политическое образование» (1989 г., № 4, стр. 27) академик

ВАСХНИЛ В.А. Тихонов пишет, что земля в СССР была объявлена национализированной лишь в 1928 году, тогда как в «Основном законе о социализации земли» (январь 1918 г.) «...была намечена национализация земли». Таким образом, отмена частной собственности на землю, передача лишь ее в пользование крестьянам и другим группам населения не означала еще национализации. Хотелось бы узнать Ваше мнение и по этому вопросу.

В надежде получить ответ на поставленные вопросы я с благодарностью принял бы и ссылку на литературные источники, содержащие интересующую меня информацию.

До свидания.

Заранее благодарен.

Преподаватель кафедры экономики сельского хозяйства  
ТСХА

Шайкин Владимир Владимирович

*Москва, 17 апреля 1989 г.*

### **В редакцию газеты «Сельская жизнь»**

Отклик на статью «Коллективизация, ее пути и уроки»

Схема этой статьи полуправдива. А значит, и пользы от нее не больше, чем от полной лжи. Обидно и стыдно, что в наше время гласности «Сельская жизнь» может такое печатать.

Да, первый декрет Ленина о земле передал землю крестьянам — 1918 год. А уже в 1922 году она стала государственной. Ленин говорил, что политика партии должна быть гибкой. Это постоянно и утверждалось в отношении к крестьянству и земле. К 1920 году в России были ликвидированы все партии. Остались две: большевиков и бунд. С первых дней революции бундовцы захватили ключевые посты. Убив двух бундовцев, Володарского и Урицкого, они открыли красный террор, уничтожив без всякого суда и следствия только за 1918 — 19 гг. 15 — 17 миллионов лучших людей России. Троцкий уничтожал лучших военных, Луначарский — интеллигенцию, поэтов, писателей. И Ленин не возмущался. Досталось и крестьянству. Его грабили продразверсткой, расстреливали бунтующих. ЧК была полностью в руках бундомасонов. Завещание Ленина никто и не собирался выполнять. Так что Ста-

лину досталась не диктатура пролетариата, а диктатура бундомасонов, для которой крестьяне были рабочим скотом. А кулаки, как передовая мыслящая часть крестьянства, способная оказать сопротивление, подлежала уничтожению по разнарядке. Первые концлагеря были организованы бундовцами. Бундовцы проектировали Беломорканал и руководили его строительством. Они беспощадно истребляли крестьянство голодом и болезнями, за что все получили ордена Ленина. Так что действовали по-ленински, пользовались его цитатниками.

И сейчас перестройке оказывают упорное и действенное сопротивление не сталинисты, а бундомасоны. И репрессии продолжаются, только в более изощренных и массовых формах. Если промышленность еще как-то «барахтается», то на сельское хозяйство оказывается особо разрушительное воздействие: его травят нитратами, пестицидами, лишают необходимой техники, дорог, стройматериалов. Сельское хозяйство фактически лишено крыши: все под открытым небом — и техника, и урожай, и скот, и люди. Так что надо смотреть в корень, иначе нам не жить.

С уважением

Сильченков Лев Николаевич

Украинская ССР, Днепропетровская область,

Баглейский райсовет г. Днепродзержинска

п. Карнауховка

*18 апреля 1989 г.*

### **Редакции газеты «Сельская жизнь»**

В № 57 и 58 за 10 и 11 марта 1989 г. была опубликована статья кандидата экономических наук Н. Тепцова, в которой собрана одна выдумка, да еще фигурирует Бухарин, этот видный деятель правого оппортунизма, которого я слушал в октябре 1929 года. Если бы эти бухаринцы пришли к власти, наша страна не была бы великой державой, а была бы колонией фашистской Германии. Эти оппортунисты были ярыми противниками индустриализации, коллективизации и ликвидации кулака, но И.В. Сталин правильно не послушал этих оппозиционистов, и наша страна в войне 1941 — 45 гг. разгромила фашизм. И.В. Ста-

лин очень своевременно провел работы с 1928 по 1941 год. Колхозы и совхозы за время войны дали стране 4 млрд. 300 млн. пудов зерна, тогда как за 1914 — 17 гг. страна заготовила только 1 млрд. 399 млн. пудов зерна.

После войны колхозы и совхозы зажили полноценной жизнью. В 1950 г. у нас по области на трудодень выдавали 1 кг 800 гр. зерна и 45 коп. денег, а в 1955 г. зерна — 1 кг 800 гр., а денег — 2 руб. 69 коп.

В декабре 1947 г. была отменена карточная система, и ежегодно снижались цены. Сталин умер и оставил после себя 123,7 тыс. колхозов и 5 тыс. совхозов. В среднем по стране в колхозе было 165 дворов, в совхозе — 334; рабочих посевных площадей: в колхозе — 1000 гектаров, в совхозе — 2,6 тыс. гектаров. В магазинах было много разных товаров: сахар, конфеты, швейные машины, туалетное и хозяйственное мыло. В каждом дворе было полно скота, сами шили овчинные полушубки, тулупы, катали валенки, сами выпекали хлеб и т.д.

В своей статье ученый Тепцов пишет, что Сталин дал указание строить совхозы-гиганты — это же болтовня. После Сталина пришел Хрущев, который, вопреки своему крестьянскому облику, бесцеремонно перешел к единоличному, бюрократическому, непререкаемому управлению страной, взяв на себя и обязанности председателя Совмина СССР. Для этого он не располагал склонностью к вдумчивому, углубленному социально-экономическому анализу обстановки. Хрущев увеличил административный аппарат в колхозах и совхозах, поставил их в тяжелое финансовое положение, распорядился организовать из 5 — 7 колхозов одно хозяйство, т.е. создать хозяйства-гиганты. В результате к 1964 году в стране стало 37,2 тыс. колхозов и 12,2 тыс. совхозов, т.е. всего 49,4 тыс. хозяйств. В среднем по стране стало дворов: в колхозе — 383, в совхозе — 721. Рабочих посевных площадей: в колхозе — 2,9 тыс. гектаров, в совхозе — 8,6 тыс. гектаров. Хрущев уничтожил все выгоны около деревень, где население пасло скот. В 1962 году он отнял скот у населения, обязав сдать на мясокомбинат лошадей. Хрущев ликвидировал подсобные хозяйства, предприятия, промкооперацию; он поднял целину, но не построил хранилища, и при уборке урожая сгноили миллионы тонн пшеницы.

С 1963 года из магазинов исчезли крупы и лапша с макаронами, за хлебом стояли огромные очереди с ночи

до вечера ежедневно. Хрущев создал промышленные министерства, организовал совнархозы, в области ликвидировал два обкома партии и облисполкома. Организовал управления сельского хозяйства, при нем партком на 2—3 района, т.е. развалил народное хозяйство и особенно сельское, крестьян не только оторвал от земли, но и от личного подворья. Колхозы и совхозы до 1963 года сеяли и убирали урожай своими силами, теперь города посылают тысячи человек рабочих на посевную и уборку урожая. Из деревни уехало более 50% населения (с 1962 года по настоящее время).

Вот когда развалили сельское хозяйство: при Хрущеве и Брежневе, и восстановить его уже не так просто, а активное участие принимали в этом секретари обкомов, крайкомов, республик, работающие с 1957 года по настоящее время.

В настоящее время все хотят прикрыть развал народного хозяйства (особенно сельского) Сталиным, но при Сталине мы питались молоком 3,5 — 4% жирности, 82,8%-м животным маслом, колбасой высокого качества. А теперь в молоке 50% воды, масло белое как снег, жира нет и т.д. В магазинах в настоящее время пусто, а при Сталине было все, и дешевле. Ну, продукты плохие — Сталин сельское хозяйство развалил, а почему нет зубной пасты, стирального порошка, обуви, одежды и т.д.? Что, промышленность тоже Сталин развалил? Нет, во всем виноваты настоящие руководители, потому что пока идут только слова, а дел не видно. Вот кандидатам и другим научным работникам и надо правдиво обосновать положение в стране.

Ветеран партии, войны и труда

С.М. Вахтин

Курганская область, Курган

20 марта 1989 г.

### **В редакцию газеты «Сельская жизнь»**

Отзыв на статью Н. Тепцова «Коллективизация: ее пути и уроки»

Спору нет, большая статья кандидата экономических наук тов. Тепцова очень нужная: она дает толковое разъяснение всему семидесятилетию советской власти в нашей



стране, дает точный анализ ошибочной политики Сталина и его приближенных, периода застоя и развития бюрократии. Автор статьи шаг за шагом прослеживает историю с первых мирных годов после Октября 1917 г., подтверждая свои мысли цитатами из речей и высказываний В.И. Ленина. Таких цитат во всех четырех номерах газеты со ссылками на Ленина — 9, на Рыкова и Бухарина — 3, на Кондратьева и других — 2. Благодаря статистическим данным читателю трудно не согласиться с доказательствами автора.

Все вместе взятое говорит о серьезной работе тов. Тепцова над большой статьей, выходящей за пределы газетного материала. Лучше, доступнее, проще, яснее, кажется, трудно написать. А все-таки мой приговор этой прекрасной статье совсем неожиданный для ее автора: начал тов. Тепцов за здоровье, а кончил за упокой.

Увы, «суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано» (Н.А. Некрасов, «Рыцарь на час»). Правда, тов. Тепцов в последнем номере за 12 марта пишет, казалось бы, правильно: «Надо поставить дело так, чтобы любой арендатор мог получить доступ к самым передовым достижениям науки и техники... Надо сделать так, чтобы его накопления работали, а не оседали в кубышке». Но заставить накопления работать невозможно без морально-нравственного перевоспитания человека. А за год, за два, за пять лет нужного перевоспитания не сделать. Правда, есть один единственный метод быстрого перевоспитания широких народных масс, но он у нас в настоящее время не принят. Вот этого-то нового метода, основанного на научных трудах великих корифеев диалектики (Маркса, Энгельса, Ленина), не знают или делают вид, что не знают.

А так болтать о перестройке будут десятки годиков, да может эта перестройка так на корню и заглохнет. Как вы думаете повернуть теперь человека к земле? Арендой? Нет! За аренду уцепятся только те, кто думает только лично обогатиться и накопить капиталец для своих детей, родственников. Это психология человека. Ее-то и надо переставлять, перевоспитывать. Перевоспитание людей в духе марксистско-ленинской философии совершит только новый закон материалистической диалектики, а его еще надо открыть. Он, «Великий закон материалистической диалектики», испокон веков существовал, существует и бу-

дет существовать. Мы, люди, не в состоянии противостоять этому закону, по нему идет вся жизнь живой и неживой природы. Пока науке известны три закона диалектики: закон перехода количества в качество, закон отрицания отрицания и закон единства и борьбы противоположностей. Но есть еще закон главное этих трех законов, ибо по нему-то и совершается вся наша жизнь на планете. А ведь в арсенале этого нового закона диалектики имеются очень важные, очень сильные мысли, понятия, отдельные слова, которые сильнее всех имеющихся в языке, особенно в нашем русском лексиконе, способные быстро перевоспитывать широкие народные массы. Известно, что словом можно убить человека, а перевоспитать еще проще, чем убивать. Я не думаю, что в нашей стране ученые не знают этого нового закона материи. Наверняка знают, но почему-то молчат, я только догадываюсь, почему, но не мне говорить об этом. Я маленький человек, не имею никакого престижа в обществе, а потому меня никто и слушать не будет, как не отвечают почти на все мои корреспонденции в различные газеты и журналы. Вот я и Вам, уважаемая редакция «Сельской жизни», пишу во второй раз, хотя и знаю, что не ответите, но пишу. Я не могу не писать. Как говорил Л.Н. Толстой: «Я не могу молчать!» Так и я не могу не писать, ибо меня тревожит судьба нашего государства, судьба русского народа.

Не секрет, что в вопросах сельского хозяйства у нас получилось совсем как в басне Крылова «Свинья под дубом». Докатились до крайностей, а теперь ищем пути и методы добровольного рачительного хозяйствования на той же самой кормилице-земле. Где? Какие методы, какие пути? Аренда и кооперирование? Это не панацея от всех бед. Это полумеры, которые только тогда дадут нужные нам результаты, когда под них будет подведена настоящая научно разработанная новая платформа марксистско-ленинского учения, а точнее, будет открыт тот самый новый закон диалектики. Без этого нельзя продвинуться с желаемыми результатами: это наука, и ею пренебрегать преступно. Не разработаем этой новой платформы, перестройка останется только мечтами. Одному Горбачеву не перестроить наше запущенное сельское хозяйство.

Уважаемая редакция, доведите до сведения Центрального Комитета партии, ознакомьте его с содержанием моего письма, и сообщите мне об этом. Это самая серьезная моя

просьба. Я ведь более тридцати лет работаю над вопросами философии, у меня громадные рукописи. После этого всё обо мне узнаете. Выехать в Москву, разумеется, я не смогу по причине своей глубокой старости, к тому же я еще и инвалид ВОВ второй группы. Много я еще мог бы рассказать в этом письме, например о той местности, где живу, осветить правильно, с позиций «Великого закона диалектики» взаимоотношения с капиталистическим миром и др.

Лубнин Павел Витальевич  
Волгоградская область, Чернышковский район, с.Томорсино  
*20 марта 1989 г.*

### **В газету «Сельская жизнь», орган Центрального Комитета КПСС**

На статью «Коллективизация, ее пути и уроки»  
История современности

Прочитав статьи тов. Н. Тепцова, кандидата экономического наук, можно сделать некоторые замечания.

Вся статья пронизана хронологическими данными периода коллективизации сельского хозяйства, показаны, в основном, ее отрицательные уроки. Выходит дело, в то время как в партии, так и в хозяйственном руководстве не принималось умных и правильных решений, например, в области развития заинтересованности тружеников села и любого производства. Имеется в виду, экономической заинтересованности, а проще говоря, в оплате труда. Само мероприятие коллективизация и введение машинного труда в обработку земли решение правильное, это все признавали и признают теперь, а вот система оплаты труда была, можно сказать, или умышленно забыта или того, кто об этом должен был позаботиться, это не интересовало. Скорее всего, это не интересовало руководителей на местах, которые старались показать только себя: выполнить и обязательно перевыполнить план поставки хлеба государству.

На первых порах, получая на трудодень по 5 — 7 кг хлеба, колхозники-труженики села радовались и пели песни. А потом они стали получать на трудодень 0,2 кг хлеба и ничего для кормления скота на подворье, и тогда задума-

лись, а стоит ли трудиться? Мало того, у колхозников земельные участки с домом и надворными постройками вначале были 0,25 га, потом 0,15 га, а потом и вовсе обанкротились. Кому же нужно было отрезать земельные участки 0,1 га, которые зарастали бурьяном и ни кем не использовались? Всего скорее местной власти, так как колхозники смогли бы этим приусадебным участком обеспечивать себя картофелем и даже часть вывозить на рынок. Ведь до ВОВ овощи и мясо как таковые в магазинах не продавали, всё брали с рынка. Вот кому-то и стало завидно.

А почему нельзя было установить минимум и максимум в оплате работникам колхозов на один заработанный трудодень. Допустим, минимум — 3 кг зерна, а максимум — 7 кг. То есть при хорошем урожае в данном регионе — 7 кг, при неудовлетворительном урожае — 3 кг. Можно уверенно сказать, никто бы из колхозов не бежал и никто бы не стал «раскрестьяниваться». А что касается кормов, то их работникам колхозов в Ульяновской области вообще никогда не выдавали. Люди набирали корма, нарезая в неудобьях ветки, сжиная траву серпом. Так вот, если бы местные власти хоть немного думали о работниках села, то наверняка никто бы не «раскрестьянился». Ведь система оплаты труда — это всё на любом предприятии. Она стимулирует подъем производительности труда, качество работы, заинтересованность работника. А в колхозах ее фактически не было — только сдай хлеб в хлебопоставку по плану, который давался по достигнутому урожаю. Все остальное — по трудодням. А по трудодням ничего не оставалось. Это не только принижение роли труженика сельского хозяйства, а что-то похуже.

Вот об этом и следовало бы подумать руководителям. Куда мы идем? Есть предположение, что Пленум ЦК КПСС\*, рассматривая аграрную политику, сделает прагматичные выводы по этому вопросу.

Базов Николай Федорович,  
ветеран труда и войны  
Ульяновская область, Ульяновский район, г. Новоульяновск  
15 марта 1989 г.

---

\* Имеется в виду Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 15—16 марта 1989 года. На нем обсуждался вопрос «Об аграрной политике партии в современных условиях».

---

## ЭПИЛОГ

---

### ИТОГИ И НАДЕЖДЫ

Великий русский крестьянин Т.С. Мальцев, новатор сельскохозяйственного производства в советскую эпоху, произнес однажды поистине золотые слова: «Человек разнолик. Он может быть велик и мал, прост и лукав, черств и отзывчив. Но он точно высок и свят, когда творит хлеб. Крохотное зернышко вобрало в себя не только солнце и землю, но и мудрость землепашца.

Хлеб — не только насыщение. Хлеб — обновление и радость, первооснова всего прекрасного.

Его творец — человек. Его певец — человечество».

Это мысли нашего современника, пережившего за свою большую жизнь годы НЭПа, коллективизации и раскулачивания, вражеского нашествия, хрущевские реформы и так называемое застойное время. Как никто другой, народный академик глубоко проник в философию и самобытную культуру крестьянства, осознав его великое предназначение быть кормильцем и державной опорой. Да, «творец-человек» не должен быть подневольным, а труд его — несвободным. Еще Г.И. Успенский, замечательный писатель и тонкий знаток российской деревни, писал: «Творчество в земледельческом труде, поэзия его, его многосторонность составляют для громадного большинства нашего крестьянства жизненный интерес, источник работы мысли, источник взглядов на все окружающее его, источник едва ли даже не всех его отношений частных и общественных».

История доказала, что как только земледелец мало-мальски становился свободным, скажем — избавлялся от ига помещиков-крепостников, сбрасывал ярмо продразверст-

ки, то деревня начинала оживать, набирать силу, идти вперед, а вместе с ней — и «государство богатело». Исторический опыт, особенно зарубежных стран, свидетельствует: там, где государство оказывает всестороннюю и весомую помощь крестьянским хозяйствам (а не раскулачивает, как у нас во время «великого перелома», и не давит ценовым и налоговым прессом, как сейчас при «демократических преобразованиях»), аграрная экономика развивается бурными темпами, страна процветает, народ богатеет. Возьмем для примера Данию. В 1920-е годы основу ее аграрного строя составляли мелкотоварные крестьянские хозяйства. 25 процентов земледельческого населения имели земли не больше 1,5 десятины, 26 — от 1,5 до 4,5 десятины и 19 процентов — от 4,5 до 13,5 десятины. Таким образом, 70 процентов всех крестьянских хозяйств имели земельные угодья в пределах 1,5 — 13,5 десятины, что довольно близко к средней норме в СССР того же времени. Типичное хозяйство датского «кулака» располагало 3 — 4 десятинами земли, содержало 1 — 2 лошади. 4 — 5 коров, 2 — 3 племенные свиньи, птицу. Усадьба состояла из дома в 3 — 4 комнаты, надворных построек, фруктового сада. Валового дохода такое хозяйство давало в размере 2000 — 2500 рублей в год (в пересчете на нашу денежную систему).

Каким же образом сельское хозяйство Дании достигло замечательных успехов, несмотря на «засилье» мелкотоварного «кулацкого» производства?

Во-первых, вместо раскулачивания государство всячески оберегало крестьянское хозяйство, как самостоятельную семейно-производственную ячейку. Это подкреплялось разумной финансовой и налоговой политикой, социальными и культурными мерами его поддержки. Государство не жалело денег на устройство грунтовых дорог, развитие сельской энергетики, телефонизации и т.д. Вспомним, что у нас даже в 1950-е годы было категорически запрещено подсоединять сельские районы к государственным электросетям.

Во-вторых, магистральным путем развития сельского хозяйства было выбрано создание разветвленной сети различных кооперативов, то есть вертикальной концентрации аграрного производства. Так идеи нашего выдающегося ученого-аграрника А.В. Чаянова нашли практическое применение и блестяще воплотились не у себя на Родине, а за рубежом.

Не само по себе индивидуальное крестьянское хозяйство сдерживает социально-экономический прогресс. Наоборот, самостоятельное крестьянское хозяйство является той удачной для аграрной экономики первичной производственной ячейкой, в которой обеспечивается наиболее эффективное соединение работника (живого труда) со средствами производства. Именно на это обстоятельство указывал Чаянов: «Деятельность сельского хозяина носит настолько индивидуальный, местный характер, настолько обусловлена особенностями каждого клочка эксплуатируемой поверхности, что никакая руководящая извне воля не сможет вести хозяйство, если оно сколько-нибудь интенсивно. Можно сказать, что все искусство сельского хозяина как раз заключалось в умении использовать частности. Только сам хозяин, долгие годы практикой изучивший свое хозяйство, может успешно вести его, а тем более его реформировать».

Может быть, мелкое товарное производство крестьян вошло в непримиримое противоречие с формами общественного производства социалистического типа, которые начали утверждаться в годы нэпа? И как это тогда соотносилось с марксистскими взглядами по данному вопросу? Вот что писал Карл Маркс в своем труде «Капитал»: «...Мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника».

В.И. Ленин также уделял этой проблеме особое внимание. И это понятно. Ведь революция свершилась в стране, где в подавляющей степени были мелкотоварные крестьянские хозяйства. Следовательно, надо было четко определиться по отношению к ним. Но как? В мае 1917 года, на первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов Ленин говорил: «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель».

Однако глобальный эксперимент по огосударствлению крестьянской экономики в годы «военного коммунизма» показал нежизненность, более того — губительность такой политики. И взгляды Ленина на место индивидуального крестьянства в новой социально-экономической структуре претерпели в этой связи кардинальные перемены. Осмысливая суть нэпа, он уже утверждал: «Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина? Его «свободная

торговля»? Нет». Им была выдвинута следующая стратегия поведения в отношении мелкотоварного крестьянского хозяйства: «...Главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию».

Была ли выдержана эта верная стратегия преемниками Ленина у руля партийно-государственного руководства? Нет. XIV партийная конференция, состоявшаяся в апреле 1925 года, явилась своего рода высшей точкой реализации ленинских идей о «коренной перемене точки зрения на социализм», на роль и место крестьянства в новом обществе. На ней были приняты решения об облегчении условий аренды земли и найма рабочей силы, позволившие в определенной степени раскрепостить, снять путы с растущих производительных сил деревни.

Но даже эти полшага вперед так и остались незавершенными. «Военный коммунизм» не только оказался живучим, но и в конце концов пришел на смену новой экономической политике. Во второй половине 1920-х годов стали углубляться противоречия между складывавшимися базисными структурами (развитие рыночных отношений, укрепление хозрасчетных начал крестьянских хозяйств и т.д.) и надстроечными структурами, сохранившими «левокоммунистический» характер еще со времен гражданской войны. Завещанная Лениным «коренная перемена» точки зрения на социализм не получила своего логического завершения. Нэп по-прежнему не только руководством партии, но и широкими массами рядовых коммунистов рассматривался как временное отступление перед капитализмом, а в конце 1920-х годов он был вообще «отброшен». Возобладала вульгарная точка зрения на характер отношений между основными классами общества, на способы взаимодействия и пути развития различных форм собственности, другие важнейшие элементы общественно-экономической формации нового типа.

Представления об основных структурах социалистического общества и способах их развития носили в основном догматический характер, базировались на устаревших положениях марксизма. Подавляющей части правящей партии построение социализма виделось в довольно короткие исторические сроки, на базе упрощенных схем



бесклассового, бестоварного, уравнилельного общества. Отсюда взгляд на крестьянство, как на отживающий свой век и несовместимый с социализмом класс. Закономерные процессы общественного воспроизводства в аграрной сфере, неизбежно ведущие по мере интенсификации сельского хозяйства к дифференциации товаропроизводителей, на практике слишком идеологизировались, облекались в политические формы, в частности в виде «кулацкой опасности».

В середине 1920-х годов главными выразителями подобных идей выступили представители так называемой «новой оппозиции» — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Я. Сокольников и другие. Они оспаривали правильность решений XIV партконференции о мерах по дальнейшему углублению нэпа (облегчение аренды земли, найма рабочей силы и т.д.), называли их «уступкой кулаку» и требовали усиления административного регулирования производственных отношений в деревне.

Группа «демократического централизма», лидером которой являлся Т.В. Сапронов, выступала с еще более «левыми» взглядами по крестьянскому вопросу. В «заявлении 15-ти», направленном ими в июне 1927 года в ЦК ВКП(б), утверждалось, что «замазывание процесса классового расслоения деревни и действительного смысла таких мероприятий, как разрешение найма рабочей силы и аренды, а также удлинение срока последней, ослабляет, а частью и сводит на нет работу по организации классовой борьбы бедняка и батрака против кулацко-зажиточной части деревни. Вместо линии на уничтожение классов ЦК на деле берет линию на «примирение» классов, которая связывает активность бедноты в ее борьбе против кулака». По мнению «децистов», «линия на мелкого производителя при всех добрых намерениях неизбежно превращается в линию на кулака», а «неспособность Центрального Комитета к проведению подлинно социалистической политики в деревне ведет к тому, что производительные силы земледелия стихийно направляются по капиталистическому руслу».

Однако в то время большинство в партийно-государственном руководстве придерживалось более умеренных взглядов, проводило — по выражению троцкистов — «центристскую» политику, якобы ведущую к «мелкобуржуазному перерождению». Действительно, официальная поли-

тика была крайне противоречивой. С одной стороны, осознавалась необходимость развития рыночных отношений, укрепления хозрасчетных начал в крестьянской экономике и т.д. С другой — «левокоммунистическая» идеология и политика с их такими неперенными атрибутами, как диктатура, уравнительность, единомыслие, «скачки» (т.е. попытки перепрыгивать через целые исторические этапы), подавляли, деформировали, просто уродовали закономерные процессы общественно-экономического развития. Вопреки законам расширенного воспроизводства, в деревне искусственно создавалась «средняя» система. Всеми способами, начиная от финансовых и кончая репрессивными, крестьянские хозяйства подгонялись под уровень «средняков». Вкладывались колоссальные средства в малоэффективные крестьянские хозяйства (бедняцкие), и всячески тормозилось развитие интенсивных («кулацких»).

Такая политика «осереднячивания» по экономической сути приводила, скажем так, к возрождению простого воспроизводства, натурального хозяйства, невосприимчивого к передовой агрокультуре, техническому прогрессу. Например, осенью 1927 года на складах торговых организаций скопилось сельскохозяйственных орудий на 70 миллионов рублей. И это была в основном новая производительная техника. Но дело заключалось в том, что одни крестьяне не имели денег для ее приобретения, а другим это не разрешалось властями. Таково одно из последствий курса на «осереднячивание», утверждавшего приоритет идеологических установок перед естественным ходом экономического развития. Закономерно, что эта политика привела к сдерживанию, застою и регрессу экономики нэповской деревни.

Еще одно обстоятельство. Упрощенное понимание экономической основы социализма предполагало ликвидацию многоукладности в народном хозяйстве, создание однотипной собственности (государственной). Тем самым каналы создания национального богатства перекрывались ровно на столько, на сколько ликвидировались так называемые несоциалистические уклады. И заполнить эту брешь должна была тотальная система государственных предприятий. Само собой разумеется, реализация подобной экономической модели требовала огромных средств. А рассчитывать на помощь из-за рубежа не приходилось.

И следующее, чрезвычайно важное обстоятельство. Все более давали о себе знать факторы, малозависимые от политической воли руководства и господствующей идеологии, которые неумолимо подталкивали к «большому скачку». Речь шла о том, что Россия как великая держава обязана была вернуться в мировое сообщество. Но вернуться индустриальной державой, способной вписаться в международные хозяйственные связи и общественное разделение труда, проводить самостоятельную внешнюю политику, подкрепленную крепкой обороной.

Вот почему XV съезд ВКП(б) официально закрепил курс на форсированное развитие индустриальных отраслей. В его директивах было записано: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности, в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время».

Действительно, выясняя причины «революции сверху», перевода народного хозяйства на рельсы форсированной индустриализации, совершенно неправомерно сбрасывать со счетов фактор капиталистического окружения. Что бы сейчас ни говорилось, а реальная история была таковой: попытку создания нового общественного строя в России большинство буржуазных государств восприняло не только прохладно, но и просто враждебно. В 1927 году международная обстановка еще более обострилась, на что обращали внимание делегаты XV съезда ВКП(б).

Все это в основном и породило «великий перелом» в нашей стране на рубеже 1920 — 30-х годов.

К концу 1920-х годов стало совершенно ясно — требовалось колоссальное напряжение сил и энергии самого Советского Союза, чтобы не только выжить, но и победить. Прежде всего нужно было срочно форсировать индустриализацию. Для этого потребовались просто немыслимые по законам нормального общественного воспроизводства капиталовложения. Например, капитальные вложения в отрасли тяжелой промышленности увеличились в 1928/29 хозяйственном году — по сравнению с 1925/26 —

более чем в 2,5 раза, а по таким отраслям как электроэнергетика, угольная промышленность, черная металлургия, электротехника — в 3 — 3,5 раза, цветная металлургия — более чем в 5 раз.

Но и этих темпов оказалось недостаточно. Во второй половине 1929 года начался коренной пересмотр всех основных народнохозяйственных пропорций. В августе ЦК ВКП(б) принял постановления о значительном увеличении капиталовложений в металлургию, машиностроение, химическую промышленность и другие отрасли. Только расходы на вооружение за годы первой пятилетки возросли в 10 раз, в то время как по плану общие затраты на управление и оборону намечалось увеличить с 1,76 миллиарда лишь до 2,31 миллиарда рублей.

Где было взять средства, да и как строить отношения с мелкотоварным крестьянским хозяйством? Вот вопрос вопросов, вокруг которого завязалась острая внутрипартийная борьба. С одной стороны, это были ставшие «левыми» сторонники Сталина, с другой — умеренные «правые» бухаринцы. Содержание этих дискуссий хорошо раскрыто в книге «Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР» одного из талантливых единомышленников Бухарина А.Ю. Айхенвальда: «Нетрудно убедиться, что в условиях советского хозяйства частное накопление не только противостоит социалистическому накоплению во враждебной позе, но и объединяется с ним и вливается в него. Более того, основным и характерным отношением важнейших видов частного накопления к социалистическому вполне может быть не борьба и противопоставление, а сочетание и объединение... Социалистическое руководство крестьянским накоплением открывает перед сельским хозяйством возможность такого роста, какой вообще немислим в капиталистических условиях. Феодалные путы, висевшие на крестьянстве, уничтожены дочиста Октябрьской революцией; с нэпом крестьянин получил необходимый хозяйственный простор. Рост индустрии обеспечивает технические и рыночные предпосылки для подъема сельского хозяйства».

Особо следует остановиться на взглядах представителей советской научной аграрной школы, которая активно и плодотворно продолжала работать вплоть до 1930 года. Известные ученые-аграрники принимали непосредственное участие в выработке многих документов по аграрной

политике. В свое время к ним прислушивались, просили у них совета. Так, в октябре 1927 года была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), которой поручалось подготовить к XV съезду партии тезисы «О работе в деревне». Комиссия обратилась к ряду ученых и специалистов с просьбой дать свои предложения о перспективах развития сельского хозяйства. Свои материалы подготовили и направили в комиссию А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и другие крупные ученые и аграрники. В целом можно сказать, что в этих материалах были синтезированы все крупнейшие научные исследования по аграрным проблемам в СССР, определены реальные перспективы этого сектора.

По мнению Кондратьева, «на ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше (с точки зрения удельного веса), прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, хотя бы и объединенных в кооперативы на основе сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также на почве снабжения его орудиями и средствами производства». И еще: «Современные условия развития сельского хозяйства создают достаточную гарантию для предотвращения резких сдвигов в социальном расслоении деревни. Равным образом эти условия обеспечивают дальнейший подъем беднейших слоев деревни. При этом условии задача поддержания достаточного темпа развития сельского хозяйства, повышения его товарности и развития сельскохозяйственного экспорта требует весьма осторожной и поощрительной политики в отношении трудовых развивающихся высокотоварных хозяйств».

По мысли Чаянова, «в данной фазе строительства сельского хозяйства дело еще далеко не в ломке крестьянского хозяйства, как такового, а в совершенно других формах нарастания социалистических элементов, которые не только покроют собой нарастание элементов фермерских, но и с неизбежностью приведут к коренному социальному переустройству структуры земледелия». «Эти элементы, — отмечал он, — в данной фазе развития следует искать в области вертикальной концентрации сельского хозяйства. Здесь, и главным образом здесь, и происходит решающее в настоящее время накопление социалистических элементов». «Иначе говоря, — писал о вертикальной концентрации Чаянов в своем труде «Организация крестьянского хозяйства», — единственно возможный в

в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана — это путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий».

Значительное место в своих предложениях Чаянов уделял рассмотрению вопроса о месте сельского хозяйства в системе индустриализации. Основная его мысль сводилась к следующему: «Развитие удельного веса промышленности... должно предполагать крупнейшие видоизменения в сельскохозяйственной базе этой промышленности; в частности, развивая промышленность мы должны совершенно видоизменить строение ее сырьевой базы, как поставщика сырья, и всячески развить товарные формы сельского хозяйства...».

Таковы в общем плане были подлинно научные представления о перспективах развития нашего сельского хозяйства. Но они не могли быть востребованы тогдашним руководством. Как же тогда понимали сами партийные лидеры сущность перехода к новым формам хозяйствования на селе? Вот какое положение выдвинул В.М. Молотов на XV съезде ВКП(б): «Вопрос о переходе к крупному общественному хозяйству — вопрос классовой борьбы в деревне. Против этого выступит и окажет огромное сопротивление кулак». Его точку зрения поддержал Я.А. Яковлев: «Наше мелкое хозяйство, по существу говоря, стоит в такой позиции: или оно станет навозом, на котором вырастет выгодное, рентабельное, с большой производительностью труда, кулацкое хозяйство, — это путь не наш и мы его не допустим, — или мы найдем у себя ресурсы, необходимые и достаточные для того, чтобы мелкое хозяйство поднять на позиции крупного...».

Понимание сущности и стратегии аграрных преобразований в России учеными-аграрниками — с одной стороны, и политическими вождями — с другой, развело их по разные стороны. Может быть, в другое время все бы закончилось мирными дискуссиями. Но...

В июне 1930 года органами ОГПУ по личному распоряжению Сталина (потребовавшего «прогнать сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т.д.») они были арестованы, а затем расстреляны.

Кульминацией борьбы вокруг перспектив развития сельского хозяйства стал объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), который состоялся 16 — 23 апреля 1929 года. На нем с изложением своей позиции выступил Н.И. Бухарин. Он стоял на той точке зрения, что в данный момент ситуация «позволяет нам сочетать колхозно-совхозное строительство с подъемом индивидуального хозяйства, при систематическом его кооперировании, и в то же самое время не бояться того, что мы прямо говорим о возможности и необходимости развития хозяйства середняков и бедняков». «Ничего здесь ужасного нет, — продолжал он, — и здесь есть еще огромные возможности развития, вопреки целому ряду «новейших» теорий, которые говорят, что никакой такой возможности нет, что здесь все возможности «исчерпаны»». Бухарин выступил за развитие стимулирования индивидуальных крестьянских хозяйств в сочетании с крупными зерновыми хозяйствами типа колхозов и совхозов. Он также подверг резкой критике выдвинутую Сталиным теорию обострения классовой борьбы. Бухарин говорил: «Я называл идиотизмом положение, что мы обострение классовой борьбы должны возвести в закон нашего реконструктивного периода, и что мы должны разжигать классовую борьбу. Вот что я называл идиотизмом, и сейчас так называю».

Бухарина поддержали, к примеру, Рыков, М.П. Томский, Н.А. Угланов. А.И. Рыков очень точно выразил позицию сталинского большинства по аграрному вопросу. Вот что он говорил: «Разница в оценке создавшегося положения восходит, мне кажется, к началу 1928 или даже к концу 1927 года. При оценке прошлогодних затруднений одна часть Политбюро, большинство его, исходило из того, что «мы уже достигли довоенной нормы посевных площадей и валовой продукции...» (Сталин), что «растет и богатеет деревня, вырос и разбогател, прежде всего, кулак», что «три года урожая не прошли даром» и «хлебных излишков в этом году не меньше, чем в прошлом году», что хлеба в стране много и т.д. и т.п. В основе оценки, выраженной в этих и подобных положениях, покоится та главная мысль, что вопрос у нас должен идти не о том, что мало хлеба в стране, не о том, что отстает производство хлеба, а лишь о том, как его взять. «Нужно его уметь взять», — вот один оттенок!»

Рыков выступил, причем в убежденной, категорической форме, за всемерное развитие товарно-денежных отношений «с производителями хлеба». Он подчеркнул, что и «колхоз будет стремиться, на почве рыночных отношений, получать возможно большую цену за свой продукт. Ведь от высоты хлебных цен зависят доходы колхозов, доход организованного в них крестьянства».

Поддержанный большинством в партийном руководстве, Сталин пошел по другому пути. В теоретическом плане вопрос для него был решен. Проблема состояла в следующем: найти подходящую конкретную форму и подходящий механизм изъятия продукта. И такой механизм был найден в возрождении «военно-коммунистических» методов отношения к крестьянству.

На этом же пленуме Рыков предупреждал: «Кое-кто начинает скатываться к совершенно новой постановке вопроса об отношении к мелкому товаропроизводителю. Эта новая постановка в ее последовательном выражении может быть сформулирована так: «...Хозяйственное руководство должно исходить прежде всего из интересов защиты пролетарской диктатуры; при этом может появиться необходимость в военно-коммунистической хозяйственной политике («военный коммунизм»), которая есть нечто иное, как организация рационального потребления в целях военной обороны при системе усиленного нажима на капиталистические группы (конфискация, реквизиция и т.д.), при более или менее полной ликвидации свободной торговли и рыночных отношений, при резком нарушении индивидуалистических хозяйственных стимулов мелкого производителя...».

Откуда взята эта цитата? Из программы Коминтерна, и в ней заключена характеристика... периода военного коммунизма. Многие из этой характеристики теперь в нашей экономической действительности растут очень быстро».

Эволюционный характер новой экономической политики вошел в острое противоречие с запланированным «большим скачком» в индустрии. По выражению Сталина, возникла «необходимость подтянуть, подогнать сельское хозяйство к темпу развития нашей индустрии».

Закономерно возникает вопрос, а какие шансы на выживание имелись у «бухаринской альтернативы» развития сельского хозяйства, у чаяновско — кондратьевского варианта? Думается, что в сложившихся конкретно-



исторических условиях эти два пути аграрных реформ были обречены на провал.

Вначале о «бухаринской альтернативе». По существу, предложения сторонников Бухарина о сбалансированности темпов роста промышленности и сельского хозяйства, по упорядочению ценовых отношений и т.д. были нацелены на продолжение политики классического нэпа. Так или иначе после временной стабилизации вновь наступил бы «хлебный кризис». Такое было в 1925 году, а затем в 1928. Так могло бы произойти в каком-нибудь 193... году. «Бухаринская альтернатива» — ничто иное, как «мягкий, самортизированный» сталинский вариант решения аграрных проблем.

У Сталина и Бухарина была однотипная система политико-экономических воззрений, в частности, на природу и место крестьянства в будущем обществе. Это были «единоверцы», мало чем отличавшиеся друг от друга по «родовым» или, как сейчас говорят, знаковым признакам.

Не могло сталинское руководство использовать в своей политике научные достижения Чайнова и его единомышленников, воззрения и практическая деятельность которых опирались на глубокое и всестороннее познание объективных законов социально-экономического развития сельского хозяйства, общественной системы в целом, выводили на дорогу реалистичного, а не утопического, решения аграрных вопросов\*. Эти ученые связывали будущее деревни с просвещенным крестьянством, прекрасно владеющим искусством земледелия, а значит, и независимым

---

\* Проиллюстрируем это на небольшом примере. В июне 1930 года на совещании у наркома земледелия Яковлева в серьез обсуждался вопрос о ликвидации деревень. Вот фрагмент диалога руководящих деятелей:

*Маркевич:* ...Как уничтожить село. Я считаю, что там, где находятся машинно-тракторные станции — это район наиболее благоприятный в смысле путей сообщения. Скажем, в 35 — 37 году, когда мы по-новому построим нашу жизнь, то мы можем построить там такие же постройки, в этом одном большом центре, какие мы имеем в Москве.

*Яковлев:* Вроде совхозов Зернотреста.

*Маркевич:* Нет. Вроде Торжка, который мы с вами видели, но только без церквей и с лучшими домами. Массовое строительство в десятки раз дешевле. Туда переезжают все те крестьяне, которые живут в своих селах.

*Яковлев:* Зачем переезжают?

*Маркевич:* Села уничтожаются, крестьяне переводятся в город, и при таких условиях крестьянин перестает быть крестьянином, а колхозник быть колхозником».

в своих суждениях и хозяйственных деяниях. Это в корне противоречило командно-административной по своей сути политике «великого перелома», волюнтаристским взглядам и устремлениям ее творцов.

Таким образом, к концу 1920-х годов в стране образовался туго переплетенный узел общественно-экономических противоречий. Их «ножницы» неуклонно расширялись. С одной стороны, естественный ход новой экономической политики требовал глубокой либерализации производственных отношений в аграрном секторе, укрепления товарного характера сельскохозяйственного производства поскольку закон стоимости объективно связан с равноценным обменом между сельским хозяйством и промышленностью. С другой — «левокоммунистическая» политика все более и более отторгала набиравшие «обороты» естественные процессы экономического и социального развития общества. С особой силой это проявилось в ходе преодоления «хлебного кризиса» зимой 1927 — 1928 года. Тогда впервые после гражданской войны — под вывеской борьбы с саботажем «кулаков» — против крестьян в широком масштабе были применены «чрезвычайные меры» репрессивного характера. Но наступление на «кулака» проводилось еще в основном экономическими методами.

Если снять пропагандистскую, идеологическую оболочку с тех мероприятий, которые стали осуществить после XV съезда ВКП(б), то вполне очевидно, что они были направлены против всего класса крестьянства, а не отдельных социально-экономических прослоек.

15 декабря 1928 года ЦИК СССР принял постановление «Общие начала землепользования и землеустройства». Этим документом была подведена правовая база под раскрестьянивание. Статья 1 «Общих начал...» констатировала: «Основой земельного строя Союза ССР, обеспечивающей возможность социалистического строительства в сельском хозяйстве, а также проведение землеустройства и организацию землепользования в интересах основной массы крестьянства — бедняков и середняков, является национализация земли, т.е. отмена навсегда частной собственности на землю и установление на нее исключительно государственной собственности Союза ССР. Всякого рода сделки, нарушающие в прямой или скрытой форме начала национализации земли (купля-продажа, залог, дарение, завещание земли, самовольный противозаконный

обмен землей и т.п.), недействительны и влекут за собою уголовную ответственность участников этих сделок вплоть до лишения их по суду права пользования землей».

Следовательно, земля — главное средство производства в сельском хозяйстве, изымалась у непосредственных производителей и поступала в полную собственность и распоряжение правящей «номенклатуры». Такая ситуация позволяла наращивать давление на свободных землевладельцев, распоряжаться созданными ими продуктами труда, полностью овладеть, помимо политической, и экономической властью.

Сокращалась аренда земли сроком до 6 лет, а причисленным к «кулацким» крестьянским хозяйствам она была полностью запрещена. При проведении обязательного землеустройства у крупных крестьянских хозяйств отрезалась большая часть земельных угодий. В том же 1928 году «кулакам» было запрещено продавать все типы сложных сельскохозяйственных машин, у них были экспропрированы трактора.

В проведении «наступления на кулачество» важное место отводилось налоговой политике. Для усиления обложения так называемых зажиточно-кулацких хозяйств были введены процентные надбавки и индивидуальное обложение. Так, в 1928 — 1929 годы к уплате налога с процентной надбавкой было привлечено от 10 до 12 процентов зажиточных крестьянских хозяйств. Для «кулаков» нормативный метод определения дохода был отменен, и они облагались в индивидуальном порядке, то есть так, как захочет того сельсоветчик. Это открывало «зеленую улицу» произволу, волонтаристскому вмешательству в воспроизводственные процессы аграрной экономики.

Одновременно всячески раздувался миф о росте «кулацкого» террора. Идеологические выдумки подкреплялись конкретной работой карательных органов по пресечению якобы нарастающего вала смертельной опасности со стороны «кулаков». В информационной сводке о деятельности СНК и СТО СССР и ЭКОСО\* при СНК РСФСР в разделе «Карательная политика» сообщалось: «Количественные итоги применения за истекшее время судами

---

\* Экономическое совещание — орган при СНК союзной республики в 1920 — 37 гг. для руководства народнохозяйственной деятельностью, был подчинен СТО.

РСФСР (без автономных республик) мер социальной защиты рисуются в следующем виде: если за первую половину 1928 г. всего было осуждено 466240 чел., то во вторую половину 1928 г. это число возрастает до 489389, т.е. на 5% по сравнению с первой половиной, а в первую половину 1929 г. — до 578247, или на 24%, и во вторую половину 1929 г. — до 637826, т.е. на 36,8% по отношению к первой половине 1928 г. ...Резкое возрастание числа осужденных в первую (на 24%) и в особенности во вторую половину (на 36,8%) в 1929 г. следует объяснить обострившейся классовой борьбой в деревне».

Интересно отметить следующий момент. Экономические интересы при проведении карательной политики против крестьянства были далеко не на последнем месте. В этом же вышеназванном документе особо подчеркивалось: «В течение 1929 г. конфискация имущества играла видную роль в классовой борьбе в деревне, фактически подготавливая раскулачивание кулачества».

Руководство страны внимательно следило за развитием событий в деревне. Становилось ясно, что сохранение и, более того, дальнейшее углубление и расширение новой экономической политики неизбежно связано с усилением позиций самостоятельных товаропроизводителей, прежде всего крестьянских хозяйств. Чем это было чревато? Ответ дал сам Сталин, который, выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года, разъяснял: «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть».

Понятно, что такого хода развития событий допустить было нельзя.

И все же политика раскулачивания в 1928 году была ограниченной, в какой-то степени непоследовательной. Сталинское окружение чувствует зыбкость своего положения, отсюда и неуверенность в проведении «твердой» политики в отношении крестьянства, хотя взятые руководством «бешеные» темпы индустриализации и милитаризации страны требовали колоссальных средств. За это оно подвергается жесткой критике как «слева», так и «справа». Так, представители «децистов» в марте 1928 года распространили документ, в котором упрекали партийно-государственное руководство за слабое «наступление на кулака», противоречивость принимаемых решений,

образно говоря, за «недогибы». По их мнению, руководители партии «одной рукой подписывают кулацкие законы, другой организывают коммунистические продотряды. Одной рукой усиленно помогают росту кулацких элементов, создавая крепко крестьянскую буржуазию, а другой привлекают десятка два кулаков к суду по 107 ст. Или левая рука не знает, что делает правая, или... левые зигзаги и делаются с определенной целью прикрыть правую политику. Последнее, по-видимому, вернее».

Зато «правые» подвергали Сталина за «перегибы», то есть за широкие масштабы применения чрезвычайных мер, усиление «военно-коммунистических» методов в отношениях с крестьянством.

Надо признать, что «центристы» (так в то время политические оппоненты называли сторонников Сталина) оказались более дальновидными и практичными в борьбе за власть. Они сумели сделать в этой борьбе главное: привлечь на свою сторону подавляющую часть нового класса «управленцев», начиная от сельских активистов и кончая руководителями партии и государства. В итоге к лету 1929 года «левые» были разгромлены, оказались в ссылке, а «правые» — нейтрализованы и по существу отстранены от выработки и проведения политики. Это очень важный момент. Сталин был на этот период застрахован от экстремистских шагов «военно-коммунистического» давления и, в то же время, получал простор для проведения чрезвычайных мер в подходящее время.

Летом 1929 года начинается массированное политическое и административное давление на «кулака». Все шире распространяется практика лишения их избирательных прав. «Лишенцы» становились изгоями общества, по существу людьми без гражданства со всеми вытекающими отсюда последствиями. 18 июля 1929 года ЦК ВКП(б) дал указание местным органам «о нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и о необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, пытавшихся разлагать колхозы изнутри». Во исполнение этой директивы сельские партийные организации стали дружно принимать решения о запрещении приема кулаков в колхозы, проводить чистку кооперативов.

Экономические и политические меры изживания «кулака» подкреплялись репрессивными. 3 октября 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву, в которой

предписывалось: «Поручить ОГПУ и НКЮ Остам РСФСР и УССР принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников, и другие контрреволюционные выступления (вроде создания повстанческих организаций кулаков и кадрового офицерства в Нижнем Поволжье).

Проводя соответствующие кары, как правило, через судебные органы, в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ. Соответствующие меры ОГПУ принимает по согласованию с областными РКП(б), а в более важных случаях по согласованию с ЦК ВКП(б)».

Через два дня, 5 октября 1929 года, Политбюро ЦК ВКП(б) дало положительный ответ на ходатайство Средне-Волжского обкома партии о создании особых «троек». Создание репрессивного механизма было поставлено на поток. 29 октября циркуляром ОГПУ в центральном аппарате образовывались «тройки» для предварительного рассмотрения следственных дел и последующего их доклада на заседании коллегии или Особого совещания. «Тройки» незамедлительно приступили к работе.

Чисто пропагандистским было постановление ЦИК и СНК СССР от 16 ноября 1929 года «Об оказании помощи лицам и хозяйствам, пострадавшим от кулацкого насилия». Прочитав этот документ, можно было подумать, что на страну напали безжалостные захватчики, убивающие и все сжигающие на своем пути. Наступление на «кулака» предусматривалось вести по нескольким направлениям, чтобы добиться поставленных целей. В политическом плане это — создание социальной базы, адекватной «левокоммунистической» модели общества, ликвидация политически «ненадежного» класса мелких товаропроизводителей; в экономическом — получение источника для реализации форсированных планов индустриализации экономики и милитаризации, решение социальных проблем, в том числе повышение жизненного уровня бедных слоев населения; в идеологическом — пример воплощения в жизнь идей социального равенства, построения бесклассового и бестоварного общества. Конечно, эти три крупных направления определены с известной степенью условности. На каких-то этапах, в зависимости от конкретных условий, преобладало то или иное направление в наступлении на «кулака».

Но осенью 1929 года наступил момент, когда созрели достаточные условия (в том числе и внешнеполитические — вползание многих капиталистических стран в небывалый в мировой истории экономический кризис) для одновременного наступления по всем направлениям. 7 ноября (символично избрана дата годовщины революции, что совсем не случайно) в «Правде» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома». Вождь заявил, что «партия сумела целесообразно использовать наше отступление на первых стадиях новой экономической политики для того, чтобы потом, на последующих ее стадиях, организовать *перелом* и провести *успешное наступление* на капиталистические элементы».

10 — 17 ноября 1929 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), где были обсуждены доклады председателя Колхозцентра СССР Г.Н. Каминского «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», генерального секретаря ЦК КП(б) Украины С.В. Косиора «О сельском хозяйстве Украины и о работе в деревне», секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова «О союзном Наркомземе». Одно из центральных мест занял вопрос об отношении к «кулаку». На пленуме с короткой речью выступил Сталин. Но это выступление задало соответствующий тон настроениям и позициям остальных ораторов. «В самом деле, — сказал Сталин, — правильна ли наша политика наступления на кулачество? Теперь даже слепые видят, что она безусловно правильна». Его поддержали все выступавшие. В целом их позиция заключалась в следующем: необходимо развернуть решительное наступление на капиталистические элементы деревни.

Важно подчеркнуть, что именно на этом пленуме был выдвинут тезис о необходимости увязки раскулачивания с коллективизацией. Наиболее выразительно и четко эту идею определил Косиор. Он сказал: «Именно по линии переустройства сельского хозяйства мы проведем более жестокий бой с кулачеством. Хлебозаготовки — это есть только часть, отдельный серьезный участок этой борьбы, а главная борьба происходит вокруг социалистического переустройства деревни, против которого выступает кулак». А Молотов дал установку, которая впоследствии успешно выполнялась в течение ряда лет: «Как быть с кулаком. Ответ на этот вопрос вытекает из того, что мы идем теперь развернутым по всему фронту наступлением на капиталистические элементы.

...Поэтому те меры, которые вытекают из такого отношения к кулаку, отношения к нему, как к злейшему и еще недобитому врагу, эти меры будут правильными и необходимыми. Без такого отношения к кулачеству мы не овладеем делом коллективизации».

В итоге пленум принял решение, в котором намечалось «проводить курс на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве, на быстрейшее объединение индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, на подготовку условий для развития планового продуктообмена между городом и деревней». Перспектива была определена четко: построение общества без классов, рынка, товарного производства, а следовательно, как казалось, без эксплуатации человека человеком.

Спрашивается, могло ли руководство страны пойти на отбрасывание новой экономической политики, исходя лишь из собственных замыслов и опираясь на силы «верхушки»? Вряд ли. Нужна была мощная поддержка «низов». Сталин, памятуя о печальном опыте троцкистов, сумел ее обеспечить. Трудное и противоречивое развитие нэпа на протяжении почти всего отрезка 1920-х годов так и не привело к «осереднячиванию», этому утопическому идеалу социального равенства в безбрежном анклав мелкотоварного производства. Сама политика «осереднячивания» противоречила основным законам общественного производства. Несмотря на огромнейшие усилия партии и государства по подъему бедняцких и «укорачиванию» зажиточных слоев (например, с первых вообще снималась налоговая и иная повинность, а на вторых — взваливалось непомерное бремя этих повинностей), деревня так и не была снивелирована ни в социальном, ни в экономическом аспектах.

Бедняки и малоимущие середняки, исходя из опыта хозяйствования на нэповских рельсах, разочаровались в надеждах улучшить жизнь путем самостоятельного индивидуального хозяйствования. Поэтому лозунг массовой коллективизации был ими встречен если не восторженно, то как реальная попытка найти счастливую судьбу на коллективистских началах. Строительство социализма представлялось им некоей религиозной оболочкой, одухотворением новой жизни. В какой-то мере вовлечению довольно большой массы крестьянства в колхозы способствовали также



опыт и показатели хозяйствования первых при Советской власти колхозов. Эти коллективные сельскохозяйственные предприятия действительно функционировали на хозрасчетных началах, в немалой степени используя товарно-денежные отношения и рыночный механизм. Природа этих колхозов мало чего общего имела с социализированными латифундиями, созданными затем в результате сплошной коллективизации. Умелая организация труда и производства позволяла многим из них достигать неплохих результатов, последовательно осуществлять принцип материальной заинтересованности. Тем более что колхозы периода нэпа получали многостороннюю поддержку со стороны государства. Вот почему даже зажиточные крестьяне были не прочь вступить в такой колхоз — и вступали. И когда был объявлен лозунг сплошной коллективизации, крестьяне ориентировались именно на такие коллективные хозяйства, резонно полагая, что в них жизнь может быть если не лучше, то во всяком случае не хуже.

Такая ситуация в определенной степени нейтрализовала сопротивление крестьян насильственным методам коллективизации. Вот почему Сталин вполне обоснованно утверждал, что «мы имеем теперь дело с чрезвычайными мерами нового порядка, подкрепляемыми миллионными массами бедняков и середняков и представляющими составную часть дела наступления на кулачество, дела развития колхозного движения».

И еще одно соображение. Для проведения раскулачивания необходимы были исполнители, причем убежденные в правоте проводимой ими работы. По словам Сталина, сказанным им в апреле 1929 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), «чтобы провести план массового движения за колхозы и совхозы, для этого необходимо прежде всего, чтобы партийную верхушку поддержала в этом деле в первую очередь партия в *своей массе*».

И эта работа была проведена весьма успешно. В 1928 — 1930 годы в деревню была послана целая армия «политических бойцов» и организаторов «новой» жизни. Общая ее численность составила около 250 тысяч человек. Это были люди, не сомневавшиеся в правоте своей миссии и без колебаний выполнявшие «генеральную линию партии». Так, 18 декабря 1929 года комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о районах сплошной коллективизации приняла особо секретное решение, которым предусматривалось

«полностью перевести комвузы и совпартшколы на подготовку работников для коллективизирующихся районов, в частности, выпуск этого года целиком направить в районы сплошной коллективизации». Один из таких «миссионеров», некто Орлов, писал в ЦК ВКП(б): «Мы бодры, как никогда. Мы еще повоюем за реконструкцию сельского хозяйства. Мы не одни, с нами вся партия...».

Вместе с тем нельзя умолчать о ряде других обстоятельств, дополняющих картину «великого перелома» и объясняющих ту сравнительную легкость, с которой сталинскому руководству удалось его осуществить. Они кроются, в частности, в вековых традициях централизованной государственности и общинных крестьянских устоях, которые как бы подпитывали «революцию сверху», гасили остроту социальных конфликтов.

В первую очередь речь идет об институте общины, который имел для судеб российского крестьянства поистине определяющее значение. Действительно, община с ее социально-экономическим микроциклическим организмом значительно облегчила проведение коллективизации. Ведь в сельской общине имелись общественная земля, поделенная на наделы, общественные неделимые покосы, выпасы, общественный страховой фонд зерна в общественных амбарах и т.д. Община — это в принципе готовая форма колхоза, это веками спаянный в единой трудовой деятельности коллектив.

Великолепный знаток русской общины Н.Н. Златовратский очень метко уловил сущность общинника, его духовный настрой. Вот как он живописно описывал один из эпизодов в жизни крестьянской общины: «Настало время сенокоса. Уже не тысячедушная, а масса народа, числом до 3000 душ баб и мужиков, парней и девок, разряженная и гульливая, выступала на широкие пойменные луга, расстилавшиеся кругом, как степь. На этой зеленой площади все три тысячи душ жили одной жизнью, одной мыслью, одним чувством и биением сердец. Что за дело, что каждой из этих трех тысяч душ достанется из этого обширного луга  $1/3000$  часть, величиною, может быть, в  $1/2$  мужицкого лаптя... Может быть, это и плохо, это скудно, но зато он чувствовал себя «хозяином» и царем не одного этого несчастного пол-лаптя, а всей необозримой зеленой степи, по которой рассыпались 3000 душ, его однообщинников!»

Между прочим, еще Карл Маркс, анализируя русскую общину, отмечал, что «привычка крестьянина к *артельным* отношениям облегчает ему переход от parcelлярного хозяйства\* к хозяйству кооперативному...».

Не менее важное значение в успехе «революции сверху» имели вековые традиции централизованной русской государственности. Особая специфика ее развития заставляла «подкреплять» чисто экономические проблемы сильным административным аппаратом и армией. Все это было характерно для российской истории, и, надо полагать, за несколько лет существования нового общественного строя вряд ли удалось разрушить «до основания» то, что складывалось веками, вошло в гены многих и многих поколений.

Итак, «революция сверху», проведенная на рубеже 1920 — 30-х годов, завершилась полной ее победой. «Это был глубочайший революционный переворот, — отмечалось в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года.

Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена *сверху*, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке *снизу* со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь».

Проводимые в дальнейшем реформы по улучшению системы сельскохозяйственного производства сводились в основном или к совершенствованию сложившейся в 1930-е годы структуры «колхозного строя», или к попыткам демонтажа ее отдельных элементов. Однако предпринимаемые усилия не могли обеспечить длительную, стабильную динамику прогресса в деревне, так как намечаемые и реализуемые меры опирались все на те же командно-административные, мобилизационные методы. Вопросы в основном касались организационных, финансовых, материальных мер оказания помощи сельскому хозяйству. Эти меры не вторгались в сферу производственных отношений, не вносили принципиальных, коренных изменений в механизм, способ соединения сельского труженика с землей, средствами производства. Проводились они директивно, из Центра. Все решалось помимо воли

---

\* Семейно-индивидуальное крестьянское хозяйство.

самых крестьян. Крестьянин как был отчужден от земли, так и оставался сторонним наблюдателем за всем происходящим на ней, безразличным к своему труду и его результатам.

Большей частью советское руководство увлекалось постановкой грандиозных задач, выработкой обширных программ, намечало одним махом решить все проблемы. Скольким было различных форумов на самом высоком уровне по сельскому хозяйству, сколько принималось хороших решений, но до конца ни одно из них по существу не было доведено. Все время бежали вперед, выдвигали необоснованные планы, намечали невыполнимые сроки, то есть, отрывались от реальной почвы.

Проходило намеченное время, и опять ставили новые задачи. Не решив одних проблем, брались за следующие, которые в свою очередь снова не решались. И вот уже налицо, так сказать, умножение проблем. Образно говоря, хотели на скорости оторваться от «хвоста» нерешенных вопросов. И все это не оглянувшись назад, не обратившись к прошлому, не проанализировав обстоятельно и хорошие результаты, и негативные явления...

Изменения в политической ситуации в первой половине 1950-х годов открывали возможности перестройки и хозяйственного механизма. Наметился поворот к более полному познанию и использованию объективных экономических законов развития общества. В это время был принят целый ряд важнейших социально-политических решений, с целью улучшить командно-бюрократическую систему управления аграрной экономикой. Историческое значение сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС состояло в том, что партия заявила о возможности одновременного развития высокими темпами тяжелой, легкой промышленности и сельского хозяйства, что стало основой для последующего значительного роста суммы и доли капитальных вложений в развитие аграрного сектора. Впервые также был поставлен вопрос о материальной заинтересованности сельских тружеников в росте производства и увеличении его доходности как одном из коренных принципов хозяйствования.

Стремлением изменить приоритеты и методы экономического строительства явились отмена обязательных поставок в 1958 году, реорганизация МТС, передача техники колхозам и ликвидация натуроплаты в 1959 году,

предпринимавшиеся шаги по отходу от директивного планирования, расширению самостоятельности и инициативы колхозов и совхозов.

Однако все эти меры, с одной стороны, были явно недостаточными для кардинальных перемен в аграрной сфере и осуществлялись нередко волонтаристскими методами, а с другой — сопровождалась субъективистскими ошибками в определении стратегических направлений преобразования деревни, что привело к просчетам в планировании, финансировании и кредитовании сельского хозяйства, в политике цен. Серьезные недостатки имела практика организации заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. Большой вред колхозному и совхозному производству нанесли необоснованные реорганизации руководящих органов, порождавшие обстановку безответственности и неуверенности в работе.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС скорректировал курс от «крутого подъема» просто к «подъему сельского хозяйства». Была предпринята еще одна попытка дать гарантии доходности хозяйств на основе восстановления экономических законов развития социализма, принципов материальной заинтересованности колхозников и работников совхозов в подъеме общественного производства, правильного сочетания общественных и личных интересов. Но все эти шаги в короткий срок были сведены лишь к реализации крупномасштабных, общегосударственных программ, не затрагивавших саму систему хозяйствования на селе.

Серьезные деформации жизнедеятельности на селе были обусловлены многочисленными волевыми кампаниями. Советский крестьянин испытал на себе все тяготы гигантомании в производстве, неоднократного укрупнения и разукрупнения хозяйств, массового преобразования колхозов в совхозы, курса на ликвидацию так называемых «неперспективных» деревень с разрушением в них социальной инфраструктуры, всевозможных ограничений и запретов в отношении сельских подворий и разнообразных промыслов.

Многие годы бездумно выхолащивались в образе жизни крестьянства его здоровые хозяйские порывы. Всевозможными директивами и окриками старались всех снивелировать, выстроить в одну шеренгу различные человеческие натуры, отличающиеся по характеру, смекалке и хозяйственной предприимчивости.

И в быту, духовном развитии сельских жителей стала преобладать бюрократическая ритуальность, затруднявшая решение самых элементарных вопросов с позиции здравого смысла. Любые индивидуальные или коллективные попытки улучшения деревенской жизни наталкивались на непробиваемую стену запретительных инструкций. Каждый самостоятельный шаг сельских руководителей и рядовых тружеников находился под мелочной опекой, унижительным надзирательством и оскорбительным подозрением различных контролирующих управителей.

Темпы роста административно-управленческого аппарата значительно превышали темпы роста производства сельскохозяйственной продукции. При этом в создаваемые новые органы, как правило, отбирались лучшие кадры специалистов. Там они под руководством аппаратчиков быстро превращались в канцелярских работников, специализируясь на составлении отчетов и справок вышестоящим органам и на передаче их директив непосредственно в хозяйства. Бюрократизация самого управленческого корпуса способствовала формированию такого типа руководителей, которые были теоретически и экономически невосприимчивы к новым формам хозяйствования и заботились главным образом о своем благополучии.

Таким образом, оторвав человека от земли, от средств производства, основательно подорвали саму психологию крестьянина. Из хозяина на своей земле его сделали поденщиком. Именно поэтому не решились на должном уровне продовольственный вопрос, а в социально-политическом плане курс на раскрестьянивание привел в ряде мест к трагическому состоянию деревни.

Что делать? Десятки лет этот вопрос пытались решить путем «крутого подъема сельского хозяйства», «резкого увеличения сельскохозяйственного производства» — и мало чего добивались. Только в 1980-е годы под напором «снизу» он закономерно перешел в плоскость «возрождения» крестьянства. А для этого требовалось осознать прошлое, уже прилично подзабытое, выявить корни, которые были подрублены «революцией сверху», восстановить вековые традиции и устои, которые всегда наполняли крестьянский труд, сельскую жизнь животворящим соком. Без всего этого найти правильную дорогу к возрождению крестьянства было очень и очень непросто.

Так оно и вышло. В нынешнее время «демократии» легко впали в новую утопию типа «фермеризации», не осознав заново положительные стороны общинного землепользования, общинного бытия, той огромной роли, которую играла община в жизни российского крестьянства, без чего вообще трудно себе представить решение его судеб.

Главное — не только в форме организации труда, а в том, чтобы возродить крестьянскую цивилизацию во всей полноте и многообразии, вернуть хлебороба на землю — как свободного, самостоятельного и творческого работника, со всем его самобытным жизненным укладом, философией и культурой, открыть ему широкую дорогу к лучшей доле, действительно счастливой жизни.

Вспомним, как развивались события в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик». Помещику надоели мужики, навозный запах, рев скота. В конце концов ему удалось выдворить из своих владений мужиков. И был он очень доволен, что и хлопот стало меньше, и воздух чище. Однако со временем одичал, оголодал помещик без мужика. Совсем стало плохо и казне, многим другим в этом уезде.

*«Обеспокоились начальники и собрали совет. Решили: мужика изловить и водворить, а глупому помещику, который всей смуте зачинщик, наиделикатнейше внушить, чтобы он фанфаронства свои прекратил и поступлению в казначейство податей препятствия не чинил.*

*Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрала, посадили в плетушку и послали в уезд.*

*И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую грудку денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:*

*— И откуда вы, шельмы, берете!!»*

Финал мудрой сказки заставляет о многом задуматься. И прежде всего, о неразделимости судеб крестьянства с судьбами всего народа, всех сословий общества. Если процветает земледелец, то процветает и вся страна. И наоборот. Тому уроки сложной и великой по своему трагизму и героике российской истории.

***Историческая справка  
об административно-территориальном делении СССР  
в 1930-е годы***

В дореволюционной России существовала губернско-уездная система административно-территориального деления страны. В ее основе лежал принцип распределения населения по регионам. После Октябрьской революции 1917 года был взят курс на обеспечение всем нациям и народам России равенства и суверенности, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Это нашло свое выражение в создании независимых советских республик, а также в образовании автономных республик и автономных областей, национальных округов, районов и сельсоветов.

В течение 1920-х годов шел непрерывный процесс совершенствования и приспособления административно-территориальной структуры СССР к новым политическим и экономическим условиям страны. Особо важное значение для административно-территориального строительства имели решения XII съезда ВКП(б) о районировании. Вначале административная реформа проводилась на ограниченной территории. В ноябре 1923 года была образована Уральская область, в 1924 году — Юго-Восточный край, переименованный затем в Северо-Кавказский край. На Украине районирование проводилось в течение 1923—1925 годов. Территория Украинской ССР была поделена на округа и районы. Вскоре и в РСФСР были образованы новые края и области.

Советское руководство приняло решение о завершении в первой пятилетке районирования всей страны. Для чего это было нужно? Главная цель состояла в обеспечении плано-централизованного управления растущим высокими темпами народным хозяйством. Губернии упразднялись, а на их территории возникли новые краевые и областные образования: Северный край с центром в г.Архангельске, Западная область с центром в г.Смоленске, Нижегородская область с центром в г.Нижнем Новгороде, Центрально-Промышленная область с центром в г.Москве и Ивановская промышленная область с центром в г.Иваново-Вознесенске. В итоге к началу 1930 года по всей территории СССР было введено новое районирование. Края и области существовали



только в РСФСР. Территория остальных союзных республик разделялась лишь на округа и районы.

Созданная в 1925–1930 годы окружная система как переходная ступень от губернского-уездного деления к новому областному и районному делению выполнила свою роль. Поэтому в начале 1930-х годов округа были упразднены, и все внимание было направлено на укрепление районов как основного звена в управлении сельским хозяйством. В первую очередь это было связано с проведением массовой коллективизации и раскулачивания. Дело в том, что окружное партийно-государственное руководство, органы госбезопасности в силу своей удаленности от сел и деревень не могли столь оперативно и тщательно осуществлять и контролировать эти процессы. Надо было их приблизить к селам, колхозам, крестьянам. Некоторые окружные центры были расположены в десятках, а то и в доброй сотне километров от основной массы сельских поселений. Поэтому и было принято такое решение. С упразднением округов права окрисполкомов, а также находившиеся в их ведении источники доходов, многие предприятия и социально-культурные учреждения были переданы райисполкомам. Вот почему основную работу по коллективизации и раскулачиванию проводили районные партийные, советские и силовые структуры.

В эти же годы началось и разукрупнение областей и краев, введение областного деления в тех союзных республиках, где его еще не было. Например, Уральская область была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области. Нижне-Волжский край разделили на Саратовскую и Сталинградскую области. Увеличилось число областей и на Дальнем Востоке. Было осуществлено разукрупнение Горьковского, Средне-Волжского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев, а также Московской, Западной, Ленинградской и Ивановской областей. В 1932 году на Украине были образованы Винницкая, Днепропетровская, Донецкая, Киевская, Одесская и Харьковская области. Соответственно упразднились округа.

В 1937 году, после принятия новой Конституции СССР, в стране насчитывалось 5 краев, 42 области, 26 округов, 9 национальных округов, 3307 районов, 62585 сельсоветов. Однако административно-территориальные преобразования, хотя и не в таких масштабах, продолжались и в последующие годы.

**Алфавитный указатель**  
встречающихся в книге низовых  
административно-территориальных структур

**Районы:**

- Александровский район (Амурский округ) — 61  
Анапский район — 132  
Апшеронский район — 63  
Ачитинский район (Уральская область) — 101  
Барановский район (Житомирская область) — 183  
Бежецкий район — 262  
Белебеевский кантон (район) — 87  
Белоцерковский район — 35  
Буденновский район (Ставропольский край) — 100  
Верховский район (Орловский округ) — 256  
Визовский район (Украинская ССР) — 123  
Владимирский район — 137  
Волковинецкий район (Проскуровский округ) — 34  
Гжатский район — 252  
Глазовский район — 259  
Дубровский район (Белорусская ССР) — 89  
Енисейский район — 264  
Епотаевский район — 137  
Жарковский район (Калининская область) — 259  
Калининский район (Уральская область) — 25  
Каширинский район — 47  
Кореневский район (Львовский округ) — 74  
Котельниковский район (Сталинский округ) — 144  
Котласский район — 158, 161, 162  
Краснодарский район (Кубанский округ) — 75, 117, 120  
Круглянский район (Оршанский округ) — 37  
Купянский район (Барабинский округ) — 103  
Куяганский район (Бийский округ) — 26  
К.Чепецкий район (Кировская область) — 80  
Ламенский район (Ишимский округ) — 31  
Литчинский район — 29  
Лодейнопольский район (Ленинградская область) — 86  
Лосевский район — 138  
Манчажский район (Уральская область) — 115  
Месягутовский кантон (район) — 82  
Мечетинский район — 244

- Муромцевский район (Сибирский край) — 117  
Нижне-Ломовский район (Пензенская область) — 21  
Николаевский район (Нижне-Волжский край) — 52, 93  
Ново-Одесский район — 67  
Новоузенский район — 105  
Погарский район (Зиновьевская область) — 242  
Почепский район (Западная область) — 107  
Радиевский район — 45  
Ржакский район (Тамбовский округ) — 281  
Рыльский район (Центрально-Черноземная область) — 135  
Ряжский район — 83  
Сальский район — 285  
Самойловский район (Балашевский округ) — 231  
Сасовский район (Тамбовский округ) — 270  
Свердлово-Сухонский район — 122  
Седельниковский район (Омская область) — 118  
Серебрянопрудский район — 269  
Сокулукский район (Киргизская ССР) — 99  
Солтонский район (Бийский округ) — 27  
Сочинский район — 68  
Старобельский район — 59  
Старо-Юрьевский район — 44  
Суражский район (Витебский округ) — 50  
Тайшетский район — 129  
Тарусский район (Серпуховский округ) — 92  
Теофипольский район (Украинская ССР) — 128  
Торопецкий район (Тверская область) — 110  
Троицкий район (Ворошиловградская область) — 210  
Туровский район (Белорусская ССР) — 106  
Чапаевский район — 84  
Черкасский район — 70  
Черноярский район — 137  
Чернушинский район (Сарапульский округ) — 272  
Чернышевский район (Стретенский округ) — 135  
Чуст-Папский район (Киргизская ССР) — 125  
Шахтинский район — 157  
Шиткинский район — 129  
Яминский район (Бийский округ) — 29

***Сельсоветы:***

- Акимовский сельсовет — 135  
Больше-Чечелевский сельсовет (Зиновьевский округ) — 26

- Великовский сельсовет — 65  
Волчанский сельсовет — 84  
Гладковский сельсовет — 44  
Гражданский сельсовет — 84  
Запольский сельсовет (Витебский округ) — 50  
Зубковский сельсовет (Смоленская область) — 257  
Ирбито-Вершинский сельсовет (Уральская область) — 64  
Каменно-Бродский сельсовет (Средне-Волжский край) — 84  
Кармацкий сельсовет — 32  
Качкашуроский сельсовет — 261  
Котовский сельсовет — 283  
Латышский сельсовет (Башкирская АССР) — 207  
Лесковский сельсовет (Елецкий округ) — 130  
Лошницкий сельсовет (Белорусская ССР) — 85  
Малышенский сельсовет — 33  
Межовский сельсовет (Оршанский округ) — 96  
Михайловский сельсовет — 33  
Мошковский сельсовет (Оршанский округ) — 37  
П. Каменский сельсовет — 46  
Покрово-Раменский сельсовет (Рыбинский округ) — 254  
Понинский сельсовет — 259  
Пудотский сельсовет (Витебский округ) — 50  
Рабангский сельсовет (Вологодский округ) — 122  
Согорчинский сельсовет (Казахская ССР) — 188  
Сростинский сельсовет (Бийский округ) — 26  
Торумовский сельсовет — 255  
Турмодеевский сельсовет (Рязанский округ) — 56  
Успенский сельсовет (Сибирский край) — 136  
Чеснорский сельсовет (Великолуцкий округ) — 51

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ</i> .....	5
<i>РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ</i>	
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ — КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ .....	11
<i>РАЗДЕЛ ВТОРОЙ</i>	
СОПРОТИВЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ .....	111
<i>РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ</i>	
ССЫЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ .....	139
<i>РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ</i>	
ВЕЛИКИЙ ГОЛОД .....	181
<i>РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ</i>	
ТВОРЦЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ .....	217
<i>РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ</i>	
ИЗ ПОЧТЫ АВТОРА .....	289
<i>ЭПИЛОГ</i>	
ИТОГИ И НАДЕЖДЫ .....	381
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ</i> .....	408

**Николай Васильевич Тепцов**  
**В ДНИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА**

Научный редактор

***В.А. Миронов***

Художественное оформление

***Е.А. Ененко***

Дизайн и цветоделение

***А.О. Муравенко***

Компьютерная верстка

***О.Н. Панченко***

ИД № 02635 от 28.08.2000

Подписано в печать 19.12.2001. Бумага офсетная № 1.

Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,68. 1-ый завод 3000 экз.

Тираж 5 000 экз. Заказ 2437.

Издательский дом «Звонница». 103030, Москва, ул.Сушевская, 21.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУИПП «Курск».

305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.